

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2018

№ 54

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского государственного университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории; **Воробьева Вероника Сергеевна**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, зав. кафедры современной отечественной истории; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, проф. кафедры музеологии, природного и культурного наследия; **Троицкий Евгений Флорентьевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики; **Фоминих Сергей Федорович**, д-р ист. наук, проф. кафедры современной отечественной истории; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф. кафедры археологии и исторического краеведения

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus’» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History; **Vorobyeva Veronika S.**, Executive Editor, PhD (History), Assistant of department of Ancient and Middle Ages and Methodology of History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor of the Department of Modern Russian History; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Historu and Documentary Studies; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Батоев С.Д. Начало институционализации здравоохранения Забайкалья в дореволюционный период	5
Бодрова Е.В. Строительство каспийско-черноморского трубопровода: выбор экономической стратегии развития России во второй половине XIX в.	10
Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации	17
Дворцова О.В. Из истории становления системы коммерческого образования в Томске	27
Долгих С.О. Казачество в контексте истории локальных конфликтов конца XX в.	33
Дунбинский И.А., Некрылов С.А. Василий Маркович Флоринский и первый сибирский университет в городе Томске	38
Керимов А.А. Ретроспективный взгляд на эволюцию теории и практики парламентаризма в России	45
Скобелев С.Г. Основные особенности планировки русских острогов Средней Сибири по описаниям Г.Ф. Миллера	53
Столетова А.С. Кадровый состав библиотек Европейского Севера России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей)	59
Чуркина Н.И. Идеалы и механизмы воспитания в тоталитарных обществах (Германия и СССР в 30–40-е гг. XX в.)	65

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Коростелёва И.Н. «Альтернатива для Германии» как ответ на миграционный кризис в Германии	69
Кручинина Н.А. Между «новым» и либеральным консерватизмом: споры вокруг социальной программы Консервативной партии Великобритании 20–30-х гг. XX в.	73
Сетхи С.С., Юн С.М. Перспективы развития экономических связей Индии с Россией и Евразийским экономическим союзом с учетом влияния санкционных режимов в отношениях России с Евросоюзом и Турцией (2014–2015 гг.)	81
Хакимов А.Ш. «Героическая гибкость» – новая внешнеполитическая доктрина Ирана	86

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Шевцов В.В., Першиков А.Н., Бабута М.Н. Трансформация и функционирование советской модели научно-технической информации в 50–60-е гг. XX в. (общегосударственный и региональный аспекты)	90
Миркин В.В. Пути модернизации городских телефонных сетей СССР в послевоенный период (1945–1965 гг.)	96
Синельникова Е.Ф., Соболев В.С. Протоколы собраний Философского общества при Санкт-Петербургском университете как источник по истории отечественной науки	101

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Галиуллина С.Д., Кобякова Т.И., Сунцова Н.Л., Герасимова Д.И. Теоретико-методологические основы формирования социальной защиты в Российской империи	110
Трубникова Н.В. Зачем истории нужна теория? «Зерна и плевелы» концепций социального познания на ниве исторического исследования в конце XIX – начале XX в.	115

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Batoev S.D. Beginning of institutionalization of healthcare in Transbaikalia in imperial period	5
Bodrova E.V. The construction of the Caspian - Black sea pipeline: the choice of economic strategy of development of Russia in the second half of the 19-th century	10
Vasilyev D.V., Lyubichankovskiy S.V. The Russian power in the Turkestan region: visualization of imperial space as acculturation factor	17
Dvortsova O.V. From the history of the formation of the system of commercial education in Tomsk	27
Dolgikh S.O. Cossacks in the history of the local conflicts in the end of the XX century	33
Dunbinskiy I.A., Nekrylov S.A. Vasily Markovich Florinsky and the first Siberian University	38
Kerimov A.A. Retrospective view on the evolution of the theory and practice of parliamentarism in Russia	45
Skobelev S.G. Basic layout types of the Russian forts in Middle Siberia on descriptions of G.F. Miller	53
Stoletova A.S. The staff of the libraries in the European North of Russia in 1950–1960-ies (on the example of the Arkhangelsk and Vologda regions)	59
Churkina N.I. The ideals and up-bringing mechanisms in totalitarian societies (Germany and the USSR in 30–40s years of the XX century)	65

PROBLEMS OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATION

Korosteleva I.N. "Alternative for Germany" as a response to the migration crisis in Germany	69
Kruchinina N.A. Between new and liberal conservatism: debates about the social programme of the Conservative party of United Kingdom in 1920–1930s	73
Sethi S.S., Yun S.M. Prospects for the development of India's economic ties with Russia and the Eurasian Economic Union, taking into account the impact of sanctions regimes in Russia's relations with the European Union and Turkey (2014–2015)	81
Hakimov A.Sh. "Heroic flexibility" is a new international political doctrine of Iran	86

PROBLEMS OF HISTORY OF SCIENCE AND TECHNIC

Shevtsov V.V., Pershikov A.N., Babuta M.N. Transformation and functioning of soviet model of scientific and technical information in 50–60 years of the XX century	90
Mirkin V.V. Ways of modernization of the city telephone networks of the USSR in the post-war period (1945–1965)	96
Sinelnikova E.F., Sobolev V.S. The meetings minutes of the Philosophical society at St. Petersburg University as a source on history of Russian science	101

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Galiullina S.D., Kobiakova T.I., Sunzova N.L., Gerasimova D.I. Theoretic-methodological bases of formation of social protection in the Russian empire	110
Trubnikova N.V. Why history needs a theory? "Grain and tares" social knowledge concepts in the vineyards of historical research	115

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

Акматов К.Т. Реконструкция снаряжения верхового коня кочевников Тянь-Шаня в монгольское время	122
Березовская Н.В., Волков В.Г., Тучкова Н.А. Происхождение селькупов в свете междисциплинарного подхода (археология, генетика, лингвистика, историческая этнология)	128
Боброва Л.Ю., Герман П.В. Лысая гора на р. Яе: местонахождение памятника	139
Головнев И.А., Головнева Е.В. «Девушка с Камчатки»: образ региона в фильме А. Литвинова	148
Епимахов А.В., Чечушков И.В. «Ex oriente lux»? Генезис колесницы в свете новейших данных археологии	155
Лукинский Н.А., Шерстова Л.И. Пекинская опера: происхождение и эволюция	161
Шульга Д.П., Шульга П.И. Данные о формировании культуры Маоцингоу (Северный Китай)	166

РЕЦЕНЗИИ

Белгородская Л.В. Рецензия: Лорен Грэхэм «Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России». М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.	169
Рязанов С.М. Рецензия: Д.М. Софьин. Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М. : Елисаветинско-Сергиевское просветит. об-во, 2016. 240 с.	172
Троицкий Е.Ф., Сетхи С.С. Рецензия: Харш В. Пант, Йогеш Джоши. Американский поворот и внешняя политика Индии: меняющийся баланс сил в Азии. Нью-Йорк : Палгрейв Макмиллан, 2016. 154 с.	176
Шевцов В.В. Рецензия: Агапов В.Л., Прудкогляд Т.В. Дальневосточные журналисты: невыдуманные истории газетных войн начала XX века [электронный ресурс]. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2017. ISBN 978-5-7444-3842-5	178

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Баяндин В.И., Запорожченко А.В. Конференция по военной истории России	180
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	182

PROBLEMS OF ETHNOGRAPHY AND ARCHEOLOGY

Akmatov K.T. Reconstruction of the horse trappings of the Tien Shan nomads in the Mongol epoch	122
Berezovskaja N.V., Volkov V.G., Tuchkova N.A. The origins of the selkups in the light of interdisciplinary approach (archaeology, genetics, linguistics, historical ethnography)	128
Bobrova L.Yu., German P.V. Lysaya mountain on the river Yaya: location of the site	139
Golovnev I.A., Golovneva E.V. "Girl from Kamchatka": the image of the region in the film of A. Litvinov	148
Epimakhov A.V., Chechushkov I.V. "Ex oriente lux"? The genesis of the chariot in the light of the latest archeology data	155
Lukinskiy N.A., Sherstova L.I. Beijing opera: origins and evolution	161
Shulga D.P., Shulga P.I. Maoqinggou culture formation data (North China)	166

REVIEW

Belgorodskaya L.V. Review: Lauren Graham "Will Russia be able to compete? The history of innovations in tsarist, Soviet and modern Russia". M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2014. 272 p.	169
Ryazanov S.M. Review: D.M. Sofyin. Grand duke Sergei Alexandrovich: the path of the Russian conservative. M. : Elisavetinsky-Sergievskoe enlightenment society, 2016. 240 p.	172
Troizkiy E.F., Sethi S.S. Review: Harsh V. Pant, Yogesh Joshi. The US pivot and Indian foreign policy: Asia's evolving balance of power. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, N.Y. : Palgrave Macmillan, 2016. 154 p.	176
Shevtsov V.V. Review: Agapov V.I., Prudkoglyad T.V. Journalists of the Russian Far East: nonfictional stories of newspaper wars of the beginning of the 20th century [electronic resource]. Vladivostok: Far Eastern federal university, 2017. ISBN 978-5-7444-3842-5	178

SCIENTIFIC LIFE

Bayandin V.I., Zaporozhchenko A.V. Conference on the military history of Russia	180
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	182

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 614.2 (212)
DOI: 10.17223/19988613/54/1

С.Д. Батоев

НАЧАЛО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Рассматривается дореволюционный период организации здравоохранения Забайкалья, который протекал на территории с существенными климатогеографическими, конфессиональными, демографическими особенностями. Проанализированы условия, приведшие к реформированию различных форм оказания медицинской помощи населению. Социально-экономическая политика правительства обусловила переход к институционализации здравоохранения Забайкалья в 90-е гг. XIX в., что имело прогрессивное значение для дальнейшего развития региона.

Ключевые слова: горный лазарет; военный лазарет; эпидемии; Забайкальское общество врачей; Российское общество Красного Креста.

Малонаселенная огромная территория Забайкалья в начале XVIII в. была официально закреплена в составе Российской империи. Первоначальные резкие этнокультурные различия населения обусловили более длительный процесс интеграции региона в единое административное, социально-экономическое пространство страны. Отдаленность от центра, климатогеографические, демографические условия слишком ярко отразились на социально-экономическом развитии края и надолго остановили его возможное процветание [1. С. 69].

Таким образом, Забайкалье еще не играло существенной роли в экономическом смысле, а оказалось единственным краем, где на всем протяжении южной границы России шла караванная торговля с Китаем и доходы от нее составляли существенный вклад в казну империи [2. С. 141]. До начала второй половины XVIII в. правительство продолжало рассматривать Забайкалье как большую торговую точку [Там же. С. 201]. В это время золото в России еще не было открыто, а серебро добывалось в незначительном количестве, казна вынуждена была приобретать эти металлы на стороне, поэтому шла покупка китайского золота [Там же. С. 232]. Необходимо отметить, что в Забайкалье впервые для страны было добыто серебро (1704 г.) и золото (1722 г.) [Там же. С. 190–191]. С организации Нерчинского горного округа впервые в конце первой половины XVIII в. (1741 г.) возникают предпосылки для зарождения государственного медицинского дела в Забайкалье, когда определилась существенная необходимость призрения больных служителей, рабочих серебряноплавильных заводов, воинских чинов и членов их семей из-за высокой заболеваемости и смертности.

До начала XVIII в. регулярных войск в Сибири не было. В 1727 г. по крупным по тому времени сибирским городам уже стояли гарнизонные полки. Основой военных формирований Сибири являлись казаки [3.

С. 80]. В 1734 г. в Забайкалье находились войска в количестве 6 324 человек, состоявшие из Якутского полка (Тобольский гарнизонный полк Указом от 6 ноября 1727 г. переименован в Якутский), находившегося в Нерчинске (ныне Забайкальский край) и Селенгинске (ныне Республика Бурятия) в количестве 639 человек. А также нерегулярные войска дворян и детей, боярских и служащих в количестве 882 человек и ясачных питомцев 4 803 человека [2. С. 177]. К 1761 г. количество проживающего в Забайкалье населения постепенно увеличивалось и уже насчитывало пашенных крестьян и податного сословия – 9 370 человек, горнозаводских крестьян – 6 529, солдат и их семейств – 3 343, привилегированного сословия – 300, инородцев – 12 тыс. человек; итого 31 542 человека [Там же. С. 221]. Из регулярных войск оставался Якутский гарнизонный полк и в 1761 г. был дополнительно сформирован казачий полк пятисотенного состава из местных тунгусов для пограничной службы [Там же. С. 223]. Уже в 1764 г. из селенгинских бурят образовано четыре полка шестисотенного состава. Все эти полки несут пограничную службу [4. С. 4]. До XVIII столетия военных медицинских учреждений в Сибири не было. В конце XVII – начале XVIII в. в России сложилась более или менее устойчивая система медицинского обеспечения войск. Полковые лазареты формировались в местах постоянного расквартирования военных частей [5. С. 151–152]. Вслед за впервые организованным военным госпиталем в Тобольске в 1735 г., госпитали были открыты в крупных по тому времени городах Сибири [3. С. 81–83].

Таким образом, необходимость решения пограничных и внутренних военных задач создает условия для возникновения военной медицины в начале второй половины XVIII в., которые реализуются в открытии военных лазаретов в Селенгинске (1765 г.), где работал лекарь Петр Лебедев и Верхнеудинске (Улан-Удэ) в

конце 80-х гг. XVIII в. – лекарь И.Ф. Ресслейн. В этот же период осуществляется попытка подготовки лекарственных учеников в местных госпитальных школах при лазаретах, что, в общем-то, имело прогрессивное значение для региона, ввиду полнейшей нехватки квалифицированного медицинского персонала. В 1762 г. первая «госпитальная школа» была открыта в Восточном Забайкалье при Нерчинско-Заводском госпитале подлекарем Егором Томиловым [6. С. 464]. Воспитанники школы после 6–8 лет практического обучения в основном направлялись в качестве «разъездных по деревням». Такие же госпитальные медицинские школы возникли позднее и при других крупных госпиталях Нерчинского горного округа – Дучарском, Кутомарском, Петровском, где имелись врачи.

В Западном Забайкалье первым преподавателем медицины стал Петр Лебедев, организовавший в Селенгинске госпитальную школу при лазарете. Позднее, прекрасно зная и понимая лечебную нужду края и полную ее необеспеченность медицинским персоналом, лекарь И.Ф. Ресслейн также на добровольных началах набрал учеников, которые «для народной пользы ему вспомоществование могут» во всех селениях, особенно при эпидемиях. Назначенных учеников И.Ф. Ресслейн обучал медико-хирургическим навыкам, латинской грамоте, лечению наружных и внутренних болезней и анатомической науке [7. С. 45–63].

Эта система обучения на местах просуществовала более 100 лет и позволила подготовить определенное количество специалистов медицинского профиля [8. С. 261]. В XVIII – начале XX в. смертность от натуральной оспы в Забайкалье оставалась высокой. В связи с этим актуальной задачей государственной охраны здоровья населения Забайкалья стало оспопрививание. Оспопрививание в Забайкалье началось во второй половине XVIII в., однако оно еще не носило планомерный характер, проводилось нерегулярно и осуществлялось врачами-энтузиастами методом вариоляции. При этом отмечались различные осложнения (сифилис, рожа, натуральная оспа), а в некоторых случаях и с летальным исходом. Коренное бурятское население в целом охотно подвергалось оспопрививанию, но специалистов-оспопрививателей и вакцины постоянно не хватало. Жители старообрядческих сел ввиду своего образа жизни долго сопротивлялись массовой вакцинации против натуральной оспы. Приоритетные меры по охране здоровья населения были направлены, прежде всего, на предупреждение опасных инфекционных заболеваний. На основании Указа Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского Иркутское губернское правительство 18 и 21 августа 1811 г. приняло постановление о предохранительной прививке от коревой оспы [9. Л. 1]. Итак, статус государственных мероприятий оспопрививание в Забайкалье приобрело в начале XIX в. (1811 г.) и получило полноценное и своевременное развитие в общей схеме медицинских задач дореволюционной России.

Фактическая доступность народной, тибетской медицины вплоть до начала XX в. компенсировала слабость государственной медицинской помощи коренному и старообрядческому населению. Основная часть медицинских мер, направленных на организацию охраны здоровья на рубеже XVIII – первой половины XIX в., приходилась на окружные города Верхнеудинск, Нерчинск и крупный торговый центр Кяхта. В виду важной геополитической роли Забайкалья для освоения Амура и Дальнего Востока в середине XIX в. (1851 г.) в результате проводимых административно-территориальных реформ образована особая Забайкальская область, объединившая в себе земли Западного и Восточного Забайкалья. Таким образом, выявленные существенные особенности предопределили истоки зарождения и развития медицинского дела в регионе и первыми лечебными учреждениями стали соответственно горные и военные лазареты.

Проблема малонаселенности области решалась административным путем, при этом не всегда в полной мере учитывались интересы коренного населения. Сельское хозяйство, которое преобладало в Забайкалье, велось отсталым, примитивным способом и отличалось низкой продуктивностью и производительностью труда. Промышленность была слабо развита, преобладали кустарные предприятия, пролетариат был малочислен, а национальный отсутствовал. Тем не менее с 30-х гг. XIX в. капиталистический уклад стал определять тенденцию индустриального развития Сибири. Капиталистическое предпринимательство с этого времени в золотопромышленности, а еще ранее в речном транспорте, рыбопромышленности, торговле стало главным [10. С. 250]. В данном случае стратегические цели империи по экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири в состав национального Российского государства не только сливались и взаимно дополняли друг друга, но и приобретали новые очертания [Там же. С. 243]. С повышением экономического благосостояния городов расширяются первые городские гражданские больницы, подчиняющиеся Иркутскому приказу общественного призрения, открывается первая гражданская больница в областном городе Чите (1894 г.), которая уже очень быстро совместными усилиями руководства области, администрации города и медицинской ответственности превращается в крупное лечебно-диагностическое учреждение Забайкальской области.

В конце XIX – начале XX в. в результате реорганизации государственной политики, возникают необходимость и условия для более серьезного развития здравоохранения Забайкалья в виде расширения сети лечебных заведений, постепенного увеличения кадрового потенциала. На волне общественного подъема 60–70-х гг. XIX в., медицинские общества создаются в массовом порядке, в том числе в российской провинции [11. С. 88]. Экономическое и культурное развитие Сибири во второй половине XIX в., приток новых специалистов, в том числе врачей, в немалой степени способствовали оживлению

общественной жизни, объединению культурных и научных сил, расширению и углублению работы по исследованию края. Как российское правительство, так и местная администрация уже хорошо понимали, что развитие экономики Забайкальской области невозможно без создания в ней собственного культурного и научного потенциала [12. С. 6]. Таким образом, вторым в Восточной Сибири после Иркутска (1858 г.) было создано Забайкальское общество врачей. Устав утвержден 16 октября 1892 г., а 14 января 1893 г. члены Общества собрались на свое первое заседание [13. Л. 3–9]. Эту дату принято считать днем рождения Забайкальского общества врачей, ежегодно в это время проводили итоговое годовое заседание общества. Был утвержден Устав Забайкальского общества врачей г. Чита [Там же. Л. 11].

Итак, в конце второй половины XIX в. насущная потребность в научно-методическом единении совокупной деятельности врачей стала более востребованной и необходимой. Организованное Забайкальское общество врачей, безусловно, сыграло положительную роль в улучшении здравоохранения Забайкальской области. Большая организационно-методическая, лечебно-профилактическая, учебная и благотворительная деятельность общества приносила определенные успехи в деле организации квалифицированной медицинской помощи населению области. На заседаниях общества врачи стали иметь возможность обсуждать успехи и проблемы своей медицинской деятельности. Приглашение на эти заседания помощников врачей значительно обогащало знания и опыт последних. Ведь при сохраняющемся дефиците врачей их практическая лечебная деятельность была крайне необходимой. Издание собственного медицинского журнала, хоть и в конце деятельности Забайкальского общества врачей, также способствовало позитивному направлению охраны здоровья населения. Само предисловие первого номера красноречиво говорит о крайне важной необходимости соблюдения преемственности в медицинском деле, о безусловном каждодневном обучении и расширении научно-практического кругозора врача. Все это в совокупности на рубеже конца XIX – начала XX в. означало высокий научный и нравственный потенциал членов медицинской общественности Забайкалья, которые и в российской глубинке с успехом применяли последние достижения мировой и отечественной медицины в своей лечебно-диагностической и профилактической работе.

Основным направлением городских санитарных организаций являлась борьба с эпидемиями. В тех городах, где были созданы санитарные органы при управах, формы противозидемической работы были заметно усовершенствованы. Разработан вопрос о необходимости превентивных мер: организации учета заболеваемости, санитарно-статистических исследований, постоянного санитарного надзора [11. С. 149–150]. Согласно положению о Забайкальской области, организован Областной комитет общественного здоровья. 10 ноября 1852 г. в Областной комитет общественного здоровья

прибыли: Председатель комитета военный губернатор Забайкальской области генерал-майор Павел Запольский, старший советник Забайкальского общественного правления, надворный советник Федор Флюхрат, инспектор медицинской части Забайкальской области надворный советник Николай Ворожцов. Члены комитета: Читинской Архангельской церкви протоиерей Константин Стуков, Читинский полицеймейстер, состоящий по армии подпоручик Карл Туловский и Нерчинско-Заводской 3-й гильдии купец Саватий Чистохин. Целью проведенного данного совещания была дальнейшая разработка задач по улучшению качества работы областного комитета общественного здоровья. Рассматривались проблемы укрупнения комитета в деле «охранения народного здоровья и ограничения эпидемических болезней в области» [14. Л. 16]. Областной комитет объединял и контролировал работу окружных комитетов общественного здоровья Забайкальской области.

Начало истории деятельности общества Красного Креста на российском Дальнем Востоке относится к 1870 г., когда были образованы окружные управления Общества, в том числе Восточносибирское. В целях улучшения управления огромным краем в 1884 г. было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, столицей которого стала Хабаровка (с 1893 г. – Хабаровск). В его состав вошли Амурская, Приморская и Забайкальская (по 1906 г.) области, а также Владивостокское военное губернаторство (1898 г.) и остров Сахалин. Вскоре было создано Приамурское окружное управление Российского общества Красного Креста во главе с генерал-губернатором, а также местные управления во главе с губернаторами [15. С. 243]. Организация местных управлений Красного Креста в Забайкалье началась в конце XIX в. Председатель Приамурского окружного управления Российского общества Красного Креста С.М. Духовский 9 декабря 1893 г. по документу за № 50 из города Хабаровска обращается к Военному губернатору Забайкальской области: «В Приамурском военном округе имеются в г. Хабаровск–Окружное управление и в г. Владивосток, Благовещенск, и Нерчинск местные управления. Для успешного развития деятельности Общества Красного Креста и имея в виду высокую цель Общества: содействовать в уходе за ранеными и больными воинами во время войны и доставлять им, как врачебное так и другого рода вспомоществование, следовало бы учредить в Забайкальской области еще один орган, а именно – Читинское Местное Управление» [16. Л. 2]. 8 мая 1894 г. открыто Читинское местное управление Российского общества Красного Креста, которое к 1897 г. стало именоваться Забайкальским местным управлением Российского общества Красного Креста [17. С. 88]. Его деятельность в основном заключалась в организации финансового обеспечения и привлечение новых членов общества. Понимая важность поддержки организации Забайкальского местного управления Российского общества

Красного Креста, Верхнеудинский городской Голова 12 мая 1894 г. в протоколе за № 73 сообщает военному губернатору Забайкальской области о принятии положительного решения для вступления в общество Красного Креста [16. Л. 6]. Основной целью при открытии этих медико-социальных структур являлись подготовка сестер милосердия на местной базе, непосредственная лечебная помощь и уход за ранеными и больными воинами, и что важно, не исключая и местное население, организация противозидемических мер. Также было создано девять местных комитетов, из них самое крупное в Верхнеудинске. Наиболее активно функционировали только четыре комитета: Верхнеудинский, Сретенский, Акшинский и Хилокский [18. Л. 1]. При сохраняющемся дефиците лечебных учреждений и квалифицированных медицинских кадров в Забайкальской области, деятельность местного управления и местных комитетов Российского общества Красного Креста с имеющейся в наличии материально-технической и кадровой базой приобретала весомое значение для организации более доступной медицинской помощи местным жителям.

Итак, социально обусловленный процесс зарождения государственной медицины в Забайкалье начался в конце первой половины XVIII в., имел непрерывный характер, но более длительный по времени период и развивался в рамках российской государственности. Дореволюционным правительством при существенном дефиците финансов, неблагоприятной социально-экономической и политической ситуации в условиях непрекращающихся войн проводилась существенная работа по созданию государственной структуры организации здравоохранения на восточной окраине страны.

Таким образом, в результате проведенных политических, социально-экономических мероприятий дореволюционного правительства России, формы медицинской помощи населению постепенно приобретают более организованный и доступный характер. В 90-е гг. XIX в. происходит институционализация здравоохранения Забайкалья, что прямо свидетельствует о глубоко неформальном характере деятельности созданных общественных медицинских организаций, охватывавших всю обширную территорию области.

ЛИТЕРАТУРА

1. История медицины, история Отечества и культурологии : учеб. пособие для студ. лечеб. и мед.-профил. фак-тов. М. : Русский врач, 2009. С. 151–152.
2. Малая энциклопедия Забайкалья (здравоохранение и медицина) / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2011. 628 с.
3. Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья: Очерки из истории культуры края. Чита, 1954. 260 с.
4. Цуприк Р.И. Литературное, историческое и медицинское краеведение. Чита : ЗабГУ, 2014. 450 с.
5. Государственный архив Республики Бурятия (далее ГАРБ). Ф. 11. Оп. 16. Д. 22.
6. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 362 с.
7. Поддубный М.В., Егорышева И.В., Шерстнева Е.В. и др. История здравоохранения дореволюционной России (конец XVI – начало XX в.) / под ред. Р.У. Хабриева. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2014. 244 с.
8. Эйльбарт Н.В. Научная деятельность интеллигенции в Забайкалье во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 42 с.
9. Государственный архив Забайкальского края (далее ГАЗК). Ф. 1. Оп. 2 (вр). Д. 132.
10. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 3 (вр). Д. 3.
11. Романова В.В. Деятельность Красного Креста в Приамурском генерал-губернаторстве в конце XIX – начале XX в. // История медицины. 2015. Т. 2, № 2.
12. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1019.
13. Скажутин Д.В. 115 лет со дня открытия Забайкальской общины сестер милосердия Красного Креста (1901 г.) // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Забайкальского края. Чита, 2016.
14. ГАЗК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 4.
15. Осокин Г.М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1906. 312 с.
16. Андриевич В.К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года. М. : Вече, 2013. 288 с.
17. Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1975. 280 с.
18. Эпов Н.И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск : Типография М.Д. Бутина, 1889. 76 с.

Batoev Sergey D. First MSMU at the Healthcare Ministry of Russia (Sechenov University) (Moscow, Russia). E-mail: sbatoev@list.ru

BEGINNING OF INSTITUTIONALIZATION OF HEALTHCARE IN TRANSBAIKAL AREA IN IMPERIAL PERIOD

Keywords: mining; military hospital; epidemic; Transbaikal medical society; Russian Red Cross society.

Organisation of Nerchynsk mining district in the end of the first half of XVIII century (1741) for the first time generates pre-requisites for generation of state medical business in Transbaikal area. The need to solve near-border and internal military commitments created conditions for appearance of military medicine in the beginning of the second half of XVIII century, which resulted in opening of military infirmaries in Selenginsk (1765) and Verkhneudinsk (Ulan-Ude) in the late 80s of the XVIII century. In this same period an intent to prepare medical students in local hospital schools attached to the infirmaries was carried out. Smallpox vaccination in Transbaikal area was started in the second half of XVIII century, and, in early XIX it became a state campaign (1811). Actual accessibility of people's, Tibetan medicine until early XX century countervailed weakness of public medical aid for locals and Old-believers. Due to an important geopolitical role of Transbaikal area for development of Amur and Far East in the middle of the XIX century (1851) a special Transbaikal region was founded. As economic wealth of the towns was growing, the first public municipal hospitals developed; obeying to the Irkutsk order for public assistance, the first public hospital in the regional town of Chita was opened (1894). On January 14, 1893 Transbaikal medical society emerged. In the late XIX century, critical need for research and methodological unity, aggregate work of physicians became more demanded and necessary. Complying with the order about Transbaikal region, Regional committee of public health was organised. On May 8, 1894 was opened local administration of Russian Red Cross society in Chita, which in 1897 was named Transbaikal local administration of Russian Red Cross society. Moreover 9 local committees were created, the biggest of which was in Verkhneudinsk. In this way, the process of formation of public medicine in Transbaikal area began in the end of the first half of

the XVIII century, and was constant, and over the long period developed within the frame of Russian statehood. As a result of political, social and economic measures, taken by the government of Russia, public medical services gradually took a more organised form. In the 90s of XIX century institutionalisation of healthcare in Transbaikalia area took place, which directly evidences profoundly informal character of activity of created public medical organisations throughout the whole vast area of the region.

REFERENCES

1. I.M. Sechenov Moscow Medical Academy. (2009) *Istoriya meditsiny, istoriya Otechestva i kul'turologii* [History of Medicine, History of Fatherland and Culturology]. Moscow: Russkiy vrach. pp. 151–152.
2. Geniatulin, R.F. (ed.) (2011) *Malaya entsiklopediya Zabaykal'ya (zdravookhraneniye i meditsina)* [Small Encyclopedia of Transbaikalia (Health and Medicine)]. Novosibirsk: Nauka.
3. Petryayev, E.D. (1954) *Issledovateli i literaturnyye starozy Zabaykal'ya: Ocherki iz istorii kul'tury kraya* [Researchers and Writers of the Old Transbaikalia: Essays from the History of the Regional Culture]. Chita: Chitinskoye knizhnoye izd-vo.
4. Tsuprik, R.I. (2014) *Literaturnoye, istoricheskoye i meditsinskoye krayevedeniye* [Literary, Historical and Medical Study of Local Lore]. Chita: Trnsbaikalia State University.
5. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 11. List 16. File 22.
6. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.
7. Poddubnyy, M.V., Egorysheva, I.V., Sherstneva, E.V. et al. (2014) *Istoriya zdravookhraneniya dorevolyutsionnoy Rossii (konets XVI – nachalo XX v.)* [History of Health Care in the Pre-Revolutionary Russia (the late 16th – early 20th centuries)]. Moscow: GEOTAR-Media.
8. Eylbart, N.V. (2006) *Nauchnaya deyatel'nost' intelligentsii v Zabaykal'ye vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [The scientific activity of the intelligentsia in Transbaikalia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
9. The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 1. List 2 (vr). File 132.
10. The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 1. List 3 (vr). File 3.
11. Romanova, V.V. (2015) *Deyatel'nost' Krasnogo Kresta v Priamurskom general-gubernatorstve v kontse XIX – nachale XX v.* [Activities of the Red Cross in the Amur Governor-General Territory in the late 19th – early 20th centuries]. *Istoriya meditsiny – History of Medicine*. 2(2). DOI: 10.17720/2409-5583.t2.2.2015.18w
12. The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 10. List 1. File 1019.
13. Skazhutin, D.V. (2016) 115 let so dnya otkrytiya Zabaykal'skoy obshchiny sester miloserdiya Krasnogo Kresta (1901 g.) [115 years since the opening of the Trans-Baikal community of Red Cross nurses (1901)]. In: Plotnikova, I.L. (ed.) *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat istorii zdravookhraneniya Zabaykal'skogo kraya* [The Calendar of Memorable Dates in the Health Care History of the Trans-Baikal Territory]. Chita: Chitinskaya gorodskaya tipografiya.
14. The State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 15. List 1. File 4.
15. Osokin, G.M. (1906) *Na granitse Mongolii. Ocherki i materialy k etnografii yugo-zapadnogo Zabaykal'ya* [On the border of Mongolia. Essays and materials on the ethnography of the southwestern Transbaikalia]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.
16. Andriyevich, V.K. (2013) *Kratkiy ocherk istorii Zabaykal'ya ot drevneyshikh vremen do 1762 goda* [A Short Sketch of the History of Transbaikalia from Ancient Times to 1762]. Moscow: Veche.
17. Fedotov, N.P. & Mendrina, G.I. (1975) *Ocherki po istorii meditsiny i zdravookhraneniya Sibiri* [Essays on the History of Medicine and Health of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Eпов, N.I. (1889) *Zabaykal'skoye kazach'ye voysko* [Trans-Baikal Cossack Army]. Nerchinsk: M.D. Butin.

УДК 37; 378.09; 378.3; 378.11
DOI: 10.17223/19988613/54/2

Е.В. Бодрова

СТРОИТЕЛЬСТВО КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОГО ТРУБОПРОВОДА: ВЫБОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

На основе широкой источниковой базы ранее не опубликованных архивных документов исследована проблема многолетнего и драматичного выбора не только типа строительства Каспийско-Черноморского трубопровода, обеспечивающего транспортировку сырой либо переработанной нефти, но и определения во второй половине XIX в. экономической стратегии России в целом: развитие собственного промышленного производства или экспорт сырой нефти и получение сиюминутной прибыли, шедшей нефтедобытчикам и в казну. Представлена позиция по этому вопросу ряда промышленников, ученых, правительственных чиновников. Сформулирован вывод о том, что в результате победы той части правительственной, предпринимательской и научной элиты, которая, ориентируясь на национальные интересы, более перспективной посчитала несырьевую модель развития, выступила за строительство керосинопровода, был обеспечен рост нефтеперерабатывающей отрасли в России, сохранена прежняя структура экспорта нефти.

Ключевые слова: модернизация; нефтяная отрасль; экономическая стратегия.

Актуальность избранной для исследования проблемы определяется торможением модернизационных процессов в России, причиной которого во многом является малоэффективная сырьевая модель экономического развития. Опыт встраивания страны в 90-е гг. в глобальную экономику в результате либеральных реформ имел результатом уничтожение перерабатывающей промышленности в ее наукоемкой части, рост «сырьевых» отраслей, а также производств, отличающихся высокой энерго- и водоемкостью, токсичными выбросами [1. С. 73–74]. Между тем значительная часть ведущих ученых на протяжении многих лет призывала к смене подобной стратегии, предлагала большую долю доходов от сырьевого экспорта направлять на развитие российской экономики в целом, прежде всего – ее высокотехнологичных отраслей. Так, 24 ноября 2011 г. на парламентских слушаниях в Государственной думе Федерального собрания РФ с в высшей степени эмоциональной речью выступил академик А.Э. Канторович, убежденный, что наличие сырьевых ресурсов – не клеймо, не несчастье. «Почему США, добывая нефти не намного меньше, чем наша страна, газа столько же, сколько мы, 85% мирового гелия, угля – в 3,5 раза больше, чем РФ, не характеризуются как сырьевая держава? – задавался он вопросом. – Дело не в том, сколько мы добыли тех или иных полезных ископаемых, дело в том, что мы с ними сделали» [2. Л. 72].

Исторический опыт реализации общенациональных проектов и привлечения научного сообщества к выработке концептуальных основ государственной научно-технической и социально-экономической политики является чрезвычайно ценным для современной России, так как позволяет извлечь уроки, аккумулировать все эффективное и осознать в полной мере специфику российской модели модернизации. Однако исследователями эта проблема в целом изучена совершенно недостаточно.

Представляется возможным выделить три основных этапа научного обсуждения проблемы: в исторических

трудах XIX – начала XX в.; в монографических исследованиях советского периода; в публикациях 90-х гг. XX – начала XXI в. В исследованиях дореволюционного этапа авторами, наряду с анализом широкой дискуссии, развернувшейся в периодической печати относительно целесообразности строительства Каспийско-Черноморского трубопровода, одновременно акцентировалось внимание на активном противодействии практически всем подобным проектам со стороны бакинских нефтезаводчиков [3. С. 142]. О характере дискуссий, которые велись по этому вопросу в Императорском Русском техническом обществе, писали в то время К.И. Лисенко [4], И.Н. Глушков [5] и др.

Труды советского периода отличались высоким квалификационным уровнем, введением в оборот широкого круга источников и понятий, богатым фактическим материалом. Однако опора на официальные идеологические установки значительно сужала спектр рассматриваемых вопросов, предопределяла формулировки выводов и рекомендаций в этих работах [6–10]. Заслуживающим внимания трудом, изданным в советский период, являлась работа С.М. Лисичкина «Выдающиеся деятели отечественной нефтяной науки и техники», в которой автор поддерживал позицию Д.М. Менделеева по вопросу о строительстве нефтепровода и категорически осуждал «лживые измышления продажных иностранных журналистов» [11. С. 74], организовано, по его мнению, «поднявших шум» в 1889 г. об истощении бакинских нефтяных месторождений с целью сорвать строительство нефтепровода от Баку до Батума.

Современный этап отечественной историографии проблемы характеризуется попыткой авторов выходить на более широкие аналитические обобщения, использовать различные теоретико-методологические подходы. Появился ряд работ, в которых рассматривались вопросы, ранее не привлекавшие внимания историков. К таким исследованиям правомерно отнесем монографию И.А. Дьяконовой «Нефть и уголь в энергетике

царской России в международных сопоставлениях». Автор осуществила значимый анализ весьма своеобразной энергетической структуры дореволюционной России с точки зрения осмысления места России в мировом промышленном развитии [12]. В статьях современных авторов А.М. Шаммазова, Б.Н. Мастобаева, А.Е. Сощенко [13], В.И. Шулятикова [14] и А. Трошина [15. С. 43] лишь упомянуто среди прочих исследуемая нами проблема, обозначены отдельные ее аспекты. Для изучения темы представляют несомненную ценность работы известных исследователей истории развития нефтяной отрасли российской промышленности А.А. Матвейчука и Т.А. Багирова, в которых содержатся сведения, касающиеся участия Нобелей в определении типа строительства трубопровода [16. С. 62–63]. Однако целый ряд существенных сюжетов исследуемой проблемы нуждается в переосмыслении. Попыткой восполнить этот пробел и должна стать наша статья.

Источниковой базой для написания данной статьи явились изученные нами документы, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива. Наибольший интерес в ходе исследования представили документы Горного департамента, который с 1 января 1874 г. по 21 марта 1894 г. состоял в ведении Министерства государственных имуществ, с 21 марта 1894 г. по 7 мая 1905 г. – Министерства земледелия и государственных имуществ, с 7 мая 1905 г. по 27 октября 1905 г. – Министерства финансов, с 27 октября 1905 г. по 26 октября 1917 г. – Министерства торговли и промышленности [17]. Особое значение для изучения проблемы имели доклады, письма, отчеты Соляного отделения Горного департамента, так как оно, в том числе, ведало делами, связанными с открытием и разработкой нефтяных источников. Переписка глав различных ведомств, отчеты о результатах работы специальной комиссии позволяют всесторонне и объективно исследовать эволюцию государственной политики в отношении не только строительства Каспийско-Черноморского трубопровода, но и выбора экономической стратегии. Большую ценность для нас имели публикации и письма Д.И. Менделеева, И.П. Илимона, касающиеся перспектив развития нефтяной отрасли, а также труды Императорского Русского технического общества.

В статье в качестве базовой принята модернизационная теория, которая предполагает осуществление анализа процессов, происходивших в мире, с точки зрения перехода от аграрного общества к индустриальному, а в более широком смысле – рассмотрение всех явлений сквозь призму модернизации. Спецификой российской модели модернизации является догоняющий, военно-политический, во многом «заимствующий» характер, что и обусловило особую роль государства в ее форсировании, прогрессирующую централизацию и бюрократизацию управления социальными и экономическими процессами.

Многомерность изученных процессов потребовала привлечения как общенаучных методов исследования (логического, структурно-функционального, классификации и систематизации), так и специальных исторических (историко-сравнительного, историко-ретроспективного, историко-генетического и др.).

Значимость исследуемой нами проблемы определяется тем, что государственная политика Российской империи в нефтяной сфере во многом определила характер и темпы развития отрасли, этапы ее эволюции и ход индустриализации в целом. Эволюционировала она от провозглашения «принципа горной свободы» в производстве разведок (1872–1884 гг.) к запрещению частнопредпринимательской разведочной деятельности на казенных землях в Бакинском регионе из-за угрозы потерять контроль над наиболее перспективной частью принадлежавших государству земель. Фактором, определившим усиление роли государства, явилось ускоренное промышленное развитие в пореформенный период, расширение масштабов применения нефти в качестве энергоносителя.

Благодаря энергичным мерам правительства, отмене «откупной системы», за десятилетие 1873–1883 гг. добыча нефти в Баку увеличилась с 4 до 60 млн пудов, то есть в 15 раз [18. С. 276]. Увеличение объема добычи нефти произошло за счет коренного изменения способа эксплуатации нефтеносных земель, расширения их общей площади, роста производительности труда и числа нефтяных фирм (к 1878 г. число их достигло 112) [6. С. 9], улучшения технологии производства. Производство керосина во второй половине 1870-х гг. стремительно выросло. С 1881 г. начался экспорт керосина, а уже в 1882 г. его импорт полностью прекратился. По справедливой оценке И.А. Дьяконовой, российские предприниматели смогли применить в конкурентной игре с США неиспользованный ранее козырь – перевод нефтепромыслов России с полуфеодалных на капиталистические рельсы [12. С. 50]. После отмены акциза в 1877 г. цены на керосин и другие нефтепродукты значительно упали, нефтеперерабатывающая промышленность стала развиваться ускоренными темпами.

Рубежом в развитии отрасли стало строительство нефтепроводов. Д.И. Менделеевым эта идея была предложена еще в 1863 г. в период его работы на Сураханском заводе Кокорева. Он расценивал применение трубопроводов для перекачки нефти и нефтепродуктов как первое условие процветания отечественной нефтяной промышленности. Однако бакинские власти противились строительству нефтепровода, опасаясь выступлений бочаров и погонщиков ослов, лишавшихся в таком случае работы. Между тем подобная архаичная перевозка стоила дорого, в плохую погоду она прекращалась. Товарищество нефтяного производства братьев Нобель обратилось ко всем крупным нефтепромышленникам с предложением построить нефтепровод, но, встретив непонимание, решило начать строительство за

свой счет [19. С. 87]. Трубы для нефтепровода были выписаны из Америки, поскольку по качеству, низкой цене, скорости поставок они были вне конкуренции. Их закапывали на двухметровую глубину, для охраны на всем пути от промыслов к порту выставляли казаков [20. С. 35]. Но строительные склады поджигали, трубы повреждали [19. С. 87]. Тем не менее А.В. Бари и В.Г. Шуховым в 1878 г. для фирмы «Бр. Нобель» был построен нефтепровод в окрестностях Баку (Балаханы – Черный город). Это был первый промысловый нефтепровод в России.

Большой вклад в развитие нефтепроводного транспорта внесли С.Г. Войслав, К.И. Лисенко, Л.С. Лейбензон, М.И. Лазарев, И.П. Илимов и многие другие русские ученые, инженеры и изобретатели. Первые же нефтепроводы доказали высокую экономичность этого вида транспорта нефтяных грузов, предсказанную Д.И. Менделеевым [21. С. 100]. Затраты на их строительство, как правило, окупались в течение первого года эксплуатации, поэтому трубопроводный транспорт стал активно использоваться.

С рубежа 1887–1888 г. российская нефтепромышленность все больше ориентировалась на экспорт керосина, конкурируя с рокфеллеровской корпорацией на европейских керосиновых рынках. Однако труднопреодолимой проблемой оставалась транспортировка кавказской нефти и нефтепродуктов к портам Черного моря для вывоза их на мировой рынок. В 1882 г. на заседании Императорского русского технического общества А.А. Летним в докладе, посвященном мерам по развитию и удешевлению перевозки кавказской нефти к южным портам по Закавказской железной дороге, по которой было выгоднее перевозить нефть, чем окружным путем по южнорусским дорогам, решение этого вопроса было охарактеризовано как основное условие успешной конкуренции с американцами. Это актуализировало необходимость строительства магистральных трубопроводов [13]. Противники этого проекта, в свою очередь, доказывали экономичность железнодорожного транспорта для перевозки нефтяных грузов, высказывали опасение о возможном очень быстром истощении ресурсов. Д.И. Менделеев отвечал им, что кавказской нефти хватит всем, «...по опыту как американскому, так и бакинскому известно, что содержание нефтепровода более чем в два раза дешевле, чем железной дороги при том же количестве груза» [22. Т. 10. С. 501–502]. Среди промышленников, поддержавших идею сооружения нефтепровода, были А. Ротшильд, Г.З. Тагиев, И.П. Илимов, Муса Нагиев, А.М. Бенкендорф, С.И. Багиров и др.

Изученные нами ранее не опубликованные документы, хранящиеся ныне в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, позволяют нам понять всю глубину разногласий и значение принятого, в конце концов, решения.

Первоначально решался вопрос о концессии на строительство Каспийско-Черноморского нефтепрово-

да, которую намеревались получить и гражданин США Г. Тведель, и московский заводчик Г. Лист, и отставной капитан-лейтенант А.П. Ханыков, и Парижский банкирский дом Ротшильдов. Предложенные заявителями весьма неясные условия и перспективы побудили в январе 1884 г. Министра государственных имуществ М.Н. Островского в послании на имя Министра финансов, подчеркивая все плюсы нефтепровода, одновременно его предупредить: «Крайне осторожно нужно относиться к сооружению нефтепровода... Концессия может быть выдана только после всестороннего обсуждения всех условий, в которые поставлено нефтяное производство в настоящее время» [23. Л. 10 об.]. Проекты Тведеля и Ханыкова им были охарактеризованы весьма негативно: «...отличаются полною неопределенностью как в техническом, так и в экономическом отношении..., ограничиваются указанием прав и льгот, какими должны пользоваться концессионеры» [23. Л. 10]. М.Н. Островский предложил отложить решение вопроса «до полного выяснения Министерством государственных имуществ современного положения нефтяной промышленности» [23. Л. 11]. С этой целью была создана специальная комиссия для составления экспертного заключения Горного департамента во главе с действительным статским советником Тихеевым [23. Л. 19]. Более того, министр лично посетил Балахано-Сабунчинский район и убедился в том, что эксплуатация скважин производилась «в полном отсутствии бережливости», а «предложения сырья превышало спрос на него, даже при крайне низких ценах оно не находило сбыта», «нефть пропадает бесполезно и безвозвратно» [23. Л. 33]. Одновременно он был вынужден констатировать в своем отчете, что «отправка обработанных нефтяных продуктов по направлению к Батуму находилась в весьма несовершенном состоянии» [23. Л. 33 об.]. Поэтому Министерство государственных имуществ посчитало необходимым указать на трубопровод как на «удобное и дешевое перевозочное средство к берегам Черного моря», способное обеспечить доставку 20 млн пудов керосина дополнительно [23. Л. 34–35]. Одновременно специалисты Горного департамента настаивали на необходимости постройки в Баку новых нефтеперегонных заводов, которые в условиях конкуренции могли бы модернизировать производство, снижая таким образом цену и повышая качество переработки [23. Л. 35]. Вопрос о строительстве трубопровода был вынесен на обсуждение I съезда нефтепромышленников, проходившего в Баку в 1884 г., но был отложен на неопределенное время [16. С. 62–63].

Между тем В.Г. Шуховым разрабатывались схема и смета нефтепровода Баку–Батуми, основные параметра проекта были опубликованы в октябрьском номере «Вестника промышленности» за 1884 г. Действительным статским советником, доктором технологии, состоявшим в то время на службе в Министерстве государственных имуществ, И.П. Архиповым под псевдонимом в этом же номере была напечатана статья «Ме-

ры, предлагаемые Министерством Государственных Имуществ для развития нефтяной промышленности России», в которой доказывалось, что выгоднее транспортировать нефть в Батуми и там ее перерабатывать [13]. Горячим сторонником подобного решения проблемы был химик, предприниматель, почетный член Русского физико-химического общества И.П. Илимов. Он считал, что Баку не может успешно развиваться как центр нефтепереработки из-за неблагоприятного климата, недостатка пресной воды, удаленности от промышленных, прежде всего, машиностроительных предприятий и рынков сбыта нефтепродуктов [24]. С целью постройки нефтепровода из Баку в Батум он создал компанию совместно с отставным генерал-майором А.С. Лавровым и вскоре получил концессию [25].

Однако строительство Баку-Батумского нефтепровода означало, что таким образом будут созданы условия для широкомасштабного вывоза сырой российской нефти за границу. Это стало поводом для развертывания во второй половине 80-х гг. XIX в. в научном и деловом сообществе широкой дискуссии. Нефтепромышленники и ученые не были едины, часть из них выступала за строительство керосинопровода, развитие собственной нефтепереработки. В Обществе для содействия русской промышленности и торговли в феврале 1886 г. были заслушаны доклады Д.И. Менделеева, Г.З. Тагиева, И.П. Илимова, М.И. Лазарева, В.И. Рагозина, Л.Э. Нобеля и других сторонников и противников вывоза сырья и нефтепродуктов за рубеж.

По мнению Д.И. Менделеева, необходимо было строить Каспийско-Черноморский нефтепровод, но не керосинопровод. 15 марта 1887 г. ученый писал: «...все у нас существующие противодействия закавказскому нефтепроводу ведут свое начало не от какого-либо патриотического или даже не из местного бакинского интереса, а либо от узкости личных расчетов и мнений, либо от давления и побуждения умелой, крупной и чуткой американской нефтяной промышленности. В видах же развития впредь кавказского нефтяного дела нефтепровод есть первое и единственное легко осуществимое средство» [26. Т. 10. С. 736]. Причем, полагал ученый, нефтепровод должна строить не казна, а частный капитал путем предоставления контролируемой концессии на сооружение и пользование нефтепроводом [26. С. 740–741].

В 1887 г. борьба вокруг вопроса о Закавказском нефтепроводе продолжалась. К этому году А. Ротшильд фактически монополизировал нефтяные перевозки по железной дороге, задерживал отправление грузов с целью разорения конкурентов. Следующим его шагом и должно было стать строительство мощного нефтепровода из Баку в Батум. Согласно данным ряда исследователей, именно Ротшильд инспирировал газетную кампанию в поддержку сооружения нефтепровода [14]. Более того, Ротшильду удалось найти поддержку у ряда российских чиновников самого высокого ранга. Действительный тайный советник

А.А. Абаза, например, полагал, что строительство Каспийско-Черноморского нефтепровода возможно за счет казны [27. Л. 2]. Министерство государственных имуществ 28 февраля 1887 г. вошло в Комитет Министров с представлением об устройстве нефтепровода частными предпринимателями. В свою очередь, Комитет Министров 8 апреля этого же года предоставил право Министерству государственных имуществ произвести, по соглашению с Министерством финансов, состязание между лицами, изъявившими желание принять на себя образование акционерного общества для постройки и эксплуатации этого нефтепровода. Именно тогда И.П. Илимов получил концессию, право на которую было обусловлено его обязанностью внести в казну 40% стоимости всех акций и залог в миллион рублей [27. Л. 10–11 об.]. Однако, ссылаясь на «противодействия фирмы Ротшильда», он обратился с просьбой в правительство о продлении срока внесения залога. Но активность оппонентов Илимова внутри страны и невыгодные условия, на которых ему выдавались средства «английскими капиталистами», заставили правительство отказаться от такого варианта [27. Л. 11 об., 15 об.]. Поэтому вновь был поднят вопрос о строительстве нефтепровода за счет казны. Была составлена смета, предполагающая выделение 24,5 млн руб. в течение 4 лет [27. Л. 16, 22].

Одним из тех, кто резко выступал против строительства нефтепровода, был Л. Нобель, который в письме 13 марта 1887 г. Министру государственных имуществ М. Островскому не только дал негативную ему оценку, но и предложил проложить керосинопровод от Баку до Батума, вместо сырой нефти поставляя на международные рынки продукцию с высокой добавленной стоимостью [15. С. 43].

Но идея нефтепровода не была отвергнута. 20 апреля 1887 г. было принято решение предоставить Министру государственных имуществ «подвергнуть обсуждению» совместно с представителями различных министерств вопрос о том, какому из 2-х портов – Батуми или Потти – должно быть отдано предпочтение при строительстве Каспийско-Черноморского нефтепровода [28. Л. 4–4 об.; 29]. Состояние порта Потти было таково, что преимущество было отдано Батуми [28. Л. 9]. Интересы Морского ведомства также требовали строительства нефтепровода по направлению к Батуми [28. Л. 9 об.–10].

В ноябре 1887 г. министр государственных имуществ М.Н. Островский внес в Комитет министров проект устава будущей нефтепроводной компании. Согласно плану Министерства и параграфу 17 Устава, компания Ротшильдов могла получить право беспроцентного вывоза нефтяных остатков сроком на 60 лет. В сложившейся ситуации Л. Нобель и С. Шибяев лично обратились с прошением к императору Александру III. Эту позицию поддержало и Императорское общество для содействия русскому торговому мореходству, ставшее своеобразным центром, объединивших про-

тивников экспорта сырой нефти. Его общее собрание 12 декабря 1888 г. единогласно постановило немедленно ходатайствовать: о безусловном воспрещении вывоза сырья, всякого рода отбросов нефтяного производства и полуобработанных продуктов; о разрешении свободного вывоза только законченных товаров, поступающих непосредственно к потребителю, а не на заводы для доделок; о недопущении предоставления И.П. Илимову дальнейшей после 12 января 1889 г. отсрочки для образования складочного капитала Общества Каспийско-Черноморского нефтепровода [14].

Таким образом, предприниматели, чиновники, ученые разделились. Все основные положения концепции сооружения нефтепровода подверглись серьезным критическим замечаниям самых авторитетных представителей науки и промышленности. Соглашаясь, в частности, с утверждениями о том, что техника производства на Апшеронском полуострове не отличается совершенством, одновременно противники строительства нефтепровода не видели в нем единственный стимул для технического перевооружения производства, полагали возможным использовать для этой цели другие средства. Необязательным им представлялось и искусственное повышение цен. Более дешевая и доступная доставка к морской границе сырой нефти помогла бы успешнее конкурировать на европейских рынках, но самым негативным образом сказалась бы на развитии отечественного производства, его модернизации, справедливо утверждали сторонники этой позиции.

3 марта 1890 г. Комитет министров постановил: «Не предрешая ныне вопроса о том, которому из 2 видов перекачки нефтяных грузов из Баку к портам Черного моря нефтепроводу или керосинопроводу следует отдать предпочтение, признать, что сооружение это как предприятие государственное, предназначенное для общего пользования, должно быть устроено на средства казны и эксплуатироваться распоряжением Правительства с отклонением сооружения подобного трубопровода частною компаниею» [31. Л. 75]. Одновременно было принято решение о создании Комиссии, призванной решить, какой именно тип трубопровода избрать. В состав комиссии входили представители министерств путей сообщения, государственных имуществ. Эксперты Комиссии произвели очень подробные расчеты расходов на строительство трубопровода между Баку и Батуми для перекачки 60 000 000 пудов нефти ежегодно. Сумма для строительства керосинопровода оказалась в 2 раза меньше суммы, планируемой на строительство нефтепровода. Эксплуатация также обошлась бы дешевле [31. Л. 5–21]. Однако руководство Министерства государственных имуществ поставило под сомнение преимущества керосинопровода, так как для переработки нефти требовалось бы увеличить ее добычу, а это могло бы привести к кризису, а следовательно, и к убыткам для казны: «Керосинопровод только увеличит спрос на эти богатства, но насколько не поспособствует появлению их на рынке...

Рано или поздно обнажится недостаток нефти» [31. Л. 38, 42, 43 об.]; «добывающая отрасль есть основа всякой промышленности вообще» [30. Л. 76].

Однако Министерство финансов настаивало на том, что производительность нефтеперегонных заводов в Баку высока, нефтепереработку надо всемерно развивать и, следовательно, нужно остановиться на керосинопроводе. Министерство путей сообщения поддерживало эту же позицию, указывая на меньшую сумму, рассчитанную для строительства керосинопровода. Комиссия заседала 18 мая, 1 июня и 1 ноября 1890 г. Между этими заседаниями тайный советник П.П. Архипов и действительный статский советник С.Ю. Витте посетили Баку и ознакомились с положением дел в бакинской нефтяной промышленности. Но ведомственные разногласия оказались непреодолимыми. Рассмотрев «выгоды и невыгоды», связанные со строительством нефтепровода или керосинопровода, ознакомившись с расчетами экспертов, позициями различных ведомств, Комиссия пришла к единогласному заключению: «...При современном положении Апшеронского промысла и Бакинской нефтеперерабатывающей промышленности в настоящее время не представляется необходимости сооружения средствами казны ни нефтепровода, ни керосинопровода» [30. Л. 88 об.]. В результате в 1891 г. Комитет министров отложил строительство нефтепровода как преждевременное [25].

Между тем мощный рост нефтедобычи требовал незамедлительного решения проблемы транспортировки. Совет съездов нефтепромышленников летом в 1895 г. попытался обратить внимание правительственных кругов на необходимость строительства керосинопровода, но это обращение осталось без ответа [31]. Окончательное принятие решения о строительстве ускорило октябрьское 1895 г. наводнение, которое разрушило многие железнодорожные сооружения на перевальном участке Южно-Кавказской железной дороги. 10 декабря 1895 г. председатель Совета съезда нефтепромышленников П.О. Гукасов направил на имя министра финансов И.А. Вышнеградского телеграмму, в которой описывал бедственное состояние железнодорожного полотна после наводнения и констатировал невозможность в скорейшем времени его восстановления. «Убытки, которые терпит сейчас казна и все нефтепромышленники, неисчислимы, – говорилось в телеграмме. – Ввиду вышеизложенного... Совет съезда, по настоятельным просьбам всех нефтепромышленников Бакинского района, имеет честь убедительно просить Ваше высокопревосходительство о немедленной прокладке 8-дюймового керосинопровода средствами казны от станции Михайлово до станции Аджаметы, который затем крайне желательно продолжить до Батума» [32. С. 85]. Только 23 мая 1896 г. было принято, наконец, решение о строительстве магистрального керосинопровода Баку-Батум, ставшего в начале XX в. крупнейшим инфраструктурным объектом дореволюционной России [28. С. 43].

Сооружение магистрального трубопровода Баку-Батум, проложенного вдоль линии Закавказской железной дороги, было начато в 1897 г. и продолжалось десять лет. Окончательный проект сооружения, расчеты к которому провел Г.К. Мерчинг, был разработан видным специалистом в области паровозо- и вагоностроения профессором Н.Л. Щукиным [33]. Это был самый длинный (885 км) керосинопровод, ежегодная пропускная способность его составляла 60 млн пуд. Все сооружения трубопровода были выполнены для того времени на высоком техническом уровне, а сам трубопровод был одним из наиболее мощных в мире.

Таким образом, строительство Каспийско-Черноморского трубопровода во второй половине XIX в. явилось не только масштабным техническим проектом. Речь шла о том, что же является приоритетом для России: развитие собственного промышленного производ-

ства или экспорт сырой нефти и получение сиюминутной прибыли, шедшей в карман нефтедобытчиков и в казну. Настойчивость ученых, предпринимателей и ряда правительственных чиновников обеспечила техническое перевооружение нефтяной отрасли, качественный рост нефтепереработки. Это решение явилось рубежом в истории нефтяной отрасли России. К концу 1914 г. общая протяженность нефте- и продуктопроводов в России составляла 1 278,7 км, в США – 14 000 км, в том числе магистральных 7 000 км. Уровень технической оснащенности был примерно одинаковым. Строительство керосинопровода позволило сохранить прежнюю структуру экспорта нефти: в 1913 г. на сырую нефть пришлось всего 0,05% стоимости нефтяного экспорта, на мазут – 6,8% [13]. Модернизация нефтяной отрасли сыграла значительную роль в превращении России в начале XX в. из отсталой аграрной страны в аграрно-индустриальную державу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухорукова С.М., Погорелый А.М., Самороков А.В. Влияние международного технологического разделения труда на экологическую и промышленную безопасность // Российский технологический журнал. 2016. Т. 4, № 4 (13). С. 73–74.
2. Архив Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Ф. 10100. Оп. 196п-5. Д. 92.
3. Лазарев М.И. Современное положение русской нефтяной промышленности и нефтяного экспорта. СПб., 1889. 142 с.
4. Лисенко К.И. Нефтяное производство, составленное по новейшим данным К. Лисенко, профессором Горного института и председателем I-го Отдела Императорского Русского технического общества. СПб., 1878.
5. Глушков И.Н. Исторический очерк деятельности БО ИРТО // Труды Бакинского отделения Императорского Русского технического общества. 1905. Вып. 5. Май–август.
6. Кох М.А., Оль П.В. Нефтяная промышленность. М., 1925.
7. Крейнин Г.С., Рубинштейн Я.Е. Экономика нефти. Очерки. М.; Л., 1930.
8. Фролов В.И. Экономика нефтяного хозяйства. М., 1928.
9. Эвентов Л.Я. Иностранная капиталы в русской промышленности. М.; Л., 1931.
10. Лисичкин С.М. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. Дореволюционный период. М.; Л., 1954.
11. Лисичкин С.М. Выдающиеся деятели отечественной нефтяной науки и техники. М., 1967.
12. Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОСПЭН, 1999.
13. Шаммазов А.М., Мастобаев Б.Н., Сощенко А.Е. Трубопроводный транспорт России (1860–1917 гг.) // Трубопроводный транспорт нефти. 2000. № 6. URL: <http://www.tn-pro.ru/index.php/article/history/1413--1860-1917>, свободный (дата обращения: 07.07.2016).
14. Шулятиков В.И. В империи экспорт нефти был запрещен. URL: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=55066>, свободный (дата обращения: 07.07.2016).
15. Трошин А. Первый магистральный российский трубопровод // На нефтяных перекрестках: сборник исторических очерков. М.: Древнехранилище, 2004.
16. Матвейчук А.А. Багиров Т.А. Нефтяные перекрестки братьев Нобелей: Исторические очерки. М., 2004.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 37. Историческая справка.
18. Кавказский календарь на 1885 год. Тифлис. 1884, отдел III.
19. Тридцать лет деятельности Товарищества нефтяного производства братьев Нобель. 1879–1909. СПб., 1914.
20. Осбринк Б. Империя Нобелей: история о знаменитых шведах, бакинской нефти и революции в России / пер. со швед. Т. Доброницкой. М., 2003.
21. Менделеев Д.И. Бакинское нефтяное дело в 1886 г. СПб.: Тип. В. Демакова, 1886.
22. Менделеев Д.И. По нефтяным делам // Сочинения. Л.; М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. Т. 10: Нефть. С. 501–502.
23. РГИА. Ф. 37. Оп. 31. Д. 483.
24. Илимов И.П. Нефтепровод и нефтяная промышленность Баку. СПб., 1884. 48 с.
25. Илимов Иван Петрович. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/45552/Илимов, свободный (дата обращения: 21.02.2016).
26. Менделеев Д.И. По вопросу о нефтепроводе и керосинопроводе // Сочинения. Л.; М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
27. РГИА Ф. 37. Оп. 31. Д. 439.
28. РГИА Ф. 37. Оп. 31. Д. 409.
29. РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 395.
30. РГИА Ф. 38. Оп. 31. Д. 468.
31. Джалилов А.Г. Строительство Баку-Батумского керосинопровода и экономика Южного Кавказа в начале XX века. URL: <http://static.bsu.az/w8/Heberler%20Jurnali/Humanitar%20%20202014%20%203/12%20%20%20%20A.G.Джалилов.pdf>, свободный (дата обращения: 22.03.2016).
32. Отчет о деятельности совета, избранного на IX съезде нефтепромышленников. Баку: Совет съезда нефтепромышленников, 1896.
33. Щукин Николай Леонидович. URL: <https://docviewer.yandex.ru?url=http%3A%2F%2Flibrary.pgups.ru%2Fjirbis%2Fimages%2Fshchukin.docx&name=shchukin.docx&lang=ru&c=56d3559656be>, свободный (дата обращения: 10.03.2016).

Bodrova Elena V. Moscow technological university (Moscow, Russia). E-mail: evbodrova@mail.ru.

THE CONSTRUCTION OF THE CASPIAN AND BLACK SEA PIPELINE: THE CHOICE OF ECONOMIC STRATEGY OF DEVELOPMENT OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19-TH CENTURY

Keywords: modernization, oil industry, economic strategy.

The importance of the studied problem is defined by the fact that state policy of the Russian Empire in the oil sphere in many respects defined the character and rates of the branch development, stages of its evolution and the course of industrialization in general. The research objective is to use various documents including those introduced for the first time for scientific purpose to carry out the analysis

of reasons, main stages and results of long opposition of a part of Russian government officials, scientists and businessmen in the second half of the 19-th century concerning expediency of construction of the Caspian and Black Sea pipeline for transportation of oil or oil products. Studying the documents from the funds of the Russian State Historical Archive allows to consider the points of view of all the opponents with a bigger degree of reliability and objectivity, to define the reasons for taking these or those decisions at the government level. The article introduces the arguments of the Ministry of State Property and the Ministry of Finance supporting various positions regarding the type of Baku-Batumi pipeline (kerosene or oil pipeline) and the sources financing this project. The conclusion that sharpness of discussions in scientific and enterprise community, a departmental antagonism were caused not only by self-seeking interests of petroleum producers, but also search of the most optimal strategy of Russian modernization: development of its own industrial production or export of crude oil and receiving the momentary profit received both by oil producers and treasury is well-grounded. The result of the victory of the supporters of construction of Caspian and Black Sea kerosene pipe who considered non-oil model of development to be more prospective led to rapid growth of Russian oil production and oil processing, its modernization and preservation of former structure of oil export. Active state participation when carrying out industrialization, involvement of Russian scientists and businessmen in formation of conceptual basis of the state industrial policy caused creation of competitive oil branch in Russia that provided a considerable share of all world production in the beginning of the XX century; formation of industrial base of the country and acceleration of modernization processes. Support of development of oil branch by the government; ensuring national character of industrial, scientific, technical and personnel potential; implementation of decisive protectionist policy are among the factors that defined the progress of this stage of Russian modernization.

REFERENCES

- Sukhorukova, S.M., Pogorelyy, A.M. & Samorokov, A.V. (2016) Effect of international technological differentiation of labour on ecological and industrial safety. *Rossiyskiy tekhnologicheskii zhurnal – Russian Technological Journal*. 4(13), pp. 73–74. (In Russian).
- The Archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Fund 10100. List 196p-5. File 92.
- Lazarev, M.I. (1889) *Sovremennoye polozheniye russkoy nefyanoy promyshlennosti i nefyanogo eksporta* [The current situation of the Russian oil industry and oil exports]. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov.
- Lisenko, K.I. (1878) *Nefyanoye proizvodstvo, sostavlennoye po novyeshim dannym K. Lisenko, professorom Gornogo instituta i predsdatelem I-go Otdela Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva* [Oil production, compiled according to the latest data of K. Lisenko, Professor of the Mining Institute and Chairman of the First Division of the Imperial Russian Technical Society]. St. Petersburg: Tipografiya brat'yev Panteleyevykh.
- Glushkov, I.N. (1905) *Istoricheskiy ocherk deyatelnosti BO IRTO* [Historical outline of the activity of the Aeronautic Department of the Imperial Russian Technical Society]. *Trudy Bakinskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva*. 5.
- Kokh, M.A. & Ol, P.V. (1925) *Nefyanaya promyshlennost'* [Oil industry]. Moscow: Gos. izd-vo.
- Kreynin, G.S. & Rubinstein, Ya.Ye. (1930) *Ekonomika nefi. Ocherki* [The Economy of Oil. Essays]. Moscow; Leningrad: [s.n.].
- Frolov, V.I. (1928) *Ekonomika nefyanogo khozyaystva* [Economics of the oil economy]. Moscow: Izd. Soveta nefyanoy promyshlennosti.
- Eventov, L.Ya. (1931) *Inostrannyye kapitally v russkoy promyshlennosti* [Foreign capital in Russian industry]. Moscow; Leningrad: Gos. sotsial'no-ekon. izd-vo.
- Lisichkin, S.M. (1954) *Ocherki po istorii razvitiya otechestvennoy nefyanoy promyshlennosti. Dorevolutsionnyy period*. [Essays on the history of the development of the Russian oil industry. Pre-revolutionary period]. Moscow; Leningrad: Gosud. nauchno-tekhnicheskoye izd-vo nefyanoy i gorno-toplivnoy literatury.
- Lisichkin, S.M. (1967) *Vydayushchiyesya deyateli otechestvennoy nefyanoy nauki i tekhniki* [Outstanding figures of Russian oil science and technology]. Moscow: Nedra.
- Dyakonova, I.A. (1999) *Nefi' i ugol' v energetike tsarskoy Rossii v mezhdunarodnykh sopostavleniyakh* [Oil and coal in the power industry of tsarist Russia in international comparisons]. Moscow: ROСПEN.
- Shammazov, A.M., Mastobayev, B.N. & Soshchenko, A.Ye. (2000) *Truboprovodnyy transport Rossii (1860–1917 gg.)* [Pipeline transport of Russia (1860–1917)]. *Truboprovodnyy transport nefi*. 6. [Online] Available from: <http://www.tn-pro.ru/index.php/article/history/1413--1860-1917>. (Accessed: 7th July 2016).
- Shulyatnikov, V.I. (2016) *V imperii eksport nefi byl zapreshchen* [The empire banned oil export]. [Online] Available from: <http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=55066>. (Accessed: 7th July 2016).
- Troshin, A. (2004) *Pervyy magistral'nyy rossiyskiy truboprovod* [The first Russian main pipeline]. In: Matveichuk, A.A. (ed.) *Na nefyanykh perekrestkakh: sbornik istoricheskikh ocherkov* [At oil crossroads: a collection of historical essays]. Moscow: Drevnekhranilishche.
- Matveychuk, A.A. & Bagirov, T.A. (2014) *Nefyanyye perekrestki brat'yev Nobeley: Istoricheskiye ocherki* [Oil Crossroads of the Nobel brothers: Historical essays]. Moscow: Drevnekhranilishche.
- The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37.
- Anon. (1884) *Kavkazskiy kalendar' na 1885 god* [The Caucasian Calendar for 1885]. Tiflis: [s.n.].
- The Nobel Brothers Oil Production Association. (1914) *Tridtsat' let deyatelnosti Tovarishchestva nefyanogo proizvodstva brat'yev Nobel'. 1879–1909* [Thirty years of activity of the Nobel Brothers Oil Production Association. 1879–1909]. St. Petersburg: R. Golike i A. Vilborg.
- Asbrink, B. (2003) *Imperiya Nobeley: istoriya o znamenitnykh shvedakh, bakinskoy nefi i revolyutsii v Rossii* [The Nobel Empire: A story about the famous Swedes, Baku oil and the revolution in Russia]. Translated from Sweden by T. Dobronitskoy. Moscow: Algoritm.
- Mendeleyev, D.I. (1886) *Bakinskoye nefyanoye delo v 1886 g.* [The Baku oil business in 1886]. St. Petersburg: V. Demakov.
- Mendeleyev, D.I. (1949a) *Sochineniya* [Works]. Vol. 10. Leningrad; Moscow: USSR Academy of Sciences. pp. 501–502.
- The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 31. File 483.
- Ilimov, I.P. (1884) *Nefteprovod i nefyanaya promyshlennost' Baku* [Oil pipeline and oil industry in Baku]. St. Petersburg: [s.n.].
- Great Biographical Encyclopedia. (n.d.) *Ilimov Ivan Petrovich* [Ilimov Ivan Petrovich]. [Online] Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/45552/Ilimov. (Accessed: 21st February 2016).
- Mendeleyev, D.I. (1949b) *Sochineniya* [Works]. Vol. 10. Leningrad; Moscow: USSR Academy of Sciences.
- The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 31. File 439.
- The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 31. File 409.
- The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 3. File 395.
- The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 37. List 31. File 468.
- Dzhalilov, A.G. (n.d.) *Stroitel'stvo Baku-Batumskogo kerosinoproroda i ekonomika Yuzhnogo Kavkaza v nachale XX veka* [The construction of the Baku-Batumi kerosene pipeline and the economy of the South Caucasus in the early twentieth century]. [Online] Available from: <http://static.bsu.az/w8/Xeberler%20Jurnali/Humanitar%20%20%202014%20%203/12%20%20%20%20A.G.Dzhalilov.pdf>. (Accessed: 22nd March 2016).
- Council of the Congress of the Oil Industry. (1896) *Otchot o deyatelnosti soвета, izbrannogo na IX s'yezde neftepromyshlennikov* [Report on the activities of the council elected at the 9th Congress of Oil Industrialists]. Baku: Sovet s'yezda neftepromyshlennikov.
- Anon. (n.d.) *Nikolay Leonidovich Shchukin*. [Online] Available from: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Flibrary.pgupmarch.s.ru%2Fjirbis%2Fimages%2Fshchukin.docx&name=shchukin.docx&lang=ru&c=56d3559656be>. (Accessed: 10th March 2016).

УДК 316.7
DOI: 10.17223/19988613/54/3

Д.В. Васильев, С.В. Любичанковский

РУССКАЯ ВЛАСТЬ В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Рассматривается история формирования образа власти в одном из мусульманских регионов Российской империи – Туркестанском генерал-губернаторстве, который был одним из важнейших факторов внутренней политики, обеспечившим стабильное развитие Русского Туркестана. Показаны этапы становления русских частей туркестанских городов, особенности их планировки и застройки. Сделан акцент на смысловом и символическом значении городской топонимики и монументальных сооружений в создании нового цивилизационного пространства в регионе. Объясняется значение пышных церемониалов, сопровождавших публичные мероприятия российской администрации.

Ключевые слова: монументальное искусство; градостроительство; архитектура; церемониал; образ власти; Русский Туркестан; традиционная культура; европейская цивилизация.

Осваивая Центрально-Азиатский регион в XIX в., Российская империя встретила в нем совершенно новую для себя социокультурную среду. Культурная дистанция между российской повседневностью (а также соционормативной традицией мусульман внутренней империи) и тем, с чем столкнулись завоеватели в приграничных регионах, была разительна, удивительна и даже пугающа. Новые «другие» воспринимались как потенциальная угроза.

Здесь империя попала в атмосферу «средневековья» и чувствовала себя символическим проводником, транслятором ценностей западной цивилизации. Инаковость социокультурной традиции ощущалась не только на ментальном уровне, но и просто визуально. Это была действительно другая повседневность: иные улицы, иные жилища, иной ритм жизни, иные постоянные дворы и трактиры, иные городские рынки, иная одежда, иная музыка, иные семейные (и вообще социальные) отношения. Воспринять местную социокультурную традицию русские не могли. Оставалось вписаться в нее и преобразовать. Оставляя за скобками неоднозначные последствия цивилизаторской миссии России, заметим, что со временем «другая повседневность» в Центральной Азии стала приобретать новый облик. Дороги, новые типы гражданских и военных построек, театры и госпитали, формируя новую европейскую городскую традицию, создавали новое качество социальных отношений и связей.

На Востоке Россия столкнулась с традицией государственности, одной из важнейших составляющих которой была самопрезентация власти. Власть должна была поражать подданных своим величием. Это было одним из факторов, гарантировавших лояльность местного населения. Именно стремлением подчеркнуть величие, основательность и постоянство власти было вызвано появление великолепных резиденций главных

начальников региона. Резиденция туркестанского генерал-губернатора поражала роскошью внутреннего убранства. Новые здания театров, гимназий, площади и парки были не только формами городской культуры, но и сами являлись символическим воплощением имперской стабильности и порядка.

Вслед за завоеванием Мавераннахра империя столкнулась с дилеммой – принять местные условия игры и модернизировать окружающую действительность изнутри (путь долгий и трудный) или напрямую навязать социуму свою модель (более решительная и быстрая трансформация), подкрепляя радикальные политические, экономические и социальные изменения презентацией альтернативного образа цивилизованности, подчеркивающего резкую грань между прошлой жизнью и будущим огромного региона, определяющимся европеизированными социокультурными кодами.

Вполне естественно, что Россия, позиционировавшая себя транслятором европейской цивилизованности на Востоке, не видела для себя другого пути, кроме решительного конструирования визуального образа своей гегемонии, призванного подчеркнуть не только цивилизационную дефиницию и незыблемость новой власти, но и необратимость свершившихся и предстоящих трансформаций.

Поэтому сразу вслед за завоеванием Ташкента (17 июня 1865 г.) начался перманентный процесс преобразования городского ландшафта. В первую очередь были снесены кокандские оборонительные сооружения и военные постройки, а к сентябрю 1865 г. было завершено строительство новой крепости с помещениями для воинских подразделений и командования, лазаретом, цейхгаузом и пороховым погребом. Эти сооружения конструктивно не отличались от подобных по всей империи, а первое гражданское здание европейской архитектуры – домик первого военного губернатора

Туркестанской области М.Г. Черняева – стал своеобразным прототипом для ранней европейской застройки Ташкента. Его европейская планировка сочеталась с традиционными строительными материалами. Толстые стены с небольшими окнами были сложены из сырцового кирпича и завершались камышовой крышей с небольшими скатами.

Интеграция русской архитектурной школы с местной традицией, воплощенная в так называемом кирпичном (мене корректно – «колониальном») стиле, появление особых «русских» частей городов с европейской планировкой стали не только чертами, заложившими фундамент для трансформации туркестанских городов, но и важными элементами конструирования визуального образа присутствия Российской империи в инокультурном регионе, которые получили развитие в дальнейшем.

А пока, в середине 1860–1870-х гг., началось не только строительство нового Ташкента и других городов региона, но и закладывались основы взаимодействия «русских» и «туземных» частей городов, ставшего на долгое время отличительной чертой региональной городской культуры.

Умеренная интеграция – вот емкая характеристика, которая отражает суть российской политики в регионе вообще, в том числе и ее социокультурной составляющей. А потому новая власть в весьма редких случаях шла на строительство абсолютно новых городов, предпочитая использовать и развивать уже сложившуюся инфраструктуру. Новые европейские города в большинстве своем учреждались у границ старых населенных пунктов, не вторгаясь в пределы устоявшихся городских общин (махалля), но и не пуская их на свою территорию.

Не только новая архитектура, монументальные сооружения (общественные здания, храмы и памятники), но и регулярная планировка городов, а также прототипы генеральных планов призваны были создать новую реальность и маркировать российское присутствие в Центральной Азии, но стать притягательным образцом – моделью новых цивилизационных отношений между властью и подданными.

В отличие от хаотичной дискретной застройки старых городов, планировка новых отличалась регулярностью, т.е. рациональностью и ясностью целей. В их центрах проектировались широкие площади, пригодные для демонстративных парадов войск, значительные участки отводились под базары, скверы и бульвары. Регулярно организованные широкие проспекты и улицы подлежали бульжному мощению. Позднее на них организуются освещение и движение городского транспорта.

В течение первых 15 лет с момента присоединения к России Туркестанского края (1865) таким преобразованиям, кроме Ташкента, подверглись Самарканд, Наманган, Андижан и, несколько позднее, Коканд и Маргелан (Новый Маргелан). Что касается других ад-

министративных центров Российской Центральной Азии, таких как Верный и Асхабад, которые в разное время входили в состав Туркестанского генерал-губернаторства в составе Семиреченской и Закаспийской областей соответственно, то здесь ситуация была принципиально иной. Верный вырос из русского военного укрепления и казачьей станицы, поэтому деления на «русскую» и «туземную» части здесь не было, а город сразу же получил и сохраняет до сих пор регулярную планировку в своей центральной части. По такому же пути развивался и Асхабад с той лишь разницей, что он сформировался на месте населенного номадами небольшого Ахалтекинского оазиса, а потому не имел сколько-нибудь серьезных препятствий на пути устройства регулярно спланированного российского административного центра.

Первым городом нового типа в оседлой части Русского Туркестана стал Ташкент. После принятия решения о превращении его в административный центр новых российских владений, к северо-востоку от новой крепости была спланирована площадь, своими прямоугольными краями формировавшая регулярную планировку нового города, развивавшегося в восточном и юго-восточном направлениях. От этой площади началась улица Самаркандская, ставшая главной осью нового города. Со временем вокруг главной площади появились дом генерал-губернатора с садом и торговая площадь. Таким образом, в соответствии с европейской практикой, вместо полицентризма старого города, новая часть Ташкента получила ярко выраженный центр, отмеченный со временем архитектурными и идеологическими доминантами.

История российского градоустройства Ташкента позволяет выделить три периода. Причем второй период несколько не противоречит первому, не означает начало реализации некой новой градостроительной идеологии, а напротив, развивает символизм, изначально заложенный военными инженерами.

Даже беглый взгляд на план русского города вызывает почти неосознанное желание наложить его на план регулярного идеала России – Санкт-Петербурга. При этом схема столицы Туркестанского края повторяет главные элементы схемы столицы империи: крепость на юго-западе уравновешена главной площадью с домом (дворцом) генерал-губернатора; практически прямоугольная планировка первых регулярных кварталов дублирует линии и проспекты Васильевского острова; а радиально-концентрическая схема планировки второй очереди городской застройки (по генеральному плану 1873 г.) повторяет лучи проспектов, расходящихся от столичного Адмиралтейства [1. С. 224]. Новые улицы стали более широкими, на новых территориях появились зеленые массивы садов и парков.

Первоначально новая часть Самарканда не имела четкой планировки. После русского завоевания (1868 г.) центром осталась цитадель, эспланада которой была вскоре расчищена и от нее протянуты три широ-

кие улицы к Регистану, комплексу Шах-и-Зинда и юго-западнее Регистана. Планировочные работы в новой части города начались в 1872–1873 гг. к западу от цитадели, так как восточные и юго-восточные территории были заняты старыми кварталами. В новом Самарканде за основу была принята реализованная позднее в Ташкенте радиально-концентрическая схема, наиболее эффективная с оборонительной точки зрения. Если в Ташкенте границей двух городских частей был арык Анхор, то в Самарканде – широкий Абрамовский бульвар. Как и в региональном центре, две большие площади были отведены под плац и базар.

Подобную организацию с плацем, базаром и городским садом, шестью радиальными улицами и тремя концентрическими проспектами получил с 1877 г. Наманган, новая часть которого была отделана от старой части бульваром. Аналогичное устройство в то же время обрела русская часть Андижана. Радиально-концентрическая схема была реализована при устройстве Нового Маргелана, соединенного шоссе со старым Маргеланом. Планировочное отступление было сделано лишь для Коканда, занятого российскими войсками в 1876 г. Здесь новая часть города с прямыми улицами была устроена в центре вокруг ханской резиденции Урды [1. С. 225].

Избранная в большинстве новых районов туркестанских городов радиально-концентрическая схема оправдывалась не только военно-тактическими соображениями. Испытанная в российской практике, она создавала условия для дальнейшего роста городов и при этом обеспечивала эффективную связь окраин с городским центром, где концентрировались административные и общественные учреждения, формировались торговые центры.

Новые части городов и европеизированные городские кварталы должны были нести в себе не только символические, но и вербальные коды, призванные день за днем воздействовать на местное население, выходящее за узкие рамки (территориальные и ментальные) своих социумов для взаимодействия с новой властью в зоне фронта. Остановимся на Ташкенте, где, подобно другим местным административным центрам, военно-завоевательный и мемориальный характер нового поселения отразился в названиях улиц, носивших имена наиболее отличившихся генералов (Черняевская, Романовского, Кауфманская, Скобелевская, Куропаткина, Духовского); названия завоеванных в регионе населенных пунктов (Самаркандская, Иканская, Чимкентская, Туркестанская, Аулие-атинская, Кокандская, Андижанская и др.) и мест, прославивших русское оружие в других войнах (Шипкинская); имперских столиц (Петербургская и Московская); имена крупнейших деятелей русской культуры (Пушкинская, Крылова, Лермонтова, Некрасова). Это должно было и зримо, и вербально обозначить не только присутствие инокультурной империи, но и ее доминирование в регионе.

Широкие улицы и проспекты, площади, скверы и свободная застройка не только формировали более благоприятные, чем в старых городах, условия для жизни, но и создавали привлекательный образ новой власти хотя бы в глазах расположенной к сотрудничеству элиты местного общества. Что же касается старых частей крупных туркестанских городов, то здесь не осуществлялось никакого благоустройства, за исключением уничтожения зинданов (подземных тюрем) и прокладки улиц для связи с русскими частями.

Первые капитальные сооружения возводились военными инженерами и не отличались архитектурными изысками и стилевым разнообразием. Они имели исключительно утилитарный характер и несли на себе отпечаток набиравшего силу эклектизма. Основным стройматериалом был сырцовый кирпич. Лишь наиболее важные постройки военного ведомства возводились из жженого кирпича. Местные декоративные элементы и приемы находили применение при строительстве даже первых туркестанских храмов.

Первые административные здания Ташкента были сосредоточены на улице Романовского (прежде – Базарной, Большом проспекте), названной так в честь второго военного губернатора Туркестанской области, прославившегося рядом значимых военных побед. Под руководством военного инженера Д. К. Зацепина здесь в 1873 г. были отстроены одноэтажные помещения Сырдарьинского областного правления и Канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Они соседствовали с возведенным в 1877 г. инженером С.В. Лихановым двухэтажным зданием Контрольной палаты. Единственным средством выразительности этих эклектических сооружений были простые горизонтальные карнизы и вертикальные пилястры [1. С. 227]. Здание Канцелярии имело подчеркнутый вход в угловой части, а его фасад был декорирован чередованием плоских канеллированных пилястр ионического ордера с полуциркульными окнами. Широкая одномаршевая лестница вела сразу на второй (служебный) этаж Казенной палаты, а первый (цокольный) предназначался для подсобных целей [2. С. 47]. В других городах края в это время возводились в основном военные и административные сооружения, мало отличавшиеся от построек в центре генерал-губернаторства.

Если в первые полтора десятилетия российская администрация была занята в основном завершением военных действий, умиротворением покоренного края и решением неотложных вопросов, то к концу 1870-х гг. обрела достаточно силы для того, чтобы перейти к решению задач укоренения и распространения в местной среде влияния и авторитета имперской власти монументальными средствами. Безусловно, монументальная архитектура является важной составляющей образа власти. В этом отношении российская власть пошла по двухколейному пути, сочетая гиперболизацию традиционной семантики (резиденции власти) и сооружение монументальных зданий новой функциональной

направленности, декларировавших полный разрыв с архаическим прошлым.

Официальные резиденции и общественные здания играли важную роль в пропагандистском дискурсе империи в Центральной Азии. Следует заметить, что, идеологически и физически осваивая новое социокультурное пространство, власть приносила в среднеазиатский город как отжившие свой век, так и вполне современные архитектурные формы. В Ташкенте второй половины XIX в. можно встретить два типа дворцов. Первый, представленный дворцами генерал-губернатора и великого князя Николая Константиновича, апеллирует к европейской традиции раннего Нового времени, в которой дворцовая резиденция «представляет собой тотальное художественное пространство, в котором упразднены все хозяйственные функции в пользу единственной – репрезентативной» [3. С. 29]. Он не просто коррелирует с государственной властью, но своим декоративным оформлением являет определенную сюжетно-тематическую программу. Строившийся с 1866 по 1884 г. дворец генерал-губернатора (Белый дом) представлял собой сооружение с довольно путанной планировкой, среди которой тем не менее выделалась анфилада прекрасно отделанных парадных комнат с высокими потолками: огромные Георгиевский зал и большая столовая, а также несколько гостиных, одна из которых была выполнена в местном стиле. Посередине дворца под огромной остекленной крышей располагался Зимний сад с мостиками, горками, фонтаном и множеством экзотических растений. Наиболее ярким элементом фасада дворца был двускатный навес над центральным входом, опиравшийся на деревянные колонны и балки, покрытые прихотливой глубокой резьбой в псевдорусском стиле. То обстоятельство, что построивший это здание генерал-губернатор К.П. Кауфман предпочитал работать в более скромной обстановке загородной дачи, кстати, является одним из доказательств особого предназначения резиденций именно как символов имперского присутствия на окраинах. Над площадью перед Белым домом доминировал сооруженный в 1888 г. Спасо-Преображенский военный собор. Массивное храмовое здание вместе с 33-метровой колокольней, выполненные в византийском стиле, вместе с генерал-губернаторской резиденцией предназначены были исполнять репрезентативную функцию, декларируя неразрывное единство и незыблемость русской власти и православия, неразрывную связь окраины с Российской империей.

Завершение работ в Белом доме и строительство военного собора приходится на второй период российского градостроительства в Туркестане, когда планировочные вопросы уже решены и начинается интенсивная застройка городских кварталов. В результате синтеза местных и русских архитектурно-строительных приемов разрабатывается типология общественных и жилых зданий.

Именно в этот период, в силу различных обстоятельств, в пределах туркестанских городов начинает

проявляться взаимное влияние двух культурных традиций. При этом российская (европеизированная) традиция, воспринимая некоторые местные реалии, лишь усиливает свое симфоническое звучание, направленное на гомогенизацию социокультурного пространства региона на основе новых цивилизационных норм.

Если на первом этапе российская власть предпочитала, не вторгаясь во внутреннюю жизнь старых городов, обустривать свои военизированные административно-культурные форпосты вне городских стен, то наступившее умиротворение края позволило ей действовать в этом отношении более свободно и целесообразно.

Это касается в первую очередь Коканда, где вопрос новой городской планировки с выделением русской части не был еще решен. Из-за нехватки свободных пригородных земель в бурно разрастающемся уездном городе не оставалось ничего, кроме как устроить русские кварталы вокруг бывшей ханской резиденции. Однако и здесь удалось освободить лишь незначительную территорию. В 1884 г. с запада на восток через центр города была проложена прямая улица, вдоль которой лишь 18 участков были отданы под частную застройку, а остальные заняли казенные учреждения. Планируя расширение города на запад, городская администрация вынуждена была пойти на принудительное отчуждение земель, по которым в 1891 г. прошла новая дорога от центра города к вокзалу. Прилегающие к ней участки власти не могли выкупить вплоть до 1917 г. [1. С. 229]. Зато прибывающие сегодня в Коканд могут удивиться, увидев регулярную планировку и небольшие европейские кварталы, окружающие бывший ханский дворец, бок об бок с которыми соседствуют оставшиеся от ханских времен памятники истории, культуры, фрагменты старой застройки. При этом хаотичные махалы разрезаны широкими прямыми улицами, огибающими исторически сложившиеся кварталы.

Однако пример Коканда является уникальным для Туркестана. Российская администрация в XIX столетии не стремилась к насильственному разрушению местной повседневности, полагая наиболее эффективным конструирование новой привлекательной реальности где-то в досягаемой близости. Еще одним исключением в этом отношении был Андижан, где после подавления восстания 1898 г. под русскую застройку было конфисковано более 200 десятин городской земли.

В последней четверти XIX в. в Туркестане удалось наладить массовое производство жженого кирпича, который стали использовать и в старых частях городов при строительстве жилых домов и квартальных мечетей. А вслед за новым стройматериалом шли новые строительные и декоративные технологии, заимствованные у русских архитекторов.

Местный желтовато-серый кирпич, в отличие от распространенного во внутренней России красного, практически не менял от времени цвет, а распространенное в это время по всей стране многоэтажное строительство не получило развития в Туркестане. Эти

обстоятельства привели к тому, что малоэтажные строения из местного жженого кирпича отличались большим разнообразием, лаконичностью и выразительностью, что сформировало уникальный туркестанский кирпичный стиль. Этот материал позволил сохранить до наших дней часть свидетельств цивилизационного присутствия России в Мавераннахре. Следует добавить, что ближе к концу столетия военных инженеров в туркестанском строительстве сменили гражданские архитекторы, приезжавшие, в том числе, из столиц. Это не могло не отразиться на изменении облика местных городов.

Одним из наиболее интересных сооружений того времени стал дворец великого князя Николая Константиновича, возведенного из жженого кирпича в 1889–1890 гг. по проекту А.Л. Бенуа и под руководством В.С. Гейнцельмана. Это эклектичное сооружение, в основном одноэтажное на высоком цоколе, значительно уступало по размеру великокняжеским резиденциям и купеческим особнякам российских столиц. А его решение в романтическом духе, с использованием романских и готических элементов, придавало дворцу облик охотничьего загородного особняка, что поддерживалось скульптурами охотничьих собак, оленей и размещенными на фасадах конскими головами. Внутренние помещения были украшены в восточном и средневековом европейском стилях [2. С. 54–55]. Дошедшее до наших дней сооружение сохраняет свою притягательную силу и вызывает удивление даже на фоне современного окружения. Что уж говорить о вековой давности, когда небольшой дом члена императорской фамилии воспринимался как диковина и поражал воображение местных жителей.

Завершив умиротворение региона, российская власть принялась за его политическое, административное и культурное освоение. Внедрение новых, цивилизационно чуждых элементов во все сферы местной повседневности (кроме религии) должно было поддерживаться и визуально. В том числе поэтому, а не только из утилитарных соображений в туркестанских городах стали появляться сооружения нового типа – административные и общественные здания, призванные визуально закрепить наступление нового этапа в жизни обширного региона.

В 1882 г. на Константиновской (названной в память о генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане) площади поднялось простое и пропорционально строгое, украшенное рустом, пилястрами и разнообразными оконными проемами двухэтажное здание Ташкентской мужской гимназии, мотивы которого в несколько упрощенной форме были повторены в появившемся через год и фланкирующем сквер с другой стороны от Соборной (Кауфманской) улицы помещении для женской гимназии.

Совсем незадолго до этого из сырцового кирпича на той же площади появился комплекс (учебный корпус и часовня) Учительской семинарии, возведенный по про-

екту архитектора А.Л. Бенуа и сочетавший элементы «русского» и готического стилей. Первый стиль получил максимальную реализацию при сооружении павильонов для ташкентской выставки 1890 г. Русская стилистика нашла отражение в разработке типовых проектов церквей для русских поселений Сырдарьинской области, в украшении служебных построек великокняжеского дворца, в нереализованном проекте привокзальной церкви Ташкента, составленном в 1896 г. гражданским инженером Г.М. Сваричевским [1. С. 233, 235].

В 1898 г. архитектором В.С. Гейнцельманом было выстроено здание Реального училища. В нем впервые в туркестанской практике был применен мотив контрфорсов, придающий сооружению монументальность, вполне приемлемую в масштабах открывающейся перед ним площади.

Туркестанская практика знает и использование классицистических приемов в архитектуре. Например, выстроенное в 1899 г. по проекту архитектора О.И. Гамбургера здание Городской думы, главный вход в которое был выделен монументальным выразительным портиком, опирающимся на две мощные канеллированные дорические колонны, фланкированные квадратными пилонами. Стены одноэтажного фасада были украшены уникальными для города барельефами.

Еще одним удачным примером капитальных строений новой власти в Ташкенте стало здание конторы Государственного банка, построенное в 1895 г. по проекту В.С. Гейнцельмана. Выдержанное в стиле барокко, оно имело оформленный в виде ризалита вход, богато декорированный колоннами с разорванным фронтоном.

Монументальным и представительным было открывшееся еще в 1885 г. в основном одноэтажное здание Военного собрания. Отличавшееся неудачной планировкой, оно имело большой двусветный зал, украшенный лепными деталями, канеллированными колоннами и балконом. Все эти украшения, как свидетельствуют специалисты, делали зал нарядным и уютным, но не избавляли его от провинциальной перегруженности, превращая сооружение в «типичный образец крупного провинциального здания, соответствующего вкусам и запросам его посетителей» [2. С. 75].

Православные храмы, здания резиденций губернаторов и уездных начальников, областных правлений и канцелярий, офицерских и общественных собраний, гимназий и лазаретов в это время появляются в Самарканде, Новом Маргелане, Намангане, Андижане, других областных и уездных городах Туркестанского края. Представляя собой монументальные сооружения, они безусловно несли на себе идеологическую нагрузку, донося до зрителя мысль о незыблемости российского присутствия в регионе. При этом часть зданий (в первую очередь резиденции губернаторов и военные собрания) призваны были продемонстрировать величие новой власти и напомнить о мощи ее армии.

Активизация экономики страны на рубеже XIX–XX вв. вполне закономерно затронуло и Туркестанский

край, где начинается быстрый рост городов, появляются капитальные сооружения нового типа: вокзалы, крупные магазины, гостиницы, театры, цирки, здания промышленных предприятий, многоквартирные дома. Архитектурно-строительная связь региона с имперским центром становится более тесной.

В это время в Ташкенте появились электрическое освещение, водопровод, общественный транспорт, в том числе и трамвай, пожарные команды. Центральные улицы были асфальтированы. Местная бойня была оснащена по последнему слову техники. Монументальные сооружения этого времени стали более выразительными и отражали самые современные стилистические направления. Все большее распространение получают двухэтажные здания. Популярным становится стиль модерн, накладывавшийся на местную эклектику.

Многие общественные здания решались в стилистике «немецкого Ренессанса». Например, новый вокзал, возведенный в 1898 г. по проекту Г.М. Сваричевского. Его центр выделялся высоким куполом с железной крышей, имитировавшей черепицу. Фасад украшали колонны с большими оконными проемами. Боковые части фасада, как и центр, были выделены ризалитами и украшены меньшими башенками. Те же мотивы прослеживаются и в крупном торговом пассаже Арифходжи в самом центре города.

Одним из наиболее интересных общественных зданий 1910-х гг. стала гостиница «Националь» с распространенным в Ташкенте угловым входом, отмеченным по вертикали башенкой. Необычные решения имел и пассаж Яушевых с прорезной аркой. Расположенный неподалеку доходный дом, возведенный И.А. Маркевичем в 1915 г. с использованием классицистических элементов, имел оригинальное решение внутреннего фасада с большими балконами-айванами по второму этажу.

Русский стиль постепенно терял свою актуальность и отражался в основном в культовых постройках. Последним примером его применения в гражданском строительстве стало колоссальное здание Кадетского корпуса, богато украшенного по фасаду фасонным кирпичом.

Лишенный своих естественных строительных материалов (стекла, бетона, металла и новых декоративных материалов) модерн в Туркестане получил своеобразное воплощение как вариация «кирпичного стиля». Наиболее удачным в этом отношении было архитектурное решение сохранившегося до наших дней здания Русско-Азиатского банка в Коканде (архитектор И.А. Маркевич) и, в меньшей степени, дома Вадьяевых (архитектор Г.М. Сваричевский) там же. Более интересны и стилистически цельны его же здания для аптеки Ф. Каплана (1906) и Мариинского училища (1912) в Ташкенте.

Формы архитектуры классицизма нашли отражение во внушительном трехэтажном здании Туркестанской судебной палаты и Окружного суда, строительство ко-

торого по проекту архитекторов Г.М. Сваричевского и К.М. Тильгина завершилось к 1918 г. Центр сооружения был выделен портиком с колоннами, увенчанными фронтоном. Первый этаж был выделен рустом, а детали фасада отличались лаконичностью. Парадным подъездом с колоннадой в первом этаже и аттиком во втором было украшено располагавшееся неподалеку здание зимнего театра, перестроенное из помещения биржи инженером И.А. Маркевичем в 1915 г. Несущее на себе черты московского классицизма, это сооружение имело более камерный, но тем не менее величественный облик по сравнению со своим соседом.

Перечислив многочисленные увеселительные заведения дооктябрьского Ташкента, среди которых театр-варьете «Буфф», кинотеатр «Мулен Руж», летний кинотеатр «Хива» в Городском саду, Общественное собрание, остановимся лишь на кратком описании стационарного кинотеатра «Хива» (1910–1912) на перекрестке Кауфманского проспекта и улицы Романовского. Суровое внешнее оформление здания в стилистике хивинской усадьбы контрастировало с экзотическим внутренним декором. Сохранилось его описание, оставленное самим архитектором: «Зал обработан в хивинском вкусе. Карниз – 1 400 штыков и столько же казачьих шашек. По стенам картины их Хивинского похода... Занавес – парад на главной хивинской площади. В фойе – тропические растения, обезьяны и попугаи. По стенам – картины тропической природы» [1. С. 246–247].

Трудно отказать себе в цитировании описания уникального сооружения, появившегося в Ташкенте накануне Революции. Речь идет о цирке-варьете, более известном как театр «Колизей», с самым большим зрительным залом в городе (почти на 1 100 мест). «Главным элементом композиции был круглый зал, перекрытый куполом диаметром около 33 м. Внизу пространство зала было заполнено по кругу возвышающимися рядами зрительских мест. В задней части зала находилась большая сцена с оркестровой ямой. Внизу, примыкая к центральной арене, располагался первый ярус наиболее удобных и близких к сцене мест. Далее, за ограничивающим барьером, находились места второго яруса, замкнутые венцом лож. Проход к местам первого яруса вел непосредственно из просторного вестибюля и по круговой галерее под местами второго яруса. Эта же галерея, к которой примыкали помещения буфетов и туалетов, служила рекреацией во время антрактов. На второй ярус и в ложи попадали из вестибюля по отдельным лестницам через глубокое и просторное фойе, вытянувшееся вдоль всего главного фасада. Для подъема на галерею под ложами были отдельные лестницы, вытянувшие вдоль боковых фасадов с выходом на них непосредственно с улицы. Интерьер зала был полностью лишен чисто декоративных элементов. Простотой, логикой решения и целесообразностью он очень близок современным архитектурным решениям. В нем активные архитектурные формы,

формирующие пространственный облик зала, в то же время функционально и конструктивно необходимы» [2. С. 75–76].

Подобные ташкентским сооружения, только иной раз меньшего масштаба и меньшим количеством, находились во всех областных городах края. Чуждые местной традиции (знавшей исключительно ханские дворцы) не только по своему архитектурному решению, но и по функциональному назначению дворцы управления, просвещения, суда, публичных собраний и развлечений не только знаменовали собой начало новой эпохи, но и призваны были пропагандировать новый образ жизни и новые цивилизационные ценности.

Новый тип дворцов, дворцов-идеологем, был представлен в Туркестанском крае целым рядом зданий государственных учреждений, призванных своим величественным обликом декларировать стабильность и укорененность институтов государственной власти в цивилизационной парадигме, политическое и социальное устройство государства, его прерогативы и приоритеты. Не случайно монументальный характер имели помещения Казенной палаты и Судебных установлений, построенной в псевдорусском стиле на Константиновской площади учительской семинарии. А в большинстве своем одноэтажном городе выделялись большие, решенные в выразительных архитектурных формах, двухэтажные здания мужской и женской гимназий. Самым крупным и в некотором смысле парадным и монументальным городским сооружением стало законченное к 1905 г. здание кадетского корпуса. Обратим внимание, что даже совершенно новые типы зданий (фабрики, вокзалы, кинотеатры, пассажи, выставочные павильоны), будучи зачастую выполнены в местном стиле, тем не менее семантически провозглашали наступление в Туркестане нового времени, поддерживали образ незыблемости российского владычества, радикально изменившего вектор развития региона.

Здесь следует заметить, что сфера народного просвещения также рассматривалась как важнейший элемент конструирования образа России в Центральной Азии. Распространение русского языка и российской школы изначально воспринимались как важнейшее средство закрепления Туркестана в составе империи. Достичь поставленной цели предполагалось путем создания неконфессиональной и общей для русского и коренного населения школы. Российская администрация в Туркестане прошла путь от «игнорирования» традиционной мусульманской школы в расчете на то, что она не выдержит конкуренции с более прогрессивной вестернизированной русской школой, до попыток ввести в программу медресе русский язык, математику, географию, историю, естествознание и другие предметы. В конце XIX в. была выдвинута идея русско-туземных школ, школ начального образования для обучения детей местного населения нерусского происхождения. Они являлись первыми школами европейского типа, в которых представители местного населе-

ния в Туркестане могли получать светское образование. Целью этих школ являлись обучение детей местных жителей русскому языку и приобщение к ценностям европейской и русской культуры. Обучение русскому языку в этих школах начиналось с первого года обучения.

Новая власть стремилась не только навязать местному населению новые правила жизни, но и небезуспешно брала на вооружение приемы воздействия на подданных, заимствованные у ушедших или потеснившихся на политической сцене ханов.

Именно стремлением поддержать реноме имперской власти в глазах коренного населения объясняется заимствование пышного придворного церемониала, порожденного самой традицией восприятия власти на Востоке. Халиф здесь одновременно являлся религиозным и политическим главой общины. Если вначале он олицетворял суверенитет мусульманской общины, то со временем начинает восприниматься как воплощение верховного суверенитета Аллаха. Повиновение ему приобретает всеобщий характер и становится религиозной обязанностью. Согласно Корану, повелитель имеет право на абсолютное повиновение правоверных. Он волен распоряжаться и жизнью, и собственностью подданных по своему усмотрению. Действия правителя понимаются и объявляются населением как выполнение воли Аллаха, как проявление его власти. Обладание властью религиозного главы делает его недостижимым для подданных. В то же время в мусульманском обществе почитался сан правителя, а не конкретная личность, обладавшая этим саном. Известно, что русские администраторы мусульманских провинций империи успешно использовали эти представления в своей управленческой практике. Первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана местные жители прозвали «Ярым-паша», «Ярым-падишах» (полугосударь) не только за фактическую безграничность полномочий, но и за характерную для Востока завораживающую роскошь, сопровождающую все ритуальные выражения его власти, и колорит, соответствующий ожиданиям местного социума. Обезд туркестанским генерал-губернатором вверенного ему края сопровождался церемонией, поражающей воображение: торжественные построения войсковых частей, военные парады, музыка многочисленных военных оркестров, прием депутаций от всех сословий, торжественные обеды. Все это явно превосходило аналоги из церемониальной практики бухарских эмиров. Принципиальное отличие состояло в том, что российские администраторы широко использовали подобные события как поводы для пропаганды имперской идеологии и разъяснения политических устремлений России.

Стремление соответствовать восточным представлениям о власти и могуществе было важной заботой не только власть предержащих, но и любого лица, так или иначе представлявшего Российскую империю на Востоке. Известный исследователь Туркестана А.П. Фед-

ченко так описывает подготовку к кокандской экспедиции 1871 г.: «В Ходжете я должен был получить казачий конвой до кокандской границы. Опасности никакой не предвиделось, но конвой был нужен, чтобы кокандцы сразу увидели, что к ним едет лицо, пользующееся известным вниманием. Известно, что в Средней Азии значение измеряется внешностью и чем больше значение, тем больше должна быть и свита. Так как успех моего путешествия зависел от приема, который мне сделают, то в этом отношении первое впечатление было в известной степени важно» [4. С. 220]. Российские политические агенты в протекторатах оказывали весьма жесткое воздействие на правительства Бухары и Хивы. Но делали это под прикрытием внешнего беспрекословного уважения к привилегиям ханской власти и ее внутреннему суверенитету.

Таким образом, создавая образ новой власти, царская администрация, в первую очередь, исходила из принципа замещения субъектов традиционных сакральных представлений. Принимая во внимание традиционную нераздельность светской и духовной власти в исламе, имперская администрация в Центральной Азии отделила сферу управления от культа, не покушаясь на сакральное восприятие власти. Высокий социальный статус сохранился за служителями культа, которые не были подвергнуты гонениям и заняли свою нишу в новой социальной структуре. Имперская администрация стремилась воспринять светскую составляющую представлений о власти, а поэтому должна была соответствовать некультовым проявлениям ханской власти. Новая власть понимала, что укрепить свою сакральность на основе лишь «игнорирования ислама» не удастся. Поэтому она перешла к конструированию собственной системы культурных кодов.

Не имея реальной возможности уничтожить месточтимые святыни, на которых зиждилась традиционная идеология, российская администрация пыталась создавать новые культы, маркируя таким образом не только свое присутствие в регионах, но и свое право быть достойной заменой прежней власти в глазах коренного населения. Причем новая сакральность не должна была иметь явно выраженный религиозный характер. Новая власть стремилась осуществить замещение связанных с властью традиционных культов на новые. Мазары должны были уступить свое место монументально оформленным братским могилам российских воинов, павших в боях за Русский Туркестан. Памятники, выполненные в православной и имперской монументальной стилистике, появились по всему завоеванному краю на месте крупных сражений и братских захоронений. Святыни, связанные с именами Чингизидов и Тимуридов, призваны были уступить свое место памятникам имперским деятелям. Уже в первые годы российского владычества в Ташкенте был музеефицирован домик покорителя города М.Г. Черняева. Чуть позже в городе появились и его бюсты.

Культ покорителей, вместе с альтернативной традиционной системой образования, должен был стать

лейтмотивом пропаганды единства империи и неотъемлемости Русского Туркестана. В связи с этим интересно вкратце рассмотреть судьбу мемориалов, связанных с именем первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана, которого в имперской пропагандистской практике принято было называть устройтелем Туркестанского края. Управлявший генерал-губернаторством с 1867 по 1882 г., он был первоначально похоронен в названном в его честь Константиновском сквере. В 1889 г. прах перенесли в новостроенный Спасо-Преображенский военный собор, но мемориальный характер первого места погребения было решено сохранить. И в 1893 г. в сквере появился необычный памятник: на постаменте из семи рядов ядер жерлами вверх стояли три скрещенные пушки, поддерживавшие крупное ядро с воздвигнутым на нем мечом, обрамленным бронзовым венком. У подножия к пушкам были приставлены три щита с надписями, а по бокам установлены два Георгиевских знамени. Монумент окружала цепь на четырех столбах. Довольно скупыми, но конкретными формами монумент напоминал не только о былых победах, но и своеобразно предупреждал о боевой готовности российской армии.

В 1907 г. был объявлен конкурс на новый памятник «Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию». На четырехгранном пьедестале, опершись на трость и задумчиво склонив голову, стоял генерал в походной форме. У ног его склонились неприятельские трофеи, которые попирали ногой солдат, трубящий отбой войне. На гранях постамента, согласно условиям конкурса, в увитых торжественными гирляндами медальонах, были помещены увенчанные двуглавым орлом барельефы главных участников среднеазиатских событий – генералов Черняева, Колпаковского, Скобелева и Абрамова. Этот проект не был реализован: во-первых, многим было непонятно, почему в ногах Кауфмана оказались деятели, внесшие большой вклад в завоевание Туркестана, а во-вторых, фигура утомленного генерала не вписывалась в символический ландшафт страны, постоянно нуждавшейся в напоминании о могуществе завоевателей. В итоге в 1813 г. на площади в центре Константиновского сквера был открыт новый памятник. То обстоятельство, что он замыкал перспективу Кауфманского и Московского проспектов, определило большие размеры памятника и его вертикальную архитектуру. Являясь своего рода квинтэссенцией имперской пропаганды, монумент представлял собой многофигурную композицию, в которой бронзовые фигуры были подняты на высоком пьедестале в виде среднеазиатской крепостной башни. Венчали постамент фигура генерала в походной форме с опущенной обнаженной саблей и устремленным вдаль взглядом и расположенные позади фигуры двух солдат, один из которых трубил отбой, а другой, поддерживая вертикаль монумента, водружал на башне победоносное знамя. В ногах генерала на уступе башни хищно распростер крылья двуглавый орел. Помещенная под ним бронзо-

вая доска сообщала, что этот памятник посвящен «Константину Петровичу фон Кауфману и войскам, покорившим Среднюю Азию». В подножие монумента были вмонтированы доски, перечисляющие воинские части, участвовавшие в завоевании Туркестана, и земли, присоединенные при Кауфмане: «Бухара. Хива. Коканд. Кульджа. Туркмения». На одной из досок цитировалось завещание генерала: «Прошу похоронить меня здесь, чтобы каждый знал, что здесь настоящая русская земля, в которой не стыдно лежать русскому человеку». Символическое значение этого монумента вполне очевидно. Как очевиден и выбор места для него. Недаром уже в 1919 г., через год после уничтожения этого памятника, на его месте появился символ новой власти – серп и молот, последовательно сменявшийся символами новых эпох: памятником десятилетия Октября, фигурой Сталина, обелиском «Программы Коммунизма», памятником К. Марксу, конной статуей Тамерлана.

Однако, насаждая новые священные символы в Центральной Азии, имперская власть проявляла должное уважение к местным историческим и культурным ценностям. Полуразрушенные временем и человеческими руками, они продолжали оставаться объектами поклонения верующих, сохраняя религиозный характер и культовое предназначение. Известно, что первые руководители Русского Туркестана особыми приказами

оберегали местные святыни от гибели в период завоевания региона, призывали собирать древности для научного изучения, составлять описания памятников старины и обеспечивать их охрану.

Создание и последовательное развитие образа империи (на визуальном и ментальном уровнях), подразумевавшего величие и незыблемость власти, гуманизм и просвещение, права личности и свободу предпринимательства, общественную безопасность и идеологию единства, являлись важнейшим направлением внутренней политики России в Центральной Азии, обеспечившей ей полувековое практически безболезненное господство в регионе. Демонстрируя лояльность к традиционному культу и уважение к историческому прошлому народа, российская власть рассчитывала на лояльность местного населения и в значительной степени облегчала себе управление им. Предлагавшиеся местному населению новые социокультурные модели подкреплялись визуальными образами (как близкими, так и первоначально непонятными), призванными утвердить среди коренных жителей представление об извечности, недостижимости и незыблемости российской власти, привлекательности новых цивилизационных ценностей. Кроме всего прочего, данные образы должны были стимулировать среди местных ожидание возможного извлечения выгод от приобщения к этим ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чабров Г.Н. Русские архитекторы дореволюционного Туркестана (1865–1916) // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент : Изд-во Акад. наук Узб. ССР. С. 221–249.
2. Нильсен В.А. У истоков современного градостроительства Узбекистана (XIX – начало XX веков). Ташкент : Изд-во лит. и искусства, 1988. 208 с.
3. Никифорова Л.В. Дворец в истории русской культуры: опыт типологии. СПб. : Астерион, 2006. 346 с.
4. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан. [1868–1871]. М. : Географгиз, 1950. 468 с.

Vasilyev Dmitry V. Russian Academy of Business (Moscow, Russia). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

Lyubichankovskiy Sergey V. Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia). E-mail: svlubich@yandex.ru

THE RUSSIAN POWER IN THE TURKESTAN REGION: VISUALIZATION OF IMPERIAL SPACE AS ACCULTURATION FACTOR

Keywords: monumental art; town planning; architecture; ceremonial; image of the power; Russian Turkestan; traditional culture; European civilization.

The purpose of the article is to study forms and methods which were used by the Russian authorities in the Turkestan Governorate General not only in order to mark its presence in the region, but also to approve symbolically its domination in the alien society. The objects of the research caused a choice of the corresponding methodology. The research of toponyms of the Russian part of Tashkent of the second half of the 19th century was made in the context of all urbanonyms. As a result of their historical and chronological analysis separate groups of toponyms bearing this or that symbolical content were determined. The modeling of new and transformation of the existed city space are being studied by means of the cartographical method which allowed to compare new town plans with the plans of the cities of the European Russia. Studying of monumental constructions of the Turkestan cities, primarily of Tashkent, is carried out by the combination of formal and iconographic methods which on the one hand allowed to describe an image, created by this or that monument, and, on the other hand, to emphasize its figurative and symbolical contents. The comparative analysis allowed to demonstrate the relation of monumental constructions in Tashkent with the similar in central regions of Russia. The symbolical aspect of interaction of the representatives of the Russian power with local population is analyzed with the help of the historical and cultural method allowed to use memoirs in order to reconstruct the epoch. The integrated approach applied in article allows to consider the directions of visual and symbolical impact of the Russian administration on the local population in its typological variety and also allows to arrive at the next conclusion. There is no doubt that since the moment when the Russian government decided to conquer and attach Transoxiana to the empire, at first the designing of image of the new power had spontaneous and natural character of a cult of heroic conquerors of the Asian open spaces, and over the time has taken more systematic form. Seeking to make an image of the presence in the region not only powerful, but also attractive, the imperial administration was not only designed the new reality, but also used the principle of replacement of subjects of traditional sacral representations. Thus, it showed demonstrative respect for local historical and cultural values.

REFERENCES

1. Chabrov, G.N. (1960) Russkiye arkhitekory dorevolyutsionnogo Turkestana (1865–1916) [Russian architects of pre-revolutionary Turkistan (1865–1916)]. In: Pugachenkova, G.A. (ed.) *Arkhitekturnoye naslediyе Uzbekistana* [Architectural heritage of Uzbekistan]. Tashkent: Uzbekistan SSR Academy of Sciences. pp. 221–249.
2. Nilsen, V.A. (1988) *U istokov sovremennogo gradostroitel'stva Uzbekistana (XIX – nachalo XX vekov)* [The origins of modern urban planning in Uzbekistan (the 19th – early 20th centuries)]. Tashkent: Izd-vo lit. i iskusstva.
3. Nikiforova, L.V. (2006) *Dvorets v istorii russkoy kul'tury: opyt tipologii* [Palace in the history of Russian culture: an experience of typology]. St. Petersburg: Asterion.
4. Fedchenko, A.P. (1950) *Puteshestviye v Turkestan. [1868–1871]* [A Journey to Turkestan. [1868–1871]]. Moscow: Geografiz.

УДК 94(47) «18/19»: 377
DOI: 10.17223/19988613/54/4

О.В. Дворцова

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТОМСКЕ

Рассматривается процесс становления системы коммерческого образования в Томске, вызванный активным развитием экономики в стране и вовлечением Сибири в мировой рынок. В связи с этим возникла необходимость подготовки квалифицированных кадров, способных работать в соответствии с новыми требованиями. Особый интерес представляет анализ деятельности первой торговой школы и вечерних торговых классов, которые были составными элементами коммерческого образования, направленные обучить учащихся практической работе в торговой и промышленной сфере.

Ключевые слова: предпринимательство; купечество; образование; коммерция; торговая школа; приказчики.

Социально-политические изменения на рубеже XIX–XX вв. в значительной степени затронули экономику страны. Сибирский рынок стал доступен как для крупных предпринимателей и фирм Европейской России, так и для иностранных компаний, которые открывали здесь представительства, склады и магазины. Активно появлялись посреднические конторы, занимающиеся скупкой и перепродажей разнообразных товаров. Выдающееся значение в развитии товарно-денежных отношений сыграла железная дорога, проведенная через Сибирь, которая связала самые отдаленные части Российской империи и способствовала активному развитию торговли и промышленности. Экономические изменения в стране, вызвавшие появление на сибирском рынке большого числа конкурентоспособных компаний способствовали переходу взаимоотношений между предпринимателями и их служащими на новый уровень. Возникла потребность в специалистах, имеющих более совершенное образование и способных работать в новых коммерческих условиях.

Вопросы, связанные с развитием коммерческого образования в России, историки и экономисты стали изучать еще в дореволюционный период. Профессор и издатель «Нового коммерческого журнала» М.В. Кечерджи-Шаповалов в своих трудах представил анализ состояния коммерческого образования в России на рубеже XIX–XX вв., отметив необходимость развития образования в сфере торговли не только в столице, но и по всей стране [1]. Противоположную точку зрения выдвинул профессор А. Сахаров, указывая на недостаток общеобразовательных школ, неразвитые торговые отношения в стране и отсутствие спроса на новые кадры. По его мнению, качественное общее образование должно было воспитать специалистов для работы в сфере торговли и промышленности [2].

Статистические сведения, структура и типы коммерческих учебных заведений, функционировавших в России в конце XIX в., представлены в отчетах учебного отдела Министерства финансов за 1905–1906 гг. [3, 4]. В Сибири о развитии коммерческого образования говорит ряд заметок и статей, опубликованных в периодических изданиях и научных трудах. В частности,

заметки об открытии коммерческих учебных заведений в Томске, объявления о наборе учащихся и новости, связанные с учебным процессом, выходили в ежедневной газете «Сибирская жизнь» [5, 6]. В данном случае заметки в периодике использовались автором в качестве источника.

Большое значение для изучения проблемы развития коммерческого образования в Сибири имеет труд первого директора Первого сибирского коммерческого училища С.Г. Егорова, который составил подробный отчет о работе учебного заведения со дня основания и до 1909 г. Он представил учебные программы, преподавательский состав и списки учеников, получивших образование, финансирование и сметы расходов, а также расположение учебных классов и план здания целиком. Отдельное внимание уделено вечерним торговым классам, позволившим получить образование торговым служащим без отрыва от работы [7].

Из справочных изданий можно выделить труд издателей Н.С. Чиркова и Г.В. Чавыкина, представивших основные сведения (правила приема и стоимость обучения) о Томском коммерческом училище [8, 9]. Заслуживают внимания отчеты Общества взаимного вспоможения приказчиков, по инициативе которого в Томске была открыта торговая школа. В отчете, посвященном 20-летию деятельности Общества приказчиков, размещены приветственные речи архиепископа, представителей городской администрации, основателей школы и почетных членов Общества [10]. В фондах Государственного архива Томской области сохранились дела о назначении субсидии на открытие торговой школы от государства, размер пожертвований от томского купечества и сословный состав учеников [11].

В советский и постсоветский периоды был опубликован ряд работ, авторы которых рассматривали проблему возникновения и развития коммерческого образования в России, в частности в отдельных губерниях и городах. Исследователь Н.С. Зинченко в своей диссертации изучила коммерческие училища Санкт-Петербурга в контексте общеобразовательной школы начала XX в. [12], а Ю.Г. Исаев и Ю.Г. Жуков написали статью о деятельности Иркутского коммерческого учи-

лица, где они показывают специфику коммерческого образования в Восточной Сибири и Санкт-Петербурге [13]. Новосибирский исследователь Н.С. Юрцовский предпринял попытку собрать воедино разрозненную информацию о развитии просвещения в Сибири, посвятив отдельную главу специальному и профессиональному образованию, где автор акцентирует внимание на первенстве Томска в открытии коммерческого училища, а также условиях обучения в торговой школе [14].

Справочная информация о коммерческих училищах в стране представлена в Сибирской советской энциклопедии, которая отражает экономическое, политическое и культурное развитие Сибири, Урала и Дальнего Востока. Во втором томе авторы этой энциклопедии дают определение коммерческим училищам, относя их к общеобразовательным средним учебным заведениям, с преподаванием новых языков, естествознания, математики, с добавлением в качестве специальных предметов, бухгалтерии, счетоводства, экономической географии, политической экономии и товароведения [15].

Ученые начинают изучать отдельные аспекты развития коммерческого образования: учебный процесс, преподавательский состав и учеников, культурно-досуговую жизнь учащихся и др. Исследователи Т.А. Катцина, Л.Е. Мариненко в монографии «Профессиональное коммерческое образование в Сибири» исследуют организационный и научный опыт коммерческого образования, рассматривая вопросы финансирования, материально-техническую базу, кадровый вопрос, условия жизни учащихся. Следует отметить, период становления коммерческого образования рассматривается в основном на примере коммерческих училищ и сделаны общие выводы о коммерческих учебных заведениях на территории Сибири [16].

Исследуемые источники и научные работы ученых позволили выявить проблему специфики развития коммерческого образования в Томске, которая, на наш взгляд, представлена не полностью.

В данной статье будут рассмотрены дореволюционные образовательные учреждения г. Томска, главной задачей которых было предоставление знаний для работников торговли и промышленности, с целью развития торговых компетенций и повышение уровня общего образования среди населения. Объектами исследования в работе стали: Первое коммерческое училище, Сибирская торговая школа и торговые классы.

До конца XIX в. знания в сфере торговли носили практический характер и передавались работодателем своим служащим в ходе работы. Соответственно, предприниматель, обладающий богатым опытом ведения торговой деятельности, мог дать больше информации своим сотрудникам. Как правило, предприниматели брали для выполнения мелких поручений своих сыновей или мальчиков из простых семей, постепенно обучали их работе в торговом заведении (лавке или магазине). Со временем такие «мальчики» переходили в категорию помощника приказчика, приказчика и т.д.

В начале XX в. этих знаний было уже недостаточно. Член Государственной Думы от Томска Г.В. Некрасов охарактеризовал социально-экономическую обстановку в городе следующим образом: «Патриархальная купеческая школа, с ее обучением торговой науке и практическими знаниями на кухне, отжили свой век; ей на смену пришла новая школа, отвечающая потребностям времени» [10. С. 78].

Активно коммерческие учебные заведения стали открываться в центральной части страны в 1880–1890-е гг. и входили в ведомство Министерства финансов, но с октября 1905 г. перешли в ведение учрежденного Министерства торговли и промышленности. Ранее, по Положению от 15 апреля 1896 г., коммерческие учебные заведения были поделены на типы: торговые классы, торговые школы, коммерческие училища и курсы коммерческих знаний. Если в 1896 г. в стране действовало 14 коммерческих учреждений, то в 1900 г. их насчитывалось уже 69, из них: 35 коммерческих училищ, 21 торговая школа, 22 торговых класса и 15 курсов коммерческих знаний [4. С. 11].

Первые коммерческие заведения в Сибири появились именно в Томске – крупном губернском торговом городе, в котором предприниматели осознавали необходимость развития и воспитания новых кадров. С инициативой открытия в Томске коммерческого училища томское купечество выступило еще в 1896 г. Была образована специальная комиссия под руководством купеческого старосты И.Д. Сычева, которая занималась вопросом создания учебного заведения, документации и финансирования. Торжественное открытие училища состоялось в 1901 г., впоследствии получившее имя Цесаревича Алексея.

Большой вклад в организацию и развитие Училища внес Торговый Дом «Е. Кухтерин и сыновья» в лице купца Алексея Евграфовича, который пожертвовал для нужд заведения два деревянных дома по ул. Магистратской (здания не сохранились). Общая стоимость зданий составила 30 тыс. руб. [7. С. 3]. На следующий год наследник известного сибирского купца ходатайствует о строительстве отдельного специального здания для учебного заведения на пл. Соляной, открытие которого состоялось 16 сентября 1904 г. За активное участие Алексей Евграфович вошел в Попечительский совет Училища и был назначен его председателем и удостоен ряда наград. Помимо Кухтерина в Попечительский совет вошли томский купец 2-й гильдии Иван Сычев, потомственный почетный гражданин Андрей Карнаков, томские купцы Николай Тряпицын и Иван Еренев. Членом Попечительского совета от Министерства финансов стал управляющий Томской казенной палатой – надворный советник Иван Хроновский. Директором училища был назначен выпускник Санкт-Петербургского Императорского университета, преподаватель и ученый Сергей Георгиевич Егоров [Там же. С. 5].

Содержалось коммерческое училище за счет субсидий государства, сборов с промысловых свидетельств и

пожертвований. Большие суммы денег жертвовал Торговый дом «Е. Кухтерин и сыновья»: от 522 руб. 67 коп. до 35 тыс. руб. за период с 1902 по 1908 г. [7. С. 110–111].

По статусу коммерческое училище приравнивалось к реальному училищу, другими словами это было среднее заведение, по окончании которого учащийся мог поступить в высшее учебное заведение. Обучение в училище осуществлялось в течение восьми лет, для начинающих подготовку к обучению был открыт специальный класс. В подготовительный класс брали детей от 8 до 11 лет, в первый класс – от 10 до 12 лет и во второй класс – от 11 до 13 лет. Поступить в училище мог ребенок из любого сословия и любого пола, предварительно сдав вступительные экзамены. Обязательным условием при поступлении было предоставление метрического свидетельства, свидетельство врача о привитии оспы, обязательство от родителей или опекунов, указание рода деятельности. Несмотря на доступность образования в Коммерческом училище, преимущество было на стороне купеческих детей и лиц, проживающих в Томске [8. С. 41–42].

Доказательством этому служит плата за обучение, которая для жителей Томска в подготовительном классе составляла от 60 до 80 руб., в других классах – 120 руб. в год, а для иногородних учащихся плата была на 20 руб. выше во всех классах.

Первые шесть лет учащиеся получали в основном базовые знания. Единственный специальный предмет «История, в связи с историей торговли» начинали осваивать с 3-го класса. Такие специальные дисциплины, как коммерческая география и статистика, товароведение с технологией, законоведение, политическая экономия, счетоводство с коммерческой арифметикой и корреспонденцией, начинали изучать лишь с седьмого класса. Большое внимание уделялось математике и счетоводству, на их изучение выделяли от 3 до 5 часов в неделю. В первые годы обучения акцент делали на изучении русского и иностранных языков (4–5 часов в неделю) [7. С. 118].

Большое внимание уделяли не только процессу обучения, но и воспитанию. Это объяснялось тем, что «во многих случаях семья является сильно отсталой в духовном отношении» [3. С. 25]. Одной из главных задач было «приучить детей к правдивости и поселить в них доверие к наставникам <...>, воспитание в детях привычки к сознательному и добросовестному труду» [3. С. 26].

Известно, в 1911/12 учебном году в училище обучались 365 учащихся в 8 классах: 6 основных и 2 со специальными отделениями (коммерческое и землемерное) [14. С. 106–107].

В 1905 г. при училище были открыты торговые классы в Сибири, знания в которых мог получить любой желающий, независимо от возраста и пола, единственным критерием был возраст – не моложе 12 лет [4. С. 5]. На занятиях учащимся преподавали курсы по

бухгалтерии, коммерческой арифметике и корреспонденции, русскому и иностранным языкам. Прохождение курса бухгалтерии с коммерческой арифметикой и корреспонденцией стоило 25 руб., иностранных языков – по 20 руб. и русского языка – 10 руб. [9. С. 56–57]. Продолжительность курсов составляла два года, занятия проходили в будние дни в вечернее время с 7 до 10 часов, а в праздники обучение проходило в дневное время. Необходимым условием обучения были своевременная оплата и предоставление основных сведений о себе.

Личные данные, представленные слушателями при поступлении, показывают число слушателей с 1905 по 1909 г., половозрастной и сословный состав, а также вероисповедание, род деятельности и наличие образования. Торговые классы вызвали в обществе большой ажиотаж, уже в первый год записалось около 130 слушателей, из них 4 группы проявили интерес к курсу по бухгалтерии, 2 группы были сформированы по изучению немецкого языка, 1 группа по русскому языку и 1 группа по английскому [5. С. 2].

Суммарно в вечерние торговые классы за пять лет поступили 223 человека, из них по ряду причин выбыло 111 человек, что составляет 49,8% отсева. Большое количество отчисленных объясняется нестабильной ситуацией в стране (Революция 1905 г.), перемещением по службе, недостатком времени на обучение и пропусками занятий, способствовавшими отставанию от программы обучения [16. С. 76]. Женщины имели право прослушать курсы наравне с мужчинами, хотя за 5 лет в торговых классах обучились всего 14 женщин, или 6,6% от общего числа учащихся [7. С. 75].

По сословному составу большинство слушателей составили мещане – 102 человека (45,7%), крестьяне – 92 (41,2%), купечество – 17 человек (7,6%); 12 человек (5,4%) были представителями других сословий. Преобладающее число слушателей служили приказчиками и конторщиками (53,8%), на втором месте по численности были чиновники (15,2%), 21,5% учащихся вели домашнее хозяйство. Среди слушателей 9,4% составляли торговцы, которые повышали свой уровень образования. Преобладающее большинство слушателей курсов были православного вероисповедания в возрасте от 20 до 30 лет и имели в основном начальное образование и городского училища [Там же].

Слушатели вечерних торговых классов могли выбирать необходимые для них курсы. По статистике, спросом пользовались следующие предметы: бухгалтерия, арифметика и корреспонденция. Среди языковых курсов за 5 лет больше всего учащихся выбирали изучение немецкого языка – 40 человек, на втором месте был русский язык – 34 человека, и на третьем – английский (23 человека) [Там же].

В торговых классах обучение проводили преподаватели коммерческого училища: по бухгалтерии, коммерческой арифметике и корреспонденции – П.И. Хваловский и И.А. Стипрайс, по русскому языку –

Ф.Ф. Романов и П.Ф. Федорченко, по немецкому языку – Ф.Я. Брейтигам и А.Р. Фридман, по английскому – Э.О. Кетли и К.Г. Фрайер [7. С. 80].

С ростом численности новых компаний и предприятий в Томске и Томской губернии коммерческое училище перестало «удовлетворять запрос общества по выпуску практических коммерческих работников» [10. С. 76]. Это связано с тем, что большинство выпускников продолжали обучение в высшем учебном заведении: в 1909 г. из 23 выпускников училища 19 человек поступили в Томский технологический институт, что в то же время указывает на высокий уровень знаний, преподаваемый в училище [14. С. 106].

Восполнить этот пробел должна была торговая школа, открытие которой состоялось в 1911 г. Инициатором создания новой школы выступило Общество взаимного вспоможения приказчиков, которое обратилось в ноябре 1910 г. в городскую Управу с предложением об открытии школы, где преподаваемый курс наук позволит восполнить пробел нехватки сотрудников в коммерции.

Министерство торговли и промышленности назначило на развитие новой школы ежегодную субсидию в размере 3 тыс. руб. Следует отметить, данная сумма была недостаточна, так как ежегодный бюджет школы составлял 15 тыс. руб., а плата с учеников – около 7,5 тыс. руб. в год [11. Л. 1]. На заседании городской Думы в 1911 г. вопрос был рассмотрен и выделена субсидия в размере 3 тыс. руб. в год, купеческое общество пожертвовало 800 руб., а размер субсидии от государства составил 3,5 тыс. руб., что на 500 руб. больше, чем планировалось изначально [11. Л. 2].

Торговая школа действовала на основании Устава, разработанного профессором Императорского Томского университета и известным экономистом М.Н. Соболевым. В попечительский совет школы вошли: председатель И.Н. Попов, товарищ председателя К.Р. Эман, казначеем был назначен П.И. Иванов, секретарем – Л.Е. Зенков, членами – А.А. Евсеев, В.П. Вытнов и Н.А. Твардовский. На должность инспектора был приглашен преподаватель московских коммерческих училищ В.Н. Ченцов [10. С. 75].

Главной задачей школы ее учредители ставили подготовку новых кадров, которые будут стоять «на страже интересов торговли и промышленности Сибири». Для этого необходимо было перекрыть «повсеместную нужду в образованных работниках и интеллигентных специалистах» [Там же. С. 76]. В школу принимали молодых людей в возрасте от 12 до 18 лет. Продолжительность обучения составляла 4 года, в течение которых учащиеся получали как специальные знания, так и общие: Закон Божий, русский язык и литература, история, география, естествоведение, математика и немецкий язык. Общеобразовательные предметы выступали в качестве вспомогательных материалов и помогали подготовить к изучению коммерческих знаний. Объем общеобразовательных знаний соответствовал Положению

о городских училищах от 31 мая 1872 г. и четырехклассному городскому училищу. Из специальных предметов преподавали общее и торговое счетоводство, коммерческую арифметику, конторские вычисления, торговое и промышленное законодательство, сведения о товарах местного рынка.

В 1911 г. школа в составе двух классов располагалась по ул. Миллионной, 20 в доме С.Г. Попова. Взимаемая с учащихся плата за обучение отличалась в зависимости от того, являются они детьми членов Общества приказчиков или нет, а также от того, в каком классе обучается ученик (подготовительном или основном). Стоимость обучения в подготовительном классе для детей членов Общества приказчиков составляла 30 руб. в год, для остальных – 40 руб. в год. Обучение в основном классе стоило соответственно 40 и 60 руб. в год.

На следующий учебный год Обществом приказчиков было приобретено здание по ул. Магистратской, 28 (ныне ул. Р. Люксембург, здание не сохранилось), принадлежавшее первоначально Коммерческому училищу. В новом здании был открыт набор во второй основной класс. Помимо преподавательского состава, который в первый год насчитывал 13 человек, в школе работали секретарь, библиотекарь, врач и врач-стоматолог.

В первый год обучения не все желающие смогли поступить в торговую школу. Всего было подано 75 заявлений, а мест выделили 66, из которых 36 в подготовительном классе и 30 – в первом [6. С. 3]. В связи с большим интересом и большим количеством заявлений, на следующий учебный год количество мест было увеличено.

За 1911/12 учебный год общее число учащихся составило 72 человека: в подготовительном классе – 43 человека и в основном – 29. К концу учебного года по ряду причин в подготовительном классе осталось 33, в первом – 24. Из 15 выбывших только двое отчислены за неуплату взносов и один за плохую успеваемость. На следующий учебный год общее число учащихся составило 104 человека, из них вновь поступили 47. Обучение в торговой школе было доступно детям из разных сословий. В первый год среди учащихся 3 человека были из дворян, 5 – почетных граждан и купцов, 27 – из мещан, 16 – из крестьян, 1 – духовного звания и 3 – из других сословий. По роду занятий родителей большинство учащихся были из семей торгово-промышленных служащих – 23 учащихся, служивых или вольных профессий – 15, детей владельцев торгово-промышленных предприятий числилось 9 человек, меньше по числу учащихся из семей ремесленников, рабочих и прислуги – 6 человек [11. Л. 20–20а].

Первые два года, согласно программе, учащиеся осваивали общеобразовательные предметы, после чего вводились специальные дисциплины, подготавливавшие учащихся к будущей работе в торговле или на предприятии. Выпускники торговой школы и коммерческого училища в дальнейшем могли не только быть наемными работниками, но и самостоятельно вести торговую деятельность.

Томск стал одним из первых городов Сибири заниматься развитием коммерческого образования. В первое десятилетие XX в. была создана система образования, направленная на воспитание новых кадров среднего звена для работы в торговле и промышленности. Общество коммерческого образования представило проект по созданию «Коммерческой академии», которая должна была стать первым высшим коммерческим заведением в городе. Академию планировали открыть на базе Коммерческого училища, но революционные настроения и начало Первой мировой войны не позволили осуществить задуманную идею. Ближе всего к намеченной цели подошел Омск, где осенью 1917 г. был открыт Коммерческий институт в составе двух отделений [14. С. 106].

Стремление открывать учебные заведения объясняется не только торговым статусом города, но и активному взаимодействию профессоров Императорского Томского университета с городскими властями. Предприниматели видели необходимость в новых образованных кадрах и первыми выступили с предложением о создании специализированных учебных заведений: купеческое общество открыло коммерческое училище, общество приказчиков – торговую школу. Новые учебные заведения имели ряд характерных черт:

– инициатива развития коммерческого образования исходила от частных лиц, представителей бизнеса г. Томска;

– у предпринимателей появилась возможность обучить своих детей и передать в дальнейшем дела, одновременно с этим нанять квалифицированных работников, образование которых соответствовало современным реалиям;

– образование становится доступным представителям всех сословий и независимо от пола (женщины могли получить образование наравне с мужчинами);

– коммерческие заведения в отличие от прочих учебных заведений входили в ведомство Министерства торговли и промышленности;

– субсидирование от государства было не достаточным, большая часть денежных средств собиралась в городе: от Городской Думы, учредителей, за счет повышения сбора с промысловых свидетельств и пожертвований от населения (предпринимателей);

– численность учащихся в коммерческих заведениях демонстрирует большой интерес к образованию;

– Томск стал первым городом за Уралом, где были открыты профессиональные коммерческие учебные заведения. Для сравнения: второе коммерческое училище в Сибири было открыто в Омске в 1910 г.

Следствием стали увеличение числа образованных сотрудников на предприятиях и в организациях, а также общее улучшение качества обслуживания и ведения делопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кечерджи-Шаповалов М.В. Коммерческое образование, его значение, методы и организация. Статьи. Доклады. Речи. 1902. СПб., 1911.
2. Сахаров А. Наши коммерческие школы и их общественное значение. СПб., 1906.
3. Материалы по коммерческому образованию / М-во фин. Учеб. отд. Коммерческие училища / Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1903–4 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов. СПб. : Типография А.В. Орлова, 1905. Вып. 4.
4. Материалы по коммерческому образованию / М-во фин. Учеб. отд. Коммерческие училища / Отчет о состоянии коммерческого образования в России за 1904–5 учебный год в учебных заведениях ведомства Министерства финансов. СПб. : Типография А.В. Орлова, 1906. Вып. 5.
5. Сибирская жизнь. 1905. № 206.
6. Сибирская жизнь. 1911. № 183.
7. Первое сибирское коммерческое училище цесаревича Алексея в г. Томске 1901–1909 / Томск. гос. архит.-строит. ун-т ; сост. С.Г. Егоров. Факс. изд. 1910 г. Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2012.
8. Чирков Н.С. Путеводитель по Томску и его окрестностям. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1905.
9. Чавыкин Г.В. Весь Томск на 1911–1912 гг.: адресно-справочная книжка. Год изд. 1-й. Томск, 1911.
10. Отчет Общества взаимного вспоможения приказчиков в Томске. Двадцатипятилетний отчет за 1911 год. Томск : Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1912.
11. Государственный архив Томской области. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3357.
12. Зенченко Н.С. Коммерческие училища как общеобразовательная школа России в начале XX века (на материалах Санкт-Петербургских коммерческих училищ) : дис. ... канд. пед. наук. М., 1953.
13. Исаев Ю.Г. Жуков К.С. Иркутское коммерческое училище на Почтамтской // Исаев Ю.Г., Жуков К.С. Коммерческое образование в России (1773–1917). История. Традиция. Опыт. Иркутск, 1995. С. 32–38.
14. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири 1703–1917 гг. Новониколаевск : Сибирское областное государственное издательство, 1923.
15. Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Т. 2: 3–К / под общ. ред. М.К. Азадовского [и др.]. М. : Зап.-Сиб. отд-е ОГИЗ, 1931.
16. Профессиональное коммерческое образование в Сибири в XX в. Очерки истории [Электронный ресурс] / Т.А. Катцина, Л.Е. Мариненко, О.Г. Алексеев, А.И. Погребняк. 2-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА, 2014.

Dvortsova Olga V. Municipal autonomous institution «Museum of Tomsk history». E-mail: dvortsovaolga@gmail.com

FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF COMMERCIAL EDUCATION IN TOMSK.

Keywords: entrepreneurship; merchants; education; commerce; a trading school; clerks.

The purpose of this paper is to cover the history of the emergence of primary and secondary commercial education in Tomsk. To achieve this goal, the reasons for the formation of commercial education, its significance for the Tomsk trade and industrial world, the analysis of the specific features of the educational process: the composition of students, the taught disciplines, the reporting documentation of educational institutions, were considered. The sources of research were the “Reports on the state of commercial education in Russia” (1905, 1906), archival documents and notes in the daily newspaper “Siberian Life”. The main source for studying the activities of the First Siberian Commercial School and evening trading classes was the work of the director of the school S.G. Egorov for 1910, which presents training programs and information about teachers and students. In the article, special attention is paid to the establishment of the trade school, the information about which is presented in the annual reports of the Society of Mutual Assistance of Clerks in Tomsk. In the course of the research, the author came to the following conclusions: in the first decade of the 20th century, a system for

commercial education was created in Tomsk, which allowed students to study, regardless of class and gender. The initiative to create commercial schools came from private business, which was caused by production's need. Tomsk for two centuries had the status of a trading city, where trade routes were connected - river and land. The implementation of the Trans-Siberian railway affected the economy of the country and provincial Tomsk in particular. The Siberian market became available to entrepreneurs in Central Russia and to commercial and industrial companies from abroad, which in turn caused, on the one hand, active development of trade and industry, on the other – the growth of competition not only between local entrepreneurs, but also among all-Russian and foreign companies. In the current situation it was only possible to be competitive by reconsidering previous approaches to dealing with business matters, including personnel, professionalism and educational level. The opening of new enterprises and shops caused the need for qualified specialists. The required college education was to be provided by the Commercial College, created in 1901. But already the first issue revealed a new problem – graduates preferred to continue their studies and entered a higher education institution. This issue was resolved by the opening of evening trading classes, which allowed to combine training with work. To fill the gap in the shortage of personnel, a trading school was opened in 1911. Private business in Tomsk needed skilled personnel, it was very important in the face of tough competition. Entrepreneurs could give their children not only a general education, but also a special commercial one, which ensured continuity in the conduct of the family business.

REFERENCES

1. Kecherdzh-Shapovalov, M.V. (1911) *Kommercheskoye obrazovaniye, yego znacheniyе, metody i organizatsiya. Stat'i. Doklady. Rechi. 1902* [Commercial education, its importance, methods and organization. Articles. Reports. Speeches]. St. Petersburg: Uley.
2. Sakharov, A. (1906) *Nashi kommercheskiye shkoly i ikh obshchestvennoye znacheniyе* [Our commercial schools and their social significance]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Ministry of Finance. (1905) *Otchet o sostoyanii kommercheskogo obrazovaniya v Rossii za 1903-4 uchebnyy god v uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva Finansov* [Report on the state of commercial education in Russia for the 1903–1904 academic year in the educational institutions of the Ministry of Finance]. St. Petersburg: A.V. Orlov.
4. Ministry of Finance. (1906) *Otchet o sostoyanii kommercheskogo obrazovaniya v Rossii za 1904-5 uchebnyy god v uchebnykh zavedeniyakh vedomstva Ministerstva Finansov* [Report on the state of commercial education in Russia for the 1904–5 academic year in the educational institutions of the Ministry of Finance]. St. Petersburg: A.V. Orlov.
5. *Sibirskaya zhizn'*. (1905). 206.
6. *Sibirskaya zhizn'*. (1911). 183.
7. Yegorov, S.G. (2012) *Pervoye sibirskoye kommercheskoye uchilishche tsesarevicha Alekseyа v g. Tomske 1901–1909* [Tsarevich Alexei's First Siberian Commercial School in Tomsk in 1901–1909]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
8. Chirkov, N.S. (1905) *Putevoditel' po Tomsku i yego okrestnostyam* [A Guide to Tomsk and Its Environs]. Tomsk: N.I. Orlova.
9. Chavykin, G.V. (1911) *Ves' Tomsk na 1911–1912 gg.: adresno-spravochnaya knizhka* [The whole of Tomsk for 1911–1912: An address and reference book]. Tomsk: [s.n.].
10. The Society of Mutual Assistance of Clerks in Tomsk. (1912) *Otchet Obshchestva vzaimnogo vspomozheniya prikazchikov v Tomske. Dvadsatigodichnyy otchet za 1911 god* [Report of the Society of mutual assistance of clerks in Tomsk. Twenty-year report for 1911]. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.
11. The State Archives of the Tomsk Region. Fund 233. List 2. File 3357.
12. Zenchenko, N.S. (1953) *Kommercheskiye uchilishcha kak obshcheobrazovatel'naya shkola Rossii v nachale XX veka (na materialakh Sankt-Peterburgskikh kommercheskikh uchilishch)* [Commercial schools as a comprehensive school in Russia in the early 20th century (a case study of St. Petersburg commercial schools)]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
13. Isayev, Yu.G. & Zhukov, K.S. (1995) *Kommercheskoye obrazovaniye v Rossii (1773-1917). Istoriya. Traditsiya. Opyt* [Commercial Education in Russia (1773–1917). History. Tradition. Experience]. Irkutsk: Uliss. pp. 32–38.
14. Yurtsovskiy, N.S. (1923) *Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri 1703–1917 gg.* [Essays on the history of enlightenment in Siberia in 1703–1917]. Novonikolayevsk: Sibirskoye oblastnoye gosudarstvennoye izdatel'stvo.
15. Azadovskiy, M. K. I. et. Al. (eds) (1931) *Sibirskaya sovet'skaya entsiklopediya: v 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Zap.-Sib. otd-niye OGIZ.
16. Kattsina, T.A., Marinenko, L.Ye., Alekseyev, O.G. & Pogrebnyak, A.I. (2014) *Professional'noye kommercheskoye obrazovaniye v Sibiri v XX v. Ocherki istorii* [Professional commercial education in Siberia in the 20th century. Essays on History]. Moscow: FLINTA.

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/54/5

С.О. Долгих

КАЗАЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЛОКАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ КОНЦА XX ВЕКА

Проанализирована проблема историографии истории казачества. В научный оборот впервые вводятся новые источники, позволяющие выявить портретную специфику современного «сегмента» казачества в общей панораме движения военного добровольчества. Это воспоминания участников добровольческого движения. В условиях крушения СССР и деидеологизации общественных движений и инициатив добровольцы из России – казаки в целом придерживались программных установок, нацеленных на защиту православного населения за пределами Российской Федерации.

Ключевые слова: казаки; добровольчество; Приднестровье; Босния; Абхазия; вооруженный конфликт.

Казачество, явление сугубо российское, представляет собой формировавшуюся на протяжении веков структуру сословной системы российского дореволюционного общества со специфическими социокультурными характеристиками, политической культурой (или ее отсутствием). Мировая история не зафиксировала сопоставимых по экзотике, колориту, а подчас и одиозности образа явления – аналога казачеству. Казачество дореволюционной России представляло собой военизированную и достаточно многочисленную социальную группу общества с его преимущественно деструктивной ролью в Смутное время и периоды масштабных крестьянских волнений. Воздействие на казачество государственной политики по привлечению к защите рубежей государства общеизвестно. Трансформация внутреннего устройства казачьего сословия [1. С. 25], усиленно проводившаяся в правление Петра I и Екатерины II, превратила казачество в одну из опор центральной власти. Это можно проследить на примере войн начала XVIII в., в ходе которых казачество проявило качества доблести и верности Отечеству. Такая патриотическая модель сознания до сих пор составляет ментальную основу мировоззрения российских казаков.

Основные препятствия для научных исследований истории казачества связаны, на наш взгляд, с перипетиями исторической памяти о событиях и процессах XX в., а также с императивом сохранения культурного наследия. Открытым остается и вопрос о дальнейшей судьбе казачества. Эти размышления гуманитариев дополняют список малоизученных и противоречивых версий происхождения казачества. В массовом сознании закреплен миф-стереотип о казачестве, сформированный в XX в. Сословие является носителем культурного пласта со специфическими патриархальными традициями, своеобразием обычаев служилого военного сословия, включая фольклор. Исторический образ казачества далеко не всегда положителен, и весьма распространены сатирические и вульгаризированные его варианты.

Новой вехой истории казачества стал поворотный для него конец XX в. С началом перестройки правительство признало акт репрессий по отношению к каза-

честву. Появилась возможность не только социальной реабилитации казаков, но и шанс заглянуть вглубь истории. Перед казаками возникла перспектива обрести субъективность на фоне того, что в силу исторических обстоятельств казачество оказалось территориально разделенным. Постсоветская история казачества была не менее драматична и в ситуациях чрезвычайности для судеб Отечества в определенном смысле отмечена примерами самоотверженности. Череда конфликтов на обширном постсоветском пространстве тому подтверждение. Казачество проявило свою пассионарность, приняв участие в конфликтах, нередко составляя основную часть добровольческого движения. Примером служат события в Приднестровье, Абхазии, Карабахе.

Из исследований, посвященных проблемам истории казачества постсоветского времени, выделим работу Т.В. Таболиной. Автор специализируется на истории русской эмиграции, но в зоне внимания находится и казачество [2. С. 29]. Таболина изучала попытки казаков обрести политическую, социальную, культурную субъективность 90-х гг. XX в. Она анализирует проекты союза казачьих общин, акцентируя внимание на том, что в начале последнего десятилетия прошлого века основной установкой казачества было стремление реализоваться в Российском государстве, обрести административный и правовой статус, сопоставимый с республиками, сформированными по этническому принципу, создать административные структуры. Аналогами предполагаемых структур предлагалось сделать казачий круг, «воинства» избираемых атаманов. К категории акций, квалифицируемых как политическая деятельность, относятся совместные проекты с государством. Это, например, инициатива и попытки охраны границы между Россией и Казахстаном, прекращенные по договоренности внешнеполитических ведомств государств.

Д.Н. Соловьев [3] рассматривает казачество с позиций его возможностей мобилизационного ресурса. Его версия может трактоваться как взгляд на казачество с точки зрения экстренного резерва вооруженных сил и парамилитаристских соединений на случай вызовов национальной безопасности России. Соловьев исследо-

вал аспект экономической рентабельности данного резерва, проанализировал исторический опыт использования казачества государством. В поле пристального внимания диссертанта оказались система подготовки казаков и система управления казачеством [3. С. 650]. Статьи О.В. Рвачевой, сосредоточившейся на этнологических и социальных ракурсах темы, посвящены попыткам институализации казачества и взаимодействию с другими этносоциальными группами [4. С. 43–51; 5. С. 143–147; 6. С. 98–101].

Однако казачество, точнее та его часть, которая апеллирует к традициям и усматривает свою миссию на поприще военно-политическом, не рассматривается. Факты и свидетельства участия казаков в конфликтах конца XX в. подтверждаются воспоминаниями ветеранов войн, материалами как отечественных, так и зарубежных СМИ. Именно материалы СМИ составляют «остов» источников по теме. Сложность работы с источниками данного рода состоит в том, что их материал в большинстве случаев мифологичен.

Современная методология по работе с такими источниками встраивается в сосредоточение усилий историков на аргументации, с тем, чтобы избавиться от легендарной, мифологизированной части, а также на опровержении устойчивых мифов о казачестве. В целом большинство исследований, опубликованных в СМИ, не выдерживает серьезной критики. В то же время СМИ задают информационную повестку освещения взаимодействия казачества с остальным обществом и государством.

Одним из исследований, непосредственно касающихся военной составляющей деятельности казачества, стала работа М.А. Малкиной, базирующаяся на материалах архива Кубанского казачьего войска. Автор отобразил схему взаимодействия структур казачества с непризнанными государственными формированиями, правительствами Молдовы, Грузии и РФ. По данным М.А. Малкиной, в Приднестровье воевало 187, а в Абхазии – около 1500 казаков [7. С. 23].

В имеющихся работах историков-специалистов, несмотря на их фундаментальный характер, отсутствуют отсылки к такому источнику, как мемуары, а они-то порой являются наиболее аутентичным источником по теме внутреннего устройства казацких подразделений и взаимоотношения казачества с остальным миром в рассматриваемый период. Так, например, есть материалы и свидетельства участия казаков в Боснийской войне 1992–1995 гг., содержащиеся в воспоминаниях. Они дают редкую возможность проследить организационную структуру казачьих формирований, а также их взаимоотношения с окружающим населением и другими, неказацкими русскими подразделениями.

На основании такого материала можно упоминать о казачьих подразделениях Республики Сербской во время Боснийской войны. По воспоминаниям Игоря Гиркина, прибытие казаков в Боснию датируется в конце декабря 1992 г. Он свидетельствует о привиле-

гированном положении казачества по сравнению с другими добровольцами. Об амбициях, возможно оправданных, свидетельствует факт, что казаки сразу начали формировать отдельное подразделение. «Приезжая в Боснию, вообще не ожидали, что нам будут сколько-нибудь платить (тем не менее, мы получали по 100–150 Deutsche Mark в месяц), а казаки договорились заранее о 350 марках. Кроме того, мы ожидали, что казаки каким-то боком вольются к нам в отряд. Но вербовщик, некий “Александр Загребов” (по собственному признанию, бывший лейтенант-особист Советской Армии), смотрел на нас иначе, как на неких “конкурентов”, что привело впоследствии к целой череде столкновений и неурядиц». Гиркин фиксирует присутствие нескольких подразделений казаков: «Тем более что были и другие отряды – 1-й РДО¹ в г. Требине, 1, 2 и 3 сводные казачьи сотни в Вышеграде, еще действует 3-й РДО под Сараево» [8. С. 47].

По воспоминаниям Олега Валецкого, казаки появились в Боснии в конце 1992 – начале 1993 г. и были там до февраля 1993 г. Согласно приводимой им статистике, первая группа состояла из 50 казаков. Начальная акция, в которой участвовал казачий отряд вместе с бойцами 2-го РДО в районе Вышеграда, означала контрудар под сербским городом Руде. До этого боснийские подразделения захватили сербский город, в результате чего образовался клин на территории сербов. Задачей отряда было выбить мусульман из населенного пункта. «Сербское командование послало на помощь своих “интервентов” из Вышеградской бригады, насчитывающей, кроме десятка-другого сербов, и тридцать человек казаков, а также добровольцев 2-го РДО. Казаки под командованием Александра Загребова были главной ударной силой. Они разделились на две части, одна пошла по дороге, разбирая завалы в тоннелях под прикрытием шедшего с ними БОВ (югославский вариант советской бронированной разведывательно-дозорной машины БРДМ-2), за которым шел “троевац” (самоходная колесная зенитная установка с тремя автоматическими пушками калибра 20 миллиметров). В БОВе, как и в “троевце”, экипажи были казачьи. Вторая часть казаков пошла по горным тропам, дабы соединиться вместе уже перед последним селом, около которого и шла передовая линия сербской обороны» [9. С. 10]. Итогом операции стало то, что боснийские мусульмане удерживать позиции не стали и вернулись на прежние места дислокации.

Отдельным сюжетом анализа предстает взаимодействие казачества и 2-го РДО. Валецкий повествует о конфликте между командиром казачьего отряда Александром Загребовым с бойцами 2-го РДО. Причина конфликта не называется, но указывается факт, что в среде сербского командования казаки «уважались»: завоевали приоритетное к себе отношение. Все закончилось покушением нескольких добровольцев на Загребова, что грозило применением казаками оружия. Валецкий действия казаков оценивает так: «Воевали

казаки хорошо, и зря сербское командование их тогда толком не использовало». Особой сложностью отличались ночные рейды. «Подобные действия могла предпринимать только отработанная группа, ибо любое изменение плана означало потерю связи и угрозу открытия огня по своим. Так что уже одно то, что казаки из Вышеграда ходили в ночные рейды, составляет им честь. Рейды – дело опасное. Под Буяком казачья группа, возвращаясь на базу неапробированным путем, натолкнулась на группу мусульман, следовавших по старому маршруту. Казаки тогда первые с близкого расстояния открыли огонь, нанеся противнику урон, но те все же успели уйти» [9. С. 12].

Примечательно, что Валецкий упоминал факт использования казаками некоторых видов боевых машин. При взятии села Твыртковичи казаки отрабатывали захват населенного пункта после тренировки на своей базе. Подсчитать потери казаков за период боевых действий не представляется возможным. Казаки участвовали и в действиях, не засвидетельствованных письменно.

Доброволец Михаил Аркадьевич Поликарпов в своей книге исследует историю казачества пристальнее, и этой теме посвящен фрагмент книги [10. С. 167–182]. В предисловии Поликарпов формулирует послы: «Рассказывая о делах боснийских, мы будем часто произносить слово “доброволец”». Смысл определения он рассматривает двояко. «Иногда мы употребим его для всех русских, приехавших помогать сербам. А иногда – как противопоставление слову “казак”» [Там же. С. 180]. В одном из фрагментов книги Поликарпов описывает путь добровольца под псевдонимом «Ас». Сообщенные сведения, основательный объем информации, касающейся казачества, да и само повествование начинаются с событий в Приднестровье. «В конце марта, прибыв в Тирасполь из Одессы, Саша поразился – ни тебе войны, ни милиции. У штаба приднестровской обороны увидел казаков, точно сошедших со старой картины – в галифе, с лампасами, там и сям были мохнатые папахи, нагайки, золотые погоны. Придя в недоумение, Александр назвал себя семипалатинским казаком и попросился в казачью часть. Его не взяли» [Там же. С. 103].

Мемуарист описывает акты безумной храбрости казаков. По тексту можно судить о внутренних правилах функционирования вооруженных сил Приднестровья, взаимодействии и взаимоотношениях добровольцев и казаков, отношениях внутри казачьего сообщества, условиях проживания и оснащения, а также мотивировке действий и «информационной повестке» в среде казачества. Ссылаясь на воспоминания Аса, Поликарпов сообщает о реформировании вооруженных сил Приднестровья. «Прежних казаков уже не было – их разогнали, а на базе “диких” формирований создали Черноморское казачье войско, – пишет он. – Тогда Ас вступил в ТСО – территориальный спасательный отряд... Всего в ТСО было около пятидесяти бойцов, среди них и сорокалетний питерец Валерий Власенко, в

прошлом – рядовой морпех в Анголе, а в дальнейшем – командир РДО-1 в Герцеговине. Командиром был Володя, огромный атлетически сложенный мужчина. Его замом – Виктор, ранее охранявший кого-то из коммунистической номенклатуры Молдавии. ТСО экипировали единой формой местного производства, напомиравшей скорее окрашенную в светло-коричневый и темнозеленый цвета мешковину» [10. С. 120].

В Приднестровье, как явствует из публикаций, были будущие участники событий в Боснийской войне. М. Поликарпов фиксирует время появления на территории бывшей Югославии казаков: «В конце 1991 большая группа русских полегла в боях под Вуковаром, позже около трех десятков казаков воевали в Сербской Краине против хорватов близ городка Смилчич западнее Книна» [Там же. С. 97]. Несколько русских, в том числе и некто Александр Загребов, в конце 1992 г. взялись сколачивать отряды добровольцев и казаков для отправки в Боснию на срок в два месяца по приглашению Вишеградской и Гражданской общин.

Вся информация о казаках-добровольцах поступает двумя путями. Первый состоит в том, что автор «напрямую» делает повествовательные или аналитические заметки о казачестве и казаках. «Косвенный» путь состоит в том, что автор в процессе раскручивания сюжетной линии останавливается на истории отдельных добровольцев, уточняя, что они казаки, и указывая, к какому казачьему войску относятся. Так, выяснилось, что некоторые казаки «приехали как своеобразный залог за деньги, которые сербы отправили в Россию для переброски казаков в Боснию» [Там же. С. 157]. Михаил Аркадьевич вводит исторический ракурс и реконструирует моральный облик донского казачества, пишет о том, что не все поведенческие нормы казаков были приемлемы. Это замечалось за ними и более ста лет назад, как отметил доброволец и корреспондент, участник войн 1876–1878 на Балканах М.В. Максимов, свидетельствовавший, «что именно “инородцы”, подражая в удали и бесшабашности казакам, в основном и портят последним репутацию» [Там же. С. 156]. По мере перемещения «границы дальше к югу “боевитость” осталась у казаков кавказской линии, постоянно находившихся в состоянии войны с горцами. Донцы же, мягко говоря, потеряли тонус» [Там же].

Поликарпов приводит черты ставшего классическим образа казака столетней давности, негативное отношение к остальным русским и даже противопоставление себя остальной массе населения. По его свидетельствам, в казачьей среде популярны альтернативные толкования исторических событий, имея в виду область войска донского. Возможно, данные исторические и культурологические экскурсы не случайны и порождены не сложившимся изначально отношениями.

Сообщая, что в начале 1993 г. приехал 41 человек, Поликарпов, более подробно, чем Валецкий, характеризует личность приведенного группу. Александр Загребов «был вербовщиком, торговцем “живым товаром”,

но мог и возглавлять казаков в бою, и даже как-то поддерживать среди них дисциплину. Для этого надо быть человеком бесстрастным и бесстрашным». Интересно, что описание совместного боя под Вышеградом отличается от воспоминаний Валецкого. Поликарпов не характеризует сам военный конфликт, он лишь указывает на результат боя, когда взаимоотношения между добровольцами и казаками значительно ухудшились. Он не указывает причину этого и лишь называет факты, некоторые из которых связаны с описанным боем. Накалились взаимоотношения и бытовые перипетии и изменившееся впоследствии настроение сербов.

Упоминает Михаил Аркадьевич и об отряде казаков в Скелани: в отряд также входили кто-то из «питерских националистов». В начале 1993 г. туда прибыла группа казаков Атаманского полка, насчитывавшая двенадцать человек. Отряд, возглавляемый Александровым, и казаки-атаманцы противостояли мусульманскому гарнизону Сребреницы, в составе которого воевала и группа моджахедов азиатского происхождения [10. С. 180]. Материал о казачестве, действовавшем в зонах боевых конфликтов, предоставленный в воспоминаниях Поликарпова, Валецкого, Гиркина, т.е. свидетельствах «из первых уст» участников конфликта, дает представления о фактической картине происшедшего.

Подводя итог вышеизложенному, позволю себе ремарки по поводу процесса возрождения казачества как явления. Популярны фольклорные, этнокультурные «достижения», т.е. уникальные образцы культурных амальгам как результата исторических перипетий. В вопросе о возрождении казачества обычно реконструируется внешний облик казаков, мифический, почти штампованный. Истинное же содержание возрождения казачества лежит в восстановлении хозяйственных отношений как основы сословия. Конечно, казачество достаточно консервативная по параметрам уклада, образа жизни структура, и ее основа остается почти неизменной на протяжении длительного времени. Изменяется лишь картина жертв, которые приносит казачество. Это либо людские потери вплоть до полного исчезновения казачьих поселений и областей, либо вульгаризированная трансляция устоев жизни и быта.

Нередко казачество составляет основу добровольчества в локальных конфликтах новейшего времени. Проблема мотивации казачества, их установки на участие в войнах являются актуальной проблемой морального выбора, тенденций социального развития или мировоззрения группы лиц. Без обращения к ней не понять тех, кто понес чудовищные потери в XX в. и все же имеет силу снова взяться за оружие, а также не ответить на вопрос, чем является военное добровольчество в целом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

¹ РДО – Русский добровольческий отряд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенку И.В. Система казачьего самоуправления с XVIII в. по 1860 г. (на примере Донского, Запорожского и Черноморского казачьих войск) : дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005.
2. Таболина Т.В. Казачество на рубеже XXI века: проблемы и возможности. М., 1997.
3. Соловьев Д.Н. Казачество как мобилизационный ресурс российского государства (XV – конец XX века) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 650 с.
4. Рвачева О.В. Казачьи организации волгоградской области в конце XX начале XXI в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С. 43–51.
5. Рвачова О.В. Власть и казачество на юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству // Власть. 2010. № 10. С. 143–147.
6. Рвачева О.В. Казачество в современном социокультурном пространстве юга России: проблемы возрождения и взаимодействия с другими народами // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. № 13. С. 98–101.
7. Малкина М.А. Участие кубанских казаков в региональных конфликтах на постсоветском пространстве (на примере войн в Приднестровье и Абхазии в 1990-е гг.) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12.
8. Гиркин И.В. 2-й Русский Добровольческий Отряд в Боснии 1992–1993 годы // Спецназ России. 1999. № 4 (33).
9. Валецкий О.В. Волки белые. Сербский дневник русского добровольца 1993–1999. М.: Грифон, 2006. С. 288. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/valetsky_ov01/index.html (дата обращения: 26.02.2016).
10. Поликарпов М.А. Русские волки. М.: Эксмо, 2010. 352 с.

Dolgikh Sergey O., Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia). E-mail: d.sergei@hotmail.com

COSSACKS IN THE HISTORY OF THE LOCAL CONFLICTS IN THE END OF THE XX CENTURY

Key words: Cossacks; volunteering; Transnistria; Bosnia; Abkhazia; armed conflict.

The aim of the study was to identify the value of source analysis of the latest stage of military volunteers movement with the participation of representatives of the Cossacks. To achieve this goal the following tasks were set: to show the main directions of a Cossacks historiography of the late XX century, to identify and characterize new source material, to point out the agenda of information sources.

Research methodology: the author has proceeded from the principles of objectivism and historicism, analysis of the historiography produced in the framework of conceptualistic model. Special historical methods, such as comparative historical, structural functional and chronological problem methods had been applied to understand the role described by the author of the phenomenon of volunteerism and the role of the Cossacks in the era of geopolitical fault. Source base for the study was a new kind of source. It is the memories of participants of the volunteer movement and participants of local conflicts, in this case it is the memories by I. Girkin, M. Polikarpov, and O. Valetsy. This group is introduced into scientific circulation for the first time and allows to reveal the portrait specifics of the current “segment” of the Cossacks in the general panorama of the military volunteers movement. These sources also are able to reveal the socio-organizational aspects of Cossack units. From them we learn the internal organization and management, combat skills, organizational and mobilization capacities. During the conducted research the author came to the following conclusions: in the analysis of historiog-

raphy the author concludes that at the present stage of study of the Cossacks the following directions dominate in the Humanities: problems of social and political institutionalization, ethnological peculiarities of life and culture, as well as the use and modernization of the historical experience of the Cossacks. One of the problems which were not reflected in the current research is the militaristic aspect of the Cossacks. This type of activity in most of the cases are in the area of media coverage. But the source in most cases is mythological and subjective, and often does not create a full picture. The analysis of such sources as memoirs leads to the following conclusions: the qualitative superiority of the Cossack units on most of the units of the Republic of Serbia. Apart from the fact that the Cossack units were the size of a squadron, unlike the other foreign volunteer units up to platoon, also had a higher professional quality and equipped with combat vehicles, but at the same time was anarchic and had problems with discipline. The dominant motivating setting, in terms of the collapse of the USSR and deideologization of social movements and initiatives, the Cossacks were protecting the Orthodox population on the territory of Russia and outside.

REFERENCES

1. Benku, I.V. (2005) *Sistema kazach'yego samoupravleniya s XVIII v. po 1860 g. (na primere Donskogo, Zaporozhskogo i Chernomorskogo kazach'ikh voysk)* [The system of Cossack self-government since the 18th century till 1860 (a case study of the Don, Zaporozhye and the Black Sea Cossack armies)]. History Cand. Diss. Krasnodar.
2. Tabolina, T.V. (1997) *Kazachestvo na rubezhe XXI veka: problemy i vozmozhnosti* [Cossacks at the turn of the 21st century: problems and opportunities]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
3. Solovyev, D.N. (2011) *Kazachestvo kak mobilizatsionnyy resurs rossiyskogo gosudarstva (XV – konets XX veka)* [Cossacks as a mobilization resource of the Russian state (the 15th – late 20th centuries)]. History Dr. Diss. St. Petersburg.
4. Rvacheva, O.V. (2008) *Kazach'i organizatsii volgogradskoy oblasti v kontse XX nachale XXI v.* [Cossack organizations of Volgograd region in the late 20th – early 21st centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya – Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 1. pp. 43–51.
5. Rvachova, O.V. (2010) *Vlast' i kazachestvo na yuge Rossii v kontse XX nachale XXI v.: ot konfrontatsii k sotrudnichestvu* [Power and the Cossacks in the south of Russia in the late XX beginning of the XXI century: from confrontation to cooperation]. *Vlast'*. 10. pp. 143–147.
6. Rvacheva, O.V. (2014) *Kazachestvo v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve yuga Rossii: problemy vrozozhdeniya i vzaimodeystviya s drugimi narodami* [Cossacks in the modern socio-cultural space of the south of Russia: the problems of revival and interaction with other peoples]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 13. pp. 98–101.
7. Makhalkina, M.A. (2013) *Participation of Kuban Cossacks in the regional conflicts in the post-soviet space (a case study of the wars in Transnistria and Abkhazia in the 1990-s). Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 12. (In Russian).
8. Girkin, I.V. (1999) *2-y Russkiy Dobrovol'cheskiy Otryad v Bosnii 1992-1993 gody* [The 2nd Russian Volunteer Detachment in Bosnia in 1992–1993]. *Spetsnaz Rossii*. 4(33).
9. Valetskiy, O.V. (2006) *Volki belyye. Serbskiy dnevnik russkogo dobrovol'tsa 1993-1999* [White Wolves. Serbian Diary of a Russian Volunteer, 1993–1999]. Moscow: Grifon. [Online] Available: http://militera.lib.ru/memo/russian/valetsky_ov01/index.html. (Accessed: 26th February 2016).
10. Polikarpov, M.A. (2010) *Russkiye volki* [Russian Wolves]. Moscow: Eksmo.

УДК 930:06
DOI: 10.17223/19988613/54/6

И.А. Дунбинский, С.А. Некрылов

ВАСИЛИЙ МАРКОВИЧ ФЛОРИНСКИЙ И ПЕРВЫЙ СИБИРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОРОДЕ ТОМСКЕ

На основании документов, хранящихся в Государственном архиве Томской области, Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, а также в Национальном музее Республики Татарстан в фонде В.М. Флоринского анализируется вклад В.М. Флоринского в открытие Сибирского университета в Томске. Раскрывается роль В.М. Флоринского в решении вопросов, связанных с созданием чертежей и смет для будущего университета, выбором формы организации строительных работ, а также поиском источников финансирования.

Ключевые слова: В.М. Флоринский; Сибирский университет; Министерство народного просвещения; Томск.

Сибирский край, завоеванный для России казачьим атаманом Ермаком в конце XVI в., длительное время рассматривался как периферия, колония и место ссылки для неблагоприятных элементов общества. На этой огромной территории, простирающейся от Урала до Тихого океана, в начале XIX в. проживало около 1 млн 200 тыс. человек, однако, несмотря на это, долгое время не было ни одного среднего учебного заведения [1. С. 131].

24 января 1803 г. император Александр I высочайше утвердил «Предварительные правила народного просвещения», в которых постулировалась идея построить «уездное училище – в каждом уездном городе, гимназию – в каждом губернском городе, и университет – в каждом учебном округе» [2. Л. 48]. В соответствии с этим предполагалось учредить университет и в Тобольске, который на тот момент являлся административным центром Западной Сибири. Вместе с ним планировалось открыть университеты в Санкт-Петербурге, Казани, Харькове, Киеве и Великом Устюге в дополнение к действовавшим к тому времени университетам в Москве, Вильно и Дерпте [3. С. 3].

В том же году известный «благородный ревнитель» [2. Л. 49] русского просвещения П.Г. Демидов, чей род сделал свое состояние, построив металлургические заводы на Урале, пожертвовал 100 тыс. руб. на возведение предполагавшихся к открытию Киевского и Тобольского университетов, по 50 тыс. руб. на каждый из университетов соответственно [4. Ст. 988]. Пожертвованная Тобольскому университету сумма в полном размере была положена в банк под проценты. Благодаря этому к 1810 г. сумма, отводившаяся на возведение университета в Тобольске, выросла до 70 тыс. руб., из которых, по соглашению с Демидовым, планировалось передать 60 тыс. руб. на содержание «бедных и достойных по способностям и прилежанию гимназистов», однако, несмотря на «Высочайшее соизволение», сумма так и не была передана. В 1822 г., когда сумма выросла до 121 тыс. руб., Тобольская гимназия вновь обратилась с ходатайством о передаче 60 тыс. руб. на содержание до 10 воспитанников гимназии. 15 мая

1923 г. прошение Тобольской гимназии было полностью удовлетворено [5. С. 75–76].

Оставшаяся сумма в размере 61 тыс. руб. продолжала лежать в банке под процентами вплоть до начала строительства Сибирского университета, возведение которого было отложено в связи с «неготовностью» региона «принять у себя» высшее учебное заведение [2. Л. 49].

Первая гимназия в Сибири появилась в Иркутске (1806 г.) спустя три года после утверждения «Предварительных правил народного просвещения». Чуть позднее, в 1809 г., была открыта гимназия в Тобольске [1. С. 131]. Немногочисленные выпускники сибирских гимназий вынуждены были преодолевать значительные расстояния для того, чтобы поступить в вузы европейской части России (Петербург, Москва, Казань). Многие из них, получив высшее образование, уже не возвращались в Сибирь.

К идее открытия Сибирского храма науки на протяжении всего XIX в. периодически возвращались. Среди тех, кто поднимал вопрос о необходимости иметь в Сибири высшее учебное заведение, были: реформатор М.М. Сперанский, генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич, попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий, министр народного просвещения А.С. Норов [6. С. 401–410].

Однако в практическую плоскость вопрос об организации университета в Сибири был поставлен лишь в середине 1870-х гг. К этому времени население Сибири выросло до 4 млн человек [7. С. 68]. Увеличилось и число средних учебных заведений. В 1838 г. была открыта мужская гимназия в Томске, в 1863 г. – женская гимназия в Омске, в 1869 г. – мужская гимназия в Красноярске. Помимо этого, в Сибири к тому времени действовали 5 духовных семинарий: в Томске, Тобольске, Иркутске, Благовещенске и Якутске, а также две прогимназии в Николаевске и Якутске [8. С. 19].

Одновременно с развитием среднего образования в регионе началось постепенное его развитие и в экономическом отношении. В связи с последним появилась необходимость в подготовке специалистов, которые могли бы удовлетворить потребности края в квалифи-

цированном людском ресурсе. Ощущалась потребность и в научном изучении региона [6. С. 390–391].

Сформировавшееся в течение 70 лет сибирское общество одной из первоочередных задач в развитии региона видело организацию первого высшего учебного заведения в Сибири. Эта потребность нашла свое выражение в активном обсуждении на страницах немногочисленных сибирских газет. Значительную роль в этом сыграли идеологи сибирского областничества Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев, обосновывавшие в своих статьях и выступлениях необходимость открытия Сибирского университета [9. С. 23].

Отмечая настроение, сложившееся в сибирском обществе, Н.М. Ядринцев писал: «Известно, что Сибирский университет с давних пор составляет самую заветную мечту, самый любимый идеал сибиряков-патриотов. Почти нет ни одной статьи о Сибири, нет ни одной книги, занятой описанием ее, чтобы не высказывалась в них мысль о необходимости высшего учебного заведения в нашем крае. Несмотря, однако, на то, эта мысль въелась в наше общество, сроднилась с ним и сделалась святым желанием и самой близкой потребностью, она остается до сих пор одной мыслью, даже без серьезных попыток к приведению ее в исполнение» [9. С. 26; 10. 1864. 31 янв.].

В 1875 г. с приходом нового генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова произошел коренной перелом в вопросе об открытии университета в Сибири. В том же году, ознакомившись с положением дел в Сибири, он ходатайствовал перед Александром II об открытии в подвластном ему регионе университета [9. С. 32].

Среди материалов, которые были представлены Н.Г. Казнаковым, был и проект докладной записки, составленной членом Министерства народного просвещения В.М. Флоринским. В своей записке, подготовленной по поручению Министра народного просвещения графа Д.А. Толстого, В.М. Флоринский касался не только истории университетского вопроса в Сибири, но и обосновывал необходимость открытия университета именно в Томске [2. Л. 48–53], объясняя это тем, что, во-первых, «по географическому своему положению он расположен почти в самом центре Сибири»; во-вторых, В.М. Флоринский подчеркивал, что «Томск представляет собой главный центр всей сибирской торговли и промышленности и конечный узел пароходного сообщения по сибирским рекам». Эти условия, по его мнению, «давали городу возможность дальнейшего экономического роста и предупреждения предпочтительно перед другими сибирскими городами», что должно было выгодно отразиться и на благосостоянии будущего университета [11. С. 21–22].

Доводы, приведенные Н.Г. Казнаковым в пользу открытия университета в Томске, были поддержаны Александром II, несмотря на то, что, по словам В.М. Флоринского, они были «изложены весьма поверхностно». 3 ноября 1875 г. генерал-губернатор направил в Министерство народного просвещения «За-

писку об учреждении Императорского Томского университета», где местом для учреждения университета был выбран Томск как город, расположенный в центре Сибири [11. С. 35].

Однако в 1876 г., после посещения Томска, генерал-адъютант Н.Г. Казнаков изменил свое решение в пользу Омска, посчитав его более пригодным городом для организации университета. Это было обусловлено в первую очередь тем, что, во-первых, Омск в то время являлся административным центром Западной Сибири, где находилась резиденция генерал-губернатора. Во-вторых, Томск в то время имел репутацию города ссыльных, что могло отрицательно повлиять на студенческую молодежь [12. С. 90]. И, в-третьих, Н.Г. Казнакову казалось выгодным более близкое расположение Омска к Оренбургскому учебному округу и Туркменскому краю. Министерство народного просвещения согласилось с его мнением и в проекте, представленном 29 мая 1876 г. в Государственный Совет, предлагалось с 1 июня 1880 г. открыть Сибирский университет в г. Омске в составе четырех факультетов с подчинением его генерал-губернатору на правах учебного округа [9. С. 42].

Однако В.М. Флоринский, будучи сторонником открытия университета именно в Томске, при личной встрече с великим князем Константином Николаевичем (В.М. Флоринский, являясь акушером-гинекологом, был лечащим врачом жены великого князя) получил согласие великого князя как председателя Государственного Совета «признать доводы относительно Томска и Омска, слишком краткими, не исчерпывающими всего вопроса и подлежащими новому более обстоятельному обсуждению с участием лиц, знающих оба эти города и вообще весь Сибирский край» [11. С. 38]. В итоге было принято решение созвать специальную комиссию для рассмотрения вопроса об избрании города для Сибирского университета прежде, чем вынести вопрос на общее собрание Государственного совета.

16 мая 1877 г. была сформирована «Комиссия, учрежденная по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета» при Министерстве народного просвещения [8. С. 1]. Председателем стал товарищ министра народного просвещения А.П. Ширинский-Шихматов. В нее вошли: член Совета министра внутренних дел тайный советник А.И. Деспот-Зенович; причисленный к Министерству народного просвещения неприменный член Медицинского совета Министерства внутренних дел, действительный статский советник В.М. Флоринский (секретарь); главный инспектор училищ Западной Сибири, действительный статский советник А.П. Дзюба и вице-губернатор Акмолинской области, действительный статский советник М.Н. Курбановский. Последние двое были назначены по указанию Н.Г. Казнакова [13. Л. 337].

Перед началом работы комиссии В.М. Флоринский написал письмо председателю томского губернского

правления А.И. Дмитриеву-Мамонову, с которым познакомился еще в 1870 г. будучи врачом, с просьбой помочь ему собрать статистико-экономические сведения о состоянии городов Западной Сибири, претендующих на право принять у себя будущий университет. В.М. Флоринского в первую очередь интересовало состояние образования в городе, цены на строительные материалы и расценки на наем рабочей силы [14. С. 233]. Собранные сведения показали, что в Томске более благоприятные условия для организации высшего учебного заведения, нежели в Омске [9. С. 68].

Представители Омска А.П. Дзюба и М.Н. Курбановский, по словам В.М. Флоринского, как могли, отстаивали право своего города на университет. «Омичи, – писал последний А.И. Дмитриеву-Мамонову, – несмотря на все их упорство и желание угодить Казнакову, ничего не могли сказать против неоспоримых фактов и должны были высказать и подписать с нами общее заключение, что Сибирский университет можно основать, только в Томске, а никак не в Омске. В пользу первого и против последнего слишком много доводов, против которых нельзя поспорить. Да и по правде сказать, некому было спорить, потому что омские бойцы были слишком слабо вооружены» [14. С. 238–239].

Среди доводов, приведенных в защиту Томска, были: 1) его центральное географическое положение («по отношению к остальным городам и местностям Сибири»); 2) высокая степень населенности и благоустроенности; 3) благоприятные климатические и экономические условия жизни; 4) возможность приобретения более дешевых строительных материалов на постройку университетских зданий; 5) высокая заболеваемость и смертность среди местного населения, что должно принести большое количество материалов для медицинского факультета; 6) наличие большого числа средних учебных заведений, которые могли бы предоставить значительное число абитуриентов; 7) благоприятные «естественные условия», способствующие развитию и процветанию города, а как следствие – и самого университета в нем [8. С. 157].

Помимо этого, за Томск как университетский город высказались думы Томска, Иркутска, Нерчинска, Верхнеудинска, Енисейска, Барнаула и Красноярска, в то время как Омск был поддержан лишь собственной думой и думой Тюмени [Там же. С. 145]. В связи с этим последним из приведенных на комиссии доводов была «надежда» в случае учреждения университета в Томске «на материальное содействие со стороны [этих] городских обществ и частных лиц по устройству университета и обеспечению его дальнейшего материального благосостояния» [Там же. С. 157].

Значительную роль при избрании университетского города оказали полемика, развернувшаяся на страницах сибирских газет в поддержку учреждения университета в Томске, а также давление томского купца З.М. Цибульского, который в 1876 г. пожертвовал на открытие университета в Сибири 100 тыс. руб. В случае же побе-

ды Томска он обещал добавить к своему пожертвованию еще 40 тыс. руб. [15. 1876. 31 авг.]

Когда университет в Томске был учрежден, З.М. Цибульский сдержал слово, пожертвовав обещанную сумму. Томская городская дума также передала в дар для нужд будущего университета значительный по размерам участок земли на окраине города, общая площадь которого составила 54 510 саж.² (245 295 м²) [16. 1880. 3 июня].

По итогам своей работы комиссия пришла к выводу, что «учреждаемый Сибирский университет целесообразнее и полезнее для края открыть в г. Томске» [8. С. 157]. Помимо этого, в ходе заседаний комиссии было принято решение о необходимости учредить в Сибири новый учебный округ, которому должен войти в подчинение Сибирский университет [14. С. 240].

В случае учреждения университета в Томске члены комиссии предлагали прекратить «дальнейшую ссылку преступников в этот город и его округ» [8. С. 157].

16 мая 1878 г. Александр II подписал указ об учреждении в Томске университета в составе четырех факультетов: исторического, физико-математического, медицинского и юридического [17. Ст. 58527].

Тем не менее к непосредственному строительству Сибирского университета приступили лишь через два года. За это время были решены вопросы, связанные с началом строительных работ: были созданы чертежи и сметы для будущего храма науки, выбрана форма организации строительных работ, а также найдены источники финансирования.

Уже в 1876 г. на стадии борьбы за открытие Сибирского университета В.М. Флоринским был составлен предварительный план размещения университетских построек. Однако поскольку В.М. Флоринский не являлся архитектором, первоначальный проект Сибирского университета был передан омскому архитектору Э.И. Эзету, который, тем не менее, не был принят в Министерстве народного просвещения. «Проектированный Эзетом главный университетский корпус, – писал в своих воспоминаниях В.М. Флоринский, – представлял собой не то казарму, не то фабрику. Представьте себе неуклюжий трехэтажный четырехугольный ящик, разделенный по всем этажам внутренними коридорами с равномерными клетками по ту и другую его сторону. Клетки должны были изображать собой аудитории и профессорские кабинеты, без малейшего представления о том, какой цели они должны соответствовать. В одинаковой мере они могли служить и арестантскими камерами для губернской тюрьмы, и богадельней или инвалидным домом допотопной конструкции, но никак не местом культивирования современной науки. Само собой разумеется, что проект с первого же взгляда был забракован» [18. С. 289].

Проект, разработанный петербургским академиком Э.И. Жибером, также не был принят ввиду высокой стоимости его реализации [Там же. С. 288]. В связи с тем, что проектирование университетских построек

затянулось, Министерство народного просвещения приняло решение «организовать специальную комиссию» для того, чтобы «поручить ей выработать положительные данные, которые должны были лечь в основу проекта университетских построек» [19. С. 6].

В состав «Комиссии для обсуждения проекта устройства зданий будущего Сибирского университета» вошли: профессор Казанского университета В.М. Флоринский (в октябре 1877 г. был назначен ординарным профессором кафедры акушерства и гинекологии вышеуказанного университета), профессор Петербургского университета Д.И. Менделеев, академик Петербургской академии наук Ф.В. Овсянников и архитектор А.К. Бруни [13. Л. 216–217].

Члены комиссии должны были определить количество, размеры и относительное размещение будущих кабинетов, музеев, лабораторий и аудиторий, а также распланировать местоположение для административных и хозяйственных помещений. Эти черновые чертежи по замыслу министерства должны составить «общий факультетский свод распределения помещений», на основании которого архитектор А.К. Бруни должен был составить полноценный проект университета [18. С. 289]. Одновременно с этим при составлении чертежей архитектор опирался на «сведения от ректора Петербургского университета», посвященные необходимому количеству, площади и расположению аудиторий, лабораторий, музеев и кабинетов, а также «кому именно из служащих необходимы квартиры и во сколько комнат каждая» [20. 1879. 4 янв.; 1878. 26 окт.].

К середине 1879 г. А.К. Бруни составил чертежи и сметы для будущего Сибирского университета и представил их на проверку в Техническо-Строительный комитет при Министерстве внутренних дел (приложение 6). При их рассмотрении было обнаружено множество недостатков, заключающихся во многом в частичном пропуске ряда работ и материалов, например, наружной штукатурки и отделки зданий. Подобные пропуски А.К. Бруни сделал в целях экономии средств, предполагая, что пропущенные работы могут быть выполнены позднее, когда в казне будут свободные средства [21. С. 2]. Помимо этого, итоговая сумма после правок Технико-Строительного комитета МВД выросла с 585 745 руб. 6 коп. до 648 312 руб. 47 коп. за счет включения в смету расходов на строительство водопровода, газового завода для освещения зданий Сибирского университета и обсерватории [20. 1879. 6 окт.], 6 сентября 1879 г. после проверки сметы и чертежей проект А.К. Бруни был утвержден «в сумме» 648 312 руб. 47 коп. [21. С. 37].

В связи с постоянной нехваткой средств в казне из-за продолжавшейся Русско-турецкой войны (1877–1878) начало строительных работ неоднократно переносилось. По настоянию В.М. Флоринского строительство было решено начать за счет частных пожертвований З.М. Цибульского (100 тыс. руб.) [9. С. 80] и А.М. Сибирякова (100 тыс. руб.) [22]. В 1882 г. в связи

с возросшими ценами и переоценкой сметы перед Строительным комитетом вновь встал вопрос о средствах для продолжения дальнейшего строительства Сибирского университета. В связи с этим члены Строительного комитета обратились с ходатайством в Министерство народного просвещения о переводе для нужд Томского университета пожертвования П.Г. Демидова, которое к тому времени возросло до 189 054 руб. [16. 1882. апр.], и пожертвования З.М. Цибульского на открытие университета в Томске в размере 40 тыс. руб., которое было обращено в облигации Восточного займа, благодаря чему к 1882 г. выросло до 45 232 руб. [23. Л. 1; 24. Л. 1].

Одновременно с поиском средств и составлением чертежей и смет для будущего Томского университета перед Министерством народного просвещения встал вопрос о способе организации строительных работ. Согласно решению «Комиссии для обсуждения проекта устройства зданий будущего Сибирского университета» строительство Сибирского университета должно проходить хозяйственным способом через работу Строительного комитета, который по плану должен был находиться в подчинении генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова [20. 1878. 22 апр.].

Более того, строительство хозяйственным способом позволило не только существенно сэкономить средства казны, но и привлечь дополнительно частные пожертвования [25. Л. 8; 26. Л. 1].

Спустя месяц после утверждения чертежей и смет, составленных А.К. Бруни, министр народного просвещения граф Д.А. Толстой вновь обратился к вопросу об организации строительных работ. В своем официальном письме от 11 октября 1879 г. он просил В.М. Флоринского поделиться своими «соображениями» на тему, «каким способом было бы удобнее произвести означенные работы (возведение Сибирского университета. – *Прим. авт.*), посредством ли подряда или хозяйственным образом». В случае выбора В.М. Флоринским хозяйственного способа постройки «как более полезного» граф Д.А. Толстой просил его «сообщить также потребные соображения по вопросу о составе той строительной комиссии, которую необходимо будет учредить в г. Томске и относительно той инструкции, которой нужно будет снабдить сию комиссию» [11. С. 85].

Поскольку самим архитектором А.К. Бруни планировались изначально изменения в составленных им чертежах и сметах, В.М. Флоринский поддержал решение «Комиссии для обсуждения проекта устройства зданий будущего Сибирского университета» об организации строительства Сибирского университета через хозяйственный способ. Он также наметил первоначальный состав будущей Строительной комиссии (позднее Строительный комитет) [11. С. 86].

В.М. Флоринским помимо этого был составлен проект «Инструкций для работы Строительной комиссии», которую он затем заменил термином «Строительный

комитет». Кроме набросков общих положений в работе Строительного комитета, он просил подчинить Строительный комитет непосредственно Министерству народного просвещения в связи с тем, что генерал-губернатор Н.Г. Казнаков «принял за личную себе обиду» избрание в качестве университетского города Томска, а не Омска [11. С. 39–40]. Все предложения В.М. Флоринского были пересланы им в министерство для дальнейшего обсуждения.

В итоге 14 марта 1880 г. императором Александром II был учрежден Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета [27. Ст. 60655], входящий в ведение Министерства народного просвещения. Обязанности и полномочия Строительного комитета были определены в «Инструкции Строительному комитету для возведения зданий Сибирского университета в г. Томске», которая была подписана министром народного просвещения Д.А. Толстым 15 марта 1880 г. [28. Л. 14].

Таким образом, спустя два года после учреждения университета и разработки чертежей зданий началось строительство университетских зданий. В марте 1880 г. был создан «Строительный комитет по возведению зданий Сибирского университета в г. Томске», определен круг обязанностей и состав комитета.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что В.М. Флоринский участвовал в жизни Императорского Томского университета с момента зарождения идеи о нем до претворения ее в действительность. Так,

будучи членом Министерства народного просвещения, он, во-первых, принимал участие в подготовке бумаг с прошением об открытии университета в Сибири. Во-вторых, он лично участвовал в комиссии по определению университетского города, отстаивая интересы Томска в этом вопросе. В-третьих, В.М. Флоринский занимался разработкой чертежей Сибирского университета, а также принимал участие в определении способа организации строительных работ, благодаря чему в ходе строительных работ удалось сэкономить 448 133 руб. 74,6 коп. В-четвертых, став в 1880 г. членом Строительного комитета от Министерства народного просвещения, он курировал возведение университета. Несмотря на то, что Флоринский с 1878 г. являлся ординарным профессором Императорского Казанского университета, он ежегодно приезжал в Томск на весенне-летние строительные работы, а затем осенью совершал поездку в Петербург с отчетом о проделанной работе Строительным комитетом. Таким образом, он осуществлял постоянную связь между Строительным комитетом в Томске и министром народного просвещения в Санкт-Петербурге. В-пятых, возглавив Западно-Сибирский учебный округ в 1885 г., В.М. Флоринский занимался подбором профессорско-преподавательского состава будущего университета, а после открытия Императорского Томского университета очень тесно участвовал в его деятельности вплоть до отбытия из Томска в 1898 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. История просвещения в Сибири и университетский вопрос // Сибирский сборник. 1866. Кн. 3. С. 128–158.
2. Национальный музей Республики Татарстан (далее НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959–822. Подшивка писем и черновых набросков В.М. Флоринского.
3. Манассеин В.С. Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX ст. Иркутск, 1924. 30 с.
4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения : в 17 т. СПб., 1866. Т. 1.
5. Замахаев С.Н., Цветаев Г.А. Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск, 1889. 321 с.
6. Ядринцев Н.М. Сибирь – как колония. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 472 с.
7. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. М. : Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.
8. Труды комиссии, учрежденной по высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1878. 158 с.
9. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.
10. Томские губернские ведомости. Выходит по четвергам. Еженедельное издание.
11. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания (1875–1880) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13–230.
12. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. Январь. С. 75–109.
13. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 125 (фонд Главного инспектора училищ Западной Сибири г. Томск). Оп. 1. Д. 474.
14. Дмитриев-Мамонов А.И. К истории первого сибирского университета в Сибири (1875–1899): памяти В.М. Флоринского // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / сост. С.Ф. Фоминых и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 230–267.
15. Музей истории Томского государственного университета. Ф. 3. М. Цибульский. Письмо З.М. Цибульского Н.Т. Зотову.
16. Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Журналы Строительного комитета.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Отд. 1. 1878. СПб., 1880. Т. 53. 58048–58673 ст.
18. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. Февраль. С. 288–311.
19. Открытие Императорского Томского университета 22 июля 1888 года. Томск, 1888. 76 с.
20. НМРТ Ф. В.М. Флоринский. № 117959–409. Письмо А.С. Белявского В.М. Флоринскому из Томска в Казань.
21. Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913). Томск, 1917. 544 с.
22. Описание праздника, бывшего в г. Томске 26 и 27 августа 1880 года по случаю закладки Сибирского университета. Томск, 1880. 61 с.
23. ГАТО. Ф. 103 (фонд Комитета по постройке зданий Сибирского университета в г. Томске). Оп. 1. Д. 46.
24. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 45.
25. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 2.
26. ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 17.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Отд. 1. 1880–1881. СПб., 1884. Т. 55. 60541–61928 ст.
28. ГАТО. Ф.103. Оп. 1. Д. 1.

Dunbinskiy Ilya A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Nekrylov Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: medicinahistory@yandex.ru

VASILY MARKOVICH FLORINSKY AND THE FIRST SIBERIAN UNIVERSITY IN TOMSK

Keywords: V.M. Florinsky, Siberian University, Ministry of Education, Tomsk.

The purpose of this article is to analyze the contribution of V.M. Florinsky in the opening of the Siberian University in Tomsk. The article reveals the role of V.M. Florinsky in solving issues related to the choice of the city for the future of the Siberian University, the creation of drawings and estimates, the choice of the form of organization of construction works, as well as the search for sources of financing. The object of the study is the history of the organization of the Imperial Tomsk University, and the subject is the contribution of V.M. Florinsky in the organization of the construction of the Siberian University in the design of the university.

To solve the problem, the authors of the article analyzed documents stored in the State Archives of the Tomsk Region, the Department of Manuscripts and Book Monuments of the Tomsk State University Scientific Library, and also in the National Museum of the Republic of Tatarstan in the V.M. Florinsky. Based on this material were identified the main stages that preceded the organization of the Siberian University. The activity of V.M. Florinsky throughout the preparatory period. The contribution of V.M. Florinsky in the creation of the Siberian University with the activities of others who participated in the organization of the Siberian University.

As a result, the authors of the study came to a conclusion about the key role of V.M. Florinsky in the organization of the construction of the Imperial Tomsk University. So, being a member of the Ministry of Public Education, he, first, took part in the preparation of papers with a request for the opening of a university in Siberia. Secondly, he personally participated in the commission to determine the university city, defending the interests of Tomsk in this matter. Thirdly, V.M. Florinsky was engaged in the development of drawings of the Siberian University, and also took part in determining the method of organizing construction works, so that in the course of construction work, the amount of 1,220,567 rubles, 51,5 cop., it was possible to save 448 133 rubles. 74.6 kopeks.

Fourth, becoming in 1880 a member of the Construction Committee of the Ministry of Education, he supervised the erection of the university. Despite the fact that since 1878 he was an ordinary professor at the Kazan Imperial University, he visited Tomsk annually for spring and summer construction work, and then in the autumn traveled to Petersburg with a report on the work done by the Construction Committee. Thus, he maintained a permanent link between the Construction Committee in Tomsk and the Minister of Education in St. Petersburg. Fifth, having headed the West Siberian educational district in 1885, V.M. Florinsky was engaged in the selection of the faculty of the future university, and after the opening of the Imperial Tomsk University very closely participated in its activities until departure from Tomsk in 1898.

REFERENCES

- Anon. (1888) *Istoriya prosveshcheniya v Sibiri i universitetskiy vopros* [History of Enlightenment in Siberia and the University Question]. *Sibirskiy sbornik*. 3. pp. 128–158.
- National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). *Podshivka pisem i chernovykh nabroskov V.M. Florinskogo* [Collection of letters and drafts by V.M. Florinsky]. V.M. Florinsky Fund. No. 117959-822.
- Manassein, V.S. (1924) *Vozniknoveniye i razvitiye idei uchrezhdeniya Sibirskogo universiteta v svyazi s istoriyey prosveshcheniya v Sibiri v pervoy cheverti XIX st.* [On emergence and development of the Siberian University idea in connection with the history of enlightenment in Siberia in the first quarter of the 19th century]. Irkutsk: [s.n.].
- Ministry of Public Education. (1866) *Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya v 17 t.* [Collection of resolutions on the Ministry of Public Education in 17 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
- Zamakhayev, S.N. & Tsvetayev, G.A. (1889) *Tobol'skaya gubernskaya gimnaziya. Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Tobol'skoy gimnazii za 100 let yeye sushchestvovaniya. 1789–1889* [Tobolsk Province Grammar School. A historical note on the state of the Tobolsk gymnasium for 100 years. 1789–1889]. Tobolsk: [s.n.].
- Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' – kak koloniya* [Siberia as a Colony]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
- Rashin, A.G. (1956) *Naseleniye Rossii za 100 let (1811 – 1913). Statisticheskiye ocherki* [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical Essays]. Moscow: Gosudarstvennoye statisticheskoye izdatel'stvo.
- Florinsky, V.M. (1878) *Trudy komissii, uchrezhdennoy po vysochayshemu povelению dlya izucheniya voprosa ob izbranii goroda dlya Sibirskogo universiteta* [Proceedings of the commission, established by the highest order to study the issue of the selection of the city for the Siberian University]. St. Petersburg: V.S. Balashev.
- Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University – the first scientific centre in the Asian part of Russia (the mid-1870's – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
- Tomskkiye gubernskie vedomosti*.
- Florinskiy, V.M. (2014) *Zametki i vospominaniya (1875–1880)* [Notes and memoirs (1875–1880)]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Notes and memoirs (1875–1880)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–230.
- Florinskiy, V.M. (1906) *Zametki i vospominaniya* [Notes and memoirs]. *Russkaya starina*. January. pp. 75–109.
- The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 125. List 1. File 474.
- Dmitriyev-Mamonov, A.I. (2014) *K istorii pervogo sibirskogo universiteta v Sibiri (1875–1899): pamyati V.M. Florinskogo* [To the history of the first Siberian university in Siberia (1875–1899): To the memory of V.M. Florinsky]. In: Fominykh, S.F. et al. (eds) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Notes and memoirs (1875–1880)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 230–267.
- Museum of History of Tomsk State University. *Pis'mo Z.M. Tsubul'skogo N.T. Zotovu* [Letter from Z.M. Tsubul'sky to N.T. Zotov]. Z.M. Tsubul'skiy Fund.
- Nauchnaya biblioteka Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Otdel rukopisey i kniznykh pamyatnikov. Zhurnaly Stroitel'nogo komiteta* [Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Rare Books. Journals of the Construction Committee].
- Russian Empire. (1880) *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. 1878* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1878]. Vol. 53. St. Petersburg: [s.n.]. Art. 58048–58673.
- Florinskiy, V.M. (1906) *Zametki i vospominaniya* [Notes and memoirs]. *Russkaya starina*. February. pp. 288–311.
- Florinskiy, V.M. (1888) *Otkrytiye Imperatorskogo Tomskogo universiteta 22 iyulya 1888 goda* [Opening of the Imperial Tomsk University July 22, 1888]. Tomsk: Mikhailov and Makushin.
- National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT). *Pis'mo A.S. Belyavskogo V.M. Florinskomu iz Tomsk v Kazan'* [Letter from A.S. Belyavsky to V.M. Florinsky from Tomsk to Kazan]. V.M. Florinskiy Fund. № 117959-409.
- Popov, M.F. (1917) *Kratkiy istoricheskiy ocherk Imperatorskogo Tomskogo universiteta za pervyye 25 let yego sushchestvovaniya (1888–1913)* [A brief historical sketch of the Imperial Tomsk University for the first 25 years (1888–1913)]. Tomsk: Tipo-litografiya Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela.

22. Anon. (1880) *Opisaniye prazdnestva, byvshego v g. Tomske 26 i 27 avgusta 1880 goda po sluchayu zakladki Sibirskogo universiteta* [Description of the festival held in Tomsk on August 26 and 27, 1880, on the occasion of the Siberian University's foundation]. Tomsk: Mikhailov and Makushin.
23. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 46.
24. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 45.
25. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File 2.
26. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File. 17.
27. Russian Empire. (1884) *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. 1880–1881* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1878]. Vol. 55. St. Petersburg: [s.n.]. Art. 60541–61928 st.
28. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 103. List 1. File. 1.

УДК 328
DOI: 10.17223/19988613/54/7

А.А. Керимов

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ

Парламентаризм следует рассматривать как исторически развивающийся феномен, и только при таком подходе возможно выявление специфических особенностей его становления на каждом этапе. В статье рассматривается эволюция теории и практики парламентаризма в России. Выделены этапы в истории зарождения и развития парламентаризма, выявлены его особенности на каждом историческом этапе, показана эволюция взглядов на парламентаризм в различные периоды российской истории.
Ключевые слова: парламент; парламентаризм; протопарламентаризм; сословно-представительный парламентаризм; буржуазный парламентаризм.

Изучение современного российского парламентаризма, его проблем и перспектив развития невозможно без анализа исторического опыта данного института. Очевидно, любое явление уходит своим корнями вглубь истории, имеет аналоги в прошлом, что дает повод рассуждать о преемственности, находить те моменты, которые и сегодня оказывают влияние на сущность изучаемого объекта.

В истории российского парламентаризма с момента его зарождения до современного периода на основании таких критериев, как 1) признание в политической системе общества принципа разделения властей и степени его реализации на практике при формировании органов государственной власти; 2) значимость законов в жизни общества; 3) наличие, место и роль свободно избранного парламентского учреждения в системе властей; 4) наличие упорядоченной системы формирования законодательного (представительного) органа; 5) наличие свободных организаций, объединений, способных агрегировать интересы различных социальных групп, можно выделить четыре крупнейших этапа, характеризующих специфику этого явления на каждом из них по отдельности.

Первый этап, определяемый как этап протопарламентаризма, охватывает период с древнейших времен до XIII в. Данный этап связан с зарождением первых очагов русской государственности в Новгороде, Пскове и становлением первого русского государства – Киевской Руси.

Для древнерусских земель организация власти на основе демократических принципов не была чуждым явлением. В Новгороде и Пскове всегда функционировали народные вече, в компетенцию которых входили вопросы принятия законов, назначения должностных лиц, приглашения князя, заключения торговых соглашений с заморскими соседями. Дальнейшая трансформация политической системы указанных земель превратила их в феодальные республики. Как справедливо отмечает О.В. Гаман-Голутвина, «новгородское самоуправление представляло собой важное начало, однако

все же было только прообразом демократического института и не имело ничего общего с современной демократией, поскольку такие ее неперемные атрибуты, как свобода личности, права меньшинства, политическая конкуренция отсутствовали» [1. С. 154].

По схожему сценарию развивались события и в Киевской Руси. В качестве элемента разделения властей можно назвать договоры, которые заключались великим князем с городами. При великом князе также функционировала Боярская дума с совещательными полномочиями. В процессе разработки законов князь держал совет со своими боярами. Все эти практики свидетельствуют о зарождении первичных институтов парламентаризма в политической системе страны. Однако начавшиеся княжеские междоусобицы прервали процесс продвижения Древнерусского государства к демократическим моделям развития, и еще в большей степени демократическому развитию русского государства помешало татаро-монгольское завоевание.

Теоретическое осмысление особенностей этой эпохи нашло отражение в трудах митрополитов Иллариона, Киприана, великого князя Владимира Мономаха, Даниила Заточника, которые последовательно проводили мысль о необходимости присутствия при князе умных советников, коллективном решении спорных вопросов, об ответственности князя за порядок в государстве.

Таким образом, для первого этапа характерно наличие в системе государственной власти Киевской Руси народного собрания – вече – продолжателя традиций военной демократии родоплеменного периода и древних племенных сходов, Боярской думы, которые могут быть идентифицированы как первичные проявления парламентаризма.

Второй этап (XIV–XVII вв.) связан с появлением Московского централизованного государства, опирающегося на сословно-представительное правление, и постепенным его перерождением в абсолютистское государство. После свержения татаро-монгольского ига центростремительные тенденции становятся домини-

рующими в трансформационных процессах. Образование нового национального государства сопровождалось не демократизацией общественной жизни, а централизацией власти, приведшей к установлению деспотического единоначалия, действовавшего вне правового поля в ущерб установлению законосообразной власти.

В политическом развитии ряда стран Западной Европы и России в эпоху Средневековья также прослеживаются сходные явления. Страны Западной Европы так же, как и Россия, борются за национальную независимость. Западные правители на борьбу с иностранным засильем поднимали общество через его консолидацию и внутреннюю демократизацию, а русские цари, наоборот, наступали на свободы людей, действовали строго по своей воле, игнорируя внутренние интересы общества.

Консолидация российского общества для борьбы с внешним врагом происходит через антидемократизацию и сосредоточение власти в руках царя – помазанника божьего. Демократические тенденции появились на начальном этапе правления Ивана Грозного, при котором проводились реформы местного самоуправления, на регулярной основе созывались земские соборы, Боярская дума приобретала черты органа, в определенной мере ограничивающего всевластие царя. Все эти элементы с осторожностью могут быть отнесены к проявлениям представительной демократии. На этом этапе верховная власть еще не располагала ни административными кадрами, ни финансами для оплаты труда чиновников за отправление гражданской службы. И по этой причине осуществление власти на местах вменялось в обязанности выборных старост на неоплачиваемой основе, которые не желали выполнять административную работу бесплатно и самовольно оставляли службу.

Зарождение сословно-представительной монархии было обусловлено социально-экономическими и политическими особенностями развития общества. Этому процессу содействовали рост городов, развитие товарного производства и обмена, обострение социальной борьбы, усложнение внутрисословных взаимоотношений среди феодалов и усиление противоречий с городским сословием. Если появление сословно-представительных органов в Европе было результатом борьбы верховной власти с городами и обществом, развития «институтов выборной демократии, прав и свобод личности, которые формировались вслед за развитием капитала: торгового, промышленного и затем финансового» [2. С. 31], то в России они появились из административных потребностей. Если европейские сословно-представительские органы продолжали борьбу с верховной властью за свои права, то российские никогда не переходили в оппозицию царю.

В условиях бурного развития общества актуализировалась проблема выбора способа управления, следовательно, возникали варианты – или через демократизацию общественных отношений, или через централизацию власти. Но средневековая российская царская власть еще не располагала достаточной силой для ее

узурпации, поэтому она соглашалась на создание представительных учреждений, с помощью которых можно было вводить новые налоги и налаживать их сбор и т.д. В этих учреждениях решающую роль играли представители духовенства и дворянства, которые со временем превратились в социальную базу власти самодержца, поскольку такой тандем с властью гарантировал им возможность эксплуатации крестьянских масс.

Сословное представительство рассматривалось как привилегия или частное право сословия или корпорации, при этом каждое сословие выступало с позиций выражения собственных интересов. Постепенно данный принцип теряет свое значение и уступает на исторической сцене место принципу представительства, основанного на понимании народа как субъекта процесса осуществления государственной власти.

На смену сословно-корпоративным интересам через представительство приходят государственные, общенациональные интересы. Меняется природа полномочий выборного, который отныне в своей деятельности руководствуется не узкокорпоративными интересами, а общенациональными. Впрочем, такой сценарий был характерен для западно-европейских стран уже в эпоху Средневековья, в России же подобное понимание природы представительства стало оформляться только к началу XX столетия.

Представительные учреждения России XVI–XVII вв. были явлением почвенного происхождения, а не заимствованными. В отличие от своих европейских аналогов, по ряду причин им не удалось утвердиться в политической системе страны. На наш взгляд, эти причины предельно точно были сформулированы В.О. Ключевским. Он выделял ряд причин, препятствовавших упрочению соборного представительства в XVII в., среди которых: «1) по мере упрочения царствующей династии и роста правительственных возможностей центральная власть все меньше нуждалась в помощи представительного органа; 2) общество, раздираемое межсословными противоречиями в условиях отсутствия общегражданских и политических прав, было не в состоянии вести борьбу и отстаивать свое право участия в управлении государственными делами через соборное учреждение. Земское представительство прекратило свое существование с усилением централизации в управлении и завершением процесса закрепощения всех сословий» [3. С. 644].

Идейно-теоретическое осмысление политических процессов этого периода связано с именами М. Грека, Ф. Карпова, И. Пересветова, А. Курбского. В их произведениях и публицистике прослеживается тенденция к обоснованию роли и значения создаваемых сословно-представительных органов, обосновываются идеи ограничения монаршей власти и разделения властей.

Третий этап (XVIII в. – до 1917 г.) в истории российского парламентаризма может быть охарактеризован как движение от абсолютизма к буржуазному парламентаризму.

В первой четверти XVIII в. на смену сословно-представительной монархии приходит абсолютная монархия. Преобразования Петра I, государственные реформы Екатерины II окончательно ликвидировали зачатки и саму возможность становления представительного органа власти. Даже в условиях тотального политического господства абсолютизма идеи представительной демократии в русской общественной мысли не были преданы забвению. Немало размышлений по этому поводу можно найти в трудах С.Е. Десницкого, А.Н. Радищева. Например, С.Е. Десницкий рассматривал возможность создания нового сената из 600–800 членов с участием не только дворянства и духовенства, но также представителей третьего сословия и разночинной интеллигенции [4. С. 70], а в стихах А.Н. Радищева народное вече упоминается как возможная форма воплощения народовластия.

Модернизация Петра I, безусловно, сыграла важную роль в переходе страны от отсталых во всех отношениях феодальных порядков к европейским способам организации государственного устройства и общественной жизни. Однако последующая социально-экономическая и политическая практика, применяемая наследниками царя-реформатора, не содействовала дальнейшему развитию страны и стала причиной значительного отставания России от западноевропейских стран.

Начало XIX в. было ознаменовано попыткой реформирования политической системы российского общества. Александр I начал с замены петровских коллегий министерствами, которым отводилась роль центральных отраслевых органов исполнительной власти. Дальнейшее реформирование политической системы было связано с именем М.М. Сперанского. Его идея заключалась в реорганизации политической системы на основе разделения властей. Проект реформ М.М. Сперанского содержал предложение о создании органа законодательной власти, который должен был быть представлен Государственной думой и Государственным советом. Однако большая часть предложений М.М. Сперанского осталась на бумаге, была реализована лишь идея введения Государственного совета, который стал законосовещательным органом при монархе, к идее же Государственной думы Россия вернулась только сто лет спустя, одновременно с учреждением которой был реформирован и превращен в верхнюю палату парламента Государственный совет.

Идеи представительного правления в дальнейшем развивались и детализировались в политических программах декабристов, реформах Александра II, идеологии земского движения либерально-буржуазных слоев российского общества. Вторая половина XIX столетия в вопросах развития органов народного представительства была более плодотворной как с точки зрения теоретического осмысления данного феномена, так и реализации на практике его различных вариаций. При этом «сами земские собрания и городские думы, безусловно, нельзя считать парламентскими учреждениями

по причине отсутствия у них сколь-либо значимых правотворческих контрольных полномочий. Это были хозяйственные, а не политические учреждения» [5. С. 243]. Главным итогом этого этапа является то, что парламентаризм как идея становится ясно осознаваемой и желанной ценностью для общества.

Теоретическое наследие XIX в. по осмыслению значения разделения властей, законодательной власти, народного представительства занимает важное место в истории общественно-политической мысли России. Его размах определяется не только громкими именами российских ученых той эпохи, но также их теоретическими разработками, которые до сей поры не потеряли своей научно-практической актуальности. Вышеоцененные проблемы занимали важное место в творчестве И.С. и К.С. Аксаковых, М.А. Бакунина, А.Д. Градовского, Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, А.А. Кизеветтера, И.В. и П.В. Киреевских, В.Н. Коркунова, А.И. Кошелева, Н.И. Лазаревского, Н.Г. Михайловского, К.П. Победоносцева, Ю.Ф. Самарина, А.С. Хомякова, Б.Н. Чичерина и многих других.

В российской научной литературе принято считать, что появление парламентаризма в России в современном его понимании связано с царским «Манифестом об усовершенствовании государственного порядка», который был принят в разгар первой русской революции. Манифест предусматривал дарование населению основ гражданских свобод, права участия в формировании органа народного представительства с законодательными полномочиями, без мнения которого ни один законопроект в империи не мог олицетворять силу закона. Манифест коренным образом менял государственное устройство России. Самодержавная власть ограничивалась представительными учреждениями. Однако, как показала дальнейшая практика, парламентаризм не был приемлем для царской власти, и противоречил ее природе. При выстраивании новой иерархии управленческой структуры на основе принципа разделения властей выбор был сделан не в пользу европейского варианта, основанного на рациональном подходе к ветвям государственной власти с четким распределением их полномочий, а в пользу евразийского, рассматривающего разделение властей в качестве инструмента по ограничению власти государя. Такая трактовка разделения властей вряд ли могла привести к оформлению основ конституционного строя. Более того, «исполнительная власть даже после создания парламентского учреждения делала вид, что в структуре власти ничего не изменилось» [6. С. 66].

Российская самодержавная власть с помощью послушной полицейско-бюрократической машины деполитизировала общественную жизнь страны. Политика, идеология, искусство и даже история были полностью подчинены интересам правящего класса. «Отказ от первоумской модели народного представительства и замена ее впоследствии третьейюньской системой позволили власти временно создать иллюзию управляемо-

сти империи, а на деле происходило постепенное свертывание реформ, разработанных правительством в 1905–1906 гг. В первую очередь были ощутимы откат в реальном обеспечении гражданских прав и политических свобод, в деле дальнейшего реформирования политической системы, а также нежелание царизма управлять страной новыми конституционными методами, что вело к изоляции режима от общества, обрекая его тем самым на поражение» [7. С. 199].

Наличие Государственной думы в политической системе царской России не является достаточным основанием полагать, что в стране существовал парламентаризм. Нерешенным оставался ряд вопросов по урегулированию взаимоотношений и налаживанию системы взаимодействия с исполнительной властью, принципиально не рассматривался вопрос о создании правительства с парламентской ответственностью, взаимоотношения двух ветвей власти отличались повышенной конфликтностью, и, самое главное, все противоречия разрешались не методами правового регулирования, а волевыми актами со стороны исполнительной власти, которые обычно сводились к роспуску парламента.

Опыт российского парламентаризма начала XX в. нельзя назвать вполне удачным. Деятельность парламентского учреждения была малоэффективной. Его неконкурентоспособность на политической арене объясняется, во-первых, отсутствием единых правил при формировании палат парламента; во-вторых, нарушением баланса полномочий в пользу Государственного совета как верхней палаты; в-третьих, отсутствием у Государственной думы права veto на решения Государственного совета; в-четвертых, нерациональной организованностью внутренней структуры парламента. «Государственная дума была лишена возможности внесения изменений в политико-правовую систему страны с учетом интересов и настроений широких масс, не смогла выполнить функцию контроля над правительством, не стала каналом сближения интересов общества и государства, не смогла стать силой, способной легитимировать режим, который к 1917 г. лишился поддержки даже со стороны консервативно настроенных слоев правящей элиты» [8. С. 160–163].

Слабость первого российского парламента определяется и отсутствием в стране сложившейся партийной системы. Со времени принятия Манифеста 1905 г. и до февраля 1917 г. в России существовало немалое количество партий и движений. В стране насчитывалось 45 общероссийских партий (11 – традиционалистского и 25 – либерально-консервативного направлений, 9 – социалистической ориентации) и 113 национальных партий и движений [9]. Наличие большого количества разноплановых партий еще не является свидетельством оформления в стране реальной многопартийной системы. Партии социалистического лагеря находились на полулегальном положении, другие партии тоже испытывали немало проблем организационного порядка, не было редкостью, когда во внутривнутрипартийных дискуссиях

частные интересы преобладали над общими. Политические партии не были встроены в политическую систему общества, ни одна из них не имела существенного влияния на процесс формирования кабинета министров, не привлекалась к разработке правительственных программ.

Партии либеральной ориентации не проводили активной работы среди населения на постоянной основе, не подготавливали общественное мнение к принятию либеральных ценностей. Свою миссию они видели в произнесении речей с думской трибуны, считая, что тем самым они готовят благоприятную почву для проведения реформ, а в то же время левые партии активно работали на местах, наращивали свою популярность, создавали сеть партийных организаций, которые сыграли решающую роль в продвижении левых партий к власти после февраля 1917 г. «Политические партии России возникли на базе уникальной бинарной культуры и традиций и значительно позже, чем на Западе, матрица их возникновения была более чем сырая, а носитель – слаб и аполитичен; партии складывались не на основе четких структурированных социальных интересов, а насаждались на идейной основе, что приводило к самодовлеющей роли идеологии; они носили “несистемный” характер, ставя во главу угла не только оппозицию режиму, но и стремление к его разрушению» [10].

Таким образом, необходимо отметить, что в начале XX в. попытка реализации в России западного варианта разделения властей и парламентаризма не увенчалась успехом. Это объясняется особенностями политической системы России и объективно сложившимися историческими обстоятельствами, выражающимися в том, что, во-первых, царская власть не хотела расставаться со своей монополией на политическую власть, следовательно, законодательная власть ей не была нужна; во-вторых, исторически в России никогда не было реальных прав и свобод личности, инакомыслие находилось под запретом, внутренние и внешние проблемы общества решались преимущественно через принудительно-силовые методы; в-третьих, деятельность парламента по времени совпала с революционным движением, резко осложнившим работу депутатов, которые не смогли выстроить оптимальную систему взаимодействия с исполнительной властью, в межпартийной среде и обществом в целом.

Таким образом, в начале XX в. идеи разделения властей, парламентаризма, многопартийной системы не были усвоены российским обществом. Российская система разделения властей сводилась к выделению замкнутых и устойчивых уровней – верховного, губернско-областного, общинного и городского, отношения между которыми строились по принципу не взаимодействия, а жесткой вертикальной подчиненности, где в качестве вершины власти всегда выступала единоличная воля правителя.

Проблема укоренения этих ценностей в России начала XX в. видится не в том, что «в стране было по-прежнему самодержавие или не было всеобщего голосования, и не в том, что царь не присягал конституции, а только в том, что конституционный строй в России не был основан на развитом гражданском строе, который всегда является необходимой основой для всякой конституции. На самом деле как раз неразвитость гражданского строя, отсутствие гражданских свобод и привели к исчезновению политической свободы, к крушению на долгие годы идей парламентаризма в России» [5. С. 420].

Таким образом, отметим, что специфику становления российского парламентаризма в начале XX в. определяли следующие факторы: парламентские реформы проводились сверху без участия политических партий и зарождающихся институтов гражданского общества, которые могли бы обеспечить легитимность проводимых реформ; повышенный фон конфликтности в парламенте, неумение и нежелание депутатов пойти на компромисс с исполнительной властью, следовательно, для получения более умеренного состава парламентариев исполнительная власть, кроме репрессий, также прибегала к тактике изменения избирательного законодательства в выгодную для себя сторону; двухпалатность парламента вносила неопределенность в сферу компетенций и политического статуса, поскольку Государственная дума и Государственный совет формировались по-разному, по своему составу Государственный совет был крайне консервативным, воспринимающим себя скорее в качестве контролирующего, нежели представительного органа.

В период с октября 1917 г. и до начала 90-х гг. XX в. в стране действовала особая система организации государственной власти, не имевшая аналогов в мире. Она была построена на принципиально иных основах. Парламентаризм рассматривался как форма реализации власти буржуазии и отвергался. В проекте декрета о роспуске Учредительного собрания В.И. Ленин писал, что «старый буржуазный парламентаризм пережил себя, он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, не общенациональные, а только классовые учреждения в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества» [11. Т. 27. С. 264].

Идеалом большевиков стало создание государства диктатуры пролетариата, опирающееся на инициативу масс снизу. Только при слиянии этих двух начал, а именно «сильной политической системы, управляемой из одного центра, подчиненной воле наиболее сознательной части рабочего класса в лице его политического авангарда – партии большевиков, и широкой инициативы масс в рамках самоуправляющихся структур – Советов» [5. С. 536], можно было осуществить революционные преобразования с целью построения социалистического общества.

Известное ленинское высказывание «не парламентская республика, а республика Советов» [11. Т. 33.

С. 45–48] не предполагает категорического отказа от институтов государственной власти как таковой, речь идет о создании принципиально новой формы «республиканизма», очищенной от «буржуазного хлама». По замыслу В.И. Ленина, три ветви власти и местное самоуправление составляют институциональную основу государственного управления, но взаимоотношения их между собой и взаимодействие с населением должны быть построены таким образом, чтобы на смену принципу разделения властей мог прийти принцип их единства в законодательной и исполнительно-контрольной деятельности.

На практике ленинская концепция организации новой политической системы была реализована только наполовину. В условиях жесткой централизации власти советские органы де-факто были подчинены партийным органам, а идея предоставления массам возможности самоуправления не была юридически и институционально подкреплена. «Страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов в парламенты при буржуазном порядке или на съезде Советов при советских порядках. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительным аппаратом государства, которые руководят этим аппаратом» [12. С. 236], – резюмировал И.В. Сталин.

К середине 30-х гг. XX в. советское государственное строительство завершилось установлением двухуровневой структуры верховных органов законодательной власти в лице Всероссийского съезда Советов и ВЦИК. Присущие этой системе объективные издержки не позволяют определить ее как эффективную. Отсутствие у депутатов возможности профессионально заниматься законотворческой деятельностью, плохо организованная работа системы, недостаток информации, перекосы в политике, отсутствие достаточного количества квалифицированных депутатов, ограниченные сроки действия депутатского мандата, утверждающаяся однопартийная система, чрезвычайные методы управления экономикой не благоприятствовали реализации идеи народовластия и создавали почву для перенесения центра тяжести власти к исполнительным органам.

Препятствием на пути развития народовластия стала и большевистская избирательная система от 1918 г., лишившая отдельных лиц и групп граждан избирательных прав. «Особенностью положения лишенных в стране Советов была не только и не столько потеря ими права избирать и быть избранными в органы государственной власти. Главная проблема заключалась в другом: вместе с потерей избирательных прав они лишались серьезных перспектив в продвижении по социальной лестнице. Прием на работу в государственные учреждения и на промышленные предприятия был невозможен. Им был ограничен доступ в средние и высшие учебные заведения. Они не могли служить в Красной Армии. Но самое главное, эти граждане лишались социальной поддержки государства: их лишали пенсий,

пособий, отказывали в социальном страховании. Они не имели права на “заборную книжку”, ставшую основным документом на получение продуктов питания после введения в конце 1928 г. карточной системы. Общее количество лиценцев в стране насчитывалось на 1929 г. 8,5% в городах, 4,1% в сельской местности» [13. С. 25]. Таким образом, политико-правовая практика превратила избирательное право в социальную функцию избирателей. Только в 1936 г. с принятием новой Конституции из избирательного законодательства вышеперечисленные ограничения были изъяты, но следует заметить, что старые ограничения по части избирательных прав были отменены еще в 1934 г. Эта мера свидетельствует о преобладании во внутренней политике государства тенденции к восстановлению внутреннего мира, столь необходимого в условиях модернизации страны.

Советы в истории мирового государственного строительства стали уникальным явлением и рассматривались в качестве альтернативы буржуазному парламентаризму. Россия, как уже отмечалось, была знакома с различными формами народного представительства, но Советы представляли совершенно иную систему народовластия. Если в сословно-представительных органах представлялись социальные группы, связанные с аристократией и чиновничьим аппаратом, то в Советах присутствовали, особенно на первых этапах, наиболее радикально настроенные сторонники новой власти. Уже к 1917 г. Советы определенной частью населения рассматривались как альтернатива не только самодержавной власти, но и остальным вариантам возможной трансформации политической системы страны в конституционную монархию и даже буржуазную парламентскую республику.

Было бы ошибочным считать период существования системы Советов провалом в истории страны или эпохой утраченных возможностей. Советы не были продуктом сложнейших теоретических конструирований, они были вызваны к жизни стремлением трудящихся найти соответствующую требованиям действительности и собственным потребностям форму управления. В деятельности Советов было немало положительных моментов, которые и сейчас могли бы быть востребованы. Это, например, наличие реального механизма прямой и обратной связи депутатов со своими избирателями, отлаженной системы отзыва депутата избирателями и т. д. После развала советской системы вышеприведенные моменты, которые по своей природе глубоко демократичны, были проигнорированы создателями Конституции новой России в 1993 г.

Четвертый этап в истории российского парламентаризма характеризуется становлением и развитием его современного типа и берет свое начало со времен реформ М.С. Горбачева.

На первом этапе перестройки вопрос о разделении властей еще не ставился, речь преимущественно шла только о разграничении полномочий партийного аппа-

рата и государственных органов власти. По мере углубления реформ вопросы политической модернизации актуализировались, и программа политических реформ была предложена XIX партийной конференцией (1988). Главная идея заключалась в передаче всей полноты власти Советам и лишении ее КПСС, также предлагалось дополнить представительную демократию прямой через народные референдумы, на рассмотрение которых должны были быть вынесены наиважнейшие вопросы.

Российская представительная власть периода перестройки сочетала в себе черты как органа, выступавшего антуражем партийных структур, так и парламентской структуры, в недрах которой зарождались первые зачатки парламентской деятельности, где депутаты, избранные на свободных выборах, вели законотворческую работу на профессиональной основе. Эти процессы стали реальностью благодаря попытке возврата к раннесоветским формам демократии, однако отсутствие системности в проведении политических реформ постепенно приобретало деструктивный характер, следствием которого стали ослабление государственности, расшатывание межреспубликанских связей и, в конце концов, распад Советского Союза.

Съезд народных депутатов можно рассматривать как одну из форм классической представительной демократии. Он мало чем был похож на европейский парламентаризм. Характеризуя обстановку вокруг парламента, В.Л. Шейнис отмечал те трудности, с которыми приходилось сталкиваться парламенту. Эти трудности были порождены неразвитостью партийной системы, отсутствием устойчивых депутатских объединений в парламенте и создавали большие просторы для маневров со стороны президента для продвижения личной политики, подбора кадров и т.д. [14. С. 52–62]. Тем не менее Совет народных депутатов как парламент был уникальным явлением в истории современной России. Его значение заключалось в том, что впервые за долгие годы отсутствия реального парламентаризма в стране появился орган, который выполнял реальные законодательные и представительские функции в системе властей. В его опыте было немало важных поучительных моментов, которые впоследствии были востребованы при конструировании современного российского парламента.

В заключение отметим, что процесс государствообразования в России на протяжении всей своей истории испытывал влияние природных, экономических, религиозных и многих других факторов. В результате в России, в отличие от большинства западных стран, сложилась куда более централизованная система управления с твердой исполнительной и слабой представительной и местной властью. По оценке В.О. Ключевского, «появление народного представительства в России, в отличие от западноевропейского, было продиктовано не целями ограничения власти, а для того чтобы выстроить и укрепить ее» [3. С. 643] и «метания

между демократией и тоталитаризмом русского общества» [15. С. 257] не оставляли шансов для его упрочения. Как показывает опыт российской государственности, народное представительство обычно появлялось в переломные моменты истории, когда власть либо исчезала (Смуга начала XVII в., 1917 г., 1991 г.), либо существенно ослабевала (начальный этап правления Ивана Грозного и Екатерины II, первая русская революция 1905–1907 гг., период горбачевской перестройки и дальнейшего развала СССР). После достижения консенсуса и установления относительной стабильности в обществе исполнительная власть в отношении институтов народного представительства проводила политику подчинения их своему влиянию и превращения этих органов во второстепенные элементы политической системы.

Итоги и выводы:

1. В истории российского парламентаризма с момента его зарождения и до современного периода можно выделить четыре этапа: протопарламентаризм (с древнейших времен до XIII в.); сословно-представительный парламентаризм (XIV–XVII вв.); движение от абсолютизма к буржуазному парламентаризму (XVIII в. – до 1917 г.) и современный парламентаризм (с 1917 г. по настоящее время).

2. Представительные органы в России появлялись обычно в переломные моменты истории. После восстановления социальной стабильности и укрепления своих позиций верховная власть органы народного представительства подчиняла своему влиянию.

3. По уровню политической культуры и гражданских свобод Россия в начале XX в. не была готова к практике парламентаризма. Парламентские реформы проводились сверху без участия политических партий и зарождающихся институтов гражданского общества.

4. Советы как разновидность представительной демократии рассматривались в качестве способа и института по реализации народовластия через активность населения, вовлеченного в социалистическое строительство. Однако в условиях диктата однопартийной системы и власти партийно-бюрократической номенклатуры сущность Советов была выхолощена и заложенный в них огромный демократический потенциал не был раскрыт и реализован.

5. Перестроечный период в развитии российского парламентаризма характеризуется ослаблением партийного диктата, движением к демократическим выборам на основе многопартийности и свободной конкуренции, созданием новой политической элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаман-Голутвина О.В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. 2016. № 2. С. 153–159.
2. Аксенова О.В. Модернизация или развитие: традиционалистские основания прогресса в России // Власть. 2016. № 9. С. 31–37.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории: Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. 1197 с.
4. Аникин А.В. Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
5. Усанов В.Е. Становление и развитие парламентаризма в России: историко-правовое и критическое исследование. М.: Элит, 2008. 896 с.
6. Панов П.В. Трансформация политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // Полис. 2002. № 6. С. 58–70.
7. Дарчиева С.В. Законодательная деятельность думских фракций по аграрному вопросу в контексте противостояния власти и общества в 1906–1907 гг. // Власть. 2016. № 9. С. 199.
8. Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996. С. 160–163.
9. Постников Н.Д., Федорченко С.Н. Партийное строительство в имперской и современной России (II) // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/726> (дата обращения: 15.02.2018).
10. Чертищев А.В. Россия и ее партийная система: взаимообусловленность или несовместимость? // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: материалы дискуссии международного круглого стола в рамках научного проекта «Народ и власть» (Москва, 27 марта 2015 г.). Официальный портал ИС РАН. 2016. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594> (дата обращения: 15.02.2018).
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
12. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М.: Госполитиздат, 1945. 621 с.
13. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М.: Изд-во объединения «Мосгорархив», 1998. 256 с.
14. Шейнис В.Л. Судороги российского парламентаризма // Полис. 1992. № 3. С. 52–62.
15. Коноплева Л.А. К вопросу о рисках демократии и проблемах этнической консолидации // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремеенко. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 255–259.

Kerimov Alexander D. B.N. Yeltsin Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). E-mail: kerimov68@mail.ru

RETROSPECTIVE VIEW ON THE EVOLUTION OF THE THEORY AND PRACTICE OF PARLIAMENTARISM IN RUSSIA

Keywords: parliament, parliamentarism, protoparliamentarism, class-representative parliamentarism, bourgeois parliamentarism.

The purpose of the article is to analyze the evolution of the theory and practice of Russian parliamentarism. Methodologically, the article is based on theoretical developments of both foreign and Russian researchers. In foreign science, this problem is reflected in the studies of J. Blondel, J. Burdeau, M. Gunes, A. Daishi, R. Dick, I. Jennings, G. Ellinik, J. Coakley, P. Loesche, Th. Meaney, D. Olson, D. Ornstein, A. Fallback, W. von Alemann, E. Hubner, K. Schmitt and others.

Russian scientists of the pre-revolutionary era made a significant contribution to the development of the ideas of parliamentarism. Not lost its value and is still relevant ideas, work and projects of V.I. Gere, V.M. Gessen, S.E. Desnitsky, B.A. Kistyakovskiy, M.M. Kovalevskiy, N.M. Korkunov, S.A. Kotlyarevskiy, N.I. Lazarev, P.I. Novgorodtsev, A.N. Radishchev, K.N. Sokolova, M.M. Speransky, B.N. Chicherin, L.A. Tikhomirov and others.

Theoretical foundations of parliamentarism at the present stage is presented in the works of such Russian scientists as L.I. Bachilo, N.I. Biryukov, O.N. Bulakov, M.V. Varlen, O.V. Gaman-Golutvina, A.V. Glukhova, G.V. Golosov, V.I. Mikhailov, A.V. Dementiev, R.J. Evzerov, A.D. Kerimov, A.I. Kovler, V.N. Kolesnikov, I.V. Kotelevskiy, Y.K. Krasnov, B.S. Krylov, O.O. Mironov,

T.N. Mitrokhina, M.A. Mogunova, S.P. Obukhov, J.A. Place, R.M. Romanov, N.A. Sakharov, V.M. Sergeev, E.P. Sokolova, I.A. Soloviev, V.E. Usanov and others.

Traditionally, in modern scientific literature there are three stages in the evolution of parliamentarism, which correspond to its three historical forms: ancient, medieval and modern parliamentarism. We believe that such a classification can only partially reveal the content and essence of the historical forms of this phenomenon. For a thorough analysis of the essence of parliamentarism at each individual historical stage, it seems necessary to move away from the conventional periodization and propose a new one, which provides for four stages in the formation of historical forms of parliamentarism.

As criteria for the allocation of stages and identification of historical forms of parliamentarism, it is proposed to establish: the presence and degree of implementation of the principle of separation of powers into the system of government; the status and importance of normative legal acts in society; the place and role of an elected competitive parliamentary institution in the system of authorities; the presence of an orderly system of formation of a legislative (representative) body; the presence of free organizations, associations that can aggregate the interests of different social groups of society.

On the basis of the above-mentioned criteria in the formation and development of parliamentarism, we distinguish four stages, which allow later to identify the following four historical forms: protoparlamentarism, class-representative parliamentarism, bourgeois parliamentarism and modern parliamentarism.

Analysis of the evolution of the theory and practice of Russian parliamentarism shows that this institution has a natural and historical character and is in constant development. Its evolution, the transition from one stage to another, is caused by the political, socio-economic, cultural and spiritual changes taking place in society. Features of implementation of parliamentarism in various epochs of development of political system reflect a condition of the public relations, and conform to requirements of society. This institution, having realized its historical potential at a certain stage, creates preconditions for the transition to a qualitatively different state, which is characterized by new content and forms of institutionalization.

REFERENCES

- Gaman-Golutvina, O.V. (2016) Reality and Myths of Modern Russian Political Culture. *Polis – Polis. Political Studies*. 3. pp. 153–159. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2016.03.12
- Aksenova, O.V. (2016) Modernizatsiya ili razvitiye: traditsionalistskiye osnovaniya progressa v Rossii [Modernization or development: traditionalist reasons for progress in Russia]. *Vlast'*. 9. pp. 31–37.
- Klyuchevskiy, V.O. (2009) *Kurs russkoy istorii: Polnoye izdaniye v odnom tome* [Russian History: Complete edition in one volume]. Moscow: ALFA-KNIGA.
- Anikin, A.V. (1990) *Put' iskaniy: Sotsial'no-ekonomicheskiye idei v Rossii do marksizma* [The Path of Search: Social and Economic Ideas in Russia before Marxism]. Moscow: Politizdat.
- Usanov, V.Ye. (2008) *Stanovleniye i razvitiye parlamentarizma v Rossii: istoriko-pravovoye i kriticheskoye issledovaniye* [Formation and Development of Parliamentarism in Russia: Historical, Legal and Critical Research]. Moscow: Elit'.
- Panov, P.V. (2002) Transformatsiya politicheskikh institutov v Rossii: krosstemporal'nyy sravnitel'nyy analiz [Transformation of Russian political institutions: cross-regional comparative analysis]. *Polis – Polis. Political Studies*. 6. pp. 58–70.
- Darchiyeva, S.V. (2012) Zakonodatel'naya deyatelnost' dumskikh fraktsiy po agrarnomu voprosu v kontekste protivostoyaniya vlasti i obshchestva v 1906–1907 gg. [Legislative activity of the Duma factions on the agrarian question in the context of the opposition of power and society in 1906–1907]. *Vlast'*. 9. pp. 199.
- Demin, V.A. (1996) *Gosudarstvennaya Duma Rossii (1906–1917): mekhanizm funktsionirovaniya* [The State Duma of Russia (1906–1917): the mechanism of functioning]. Moscow: ROSSPEN. pp. 160–163.
- Postnikov, N.D. & Fedorchenko, S.N. (2016) Partynoye stroitel'stvo v imperskoy i sovremennoy Rossii (II) [Party building in imperial and modern Russia (II)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow Region State University*. 1. [Online] Available from: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/726>. (Accessed: 15th February 2018).
- Chertishchev, A.V. (2015) [Russia and its party system: interdependence or incompatibility?]. *Rossiyskaya mnogopartiynost' i rossiyskiye krizisy XX–XXI vv.* [Russian multi-party system and Russian crises of the 20th – 21st centuries]. Proc. of the International Discussion. Moscow. March 27, 2015. [Online] Available from: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4594>. (Accessed: 15th February 2018). (In Russian).
- Lenin, V.I. (1969) *Polnoe sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Vol. 27. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Stalin, I.V. (1945) *Voprosy leninizma* [Questions of Leninism]. 11th ed. Moscow: Gospolitizdat.
- Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S. & Yushin, I.F. (1998) *Lisheniye izbiratel'nykh prav v Moskve v 1920–1930-ye gody* [Deprivation of electoral rights in Moscow in the 1920–1930s]. Moscow: Mosgorarkhiv.
- Sheynis, V.L. (1992) Sudorogi rossiyskogo parlamentarizma [Cramps of Russian parliamentarism]. *Polis – Polis. Political Studies*. 3. pp. 52–62.
- Konopleva, L.A. (2013) [On the risks of democracy and the problems of ethnic consolidation]. *Patriotizm i grazhdanstvennost' v povsednevnoy zhizni rossiyskogo obshchestva (XVIII–XXI vv.)* [Patriotism and citizenship in the Everyday Life of Russian Society (the 18th–21st centuries)]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg. March 14 – 16, 2013. St. Petersburg: Leningrad State University. pp. 255–259. (In Russian).

УДК 904

DOI: 10.17223/19988613/54/8

С.Г. Скобелев

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВКИ РУССКИХ ОСТРОГОВ СРЕДНЕЙ СИБИРИ ПО ОПИСАНИЯМ Г.Ф. МИЛЛЕРА

*Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания
в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/БЧ).*

Для археологического изучения русских острогов важно знать их планировку. В данном отношении для Средней Сибири наиболее полную информацию содержат материалы путешествий 1735 и 1739 гг. Г.Ф. Миллера. В ходе анализа этих сведений сделан единовременный «срез» планировки, конструктивных особенностей и текущего состояния сооружений 16 из 19 известных острогов и 3 укрепленных деревень, уточнены сведения о планировке Канского и Саянского острогов. Эта информация может являться важным подспорьем при проведении возможных раскопок данных памятников. Она характеризует также степень боеготовности острогов и уровень безопасности на разных территориях региона в 30–40 гг. XVIII в.

Ключевые слова: Средняя Сибирь; XVIII в.; остроги; планировка.

Остроги как первые пункты государственности играли ключевую роль в освоении Сибири и вхождении ее в состав России. Именно они защищали границы государства, обеспечивали хозяйственную и культурную деятельность русского населения на новых территориях. При их исследовании важно выявить планировку, основные конструктивные особенности, строительные приемы и архитектурные формы, поскольку в деревянном зодчестве отражены исконно русские народные традиции в виде «как общих для всей России, так и характерных для местного архитектурного творчества» [1. С. 8; 2]. В более широком смысле можно будет проследить способ адаптации русских людей на новых территориях. Поскольку вероятные археологические исследования на площади острогов дадут нам материал в первую очередь из верхних, т.е. наиболее поздних, частей культурного слоя, и такой материал будет значительно информативнее ниже лежащих в смысле наличия возможности более широкого использования сведений письменных источников, то эти данные как вспомогательные необходимо обобщить и систематизировать, начиная с наиболее поздних. Поэтому целью данного исследования является установление планировки острогов, находившихся на территории крупной части региона – Средней Сибири.

Планы, схемы, описания и иные сведения для большинства острогов можно найти в исторических источниках различного характера. Это правительственные указы, донесения в Москву с приложениями планов сооружений, местная административная документация, первая карта Сибири С.У. Ремезова с изображениями острогов и более поздние картографические материалы, свидетельства послов, академических ученых, путешественников и т.д. Согласно им в конце XVI–XVIII в. в Сибири возводились главным образом дерево-земляные оборонительные сооружения, сопровождавшиеся служебной, хозяйственной, религиозной и жилой составляющей. Ими могли быть зимовья (избы

с нагордью», т.е. с боевой надстройкой), а также более сложные и развитые по конструкции крепости, независимо от вида оборонительных стен, размера и характера обороняемой территории получившие обобщенное наименование «острог» [3].

В Средней Сибири (в основном, это пределы современных Красноярского края и Хакасии, в первой трети XVIII в. – территория Мангазейского, Енисейского, Красноярского и частично Томского уездов Енисейской провинции Сибирской губернии) известны следующие остроги (по хронологии создания): Кетский (1596 г.; ставился 5 раз в разных местах по р. Кеть), Новая Мангазея или Туруханск (начинался с зимовья 1607 г.), Маковский (1618 г.), Енисейский (1619 г.), Мелеский (1621 г.; несколько раз сжигался, перестраивался, переносился на новые места), Красноярский (1628 г.), Рыбинский (1628 г.), Ачинский (1641 г.; переносился не менее трех раз), Канский (начинался с зимовья 1628 г., затем ставился дважды в разных местах по р. Кан), Нижнеудинский (начинался с зимовья 1646 или 1648 г.), Бельский (Беловский) в Енисейском уезде (1667 г.), Кемский, Тасеевский (годы постройки не известны), Караульный верхний (или Бельский в Красноярском уезде) (1675 г.), первый и второй Абаканские (1675 и 1707 гг.), Ломовской (1676 г.), Караульный нижний (1680 г.), Саянский (1718 г.). Кроме того, села Есаулово и Частоостровское на Енисее, а также Подъемное в Красноярском уезде имели деревянные стены со рвами, надолбами и рогатками, т.е. с точки зрения фортификации являлись острогами [4].

В нашем распоряжении применительно к выделенной территории, как уже указывалось, имеется значительный объем разнородных письменных источников, позволяющих проследить «топографическую историю» большинства этих объектов. Но они в основном разновременные, относящиеся обычно к отдельным объектам или их небольшим группам. Кроме того, нужно учитывать, что многие остроги переносились на новые

места или перестраивались по новым планам и технологиям в разное время. Лишь по материалам Г.Ф. Миллера, лично побывавшего в регионе, можно получить своеобразный «срез», единовременную картину состояния почти всех их (за исключением первого Абаканского, Ломовского и Караульного нижнего острогов) на период 1735–1740 гг., т.е. времени проведения этой экспедиции, которое близко к началу этапа завершения функционирования на данной территории в целом объектов русской фортификации [4]. Поэтому в силу обозначенной выше цели важно провести обобщение этих конкретных материалов, которые в случае проведения археологических исследований будут соответствовать в основном верхним частям культурного слоя указанных объектов.

Кетский острог (южный берег протоки р. Кеть) имел четырехугольную форму со сторонами приблизительно по 20 сажень и 2 башни – угловую со стороны реки и проезжую со стороны суши. В остроге находились дом приказчика, канцелярия и 3 амбара. Церковь и частные дома располагались снаружи [Там же. С. 188]. К сожалению, Г.Ф. Миллер не указал, что стены были тыновыми – но это можно узнать из иных источников [5. С. 179–180].

Новая Мангазея (иначе **Туруханск**; правый берег Туруханской протоки Енисея), центр одноименного уезда Енисейской провинции – это четырехугольная деревянная крепость со сторонами в 40 сажень, с четырьмя угловыми башнями; 5-я башня (в западной стене) была проезжей. Слева от въезда в острог в одном ряду стояли караулка, воеводские канцелярия и жилой дом с пристройками. Напротив (справа от въезда) располагались старая часовня (в период пребывания Г.Ф. Миллера она служила амбаром наряду с погребом), а недалеко от крепостной стены, находящейся напротив ворот, стояло большое развалившееся здание, где прежде жили воеводы. Амбары для ясачной казны и казенного инвентаря были врублены в верхний этаж крепостной стены справа от ворот. Обе церкви, ратуша, гостиный двор, хлебный магазин, винный погреб, кабаки, пивоварня, часовня и частные жилища находились вне острога [4. С. 119]. К сожалению, ученый не указал, в какой технике были выполнены его стены.

В Маковском остроге (северный берег р. Кеть, выше Кетского острога, у начала волока на Енисей) в период путешествий Г.Ф. Миллера целой осталась лишь одна башня. В пределах острога имелись церковь, частные дома и различные амбары [Там же. С. 40].

Енисейский острог (левый берег Енисея в 11 верстах ниже устья р. Кемь), центр одноименного уезда и провинции, имел форму четырехугольника. В период путешествий Г.Ф. Миллера в этом первоначальном остроге, находившемся в центре города, имелись каменная церковь, старая и новая канцелярии, амбар для пушной казны, дом воеводы, караулка и тюрьма, внутри острога окруженная тыновой стеной. Собственно, город лишь на части его общей протяженности, состав-

лявшей 2,5 версты по берегу Енисея (всего 704 двора), был защищен тыновыми стенами, в плане имевшими форму полумесяца. В нем находились гостиный двор, ратуша, амбары, пороховой и провиантский магазины (2 последних были окружены по отдельности тыновыми стенами четырехугольной в плане формы; гостиный двор до пожара 1727 г. также имел защитные стены, не поставленные во время его восстановления). Имелись также два монастыря и несколько церквей [4. С. 39–40].

Мелесский острог, как писали, ссылаясь на Г.Ф. Миллера, Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский, поставленный в последний раз на правом берегу Чулыма у устья р. Кемчуг с тыновыми стенами размерами 10×10 сажень, имел одну башню, дом приказчика и амбары. За стенами острога находились церковь и несколько частных домов [5. С. 206; 6].

Красноярский острог (стрелка рек Енисея и Качи), центр одноименного уезда Енисейской провинции, в период путешествий Г.Ф. Миллера состоял из Малого и Большого деревянных городов. Малый по форме представлял собой квадрат, периметр тыновых стен которого составлял около 280 сажень. По углам были рубленые башни. Имелась и проезжая башня. Внутри находились церковь, воеводская канцелярия с домом воеводы, оружейный склад, пороховой погреб, караулка, кузница, магазины и амбары. Большой город был защищен тыновой стеной с двумя проезжими башнями. Здесь имелись церковь с колокольной, ратуша с винным погребом, купеческие лавки, жилые дома. Весь комплекс строений со стороны суши и р. Качи защищался надолбами [4. С. 61]. Однако на гравюре А.Я. Колпашикова (по зарисовкам 1730-х гг.) Малый город имеет форму прямоугольника [7]. Исходя из того, что автор гравюры родился лишь в 1744 г. и реально острога не видел, можно предполагать наличие искажений в пропорциях острожных строений, поскольку на гравюре и местность вокруг Красноярска показана очень искаженно. О наличии жилой застройки вне стен Г.Ф. Миллер не упомянул. Но на карте С.У. Ремезова она имеется [8].

В Рыбинском остроге (северный берег р. Ангары, в 108 верстах от ее устья), из-за того, что он был построен на высокой скале, тыновая стена, имевшая проезжую башню, полумесяцем выводилась к реке. В период путешествий Г.Ф. Миллера в остроге находились церковь и два амбара, а дом приказчика и частные дворы располагались снаружи [4. С. 42].

Сведения об **Ачинском остроге** 1641 г. в опубликованных трудах Г.Ф. Миллера отсутствуют. Из иных источников известно, что он был построен у оз. Сызырим недалеко от р. Чулым, а затем неоднократно переносился по р. Чулым и перестраивался. Место расположения первого Ачинского острога нами обнаружено в ходе полевых разведочных работ – с этим объектом идентифицирован трапезиевидный в плане комплекс валов и рвов на южном берегу оз. Домашнее в пределах с. Дорохово Назаровского района Красноярского края. По данным начала XVIII в. острог находился уже

на месте современного г. Ачинска. Его размеры были 10×10 сажень [5. С. 90–91]. Имелись тыновые стены с двумя башнями [6].

Канский острог (южный берег р. Кан), по словам Г.Ф. Миллера (1735 г.), был построен «в форме круга из положенных поперек друг на друга бревен и вбитых между ними кольев» (т.е. в технике заплота). В остроге или рядом было 40–50 домов, 5 из которых стояли выше острога на противоположном берегу реки [4. С. 63]. Но в 1739 г. он уже сообщал, что здесь имелись обычные острожные укрепления и церковь [Там же. С. 63, 136]. Обычными же для Средней Сибири (за редкими исключениями) были остроги, имевшие в плане форму квадрата или прямоугольника. На карте С.У. Ремезова Канский острог показан именно таким (прямоугольным в плане) [8. С. 34]. Судя по примечаниям самого Г.Ф. Миллера, касающихся Канской земли, в этом остроге он не был и сведения о нем получил лишь по чьим-то рассказам, скорее всего, ошибочно понятым относительно круглой формы острога. Но эти сведения могут быть дополнены сообщением С.П. Крашенинникова, который побывал в Канске в 1735 г. и указал, что в остроге имеются «церковь..., канцелярия, прикащиков двор и амбары, где ясак кладется»; им упомянуто также о сорока частных дворах, но не отмечено, где они находятся – судя по большому их числу, они в большинстве должны были стоять за пределами острога [9. С. 66].

Нижнеудинский острог (восточный берег р. Уда) первоначально имел тыновые стены, которые незадолго до путешествия Г.Ф. Миллера были заменены «четырёхугольной стеной из положенных поперек друг на друга бревен и вбитых между ними кольев» (т.е. выполненной в технике заплота); со стороны поля имелись ворота, над которыми сооружена часовня (вероятно, все это находилось в проезжей башне). В остроге имелись казармы для гарнизона и амбары. Частные дома находились вне его [4. С. 63]. С.П. Крашенинников, побывавший здесь также в 1735 г., отметив часовню, дополнил эти сведения указаниями, что в остроге находились «...прикащиков двор, несколько амбаров, баня над воротами... А за острогом только 4 двора обывательских» [9. С. 67]. Следует отметить, что достоверность приведенного сообщения о бане, тем более расположенной, исходя из сути информации, на втором этаже проезжей башни, где, по Г.Ф. Миллеру, находилась часовня [4. С. 63], весьма сомнительна.

Бельский (Бельской, Беловский) острог (западный берег р. Белая, в 10,5 верстах от ее устья) имел тыновые стены в форме четырехугольника. Капитально отремонтирован в 1733 г., включая проезжую башню. В остроге тогда стояли церковь и провиантские амбары. Дом приказчика, судная изба и частные дома находились снаружи. В шести верстах выше острога стояла Троицкая слобода с церковью, окруженной маленьким острогом [Там же. С. 41].

Кемский острог (восточный берег р. Кемь, примерно в 150 верстах от Енисейска) имел тыновые сте-

ны, поставленные в форме четырехугольника, с проезжей башней и надолбами со стороны суши. В период путешествий Г.Ф. Миллера церковь, дом приказчика, судная изба и провиантский магазин находились в проезжей башне. Частные дома стояли снаружи [4. С. 41].

Тасеевский острог (западный берег р. Усолки) имел тыновые стены в форме четырехугольника с двумя башнями. В период путешествий Г.Ф. Миллера в остроге стояли церковь, дом приказчика, судная изба и амбары; вокруг острога установлены рогатки. Частные дома находились снаружи [Там же. С. 42].

Караульный верхний острог (левый берег Енисея, в 7 верстах ниже устья р. Сисим) имел тыновые стены, расположенные в форме четырехугольника, три боевые и проезжую башню со стороны Красноярска. В остроге имелись церковь, приказная изба, жилище приказчика и амбары. Частные дома стояли вне его [Там же. С. 60, 63].

Ломовской острог Г.Ф. Миллером лишь упоминается как стоящий на р. Острожной, в тайге по дороге из Красноярска в Томск. Из иных источников каких-либо сведений об его планировке нет.

Первый Абаканский острог (остров Карагас на Енисее недалеко от устья р. Абакан – вероятно, это нынешний Тагарский остров) в описания Г.Ф. Миллера не попал, поскольку был ликвидирован в результате осады кыргызами вскоре после создания [10. С. 167–168].

Второй Абаканский острог (правый берег Енисея, в 70 верстах ниже по течению от устья Абакана) вначале имел тыновые стены, но в период путешествий Г.Ф. Миллера уже срубные (скорее всего – тарасы, поскольку ученый написал, что острог в 1725 г. возведен заново четырехугольным в плане «... по образцу деревянных домов» [4 С. 62]). Вокруг острога с трех сторон был протянут ров, сопровождаемый надолбами. Имелись 4 угловые и проезжая (со стороны поля) башни. Ворота выходили как к реке, так и в сторону поля (в последнем случае – под башней). «...Внутри стен» располагались казармы и амбары, что и позволяет характеризовать первые как тарасы. Отдельные строения в остроге – церковь, приказная изба и жилье приказчика (в разных зданиях), амуниционный и провиантские магазины, караулка. У острога выше по течению Енисея стояли частные дома [Там же. С. 62]. По данным инженер-капитана С. Плаутина 1745 г. «Абаканская крепость деревянная, четверугольная» [11. С. 255].

Караульный нижний острог не получил описания у Г.Ф. Миллера и в иных источниках. По имеющимся отрывочным сведениям можно полагать, что он стоял на левом берегу Енисея, приблизительно напротив устья р. Мана.

Саянский острог (правый берег Енисея, в 57 верстах выше устья р. Абакан) Г.Ф. Миллер в 1735 г., т.е. до своей поездки на юг Приенисейского края, описывал как имеющий форму «круга из положенных друг на друга бревен в полторы сажени высотой». Как и в случае с Канским острогом, исследователь, видимо, записал данные сведения с чьих-то слов. Так, после путе-

шестивия на юг Приенисейского края (1739 г.) он описал Саянский острог уже как имеющий форму квадрата со сторонами примерно по 50 саженой. Однако в самом остроге он не побывал, ограничившись пребыванием на противоположном от него (левом) берегу Енисея, откуда острог просматривался [4. С. 62, 156]. С. Плаутин также сообщал, что «Саянская крепость деревянная, четверугольная» [11. С. 256]. Исходя из этих упоминаний, в остроге имелись две проезжие башни (в стоявшей со стороны реки находилась часовня, в противоположной – караулка), а 4 угловые использовались под казармы. Вокруг острога заплот, рубленый в лапу, а также ров, позади которого установлены надолбы; перед воротами стояли рогатки. Внутри располагались дом приказчика с его жилой частью, амуниционный и провиантский магазины. Частных домов не имелось. С этими сведениями в целом совпадает описание 1773 г. П.С. Палласа, сообщившего о 5-ти казармах в остроге и упомянувшего еще и пороховой погреб [12. С. 542–543]; можно допустить, что Г.Ф. Миллер именно этот объект называл амуниционным магазином. Возможно, на берегу Енисея отдельно стоял еще амбар [13. С. 56]. Проведенное силами археологического отряда Новосибирского госуниверситета полное раскопное изучение острога подтвердило достоверность большинства указанных сведений, в том числе относительно его планировки подквадратной формы, наличия заплота, использования четырех угловых башен под жилье, присутствия порохового погреба и провиантского магазина, также имевшего погреб для хранения припасов; 5-я казарма, упомянутая П.С. Палласом, вероятно, находилась в одном из тарасов в стене со стороны реки [14]. Все это может косвенно свидетельствовать в пользу достаточно высокой степени объективности и иных сообщений Г.Ф. Миллера о русских сибирских острогах, основанных на его личных сведениях, в том числе как очевидца.

Село Есаулово (правый берег Енисея в 30 верстах ниже по течению от Красноярска), получившее у Г.Ф. Миллера определение «административная деревня», было самым большим в Красноярском уезде в первой трети XVIII в. В 1735 г. здесь имелись две церкви и до 160 дворов. Со стороны поля все постройки были обнесены тыновой стеной не указанной конфигурации, рвом, надолбами и рогатками. Имелась проезжая башня [4. С. 64].

Село Частоостровское (левый берег Енисея в 35 км ниже по течению от Красноярска), также «административная деревня», в 1739 г. имело церковь и до 50 дворов. Было укреплено подобно с. Есаулово [Там же. С. 64, 138].

Село Подъёмное (р. Верхняя Подъёмная, в 2 верстах от ее устья) в 1735 г. имело церковь и 13 дворов. В то время вокруг него велось строительство деревянной стены в технике заплота, не указанной в плане конфигурации [Там же. С. 64].

В целом Г.Ф. Миллер привел единовременные сведения разной степени полноты о планировке 19 из

22 укреплений острожного типа известных в его время на территории Средней Сибири под своими тогдашними именами. Исходя из них, мы можем сделать ряд важных обобщений.

Так, в этот период на территории Средней Сибири абсолютно преобладала подквадратная или подпрямоугольная планировка оборонительных стен и рвов. Канский и Саянский остроги также могут быть уверенно включены в это число, поскольку упоминания о форме круга для них являются явно ошибочными – даже в настоящее время на Енисее постройку квадратной формы часто называют круглой, что в таком виде, вероятно, и донесли до исследователя его информаторы в 1735 г., а Г.Ф. Миллер понял это буквально. Подквадратная планировка Саянского острога достоверно фиксируется и по данным археологии. Лишь 2 острога имели в плане форму, применявшуюся к условиям местности (Рыбинский) или имеющимся площадям жилой и иной застройки (внешний город Енисейска). Стены, также в подавляющем большинстве случаев, были тыновыми (даже применительно к уездным городам). Однако, видимо, начиная с создания Саянского острога использовалась преимущественно уже техника заплота как в ходе перестроек (Канский и Нижнеудинский остроги), так и при новом строительстве (Саянский острог и «административные деревни»). Дорогая и трудоемкая техника тарасов была применена в полном объеме лишь в одном случае – в ходе перестройки второго Абаканского острога (частично использовалась также в Саянском остроге, что установлено по результатам археологических раскопок) [14]. В связи с отсутствием сведений о конструкции стен Новой Мангазеи остается лишь предполагать, что упомянутые Г.Ф. Миллером амбары для ясачной казны и казенного инструментария могли быть «...врублены в верхний этаж крепостной стены», имевшей вид тарасов. О наличии рвов упоминается лишь в четырех случаях (все в Красноярском уезде; причем в двух из них для «административных деревень»), надолбов – в семи случаях (из них для Енисейского уезда лишь в одном случае).

Состав деревянных сооружений оборонительного характера не был стандартным. В частности, сильно разнилось количество башен – от одной (в пяти случаях о башнях вообще не упоминалось, но при этом не исключено, что их наличие подразумевалось) до пяти (в Новой Мангазее и во втором Абаканском), шести (в Саянском) и даже семи (в Красноярском остроге). Отличался и состав построек административно-хозяйственного и религиозного характера, хотя большинство их присутствовало во всех объектах – это дом приказчика (воеводы), канцелярия, амбары, часовня (или церковь); лишь в двух случаях (оба в Енисейском уезде) дом приказчика находился вне острога. Интересно, что о пороховом (амуниционном) погребе (магazine) упоминается лишь 4 раза, причем 3 из них для Красноярского уезда. Для уездных центров было ха-

рактрно дополнительно наличие таких объектов, как ратуша, гостиный двор (для Красноярского острога не упомянут), винный погреб (для Енисейского острога не упомянут). Во всех этих трех уездных острогах имелись также караулки, которые в остальных случаях упоминались лишь для самых южных – второго Абаканского и Саянского.

Отмечается заметная разница в уровне поддержания обороноспособности русских поселений Енисейского и Красноярского уездов. Так, на более северных территориях часть укреплений была в плохом состоянии, новые не возводились, развалившиеся ремонтировались мало (это было сделано лишь для Бельского острога на южной границе Енисейского уезда), значительная часть разнородных построек находилась уже вне их стен, деревни укреплений не имели. В Красноярском же уезде протекали разнородные процессы. Именно здесь находились остроги, в которых применялась дорогостоящая техника тарасов и имелось максимальное количество башен, строились новые укрепления (даже для деревень), подновлялись или перестраивались старые; в целом большинство действующих было в хорошем состоянии. Но одновременно часть построек (главным образом жилых) также выносились наружу и отдельно не укреплялась, что могло свидетельствовать о начале тен-

денции снижения военной опасности для русского населения даже южных районов, хотя угроза джунгарских набегов существовала до середины этого столетия.

Относительно оценки качества письменных источников нельзя не упомянуть о значительных расхождениях между сведениями Г.Ф. Миллера о большинстве острогов и их изображениями на карте С.У. Ремезова. Кроме того, для Средней Сибири на этой карте по Енисею ниже Красноярска показаны два острога, которые у Г.Ф. Миллера в таком качестве не упоминаются – Казачий Луг и Караульный. Уточнения данных сведений, с учетом их одновременности и показа С.У. Ремезовым, возможно, уже не существовавших к концу XVII в. объектов фортификации – задачи нашей дальнейшей работы, для чего необходимы и полевые археологические исследования. Именно они, как это уже было на примере полных раскопок Саянского острога, частичных на площади Красноярского и Енисейского острогов, или поиска места расположения первого Ачинского острога, позволят уточнить сведения архивных материалов, конкретизировать размеры, формы построек, выявить их взаимную соподчиненность и таким образом внести большую определенность в материалы письменных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 190 с.
2. Градостроительство Сибири. СПб. : Коло, 2011. 784 с.
3. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 142 с.
4. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
5. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосиб. книжн. изд-во, 1989. 304 с.
6. Из отчета томских воевод об укреплениях, количестве вооружения, огненных припасов в Томске и подведомственных ему острогах. 1706 г. // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Tomsk_ist/text1.htm, свободный.
7. Колпашиков А.Я. De Stadt Krasnojarsk. Гравюра (по зарисовкам 1730-х гг.) URL: <http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/66/Before1733.jpg>, свободный.
8. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1701. 50 с. URL: <https://www.flickr.com/photos/132527901@N07/20319978195/in/album-72157656827164281>, свободный.
9. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л. : Наука, 1966. 239 с.
10. Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан : Хакасск. книжн. изд-во, 2007. 336 с.
11. Чертыков В.К. Материалы по истории Хакасии первой половины XVIII в. в фондах Архива внешней политики Российской империи // Материалы I Межрегиональной научно-практической конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири», приуроченной к 85-летию со дня образования архивной службы Республики Хакасия. Абакан : Бригантина, 2012. С. 250–257.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Пол. 1. СПб., 1788. 624 с.
13. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1981. 248 с.
14. Скобелев С.Г. Саянский острог как памятник археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 137–149.

Skobelev Sergey G. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: sgskobelev@yandex.ru

BASIC LAYOUT TYPES OF THE RUSSIAN FORTS IN MIDDLE SIBERIA ON DESCRIPTIONS OF G.F. MILLER

Keywords: Middle Siberia; XVIII century; ostrogs (Russian fortresses); planning.

Russian “ostrogs” (wooden fortresses) in Siberia are very significant objects of history. For their archaeological research it is important to know the location of individual buildings in the yard area of each of them. The purpose of the presented article is a characteristic of the layout and current state of the “ostrogs” of Middle Siberia in the 1730–40 years. For this purpose, the following tasks were planned: the search for documents containing information about these objects; the determination of reliability of messages made by different authors; the characterization of the layout of each fortress; the assessment of their current technical condition; the comparison of planning and degree of preservation of “ostrogs” in different territories. The research methodology is based on the principle of historicism, the historical-comparative method and its derivatives are used. Criticism of sources is being conducted, a cross-sectional analysis of the content of all types of information is carried out. The problematic field of research is presented as a mismatch in a number of cases of reports by different authors and even one author in different years with respect to the same objects. The source base is mainly the travel materials of 1735 and 1739 by G.F. Miller; in addition, the information of other authors was used. In the course of the research, a one-time “cut” of the planning and current situation of 16 from the 19 known “ostrogs” and 3 fortified villages was made. As a result, the author came to a number of conclusions. So in the region the rectangular or square forms prevailed in the planning; for the Kansk and

Sayansk “ostrogs” G.F. Miller in 1735 made mistakes in the descriptions, misunderstood the expression “round” for buildings, but in 1739 he corrected these mistakes. The set of structures in the “ostrogs” was not standard; it was different both for the “uyezd” (district) centers, and for the northern and southern parts of the Middle Siberia. In the north the “ostrogs” usually had few towers and were often in poor condition. Residential and other buildings were sometimes located outside their walls. In the south the fortresses were repaired and rebuilt, in wooden architecture the most reliable structures such as “zaplot” and “taras” were used. Even large villages had fortifications. The southernmost “ostrogs” (Sayansk and Abakansk) were the most fortified, which is due to the presence here before the middle of the XVIII century of the military threat from the side of the Dzungar Khanate. In general, the results obtained make it possible to restore the layout of most of these important objects of the historical and cultural heritage of Siberia. This can be a great help in their possible archaeological excavations.

REFERENCES

1. Kochedamov, V.I. (1978) *Pervyye russkiye goroda Sibiri* [The First Russian Cities in Siberia]. Moscow: Stroyizdat.
2. Gorbachev, V.T., Kradin, N.N., Kradin, N.P., Krushlinskiy, V.I., Stepanskaya, T.M. & Tsarov, V.I. (2011) *Gradostroitel'stvo Sibiri* [Urban Planning in Siberia]. St. Petersburg: Kolo.
3. Kradin, N.P. (1988) *Russkoye derevyannoye oboronnoye zodchestvo* [Russian Wooden Defense Architecture]. Moscow: Iskusstvo.
4. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1996) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in the travel notes by G.F. Mueller]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
5. Rezun, D.Ya. & Vasilyevskiy, R.S. (1989) *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Central State Archive of Ancient Acts. (1706) *Iz otcheta tomskikh voyevod ob ukrepleniyyakh, kolichestve vooruzheniya, ognennykh pripasov v Tomске i podvedomstvennykh yemu ostrogakh. 1706 g.* [From the report of the Tomsk voevodas about the fortifications, the number of weapons, fire supplies in Tomsk and the stockades under its jurisdiction. 1706]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Tomsk_ist/text1.htm.
7. Kolpashnikov, A.Ya. (n.d.) *De Stadt Krasnojarsk. Gravyura (po zarisovkam 1730-kh gg.)* [The City of Krasnojarsk. Engraving (by sketches of the 1730s)]. [Online] Available from: <http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/66/Before1733.jpg>.
8. Remezov, S.U. (1701) *Chertezhnaya kniga Sibiri. 1701* [Siberian Drawing Book. 1701]. [Online] Available from: <https://www.flickr.com/photos/132527901@N07/20319978195/in/album-72157656827164281>.
9. Stepanov, N.N. (ed.) (1966) *S.P. Krasheninnikov v Sibiri. Neopublikovannyye materialy* [S.P. Krasheninnikov in Siberia. Unpublished materials]. Moscow; Leningrad: Nauka.
10. Chertykov, V.K. (2007) *Khakasiya v XVII – nachale XVIII veka i yeye vzaimootnosheniya s Rossiyei i gosudarstvami Tsentral'noy Azii* [Khakassia in the 17th – early 18th centuries and its relationship with Russia and the states of Central Asia]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.
11. Chertykov, V.K. (2012) Materialy po istorii Khakasii pervoy poloviny XVIII v. v fondakh Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Materials on the history of Khakassia in the first half of the 18th century in the funds of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. In: Rays, V.M. & Okolnikova, O.I. (eds) *Arkhivnyye dokumenty v sisteme ob'yektivnogo nauchnogo znaniya ob istorii Sibiri* [Archival Documents in the System of Objective Knowledge of the History of Siberia]. Abakan: Brigantina. pp. 250–257.
12. Pallas, P.S. (1788) *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Travel to Different Provinces of the Russian State]. Vol. 3(1). Translated from German. St. Petersburg: [s.n.].
13. Bykonya, G.F. (1981) *Zaseleniye russkimi Priyeniseyskogo kraya v XVIII v.* [Russian Colonisation in the Enisei Krai in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
14. Skobelev, S.G. (2002) Sayanskiy ostrog kak pamyatnik arkhologii [Sayan stockade as a monument of archeology]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 137–149.

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/54/9

А.С. Столетова

КАДРОВЫЙ СОСТАВ БИБЛИОТЕК ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ В 1950–1960-е гг. (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Прослеживается процесс развития кадрового потенциала массовых библиотек в 1950–1960-е гг. на примере Архангельской и Вологодской областей. Определяется число библиотечных работников областных, городских, районных, сельских и детских библиотек, приводятся сведения об образовании библиотечных кадров. Описываются средства повышения уровня квалификации библиотекарей. В статье делается вывод о том, что в регионе была создана система подготовки библиотечных кадров, число которых к началу 1970 г. превышало 1 тыс. человек в каждой из областей. В течение исследуемого периода расширилось число специалистов средней квалификации, в том числе возрастало количество работников со специальным библиотечным образованием.

Ключевые слова: Архангельская область; Вологодская область; библиотека; читатель; библиотекарь; библиотечный работник.

Труд библиотекарей в советский период оценивался очень высоко, в него вкладывался глубокий смысл, так как считалось, что библиотечный работник выполнял функции агитатора и пропагандиста, способствовал своей деятельностью росту политического сознания и самообразования читателей, решению задач коммунистического строительства, развития сельского хозяйства, усилению производительности труда, распространению и популяризации передового опыта, воспитанию патриотизма [1. Оп. 10. Д. 9. Л. 97, 98; Оп. 11. Д. 22. Л. 13; Д. 24. Л. 5].

Библиотечные работники выступали связующим звеном между государственной властью, читателями, писателями. Основными характеристиками качества предоставляемых услуг при этом выступали динамика числа и уровень образования библиотечных кадров. Данные показатели, в свою очередь, были обусловлены процессами развития библиотечной инфраструктуры, показателями движения книжного фонда [2]. Динамика развития книгофонда оказывала влияние на процессы усложнения работы кадрового состава библиотек, интерес читателей к книге, формы организации работы с печатными изданиями [3, 4].

В данной статье мы остановимся на рассмотрении штата городских, районных, сельских и детских государственных массовых библиотек, подведомственных Министерству культуры РСФСР и составляющих основу библиотечной сети региона. Сеть культурно-просветительных учреждений также включала колхозные, специальные, профсоюзные, ведомственные библиотеки, однако динамику их кадрового состава проследить сложнее ввиду происходивших процессов по реорганизации, упорядочению и объединению учреждений. Источниковая база позволяет определить численный состав указанных элементов системы и тенденции их развития, но не охарактеризовать количество работников и, следовательно, возможности обслуживания населения, что в свою очередь является предметом для дальнейших изысканий.

Таблица 1

Общее количество библиотечных работников массовых библиотек в Архангельской и Вологодской областях в 1950–1960-е гг. (на 1 января года)

Показатели	1955 г.	1961 г.	1966 г.	1970 г.
Архангельская область	Нет сведений	820	897	1022
Вологодская область	826	1062	1086	1226

Источник: [5. Ф. А–501. Оп. 1. Д. 685. Л. 186; Д. 3296. Л. 7, 10; Д. 4929. Л. 12; Д. 6050. Л. 14].

Данные табл. 1 свидетельствуют о том, что число библиотекарей массовых библиотек региона в рассматриваемый период возрастало и к началу 1970 г. превышало 1 тыс. человек в каждой из областей.

Таблица 2

Общее количество библиотечных работников массовых библиотек системы Министерства культуры в Архангельской и Вологодской областях в 1950–1960-е гг. (включая директоров и заведующих, на 1 января года)

Показатели	1955 г.	1961 г.	1966 г.	1970 г.
Архангельская область	575	643	669	750
Вологодская область	691	942	958	1061

Источник: [5. Оп. 1. Д. 685. Л. 186, 201; Д. 3296. Л. 5, 8; Д. 4929. Л. 10; Д. 6050. Л. 12; Д. 6051. Л. 102, 116; 6. Оп. 10. Д. 66. Л. 42].

Из представленных данных табл. 2 видно, что большую часть работников массовых библиотек региона представляли кадры библиотек системы Министерства культуры. В Архангельской области за период 1955–1970 гг. штат пополнился на 175 человек и увеличился в 1,3 раза. В Вологодской области в то же время штат был усилен на 370 человек, т.е. возрос в 1,5 раза.

В исследуемый период повышалось число библиотекарей областных, районных, городских и детских библиотек, но нагрузка на одного работника оставалась достаточно высокой. Так, в 1953 г. на одного работника Архангельской областной библиотеки приходилось 963 читателя [5. Оп. 1. Д. 120. Л. 8]. На одного библио-

текаря Вологодской областной библиотеки в 1970 г. приходилось 380 читателей, 9 620 книговыдач, а на одного библиотечного работника отделов обслуживания – 844 читателя, 20 109 книговыдач. Отметим, что по итогам 1969 г. по областным библиотекам РСФСР на 1 библиотечного работника приходилось 342 читателя, 8 423 книговыдачи [6. Оп. 10. Д. 69. Л. 4–5]. Следовательно, по Вологодской областной библиотеке показатели превышали средние в республике.

Таблица 3

Количество библиотечных работников массовых библиотек системы Министерства культуры Архангельской и Вологодской областей в 1950–1960-е гг.

Наименование библиотек	Архангельская область				Вологодская область			
	Год							
	1951	1961	1966	1970	1951	1961	1966	1970
Областная	13	38	42	45	27	36	63	68
Районные	84	83	87	91	Нет сведений	158	143	150
Городские	40	58	69	88	Нет сведений	47	58	89
Детские	43	84	85	131	Нет сведений	128	127	159

Источник: [5. Оп. 3. Д. 165. Л. 21; 6. Ф. 635. Оп. 7. Д. 36. Л. 21; Оп. 10. Д. 66. Л. 42; 11. Ф. А–501. Оп. 1. Д. 3118. Л. 2–3; Д. 3296. Л. 5, 6, 8, 9; Д. 4929. Л. 10, 11; Д. 6050. Л. 12, 13].

Таблица 4

Количество библиотечных работников массовых библиотек системы Министерства культуры в сельской местности Архангельской и Вологодской областей в 1950–1960-е гг. (включая директоров и заведующих, на 1 января года)

Показатели	1955 г.	1961 г.	1966 г.	1970 г.
Архангельская область	354	435	440	466
Вологодская область	462	678	657	700

Источник: [5. Оп. 1. Д. 685. Л. 186, 201; Д. 3296. Л. 5, 8; Д. 4929. Л. 10; Д. 6050. Л. 12].

Из табл. 4 следует, что более половины библиотекарей трудились в сельской местности региона. В Вологодской области численность библиотечных работников, в том числе на селе, была выше, что объяснялось большей развитостью библиотечной сети. За 1955–1970 гг. количество библиотечных работников села в Архангельской области увеличилось на 112 человек, т.е. возросло в 1,3 раза; в Вологодской области – на 238 человек, т.е. в 1,5 раза.

В регионе была создана система подготовки библиотечных кадров. В 1934 г. был открыт Велико-Устюгский библиотечный техникум, он готовил кадры библиотечных работников для Вологодской, Архангельской, Мурманской областей, Коми АССР и других областей республики. В послевоенные годы в техникуме почти в 2 раза вырос контингент учащихся (по сравнению с 1940 г.) [7. Оп. 23. Д. 123. Л. 36; 8. С. 25]. В 1949 г. открылась областная культпросветшкола в Кириллове [9. Оп. 1. Д. 488. Л. 108; 10. С. 58]. Культпросветшкола в г. Нарьян-Мар готовила кадры для Ненецкого национального округа. Библиотекари Архан-

гельской области обучались также в Ленинградском институте им. Н.К. Крупской, техникумах, вечерних и заочных общеобразовательных школах, на курсах библиотекарей [11. Оп. 3. Д. 165. Л. 129–130].

Наличие образовательных учреждений повлияло на повышение уровня квалификации библиотечных работников. По состоянию на 1 января 1951 г. из 759 сотрудников государственной библиотечной сети Вологодской области 660 человек имели лишь семилетнее образование. По мнению А.Н. Платионов, такой состав не отвечал возросшим требованиям к культурно-просветительной работе [10. С. 58]. По сообщению старшего инспектора по библиотекам Вологодского областного отдела культпросветработы А. Боброва, к 1951 г. 60% заведующих районными, городскими и детскими библиотеками и 46% сельских библиотекарей Вологодской области окончили библиотечный техникум в Великом Устюге. К 1953 г. в техникуме обучалось 520 человек, а большинство из библиотек Вологодской области были укомплектованы работниками со специальным библиотечным образованием [7. Оп. 23. Д. 123. Л. 36; 8. С. 25; 9. Оп. 1. Д. 488. Л. 109; 12. С. 14]. К 1958 г. из библиотечных работников Вологодской области только 53 человека не имели специального или среднего образования [10. С. 58]. В докладной записке Инспекции руководству Министерства культуры СССР от 1960 г. о ходе выполнения постановления ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» упоминалось, что, руководствуясь указаниями ЦК КПСС, в большинстве союзных республик были предприняты меры по улучшению состава кадров библиотечных работников и расширению подготовки специалистов средней квалификации [1. Оп. 11. Д. 22. Л. 25]. Следовательно, в развитии кадрового потенциала региона отражались общесоюзные тенденции. В годовом отчете Вологодской областной библиотеки за 1965 г. также значится информация о том, что кадры области в основном имели среднее библиотечное образование [6. Оп. 10. Д. 45. Л. 36].

Таблица 5

Состав работников по образованию в библиотеках Архангельской области в 1965 г.

Наименование библиотек	Всего работников	Высшее библ.	Высшее не библ.	Среднее библ.	Общее средн.	Неза-конч. средн.
Городские	68	11	5	32	16	4
Районные	82	5	6	46	25	–
Сельские	387	2	4	108	197	76
Детские	86	12	2	43	28	1
Областная	42	20	5	8	6	–
Итого	665	50	22	237	272	81

Источник: [5. Оп. 1. Д. 4713. Л. 33].

Архангельская область к середине 1960-х гг. также располагала в основном специалистами со средним образованием, половина из них имели библиотечную квалификацию. В 1969 г. в государственных библиотеках Вологодской области работало 103 человека с

высшим образованием, 867 – со средним, 504 – со средним специальным, 91 – с незаконченным средним, 134 – со стажем до одного года [6. Оп. 10. Д. 66. Л. 42].

В областных и городских библиотеках, как правило, работали специалисты, окончившие высшие или средние специальные библиотечные учебные учреждения. 10 марта 1953 г. по решению Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР на должность директора Вологодской областной библиотеки была назначена Н.Н. Кузнецова, имеющая высшее библиотечное образование [7. Оп. 23. Д. 123. Л. 27]. В отчете Архангельской областной библиотеки за 1955 г. содержатся сведения о текущей подготовке кадров. Указывалось, что старший библиотекарь Р.В. Николаева закончила заочно библиотечный институт. Заканчивала институт в 1956 г. заведующая отделом книгохранения Г.М. Афанасьева. Учились заочно в библиотечном институте библиограф С.И. Рутенберг и библиотекарь А.В. Коковина, в библиотечном техникуме – Ф.И. Новикова и Э. Бессолова [5. Оп. 1. Д. 869. Л. 57, 58].

В штате Вологодской областной библиотеки на 1 января 1970 г. среди 68 библиотечных работников с высшим образованием значилось 36 человек, в том числе библиотечным – 19; средним – 32, а также специальным – 20. Учились заочно в институте 9 человек, из них 8 – в институте культуры и 1 в библиотечном техникуме [6. Оп. 10. Д. 66. Л. 44]. В библиотеках г. Череповца в 1950–1960-е гг. вели работу высококвалифицированные кадры. Центральной городской библиотекой руководила Е.М. Торгованова, окончившая библиотечный институт им. Н.К. Крупской. Диплом библиотечного института имели заведующая читальным залом В.И. Садовникова, а также Г.В. Чистякова и В.И. Гуслистова. Заведующая читальным залом Г.А. Смирнова, библиотекари Т.А. Тарасова и А.А. Попова окончили библиотечный техникум. А.М. Задворьева заочно получила образование в Ленинградском институте культуры [13. С. 39–40; 14. С. 55]. Сотрудники библиотек обменивались опытом. По сведениям Э.М. Прыговой, в сентябре 1965 г. на базе библиотеки № 1 г. Череповец проходило межобластное совещание работников городских библиотек Новгорода, Иванова, Калининграда, Воркуты, Великих Лук, Архангельска. В течение пяти дней специалисты 14 областей и 2 автономных республик под руководством представителей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина обсуждали проблему организации работы центральных городских библиотек. К концу 1960-х гг. сотрудники Центральной библиотеки Череповца, изучая опыт коллег, посещали библиотеки не только Вологды, но и Москвы, Ленинграда, Кишинева, Волгограда, Омска и других городов [14. С. 61, 68]. Отметим, что в связи с введением в 1965 г. новой оплаты труда для библиотечных работников, Главной библиотечной инспекцией с участием ведомств, имеющих библиотеки, были разработаны

«Единые квалификационные требования, предъявляемые к библиотечным работникам при поступлении на работу». Введение этих требований позволило улучшить качественный состав библиотечных работников, привлечь для работы в библиотеках специалистов со средним и высшим специальным образованием [1. Оп. 28. Д. 77. Л. 4].

Для повышения уровня образования библиотекарей районов Архангельской и Вологодской областей руководящими органами и областными библиотеками в 1950–1960-е гг. инициировались различные формы учебы. Они являлись средствами оперативного руководства библиотечным делом. Так, в июне 1952 г. Архангельским областным отделом культурно-просветительной работы при Архангельском облисполкоме было организовано областное совещание заведующих районными отделами культурно-просветительной работы, районными и сельскими библиотеками. Был рассмотрен вопрос «О состоянии и задачах культурно-просветительной работы в области». В октябре 1952 г. совместно с Институтом усовершенствования учителей была проведена областная методическая конференция работников школьных и детских библиотек, заведующих детскими отделениями районных библиотек на тему «Роль библиотек в борьбе за глубокие и прочные знания учащихся». В Плесецке было проведено совещание-семинар для работников сельских библиотек [11. Оп. 3. Д. 165. Л. 38–39].

Для районных и сельских библиотечных работников проводилась курсовая подготовка. С 1950 г. Архангельская областная библиотека им. Н.А. Добролюбова вела подготовку кадров для районных, городских, сельских массовых библиотек. При библиотеке было организовано ученичество. Многие из бывших учеников, как сообщала газета «Правда Севера», в 1953 г. уже работали заведующими районных библиотек, ряд из них учились заочно в Ленинградском библиотечном институте. Ученичество также было организовано при библиотеке им. М.В. Ломоносова, при Черевковской, Красноборской, Котласской, Шенкурской, Приозерной и ряде других районных библиотек Архангельской области. Здесь готовились работники для сельских библиотек [15]. В 1958 г. методистами Архангельской областной и детской библиотек было сделано 34 выезда в сельские районы, принято участие в 18 районных и городских семинарах библиотечных работников. Была проверена работа и оказана практическая помощь 65 районным, городским, детским и сельским библиотекам [16. Оп. 3. Д. 306. Л. 25]. В 1966 г. С. Курилов писал, что Архангельская областная библиотека им. Н.А. Добролюбова проводила также курсы повышения квалификации работников профсоюзных и районных библиотек [17].

С начала 1950-х гг. методисты Вологодской областной библиотеки принимали участие в проведении районных семинаров культурно-просветительных работников и совершали выезды с целью оказания справоч-

ной и консультационной работы [6. Оп. 7. Д. 36. Л. 29, 34; Д. 57. Л. 15–16, 137–138; Оп. 10. Д. 69. Л. 52]. Директор областной библиотеки Н.Н. Кузнецова выезжала в библиотеки области для оказания им методической помощи, участвовала в курсовых мероприятиях [18. С. 32]. В 1955 г. были проведены месячные курсы повышения квалификации заведующих передвижными фондами районных библиотек [6. Оп. 7. Д. 57. Л. 15]. В 1960 г. представители коллектива Вологодской областной библиотеки участвовали в работе 19 районных семинаров библиотекарей, а также провели 3 курса и 4 семинара [Там же. Оп. 10. Д. 24. Л. 2]. В 1965 г. методисты областной библиотеки Вологды выступали на семинарах городских и ведомственных библиотек областного центра, на сессии библиотекарей, получающих образование заочно. В этом же году были проведены месячные курсы подготовки сельских библиотекарей. Также методисты принимали участие в проведении семинаров в районах, в профсоюзных, технических библиотеках и библиотеках воинских частей. На семинаре заведующих районными отделами культуры в г. Устюжна были прослушаны и обсуждены доклады: «Об улучшении библиотечного обслуживания и рациональном размещении сети библиотек на селе», «Районная библиотека – методический центр», «Детская районная библиотека – центр методической работы с детьми». Выступали заведующий районной библиотекой А.В. Бобров, заведующая детской библиотекой Л.П. Пахомова, директор Вологодской областной библиотеки А.Г. Серебренникова. Несмотря на развернутую деятельность, кадры сельских библиотек, как отмечалось в годовом отчете Вологодской областной библиотеки за 1965 г., все же имели недостаточную подготовку, часто менялись, многие работники не имели специального образования [6. Оп. 10. Д. 45. Л. 23, 32, 58].

В период смотров деятельности учреждений культуры учеба библиотечных кадров, как правило, шла усиленным темпом. Возьмем период Всероссийского смотра работы культурно-просветительных учреждений 1958 г. В январе 1958 г. в Архангельской области был проведен областной семинар заведующих районными библиотеками, где обсуждались итоги работы библиотек области за 1957 г. и задачи на 1958 г. В феврале был проведен семинар заведующих детскими библиотеками, где обсуждались вопросы: «Работа детских библиотек по коммунистическому воспитанию детей», «Воспитание читателей на революционных принципах и трудовом героизме советских людей», «Эстетическое воспитание учащихся». В июле было проведено областное совещание заведующих районными отделами на темы: «О ходе Всероссийского смотра работы культурно-просветительных учреждений» и «Обсуждение плана развития художественной самодеятельности в области». В ноябре был организован семинар заведующих сельскими и районными библиотеками 8 районов на базе Коношской районной библиотеки с основным вопросом:

«Пропаганда общественно-политической литературы». Месячную курсовую подготовку прошли 354 человека, из них 114 библиотечных работников [16. Оп. 3. Д. 306. Л. 26].

Важной составляющей деятельности работников областных библиотек являлось оказание методической помощи коллегам в районах. Так, Вологодская областная библиотека организовывала снабжение библиотек методическими и библиографическими пособиями [6. Оп. 7. Д. 55. Л. 59–69; Д. 57. Л. 13, 20; Оп. 10. Д. 45. Л. 28, 36; Д. 66. Л. 38–41; 19. Оп. 1. Д. 36. Л. 14–15]. А.А. Седова как библиотекарь межбиблиотечного и заочного абонентов работала над вопросом расширения круга районных и сельских библиотек, использующих для своих читателей фонды областной библиотеки, выезжала для этого в командировки, выступала с пропагандой межбиблиотечного и заочного абонентов на собраниях и в печати [18. С. 34]. Проверкой библиотек Вологодской области весной 1952 г. бригадой Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР было установлено, что методический кабинет Вологодской областной библиотеки им. И.В. Бабушкина являлся одним из лучших в республике [12. С. 14]. В 1969 г. основное внимание библиотечных работников было обращено на организацию общественного смотра библиотек, посвященного 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Специалистами библиотеки им. И.В. Бабушкина был сделан 21 выезд в библиотеки области, разработаны и направлены консультации и библиографические обзоры. Также была оказана методическая помощь Череповецкой центральной городской библиотеке в эксперименте по централизации библиотечного обслуживания [6. Оп. 10. Д. 66. Л. 38; 14. С. 64].

Районные библиотеки в свою очередь предоставляли поддержку сельским библиотекам, но их инициативы часто носили незавершенный характер. В отчете о работе культурно-просветительных учреждений Архангельской области за 1952 г. сообщалось, что помощь сельским библиотекам оказывалась со стороны районных, но не повсеместно. Работники районных библиотек в 1952 г. проверили работу 81 сельской, но не занимались обобщением опыта лучших сельских библиотек, не помогали в работе методическому отделу областной библиотеки [11. Оп. 3. Д. 165. Л. 39]. Отметим, что работа библиотекарей городской территории включала в себя большой спектр функций, в том числе изучение, обработку и учет книжного фонда, консультирование работников библиотек районов. Этим объяснялась ее сложность, требующая специальной подготовки. Специфика деятельности сельских библиотечных работников заключалась в обслуживании больших, часто удаленных территорий. Так, по сведениям Л. Никитинской, библиотекарь А.Н. Коноплева Устьпаденгской сельской библиотеки Ровдинского района Архангельской области в середине 1950-х гг. посещала бригады, фермы, полевые станы, где она проводила читки газет, книг о

передовом опыте и обзоры сельскохозяйственной литературы. Работа была направлена на то, чтобы мобилизовать колхозников на решение конкретных задач, стоящих перед сельсоветом, колхозом, бригадой, фермой. Библиотекарь разъясняла решения Пленумов ЦК КПСС, постановления Правительства по вопросам сельского хозяйства и технического прогресса [20. С. 7, 9].

Представление о работах библиотек дополняют примеры отзывов читателей начала 1960-х гг. В протоколах собраний читателей Цигломенской массовой библиотеки г. Архангельска за 1961 г. находим: «Работники библиотеки чутко относятся к своим читателям, всегда можно получить нужную книгу, если нет книги на месте, то записывают на очередь на книгу», – писал работник ЛДК Перевозников. «Я являюсь постоянным читателем библиотеки, посещаю ее почти с образования. Перечитала много книг и журналов. И за все посещение библиотеки видела чуткое отношение со стороны библиотекарей. Всегда подберут интересную книгу. Не было еще случая, чтобы я ушла из библиотеки без книги», – высказывалась М. Железникова. «Читателем библиотеки значусь с 1949 г., прочитал много художественной и технической литературы. Со стороны библиотекарей всегда было чуткое и внимательное отношение ко мне. Пока не было свободного доступа, они сами мне подбирали литературу и всегда старались удовлетворить наши запросы. Сейчас, когда есть свободный доступ мне очень нравится. Сам можешь выбрать любую книгу, подойти к любой полке. Такой метод работы нравится не только мне, но и очень многим читателям», – отзывался О. Майхельбек. В протоколе собрания библиотеки Октябрьского района г. Архангельска за 1961 г. зафиксирован отзыв читателя Новикова: «... При подборе литературы работники очень внимательно относятся к работе. Вот такое сравнение: если в магазине и деньги заплатишь, а от продавца частенько грубость услышишь, а здесь, в библиотеке и книги дают бесплатно и с такой вежливостью, что самому захочется быть культурнее» [21. Оп. 1. Д. 238. Л. 2, 4–5, 18].

Итак, в 1950–1960-е гг. процессу получения соответствующего образования библиотечными работни-

ками региона придавалось большое значение. Его ход, несмотря на принимаемые меры, осложнялся в сельской местности. С течением времени библиотекари совершенствовали свою работу, повышая качество обслуживания населения, распространяя знания и выполняя идейно-воспитательную работу. В стороне оставался вопрос улучшения бытовых условий работников учреждений культуры. Так, в отчете Вологодской областной библиотеки за 1965 г. указано, что для молодых специалистов, прибывших на работу в село в 1965 г., не была решена проблема с жильем. Ни библиотека, ни Вологодское областное Управление культуры ничего не имели за исключением «финских домиков», срок эксплуатации которых истек, а ремонт не производился [6. Оп. 10. Д. 45. Л. 58]. Общей тенденцией для Архангельской и Вологодской областей стало увеличение числа библиотечных работников. В Вологодской области их количество превышало показатели Архангельской области, что определялось развитием сети библиотек. В целом же наибольшая часть библиотекарей была сосредоточена в библиотеках системы Министерства культуры, из них более половины работников трудились в сельской местности региона [5. Оп. 1. Д. 6050. Л. 12, 14]. В течение исследуемого периода расширялось число специалистов средней квалификации, в том числе возрастало количество работников со специальным библиотечным образованием [Там же. Д. 4713. Л. 33].

Руководящими органами и областными библиотеками в 1950–1960-е гг. инициировались различные формы учебы: областные совещания, методические конференции и др. Для сельских библиотекарей проводились курсовая подготовка и районные семинары, что являлось средством оперативного руководства библиотечным делом.

Подведя общий итог, отметим, что работа по увеличению числа библиотечных работников проводилась в контексте деятельности, связанной с ростом числа библиотек и читателей, состава книжного фонда, и была направлена на решение государственной задачи по формированию у населения потребности в чтении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2329.
2. Столетова А.С. Библиотечное дело в Вологодской области в 1950–1960-е гг. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 1, № 4 (42). С. 32–36.
3. Столетова А.С. Работа массовых библиотек по обслуживанию читателей в 1950–1960-е гг. (на материалах Архангельской и Вологодской областей) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2 (57). С. 169–173.
4. Столетова А.С. Роль библиотек в организации культурно-досуговой сферы населения Европейского Севера России в 1950–1960-е гг. (на примере Архангельской и Вологодской областей) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 53–59.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. А–501.
6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 635.
7. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 2522.
8. Бобров А. О руководстве библиотеками области // Библиотекарь. 1951. № 5. С. 23–28.
9. ГАВО. Ф. 4794.
10. Платионов А.Н. Культурно-просветительные учреждения // Культурное строительство Вологодской области : сборник статей / ред. коллегия: Е.И. Макаровский и др. Вологда : Областная книжная редакция, 1958. С. 42–58.
11. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 5790.
12. Кессених В., Вайсман И. Нужен решительный перелом // Библиотекарь. 1952. № 10. С. 14–19.
13. Соболева Е. Пропаганда технической литературы в Череповецкой городской библиотеке. Вологда : Б.и., 1957. 40 с.

14. Прыгова Э.М. История публичной библиотеки города Череповца: посвящается 225-летию г. Череповца и 130-летию Центральной городской б-ки им. В.В. Верещагина. Череповец : Полиграфист, 2002. 75 с.
15. Ученичество при областной библиотеке // Правда Севера. 1953. 2 июня. С. 2.
16. Отдел документов социально-политической истории Государственного архива Архангельской области. Ф. 296.
17. Курилов С. Северная сокровищница // Северный комсомолец. 1966. 14 сентября.
18. Культура Вологды, XX век: История. Лица. События. Вологда : Полиграфист, Б. г. 80 с.
19. ВОАНПИ. Ф. 3893.
20. Никитинская Л. В сельской библиотеке. Архангельск : Арханг. кн. изд-во. 1956. 16 с.
21. ГААО. Ф. 5932.

Stoletova Anna S. Vologda State University (Vologda, Russia). E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

THE STAFF OF THE LIBRARIES IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN 1950–1960-IES (ON THE EXAMPLE OF THE ARKHANGELSK AND VOLOGDA REGIONS).

Keywords: Arkhangelsk region, Vologda region, reader, librarian, library, library worker.

During the 1950-1960-ies the composition of the readers of the mass libraries changed in the direction of increasing the number of people with higher and secondary special education. In accordance with this process, the professional level of library workers was raised, traditional forms were developing and new forms of cultural and educational work were introduced. The purpose of this study is to identify the dynamics of the staffing of the mass libraries of the European North of Russia on the example of the Arkhangelsk and Vologda regions, as well as the reception of the library personnel training system, the definition of means to improve the level of education and qualifications of library staff.

The source base for the research were the archive (data of the Russian State Archive of Literature and Art, the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of Arkhangelsk region, Department of documents of socio-political history of the State Archives of the Arkhangelsk, Region State Archives of Vologda Region, Vologda regional archive of the newest political history) and published sources. The complex of office documentation and materials of state statistics provide extensive information about the research problem. The use of data from statistical reports and information from regional cultural administrations, reports from the regional libraries and cultural and educational institutions provided an opportunity to disclose questions about the training, number and composition of the staff of the library staff in education, on improving the work of rural cultural and educational institutions (ideological, theoretical and methodological assistance to the district and rural librarians) and forms of continuing education for library staff. The documents with readers' reviews about the work of librarians are of great interest. Involvement of periodicals for the research allowed to demonstrate the process of development of staff potential of the corresponding library institution.

The data about the number and level of education of librarians is presented. It is found out that in the region a system of library personnel training was established, the number of which on the beginning of 1970s exceeded 1 thousand people both in the Arkhangelsk and Vologda regions. At the same time, most of them were concentrated in the libraries of the Ministry of Culture system, of which more than half of the workers worked in the countryside of the region. The article concludes that during the period under study the number of specialists of medium qualification increased, including the number of workers with special library education has increased. At the same time, they were not sufficiently prepared, often changed. Governing bodies and regional libraries in the 1950s-1960-s initiated various forms of librarians' studies: regional meetings, methodical conferences, district seminars, course preparation was conducted, which became a means of operational management of the librarianship.

REFERENCES

1. The Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 2329.
2. Stoletova, A.S. (2012) Bibliotechnoye delo v Vologodskoy oblasti v 1950–1960-ye gg. [Librarianship in the Vologda region in the 1950–1960s]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 4(42). pp. 32–36.
3. Stoletova, A.S. (2015) Rabota massovykh bibliotek po obsluzhivaniyu chitateley v 1950–1960-ye gg. (na materialakh Arkhangel'skoy i Vologodskoy oblastey) [The work of mass libraries on serving readers in the 1950s-1960s (a case study of Arkhangelsk and Vologda regions)]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 7–2(57). pp. 169–173.
4. Stoletova, A.S. (2016) The role of libraries in the organization of cultural and leisure spheres of the population of European North of Russia in 1950–1960 (a case study of Arkhangelsk and Vologda regions). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(44). pp. 53–59. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/44/7
5. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund A–501.
6. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 635.
7. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 2522.
8. Bobrov, A. (1951) O rukovodstve bibliotekami oblasti [On the management of regional libraries]. *Bibliotekar'*. 5. pp. 23–28.
9. The State Archives of Vologda Region (GAVO). Fund 4794.
10. Platonov, A.N. (1958) Kul'turno-prosvetitel'nyye uchrezhdeniya [Cultural and educational institutions]. In: Makarovskiy, Ye.I. et al. (eds) *Kul'turnoye stroitel'stvo Vologodskoy oblasti* [Cultural Construction in Vologda region]. Vologda: Oblastnaya knizhnaya redaktsiya. pp. 42–58.
11. The State Archives of Arkhangelsk Region (GAAO). Fund 5790.
12. Kessenikh, V. & Vaysman, I. (1952) Nuzhen reshitel'nyy perelom [A decisive change needed]. *Bibliotekar'*. 10. pp. 14–19.
13. Soboleva, Ye. (1957) *Propaganda tekhnicheskoy literatury v Cherepovetskoy gorodskoy biblioteke* [Propaganda of Technical Literature in Cherepovets City Library]. Vologda: [s.n.].
14. Prygova, E.M. (2002) *Istoriya publichnoy biblioteki goroda Cherepovtsa: posvyashchayetsya 225-letiyu g. Cherepovtsa i 130-letiyu Tsentral'noy gorodskoy b-ki im. V.V. Vereshchagina* [The history of the Cherepovets public library: dedicated to the 225th anniversary of Cherepovets and the 130th anniversary of the V.V. Vereshchagin Central City Library]. Cherepovets: Poligrafist.
15. *Pravda Severa*. (1953) Uchenichestvo pri oblastnoy biblioteke [Discipleship at the Regional Library]. 2nd June. pp. 2.
16. The Department of Documents of Social and Political History of the State Archives of the Arkhangelsk Region (GAAO ODSPI). Fund 296.
17. Kurilov, S. (1966) Severnaya sokrovishchnitsa [Northern treasury]. *Severnnyy komсомолец*. 14th September.
18. Anon. (n.d.) *Kul'tura Vologdy, XX vek: Istoriya. Litsa. Sobytiya* [Culture of Vologda, The Twentieth Century: History. Faces. Events]. Vologda: Poligrafist.
19. Vologda Regional Archive of Contemporary Political History (VOANPI). Fund 3893.
20. Nikitinskaya, L. (1956) *V sel'skoy biblioteke* [In the rural library]. Arkhangelsk: Arkhangel'skoye knizhnoye izd-vo.
21. The State Archives of Arkhangelsk Region (GAAO). Fund 5932.

УДК 371.8

DOI: 10.17223/19988613/54/10

Н.И. Чуркина

ИДЕАЛЫ И МЕХАНИЗМЫ ВОСПИТАНИЯ В ТОТАЛИТАРНЫХ ОБЩЕСТВАХ (ГЕРМАНИЯ И СССР В 30–40-е гг. XX в.)

Интерес к проблемам воспитания молодежи, разработка государственных документов стимулируют исследовательский и практический интерес к изучению теории и практики воспитания в исторической ретроспективе. Сделана попытка проведения сравнительного анализа теоретических оснований и отдельных практик воспитания в СССР и Германии 30–40-х гг. XX в. Раскрываются идеалы и механизмы воспитания в этих странах, рассматриваются повседневные практики школьного образования. Делается вывод о необходимости осуществления взвешенной государственной образовательной политики, в которой активно используется опыт советской школы.

Ключевые слова: воспитание; СССР; Германия; повседневные практики воспитания; идеал воспитания; механизмы воспитания.

На протяжении многих столетий в российской педагогической традиции главенствовал принцип «образование без воспитания – вредно». Профессор А.А. Барсов в речи при открытии Московского университета сказал: «...знание подобно оружию – и во благо и во зло употребить его можно. Надобно управлять им: управляет знанием сердце, а в нем добродетель. Знание должно быть дверью к добродетели» [1]. Воспитание – это прежде всего приобщение человека к культурным ценностям, характерным для общества, семьи. Именно в пространстве культуры вырабатываются ценности, на которых строятся модели идеального и реального мира, стратегии поведения, планы и сценарии развития.

Ценностные ориентиры для образования сначала разрабатывались, осмысливались учеными на уровне теории, общество их принимало или отвергало, а затем подрастающее поколение приобщалось к этим ценностям посредством воспитания. Во всех странах, а в России особенно, с момента появления первых школ государство использовало (и продолжает это делать) образовательные учреждения для трансляции государственной идеологии, ценностных установок. Цель работы состоит в проведении сравнительного анализа теории и практики воспитания в тоталитарных обществах (СССР и Германия) и выделить современные практики и наметившиеся тенденции, которые указывают на попытку реставрации советской модели воспитания.

Серьезные исследователи давно признали сходство двух самых известных вариантов тоталитарных режимов – фашистского и коммунистического, которым присущи следующие черты: единая и обязательная для всех мессианская идеология; концентрация власти в руках одной, по принципу вождизма основанной партии; харизматический лидер; произвольный полицейский террор; государственная монополия на средства информации и оружие; центральное плановое хозяйство. Конечно, между этими режимами были и отличия, например, в сфере экономики, если в СССР частный капитал к 30-м гг. XX в. был окончательно разру-

шен, то в Германии происходил захват и перераспределение собственности между лояльными власти владельцами.

Но среди исследователей популярны и другие подходы, например, известный политолог С.Г. Кара-Мурза считает необходимым противопоставлять фашизм и сталинизм, делает вывод, что сталинизм был для России лучшим вариантом, который позволил победить фашизм [2].

Эта позиция в последнее время очень популярна, она стала частью российской исторической политики. Именно ее транслируют и многие педагоги, например, в статье Л.В. Хлямина, с одной стороны, выделяются сходные черты социокультурной и экономической жизни, которые повлияли на воспитание в этих странах, с другой стороны, делается вывод о том, что эти системы воспитания кардинально отличались, так как в СССР идеалом воспитания был патриот, защитник Родины, труженик [3].

Но нельзя не признать, что оба режима опирались на широкую социальную поддержку, которая во многом стала результатом целенаправленной образовательной политики, первоначально разработанной на уровне теории. Как же понимали идеал и задачи воспитания теоретики советской школы?

Н.К. Крупская в статье «К вопросу о социалистической школе» указывала, что развитие общественных инстинктов ребенка является целью школы: «...воспитание всесторонне развитых людей с сознательными и организованными общественными инстинктами, имеющих цельное мировоззрение, ясно понимающих все то, что происходит вокруг них в природе и общественной жизни, умеющих строить разумную, полную содержания, красивую и радостную общественную жизнь» [4]. А.В. Луначарский в статье 1918 г., приводя пример Античной Греции и анализируя подходы буржуазной педагогики, писал о воспитании как сочетании гражданского (хорового) и свободного (индивидуального) становления личности ребенка [5]. Анализируя программные документы ей идеологов

и теоретиков советской школы, можно вывести идеал воспитания гражданина, характерный для советской школы в 30–40-е гг. XX в.: всесторонне развитый; имеющий цельное мировоззрение (ясно понимающий все то, что происходит вокруг него в природе и общественной жизни); умеющий строить разумную, полную содержания, красивую и радостную общественную жизнь; физически здоровый; труженик; стремящийся быть в обществе себе подобных.

Какие методы предлагали использовать наши теоретики в воспитании детей, чтобы достичь этого? Педагогика в разных странах в начале XX в. развивалась в основном за счет включения пространства психологии и биологии, применения эмпирических данных. Именно на стыке этих наук и создавалась педология. Многие представители советской педагогической теории также были представителями педологии. Например, П.П. Блонский в своих работах, основываясь на особенностях детской возрастной психологии, называл внушаемость и подражание главными характеристиками детского возраста. Поэтому в общественном воспитании особую важность играет фигура учителя, подражая которому, ребенок осваивает ценности взрослого мира. В одной из работ о религиозности детей, одной из мер предотвращения религиозного мировоззрения Блонский называет освобождение от влияния религиозной семьи. Близок идеям педологии был и С.Т. Шацкий, который, начав свою деятельность в начале XX в., исходил из идеи возможности окультуривания семьи через школу, а также писал, что «громкую роль в формировании детского характера играет инстинкт подражательности» [6. С. 76].

Педагоги, пришедшие в образование в 30–40-е гг. XX в., представляли другое направление в педагогической науке – идеологическое, трудовое. Как писал его представитель А.С. Макаренко, «Методику воспитания нельзя выводить из таких наук, как психология и биология, только из опыта, из политической и общественной жизни» [7. С. 26].

Еще один теоретик политехнической школы А.С. Калашников писал о классовом характере воспитания: «Организованное воспитание станет основным вследствие ликвидации капиталистических форм семьи и планомерной организации среды, во-вторых, организованное воспитание будет представлять собой гармоническое сочетание общественно-полезной работы и овладение общественным опытом» [8. С. 371]. Таким образом, эти направления советской педагогической теории предложили разные факторы, которые влияют на воспитание и через которые можно транслировать новую идеологию: различные инстинкты; внушаемость; тенденцию к подражанию и общению; общественную среду; производство; трудовую деятельность.

И на этой основе стала разрабатываться и реализовываться образовательная политика, с помощью которой были запущены механизмы трансляции ценностей нового общества: через учреждения социального вос-

питания (клубы, кружки, театр, пение и др.); детские организации, которыми предполагалось «охватить всю массу детского населения, начиная от детей дошкольного возраста и кончая подростками 17 лет»; введение идеологических курсов в содержание образования; выработку и трансляцию государственных мифов и образов героев; возвращение школьной формы военизированного образца.

В Германии с приходом к власти нацистской партии сходные механизмы в образовании запускались постепенно. Педагогические идеалы Веймарской республики о том, что школа должна продолжать семейное воспитание и осуществлять гражданское и религиозное воспитание, постепенно менялись. Не рассматривая раскрытые историками факторы, повлиявшие на приход фашистов к власти, можно отметить, что стремительное распространение нацистской идеологии в немецком обществе вполне сопоставимо с расширением сторонников советского режима. В работе Т.Ю. Тимофеевой, написанной в рамках теории повседневности, реконструируется жизнь обычной немецкой семьи в 30–40-е гг. XX в. [9]. Она пишет о поддержке режимом расово-политической и военизированной активности молодежи, распространении объединений, кружков, союзов, через которые молодежь вовлекалась в политическую жизнь. Известный русский философ И. Ильин определил тоталитаризм как строй, беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь человека. В Германии это вмешательство доходило до абсурда. Т.Ю. Тимофеева пишет о том, что в Германии рекомендовалось одно воскресенье месяца готовить вегетарианский обед, а сэкономленные деньги складывать в копилку как подтверждение немецкой национальной черты – бережливости.

В результате использования доказавших свою продуктивность механизмов воспитания, в общественной жизни Германии и СССР появилось много общего, что хорошо заметно при сравнении фотографий и фильмов тех лет.

Рис. 1. Фото советских школьников 30–40-е гг. XX в.

Рис. 3. Фото немецких школьников 30–40-е гг. XX в.

В выступлении на конгрессе российской интеллигенции в 1997 г. Борис Васильев говорил о «неистовом, животном восторге бытия», который царил в обществе. Все его выступление можно читать как приговор тоталитарному режиму, важную роль в укреплении которого сыграло образование.

Изучение исторического прошлого позволяет посмотреть на настоящее и выделить опасные повороты, которые в бывших тоталитарных режимах могут свидетельствовать о «бегстве от свободы» (Э. Фромм). Историк образования М.В. Богуславский выделил в своих работах направления современных, как он называет, ретроинноваций, главная опасность которых состоит в том, что они обычно возвращаются «всем паке-том». Они проявляются в значительном усилении законодательной, нормативной и регулятивной роли государства; регламентации профессиональной деятельности и поведении участников образовательного процесса; уменьшением субъектов образовательного пространства; сужением вариативности; усложнением квалификационных процедур; акцентом на том, что поведение всех субъектов образовательной деятельности должно соответствовать социальным нормам [10]. Эти направления проявляются в конкретных действиях и решениях, которые уже вошли в образование и воспитание через создание единого комплекса учебников по отечественной истории, а в перспективе – по зарубежной истории и литературе; введение единой школьной формы; исполнение государственного гимна на праздновании начала учебного года; возвращение выпускного сочинения; учет показателей школьного аттестата при поступлении в вуз (наряду с результатами ЕГЭ); создание образовательных комплексов (детский сад – школа); осуществление систематичной и целенаправленной внеурочной воспитательной деятельности гражданско-патриотической направленности; возрож-

дение физкультурно-допризывной деятельности, предусматривающей сдачу норм по аналогу комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО); восстановление системы спортивных школ, школ олимпийского резерва и т.п. К списку М.В. Богуславского можно добавить и возрождение детского движения, произошедшее в последний год. Нам кажется, что это не модернизация, а ретроинновация (по образному Ленинскому выражению «шаг вперед, два шага назад»), содержанием которой стало возрождение многих элементов советской школы. Помимо реализации государственной идеологии она является следствием ностальгии взрослого поколения о собственном детстве и приобщения к мифам об обществе социальной справедливости молодежи.

Таким образом, ретроспективный сравнительный анализ теории и практики воспитания в тоталитарных обществах на материале Германии и СССР 30–40-х гг. XX в. позволяет сделать вывод о не только о личностной, но и государственной значимости воспитания, его влиянии на все стороны жизни общества. Действительно, от того, в чьих руках находится школа, зависит будущее страны. Идеалы и механизмы воспитания, которые были использованы для укрепления тоталитарных режимов, в современной ситуации необходимо применять (а лучше не применять) очень осторожно. Ведь основная опасность советской модели воспитания, как показывает исторический анализ, состояла в том, что она была единственно возможной и не допускающей вариативности взглядов, мнений, действий. В современной ситуации отказ от вариативности и многообразия означает остановку в развитии, так как большинство людей поняли за эти годы, что они нуждаются в разнообразии. Попытки найти в истории простой и универсальный метод воспитания не продуктивны, они работают только в условиях тоталитаризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсов А.А. Речь при открытии Московского университета // Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете. М., 1788. URL: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st011.shtml>.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. 1. URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a103.htm#hdr_147.
3. Хлямин Л.В. Идеологические основы воспитания молодежи в СССР и Германии (1930–1945 гг.) // Известия Волгоградского педагогического университета. 2010. № 4. С. 135–138.
4. История социальной педагогики : учеб. пособие / под ред. М.А. Галагузовой. М. : Владос, 2000. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/galag/30.php.
5. Луначарский А.В. О социальном воспитании. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/o-socialnom-vospitanii>.
6. Шацкий С.Т. Педагогические сочинения : в 4 т. / под ред. И.А. Каирова (и др.). М. : Просвещение, 1964. Т. 2. 475 с.
7. Макаренко А.С. Проблемы школьного советского воспитания / под ред. Г.С. Макаренко. М. : Изд-во Акад. наук РСФСР, 1949. 131 с.
8. Калашников А.С. Очерки марксистской педагогики. М. : Работник просвещения, 1929. 366 с.
9. Тимофеева Т.Ю. «Мы жили обычной жизнью?» Семья в Берлине в 30–40 гг. XX в. М. : РООСПЭН, 2011. 180 с.
10. Богуславский М.В. Консервативная стратегия модернизации российского образования в XX – начале XXI вв. // Проблемы современного образования. 2014. № 1. URL: <http://www.pmedu.ru/index.php/ru>.

Churkina Nataliya I. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia). E-mail: n_churkina@mail.ru

THE IDEALS AND UP-BRINGING MECHANISMS IN TOTALITARIAN SOCIETIES (GERMANY AND THE USSR IN 30-40S YEARS OF THE XX CENTURY).

Key words: up-bringing, the USSR, Germany, daily up-bringing practice, ideal up-bringing, up-bringing mechanisms.

The article delivers a comparative analysis of the theory and practice of up-bringing in totalitarian societies (the USSR and Germany) in 30-40s years of the XX century and highlights contemporary practices and outlined tendencies that allow to conclude about the revival of the Soviet model of up-bringing.

On the base of the analysis of historical concepts about the nature of totalitarianism, the author draws the following conclusion: in modern theory along with recognizing the similarities of fascist and communist regimes, many authors state about necessity of opposition

fascism to Stalinism. But it is generally accepted that both regimes were based on extensive social support which was mainly the result of purposeful educational policy.

Performed analysis of the Soviet school theory showed that there were two directions during the study period: pedagogical direction and labor school. The analysis of policy papers and the ideas of the ideologists and theorists of the Soviet school allowed to formulate the ideal of up-bringing which was characteristic of the Soviet school in the 30-40 years of the XX century, as well as mechanisms of trans-lation of the new society values. The study of the published sources let us conclude that there appeared a lot in common in the public life of Germany and the USSR especially by comparing the photos and movies of those years.

The author also examined the outlined modern tendencies of retro innovation (M.V. Boguslavskiy), which main danger is that they usually come back “full package”. The specific actions and decisions that have already entered the modern education and up-bringing are examined as well.

The author concludes that recent changes in education are related probably not to modernization but to retro innovation which main content was the revival of many elements of the Soviet school. The retrospective comparative analysis of the theory and practice of up-bringing in totalitarian societies on the example of Germany and the Soviet Union in 30-40 years of the XX century allows to make a conclusion about state importance of up-bringing, its impact on all aspects of society; and that future of the country depends on the fact who owns the school. As it is shown with the help of the historical analysis, the main danger of the Soviet up-bringing model was that this model was the only possible and non-variability of views, opinions, actions. In the current situation the rejection of variability and diversity means to stop the development because most people realized over these years that they need a such kind of variety. Attempts to find a simple and universal method of up-bringing in the history are not productive, they function only under totalitarianism.

REFERENCES

1. Barsov, A.A. (1788) *Sobraniye rechey, govorennykh v imperatorskom Moskovskom universitete* [Collection of speeches delivered at the Imperial University of Moscow]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. [Online] Available from: <http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000026/st011.shtml>.
2. Kara-Murza, S.G. (2001) *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet Civilization]. Vol. 1. [Online] Available from: http://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a103.htm#hdr_147.
3. Khlyamin, L.V. (2010) *Ideologicheskiye osnovy vospitaniya molodezhi v SSSR i Germanii (1930-ye – 1945 gg.)* [The ideological foundations of the youth training in the USSR and Germany (1930–1945)]. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 4. pp. 135–138.
4. Galaguzova, M.A. (2000) *Istoriya sotsial'noy pedagogiki* [History of Social Pedagogy]. Moscow: Vlados.
5. Lunacharskiy, A.V. (1918) *O sotsial'nom vospitanii* [On social education]. [Online] Available from: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/o-socialnom-vospitanii>.
6. Shatskiy, S.T. (1964) *Pedagogicheskiye sochineniya : v 4 t.* [Pedagogical Works: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Prosveshcheniye.
7. Makarenko, A.S. (1949) *Problemy shkol'nogo sovetskogo vospitaniya* [Problems of Soviet school education]. Moscow: Academy of Pedagogy, RSFSR.
8. Kalashnikov, A.S. (1929) *Ocherki marksistskoy pedagogiki* [Essays on Marxist pedagogy]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
9. Timofeyeva, T.Yu. (2011) “*My zhili obychnoy zhizn'yu?*” *Sem'ya v Berline v 30–40 gg. XX v.* [“We lived an ordinary life?” The family in Berlin in the 1930–1940s]. Moscow: ROSSPEN.
10. Boguslavskiy, M.V. (2014) Conservative strategy of Russian education modernization in the 20th – early 21st centuries. *Problemy sovremennogo obrazovaniya – Problems of Modern Education*. 1. pp. 5–11. [Online] Available from: <http://www.pmedu.ru/index.php/ru>. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94

DOI: 10.17223/19988613/54/11

И.Н. Коростелёва

«АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» КАК ОТВЕТ НА МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ГЕРМАНИИ

Исследуются политическая позиция молодой партии ФРГ «Альтернатива для Германии», основанной в 2013 г., в отношении иммиграционного вопроса, а также проблемы беженцев и предоставления убежища. Проведен анализ пунктов основной политической программы, предвыборных программ 2016 и 2017 гг., посвященных данной тематике. Используя статистические данные, публикации, интервью политических деятелей, дана оценка влияния политики «Альтернативы для Германии» на рост численности электората партии.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии»; иммиграция; беженцы.

Недавно федеральное статистическое бюро Германии сообщило о рекордно высоком количестве населения страны. Причиной послужила экстремальная иммиграция за последние годы. На территории Федеративной Республики Германии еще не было такого количества людей после воссоединения в 1990 г. В 2016 г. население увеличилось на 600 тыс. человек, с 82,2 млн (январь) до 82,8 млн (декабрь) [1].

Наибольшая численность населения наблюдалась с конца 2002 г. и составляла около 82,5 млн человек, а затем с 2002 до 2012 г. постепенно снижалась, этому послужил тот факт, что смертность населения была выше, чем рождаемость [1]. Только благодаря иммиграции увеличилась численность населения, в частности от миграционного кризиса в 2015 г. Но и в 2016 г. наблюдался рост населения, несмотря на дефицит рождаемости в 2016 г.

На пике миграционного кризиса неожиданного успеха добилась на выборах новая малая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), которая до 2015 г. позиционировала себя как сторонница выхода из Еврозоны, а позднее сменила курс своей политики на «антимиграционный». «Беженцы – это единственная тема, на которой стал возможен подъем “Альтернативы для Германии”, – прокомментировал результаты мартовских выборов 2016 г. кандидат от ХДС на пост премьер-министра земли Баден-Вюртемберг Гидо Вольф. – Многие немцы уже давно хотели преподать урок традиционным партиям...» [2].

«Альтернатива для Германии – это правая популистская партия в Федеративной Республике. С момента своего создания в 2013 г. АдГ получает все более широкую поддержку среди населения. Несмотря на то, что партия потерпела неудачу в Бундестаге, на европейских и всех государственных выборах с 2014 по 2016 г., она получила 2 мандата (Беатрикс фон Шторх и Маркус Претцель) в Европарламенте и мандаты в

парламентах Саксонии-Анхальта, Баден-Вюртемберга и Рейнланд-Пфальца. Последствия кризиса евро явились центральной темой для основы политической программы в 2013 г. Основные программные установки «Альтернативы»: отказ от евро, ревизия ЕС, реализация канадской миграционной модели (привлечение квалифицированных и готовых к интеграции мигрантов), изменение системы европейских договоров (в частности Лиссабонского) [3]. С середины 2015 г. партия приобрела вес благодаря национальным консервативным позициям в противовес либерально-консервативным.

По мнению А.К. Камкина, «приставка “анти” в программных положениях партии: “антиЕвропа”, “антиинтеграция”, “антимиграция”, “анти-эtabлированные партии”, за которую отдают голоса граждане, отражает наличие в немецком обществе диффузного культурного недовольства, ограничения или отсутствия альтернатив общественного развития, которые не обслуживают в необходимом объеме традиционные партии, отрыв политических элит от понимания интересов электората» [Там же. С. 20].

Таким образом, с лета 2015 г. изменена и усилена общественная позиция партии в борьбе с политикой предоставления убежища и иммиграцией в Германии. Образ АдГ изменился с «антиевропейской» на «антимиграционную партию». В дополнение к программным пунктам, которые связаны с кризисом евро, АдГ быстро разработала программу, которая не может быть описана как программа «партии, занимающейся одной проблемой». Основная программа на 96 страницах включает в себя позиции по всем основным направлениям политики. Среди них еще целый ряд требований, которые больше напоминают либеральную партию, такие как упрощение налоговой системы и системы медицинского страхования. Тем не менее не вызывает сомнений, что события 2015 г. привели к смещению программных приоритетов в политике АдГ.

Иммиграционная политика партии «Альтернатива для Германии» и политика предоставления убежища направлены на сведение к минимуму иммиграции и ужесточение политики предоставления убежища. Позиция и требования партии в этих областях политики основаны на стремлении к сохранению «немецкой идентичности» и отказ от мультикультурализма. Мультикультурные общества партия АдГ рассматривает как «серьезную угрозу для социального мира и для выживания нации как культурной общности. Государство и гражданское общество должны защищать немецкую культурную идентичность в качестве определяющей культуры» [4].

Акцент партии на проблеме иммиграции, очевидно, выражается через парламентскую деятельность и в партийной программе. Новое руководство АдГ (Фрауке Петри и Йёрг Мойтен) представило 8 сентября 2015 г. «Осеннюю кампанию «АдГ-2015» под лозунгом «Время, чтобы выложить карты на стол! Остановить хаос беженцев и кризис евро!» [5]. «Лозунги, с которыми партия выступала перед избирателями в федеральных землях, были по преимуществу антимигрантскими: “За нашу страну, за наши ценности”, “Быть смелым, говорить правду”, “Спасти немецкую культуру”» [2].

Анализ выборов в Баден-Вюртемберге, Рейнланд-Пфальце и Саксонии-Анхальт также ясно показал, что решающим вопросом для избирателей АдГ была тема, связанная с беженцами. Анализ показал, что значительная часть электората АдГ критически оценивают текущую политику в отношении вопроса о беженцах: в Саксонии-Анхальт, например, только 50% респондентов считают, что политика канцлера в отношении беженцев является неудовлетворительной. В Баден-Вюртемберге 99% и в Рейнланд-Пфальце 96% электората АдГ поддерживают требование партии ограничить приток беженцев [6].

В основной программе АдГ написано, что «квалифицированные иммигранты с высокой готовностью интегрироваться» приветствуются на рынке труда, а «нерегулируемые потоки беженцев» [5. С. 12] должны отвергаться. В будущем ходатайства о предоставлении убежища могут быть приняты только в так называемых центрах для просителей убежища, которые можно найти только в районах прибытия потоков беженцев.

Кроме того, АдГ против индивидуального права на убежище (ст. 16 Основного закона): «АдГ хочет индивидуальное право на получение убежища заменить отдельным основополагающим правом на получение убежища». АдГ придерживается мнения, что в противном случае право на убежище может стать не более чем объектом злоупотребления – «транспортное средство массовой иммиграции» [Там же]. Политическая направленность АдГ содержала в себе призыв к сохранению западной культуры еще до начала миграционного кризиса 2015 г., но термин «ислам» еще не появлялся. В основной программе уже по-другому: должен быть запрет на иностранное финансирование ислам-

ских мечетей, запрет на ношение платков, закрытие медресе и вообще легитимация критики в адрес ислама. На партийной конференции в Штутгарте 2016 г. АдГ выделяет в связи с иммиграционной политикой тему «Ислам»: «Ислам – самая взрывоопасная тема программы» [7]. Нам еще предстоит увидеть, как повлияют отношение и требования АдГ к понятию «Ислам», а точнее к политике в области иммиграции, беженцев и предоставления убежища на предстоящих выборах осенью 2017 г.

Признавая отсутствие национализма и расизма в программе и риторике «Альтернативы», их идеологические противники делают упор на то, что правый популизм не более чем трансформирует эти политические направления в иначе сформулированные образы врага – «ползучую исламизацию», «бюрократический молах ЕС», «разрушение культурной идентичности» и пр. [3] Антимиграционными настроениями пронизана вся основная программа партии. Например, значительное место в ней занимает семейная политика, которая ориентирована на традиционную модель семьи «родители–дети» (Eltern-Kinder-Familie), а «отсутствие демографического развития» в Германии [5. С. 41] – это повод для противодействия. Прослеживается значимая связь с проблемой миграции: «Больше детей, а не массовая иммиграция» [Там же].

Изучив политические программы «Альтернативы», можно заключить, что партия выделила в своей политической программе самые волнующие и актуальные проблемы для населения Германии. Получив значительную поддержку на выборах, подтвердила усталость немцев не только от вновь прибывших миллионов мигрантов, но и от традиционных, консервативных партий и их политики. «Альтернатива для Германии» действительно нашла пустую нишу в немецком политическом ландшафте» [3].

«Анализ результатов опросов общественного мнения позволяет сделать вывод, что одним из основных мотивов в принятии решения в пользу голосования за “Альтернативу” стало выражение протеста по отношению к привычным игрокам и желание выбрать “другую” – “отличную от всех” партию. Так, например, 92% избирателей Саксонии (в Бранденбурге 93%, в Тюрингии 90%), голосовавших за АдГ, считают, что именно ее политики называют проблемы своими именами, тогда как 77% сделали выбор с целью преподнести другим партиям урок» [8].

В предвыборной программе 2017 г. АдГ требует гораздо более строгой политики предоставления убежища. Границы должны быть немедленно закрыты, чтобы предотвратить неконтролируемую массовую иммиграцию в социальные системы Германии. Кроме того, предлагается ввести минимальную годовую квоту для депортации мигрантов обратно. Программный комитет партии предложил, чтобы каждый год «отрицательная миграция» (Minuszuwanderung) должна составлять 200 тыс. человек [9]. (Понятие «отрицательная мигра-

ция» в предвыборной программе АдГ является неологизмом, характеризующим политику депортации беженцев и мигрантов.) Но члены партии в проведенном опросе, однако, отклонили данное число депортируемых иммигрантов, в тексте программы оно остается неуточненным. АдГ отрицает то, что вновь прибывшие граждане совершают экономический вклад в пользу Германии, благодаря уплате налогов и помогая рынку труда. В приоритете над иммиграцией находятся «семья и демографическая политика» [10. С. 27]. Таким образом, немцы должны иметь больше детей. Не перестает фигурировать в политике АдГ и тема ислама: «Ислам не принадлежит Германии» [Там же. С. 30]. Мечети больше не должны финансироваться из-за рубежа, минареты и ношение паранджи должны быть запрещены.

Кто же является избирателем партии? Электорат «Альтернативы для Германии» представлен совершенно разными группами людей. На всех выборах явно доминирует мужская часть избирателей. В возрастной структуре наблюдается следующая картина: самая большая поддержка партии среди избирателей между

25 и 44 годами, самая низкая – старше 70 лет. Самая крупная доля избирателей АдГ среди безработных и рабочих, но в Баден-Вюртемберге проголосовали 17% служащих и 13% индивидуальных предпринимателей; в Саксонии-Анхальт, где партия показала лучший результат на выборах, 21% служащих и 22% индивидуальных предпринимателей [11].

Вопрос о том, является ли данная партия серьезным политическим противовесом для консервативных партий Германии и сможет ли она стать заменой ныне действующим политическим силам или так и останется малой партией, использующей текущие проблемы только для повышения числа голосов на выборах, на данный момент остается открытым. Но, как показывают социологические исследования электората партии, АдГ поддерживают значительные группы молодого населения, что говорит о том, что у нее есть хорошие шансы остаться на политической арене и закрепить там свои позиции. Возможно, дальнейшая политика действующей власти в отношении проблем иммиграции и выборы 2017 г. смогут пролить свет на данный вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Trotz massiver Integrationsprobleme: Deutschland will weiter jährlich 300.000 neue Migranten hereinlassen. URL: <https://www.unzensuriert.at/content/0023054-Trotz-massiver-Integrationsprobleme-Deutschland-will-weiter-jaehrlich-300000-neue>, свободный (дата обращения: 16.03.2017).
2. Против Меркель и мигрантов: смогут ли ультраправые изменить политику Германии. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/03/20/alternative/>, свободный (дата обращения: 16.03.2017).
3. Камкин А.К. «Альтернатива для Германии» как новый элемент партийного ландшафта. М. : Центр германских исследований Института Европы РАН, 2014.
4. Entwurf AfD-Grundsatzprogramm. URL: <https://www.alternativefuer.de>, свободный (дата обращения: 16.03.2017).
5. Alternative für Deutschland: Grundsatzprogramm der Alternative für Deutschland – Leitantrag der Bundesprogrammkommission und des Bundesvorstandes. URL: <https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/Leitantrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf>, свободный (дата обращения: 16.03.2017).
6. Häusler A., Roesler R., Scholten L. Programmatik, Themensetzung und politische Praxis der Partei «Alternative für Deutschland» (AfD). Dresden, 2016.
7. Markus Grill. Anti-Islam-Kurs – Exklusiv: Email von Beatrix von Storch und das geplante Grundsatzprogramm. URL: <https://correctiv.org/recherchen/neue-rechte/artikel/2016/03/11/afd-hat-neues-knall-thema/>, свободный (дата обращения: 16.03.2017).
8. Тимошенко Екатерина. Основные итоги и тенденции земельных выборов в ФРГ в 2014 г. М. : Центр германских исследований Института Европы РАН, 2014.
9. Bensch F. AfD fordert Euro-Austritt und schärfere Asylpolitik. URL: <http://de.reuters.com/article/deutschland-wahl-afd-idDEKBN16G1YH>, свободный (дата обращения: 20.03.2017).
10. Alternative fuer Deutschland. Programm für die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017. URL: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/03/2017-03-08_afd_leitantrag-bpt-btw-programm_mit-zeilennummern-1.pdf, свободный (дата обращения: 20.03.2017).
11. Sabine am Orde. AfD: Partei der Arbeiter? URL: <https://www.taz.de/Archiv-Suche!/5377313&s=&SuchRahmen=Print/>, свободный (дата обращения: 27.03.2017).

Korosteleva Irina N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: bellagitana@yandex.ru

"ALTERNATIVE FOR GERMANY" AS A RESPONSE TO THE MIGRATION CRISIS IN GERMANY.

Keywords: "Alternative for Germany"; immigration; refugees.

The aim of the article is to study the political position of "Alternative for Germany", new political party founded in 2013, on immigration, refugee and asylum issues. For accomplishment of this goal, the following tasks must be performed: 1) To analyze the main points of political programs, pre-election programs of 2016 and 2017, devoted to thematic topics; 2) To find out how the migration crisis of 2015 affected the formation of the political orientation of the party; 3) To use statistical data, publications, interviews with politicians for analysis of the influence of the "Alternative for Germany" policy on the growth of the party electorate.

The main research methods are analysis and generalization of the data concerning political party's program, as well as pre-election programs.

As a result of the research, the author came to the conclusion that the new small party "Alternative for Germany", which until 2015 positioned itself as a supporter of withdrawal from the Eurozone, later changed the direction of its policy to "anti-immigration".

The immigration policy of the party "Alternative for Germany" and the policy of granting asylum are aimed at minimizing immigration and strengthening of the granting asylum policy; it requires a ban imposed on foreign financing of Islamic mosques, as well as wearing scarves, aimed at closing madrasahs and generally legitimizing criticism of Islam. The party's main program is imbued with anti-immigration attitudes. For example, a significant place in it is taken by the family policy, which is oriented towards the traditional model of the family "parents-children", and "lack of demographic development" in Germany is presented as a reason for taking countermeas-

ures. The position and requirements of the party in these areas of policy are based on the aspirations to preserve the “German identity” and the rejection of multiculturalism.

The research of the political programs of the “Alternatives” presents a conclusion that the party highlighted in its political program the most exciting and pressing problems for the German people. By receiving considerable support in the elections, the party confirmed the exhaustion of the Germans not only with the newly arrived millions of migrants, but also with traditional, conservative parties and their policies.

The question whether this party is a serious political counter balancer for conservative parties in Germany and whether it is able to become a substitute for the current political forces or continues to serve as a small party that uses current problems only to increase the number of votes in the elections, remains open at the moment. But, according to sociological studies of the party’s electorate, AdG is supported by a large number of young people, which indicates that it has good chances to stay in the political arena and strengthen its positions. Perhaps the further policies of the current government referring to immigration problems and the 2017 elections will be able to throw a little light on this issue.

REFERENCES

1. Anon. (2017) *Trotz massiver Integrationsprobleme: Deutschland will weiter jaehrlich 300.000 neue Migranten hereinlassen* [Despite massive integration problems: Germany wants to continue to let in 300,000 new migrants annually]. [Online] Available from: <https://www.unzensuriert.at/content/0023054-Trotz-massiver-Integrationsprobleme-Deutschland-will-weiter-jaehrlich-300000-neue>.
2. Melnikova, K. (2016) *Protiv Merkel i migrantov: smogut li ul'trapravye izmenit' politiku Germanii* [Against Merkel and migrants: can the ultra-right change the policy of Germany]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/articles/2016/03/20/alternative/>.
3. Kamkin, A.K. (2014) “Al'ternativa dlya Germanii” kak novyy element partiynogo landshafta [“Alternative for Germany” as a new element of the party landscape]. Moscow: Centre for German Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
4. Alternative für Deutschland. (n.d.) *Entwurf AfD-Grundsatzprogramm* [Draft AfD Policy]. [Online] Available from: <https://www.alternativefuer.de>
5. Alternative für Deutschland. (2016) *Alternative für Deutschland: Grundsatzprogramm der Alternative fuer Deutschland – Leit Antrag der Bundesprogrammkommission und des Bundesvorstandes* [Alternative for Germany: Basic program of the Alternative for Germany – Lead proposal of the Federal Program Commission and the Federal Executive Board]. [Online] Available from: <https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/7/2016/03/LeitAntrag-Grundsatzprogramm-AfD.pdf>.
6. Haeusler, A., Roesler, R. & Scholten, L. (2016) *Programmatik, Themensetzung und politische Praxis der Partei “Alternative für Deutschland” (AfD)* [Program, topic-setting and political practice of the party “Alternative for Germany” (AfD)]. Dresden: [s.n.].
7. Grill, M. (2016) *Anti-Islam-Kurs – Exklusiv: Email von Beatrix von Storch und das geplante Grundsatzprogramm* [Anti-Islam-Course - Exclusive: Email from Beatrix von Storch and the planned basic program]. [Online] Available from: <https://correctiv.org/recherchen/neuerrechte/artikel/2016/03/11/afd-hat-neues-kanall-thema/>.
8. Timoshenkova, E. (2014) *Osnovnye itogi i tendenzii zemel'nyh vyborov v FRG v 2014 godu* [Main results and tendencies of land elections in Germany in 2014]. Moscow: Centre for German Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
9. Bensch, F. (2017) *AfD fordert Euro-Austritt und schärfere Asylpolitik* [AfD calls for euro exit and sharper asylum policy]. [Online] Available from: <http://de.reuters.com/article/deutschland-wahl-afd-idDEKBN16G1YH>.
10. Alternative für Deutschland. (2017) *Programm fuer die Wahl zum Deutschen Bundestag am 24. September 2017* [Program for election to the German Bundestag on 24 September 2017]. [Online] Available from: https://www.alternativefuer.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/03/2017-03-08_afd_leitantrag-bpt-btw-programm_mit-zeilennummern-1.pdf.
11. Orde, S. am (2017) *AfD: Partei der Arbeiter?* [AfD: Party of Workers?]. [Online] Available from: <https://www.taz.de/Archiv-Suche/!5377313&s=&SuchRahmen=Print/>.

УДК 94(410).083/.085:329.11
DOI: 10.17223/19988613/54/12

Н.А. Кручинина

МЕЖДУ «НОВЫМ» И ЛИБЕРАЛЬНЫМ КОНСЕРВАТИЗМОМ: СПОРЫ ВОКРУГ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ 20–30-х гг. XX в.

Рассматриваются теоретические подходы британских консерваторов к социальным проблемам межвоенного периода. Официальная точка зрения руководства партии по этому вопросу была сформулирована в 1924 г. С. Болдуином, заложившим основы «нового консерватизма». Однако единства среди консерваторов по проблемам социальной политики не существовало: в партии по-прежнему было много сторонников индивидуализма и государственного невмешательства, чьи идеи отражены в работах Э. Бенна и Ю. Перси. Противоположную точку зрения высказывали левые консерваторы, лидером которых в межвоенный период стал Г. Макмиллан.

Ключевые слова: Консервативная партия Великобритании; «новый консерватизм»; социальная политика; С. Болдуин; Г. Макмиллан.

Начало XX в. стало сложным периодом для Консервативной партии Великобритании. Внутрипартийная борьба сопровождалась идейно-политическими разногласиями по тарифному, имперскому, ирландскому вопросам. Не было единства у консерваторов и в отношении социальной политики. Еще со времен Бенджамина Дизраэли социальный патернализм был одним из важных пунктов консервативной доктрины. Однако сфера применения социальных программ понималась консерваторами достаточно ограниченно: государственное законодательство, с их точки зрения, должно было касаться только социально незащищенных категорий населения (детей, женщин, пожилых людей), взрослые и трудоспособные люди должны отстаивать свои интересы сами с помощью профсоюзов. Многие консервативные политики, среди них такие крупные теоретики, как Уильям Лекки и лорд Хью Сесил, стояли в этом вопросе на позициях классического либерализма, считая, что только свободная экономика может обеспечить высокий уровень материального развития общества и тем самым решить проблемы бедности и социального неравенства. Джозеф Чемберлен и его сторонники делали акцент на развитии имперской экономики, защищенной высокими таможенными пошлинами. По их мнению, Великобритания как центр империи получит от такой политики максимальные выгоды: рост промышленности, сокращение безработицы и дополнительные доходы, которые можно будет использовать в том числе для решения социальных проблем.

В 1905 г. внутренние разногласия привели к отставке кабинета А. Бальфура, и консерваторы лишились поста премьер-министра на ближайшие семнадцать лет. Эти годы изменили и Европу, и саму Британию. Отгремела Первая мировая война, распались старые европейские империи, оформилась новая карта Восточной Европы. В самой Великобритании либералы провели ширококомасштабные социальные реформы. В годы войны правительство Д. Ллойд Джорджа с успе-

хом опробовало систему государственного регулирования экономики, целью которой были скорейшее наращивание военного производства и организация экономической жизни в условиях вызванного войной кризиса. Резко выросла в численности и заняла место либералов в двухпартийной системе Лейбористская партия, превратившись в главную оппозиционную консерваторам политическую силу. Все эти перемены требовали изменений и от консерваторов, им надо было соответствовать новой эпохе, корректировать собственный имидж и свою программу. Необходимость менять что-то в программе и политике лишней раз была подтверждена короткой и неудачной судьбой первого послевоенного консервативного правительства, продержавшегося у власти чуть больше года – с октября 1922 по январь 1924 г. Если выборы ноября 1922 г. консерваторы выиграли, то уже следующие выборы декабря 1923 г. принесли им только относительное большинство, которое очень скоро потерпело поражение от лейбористско-либерального блока в парламенте.

Формирование основ «нового консерватизма» связано прежде всего с именем Стэнли Болдуина (1867–1947), ставшего лидером Консервативной партии в мае 1923 г. В июне 1924 г. он выпустил небольшую книжку под символическим названием «Взгляд в будущее: подтверждение юнионистских принципов и целей». В межвоенный период консерваторы все еще соблюдали старую традицию, согласно которой у партии не было писаной программы. Это обеспечивало гибкость партийной политики и давало возможность собирать под знаменем тори представителей самых разных, порой в чем-то противоположных, взглядов и направлений. «Взгляд в будущее...», в общем, традицию не нарушал. Само слово «программа» нигде не упоминалось, а имела эта книжка вполне привычную форму открытого письма Стэнли Болдуина председателю Консервативной партии подполковнику Стэнли Джексону. Сам же Болдуин в предисловии называет ее «краткое изложе-

ние нашего курса». Тем не менее ее вполне можно рассматривать как первый опыт писаной программы Консервативной партии.

Начинается программа с вопросов империи и внешней политики, но социальные проблемы занимают существенную часть ее внутриполитического раздела. Основные социальные проблемы Великобритании 20-х гг. в тексте, безусловно, упомянуты. Однако насколько новыми были подходы Болдуина к этим темам? Открывается раздел внутренней политики вопросом о безработице, который назван «самой серьезной из наших внутренних проблем». В качестве главного средства борьбы с безработицей предлагается создание новых рабочих мест. «Единственное реальное средство от безработицы – это восстановление и сохранение нашей внутренней и внешней торговли» [1. Р. 5], для чего нужно укреплять и развивать внутриимперские связи. Проблема трудовых конфликтов рассматривается Болдуином в контексте той угрозы, которую забастовки несут развитию промышленности и обыденной жизни, снабжению, передвижению населения. Подобного рода конфликты должны решаться только путем переговоров между профсоюзами и организациями предпринимателей, в случае особо серьезных разногласий – переговорными комиссиями, в идеале без остановки работы. Целью Консервативной партии провозглашается достижение «промышленного мира» [Ibid. Р. 6–7].

Единственным возможным вариантом решения жилищной проблемы для Болдуина является поощрение частного предпринимательства и частной инициативы, предоставление льгот как строителям, так и покупателям или нанимателям жилья. Признавая ликвидацию трущоб необходимой, лидер консерваторов категорически выступает против использования для этой цели средств как государственного, так и местных бюджетов, так как это повлечет за собой непосильное и многолетнее увеличение налогового бремени. Принцип выплаты пенсий престарелым и вдовам также находит поддержку в программе. Система пенсионного обеспечения существовала в Великобритании с начала века, однако это была система государственных пенсий: ни работодатели, ни сами рабочие страховых взносов не выплачивали, что Болдуин считает неправильным. Любое развитие этой системы, тем более повышение пенсий, он связывает с введением обязательных страховых отчислений рабочих в государственный пенсионный фонд, из которого и будут выплачиваться пенсии престарелым и вдовам. Необходимость делать страховые выплаты будет способствовать поощрению бережливости и повышению уверенности рабочих в своем будущем. Вопрос об образовании решался Болдуином с точки зрения концепции «равных стартовых возможностей», предполагающей обеспечение доступности образования для всех детей, независимо от их происхождения. Поддержка школ государством должна вестись в направлении обеспечения всех школ оборудованными учебными зданиями и квалифицированными препода-

вателями в достаточном количестве. Болдуину представлялось также важным гарантировать принцип преемственности учебных программ и сохранить за родителями возможность выбора вероисповедания своих детей [1. Р. 9–11].

Таким образом, Болдуин недаром назвал свою работу «подтверждение принципов и целей»: никаких радикально новых идей в сфере социальной политики у него не было. Все его предложения в целом укладываются в старую концепцию самопомощи и поощрения личной инициативы. Новым было то, что лидер тори выдвинул социальные проблемы на первый план, поставив их в один ряд с традиционным для консерваторов вопросами внешней политики и империи. Хороший оратор, Болдуин выступал с многочисленными речами, в которых развивал свои идеи. Он говорил о постепенном повышении жизненного уровня, о промышленном мире, ответственности рабочих за производство на своих предприятиях, о необходимости сотрудничества предпринимателей, рабочих и профсоюзов в решении трудовых конфликтов и преодолении экономических проблем [1–3].

Трудовые конфликты и экономический кризис не замедлили наступить. Конфликт в угледобывающей промышленности 1925–1926 гг. вылился во всеобщую стачку. Через несколько лет в Великобритании, как и в других странах Запада, началась Великая депрессия. Эти события оказали глубокое влияние на последующее развитие страны и продемонстрировали, насколько прав был консервативный лидер, когда выдвигал на повестку дня социально-экономические вопросы. Всеобщая стачка и Великая депрессия заставили и других консервативных политиков и теоретиков обратить внимание на социальные проблемы, хотя особого единства мнений среди них не было.

Многие консерваторы в социально-экономических вопросах оставались на позициях либерального индивидуализма. Выразителем идей этого направления консерватизма считается сэр Эрнест Бенн (1875–1954), глава одноименной издательской фирмы, публицист и экономист. В годы Второй мировой войны Бенн стал основателем и первым председателем «Общества в защиту индивидуальной свободы» – общественно-политической организации, включавшей сторонников индивидуализма как из Либеральной, так и из Консервативной партий [4]. Сам Бенн далеко не сразу пришел к идеям индивидуализма. В молодости он был сторонником коллективизма и государственного вмешательства и только в середине 20-х гг. обратился к идеям классического либерализма.

В 1928 г. Бенн опубликовал книгу «Возвращение к *laissez-faire*» – одну из лучших своих работ по социально-экономическим вопросам. В ней он предстает верным последователем Адама Смита. Он доказывает, что основу богатства нации составляют товары, которые она производит, что любые экономические ограничения, даже вызванные политическими или медицинскими

ми причинами, ведут к снижению предпринимательской активности, что быстрый рост производства и уровня жизни Викторианской эпохи был достигнут исключительно на основе и благодаря полностью свободной, нерегулируемой экономике. Этические или религиозные нормы, как бы они ни были правильны сами по себе, неприменимы в экономической деятельности и экономическом анализе. Производство, продажа, потребление есть вещи абсолютно практические и утилитарные, экономика – это саморегулирующаяся система, попытка контролировать ее или перестроить на основе какой-нибудь отвлеченной философской идеи обречена на провал.

Экономические взгляды Бенна прекрасно объясняют и его подходы к социальным вопросам. Проблему безработицы, например, он считает созданной искусственно. «В теории безработицы не может быть. Пока существуют потребности, существует работа, а поскольку потребности будут существовать всегда, всегда, поэтому, будет работа» [5. Р. 104]. Истинные причины безработицы – правительственная политика, стремление регулировать экономику, государственные законы и профсоюзные правила, ограничения и бюрократизация, сдерживающие частную инициативу. Еще один фактор, стимулирующий безработицу, – привлекательность пособий, стремление добиться которых создает новые, ранее несуществовавшие категории безработных: сезонные работники, замужние женщины, подростки и иждивенцы. Лучший способ борьбы с безработицей для сэра Эрнеста – это создание условий для свободной частной инициативы и поощрение потребления, которые быстрее всех правительственных программ сумеют создать новые рабочие места. Резко выросшая во время Великой депрессии безработица рассматривалась им только как дополнительное подтверждение его идей [6. Р. 5–14].

В этом же ключе Бенн рассматривает и проблему ликвидации трущоб и строительства нового жилья. С конца XIX в. в Великобритании действовали различные программы, предполагавшие государственное финансирование строительства жилья муниципальными органами. Эта система подвергается в работе жесткой критике. Муниципальное жилье настолько дорого и строится настолько медленно, что простой подсчет, проведенный Бенном, демонстрирует: при сохранении нынешних темпов строительства каждая семья в Соединенном Королевстве будет обеспечена новым жильем через каких-нибудь сто лет. Бюрократизация и излишняя регламентация сферы жилищного строительства отпугивают от нее частных предпринимателей, в результате страна теряет инвестиции и рабочие места. Проблему, с точки зрения сэра Эрнеста, могут решить только почти полный уход государства из этой сферы (с сохранением минимальных функций санитарного контроля) и возвращение туда частного капитала по образцу США [5. Р. 137–152].

Большое внимание в работе Бенн уделяет проблеме образования. В Великобритании уже давно действовала

система обязательного среднего образования (в 20-е гг. – семилетнего) с большим количеством государственных и муниципальных школ, существовавших наряду с сохранявшимися элитными частными учебными заведениями. Однако система государственного образования, с точки зрения Бенна, совершенно неэффективна. Он пишет, что семь лет пребывания в школе рассматриваются во многих рабочих семьях как принудительная повинность, которую надо отбыть, а в идеале – избежать, что выпускники школ не владеют ни грамотной устной и письменной речью, ни элементарными навыками счета. «Как издатель, – продолжает Бенн, – я могу быть пристрастен, но я всегда думаю: мне дано право жаловаться на то, что наши расходы на образование не создают любящую книги публику. Мы – самая плохо читающая нация во всем цивилизованном мире» [5. Р. 129]. Профессия учителя средней школы не престижна и лишает перспектив карьерного роста. В поисках выхода из сложившейся ситуации сэр Эрнест опять обращается к опыту Соединенных Штатов, где получение образования гораздо более популярно и широко распространено. Снова главным бичом системы Бенн считает централизованный государственный контроль и распределение финансов. Надо, указывает он, передать контроль за школами и расходованием средств на муниципальный уровень, на котором все можно организовать гораздо эффективнее, кроме того, надо предоставить государственным школам возможность привлечения частных средств. Полезным Бенн считает также создание ситуации определенной конкуренции между школами, которая заставит их бороться за учеников, совершенствовать уровень подготовки и повышать своей престиж.

Идеи Бенна были популярны среди консерваторов, хотя и не всегда в такой крайне индивидуалистической форме. Близкий Бенну взгляд на социальные проблемы представлен в работах члена парламента от Консервативной партии лорда Юстаса Перси. Юстас Перси (1887–1958) принадлежал к самому высшему слою британской аристократии – сын 7-го герцога Нортумберленда, внук 8-го герцога Аргайлла и племянник зятя королевы Виктории, Юстас Перси был тем не менее только седьмым сыном в семье и никаких прав на семейные титулы, соответственно, не имел. Вершиной его политической карьеры были посты министра образования и министра без портфеля в правительствах Болдуина. После отставки и почти до конца жизни он занимал должности ректора Кингз-колледжа и вице-канцлера Даремского университета.

Получив в третьем правительстве Болдуина пост министра без портфеля, Перси оказывал существенное влияние на его политический курс, за что журналисты прозвали его «министр размышлений». В этой должности он в 1935 г. принял участие в сборнике «Консерватизм и будущее», в котором разные авторы формулировали свое видение разных направлений консервативной политики. Для этой книги лорд Юстас подготовил

статью «Консервативная позиция и консервативная социальная политика», которая помещена в сборнике в самом начале, опережая все рассуждения об экономике, внешней политике и империи, что уже само по себе свидетельствует о важности социальной темы.

В статье Перси рассуждал об особенностях английского консерватизма, указывая на его реформаторский характер, причем первые примеры консервативных социальных реформ он находил даже не в деятельности правительства Дизраэли, а в политике великого герцога Тосканского Петра-Леопольда. Он тщательно перечислил все крупные социальные преобразования последних десятилетий и признал важность роли государства в их осуществлении. Он указал, что современные социальные проблемы были созданы еще в эпоху промышленного переворота, следствием которого было появление класса оторванных от собственности, живущих на зарплату и не заинтересованных в результатах своего труда рабочих, превращавшихся в бедняков в случае возникновения проблем экономического или же семейного характера. Великую депрессию он оценивал как социально-экономическую катастрофу, сравнимую по значению и масштабам перемен с промышленным переворотом, и полагал, что это весомый повод для активизации социальных преобразований [7. Р. 4–18].

Однако целью государственной социальной политики для лорда Юстаса было не решение проблем современных бедных, а создание общества экономически самостоятельных и политических независимых собственников: «Социальные преобразования действительно могут требовать в этот момент беспрецедентных усилий центральных властей, но целью этих усилий должно быть не создание новой долговременной системы правительственного регулирования, а начало новой эры индивидуальной свободы» [Ibid. Р. 38]. Иначе говоря, целью социальной политики правительства должно быть создание условий, в которых люди смогут самостоятельно решать свои проблемы. Перси не отрицал в принципе социальную деятельность государства. Он просто считал, что она не должна быть чрезмерной. Слишком сильное вмешательство государства в жизнь общества создает, по его мнению, основы для тоталитаризма. Идеальный вариант – это соблюдение разумного баланса между государственной активностью и деятельностью общественных организаций и конкретных индивидуумов.

Поэтому Перси, например, критиковал централизованную и стандартизированную систему государственного школьного образования, считая, что она ведет к формализму, навязыванию государственной идеологии и совершенно не дает молодежи практических навыков для взрослой жизни. Лорд Юстас выступал за сочетание множества типов школ: частных, муниципальных и государственных, школ, которые будут давать классическое образование и готовить к поступлению в университеты, и школ, которые будут ориентированы на профессиональную или техническую подготовку с

ограниченным преподаванием общенаучных дисциплин в старших классах. Главными средствами решения вопроса о безработице для него были развитие экономики, создание новых рабочих мест, а также совершенствование и распространение профессионального образования, позволяющего работникам повышать квалификацию и занимать более конкурентоспособные позиции на рынке труда [8. Р. 115–142]. Также лорд Юстас критиковал фактическую монополию муниципальных органов в сфере строительства малобюджетного жилья. Перси предлагал привлекать в эту сферу частных инвесторов, застройщиков и поощрять рабочих на самостоятельное улучшение жилищных условий. Приобретение рабочими жилья было бы для них не только хорошим вложением капитала, но и превращало бы их в ответственных собственников [7. Р. 25–35].

Однако в конце 20-х гг. в рядах Консервативной партии возникло и другое течение, представители которого стремились занять в вопросах социальной политики позицию значительно левее той, что предлагал Болдуин. Под влиянием тех же событий – конфликта шахтеров с владельцами угледобывающих предприятий, закончившегося всеобщей стачкой 1926 г., и попыток правительства урегулировать ситуацию – левые консерваторы стали развивать идеи активного государственного вмешательства в социально-экономические отношения. Впервые они заявили о себе в 1927 г., выпустив книгу «Промышленность и государство: консервативная точка зрения». Ее соавторами выступили четыре молодых политика, в первый раз избранные в палату общин совсем недавно – в 1924 г. Трое из них были капитанами Первой мировой войны: Гарольд Макмиллан (1894–1986) – после войны младший партнер книгоиздательского дома «Макмиллан», Джон Лодер (1895–1970) – чиновник Министерства иностранных дел и Лиги Наций и Оливер Стэнли (1896–1950) – младший сын 17-го лорда Дерби и барристер «Грейз инна». Самым младшим из них был сын банкира и партнер одной из брокерских фирм Роберт Бутби (1900–1986).

Одной из главных проблем своего времени авторы книги «Промышленность и государство» считали крупные трудовые конфликты, которые подрывают экономику и обостряют социальные отношения в целом. Такие серьезные столкновения труда и капитала, какие произошли в 1926 г., толкают страну к социализму, который многие лейбористы предлагают как альтернативу современной экономической модели. Единственным способом противостоять этим разрушительным тенденциям и медленному скатыванию страны к социализму авторы книги считали государственное вмешательство в социально-экономические отношения. Две наиболее популярные тогда экономические модели – *laissez-faire* и марксистский социализм – отвергались ими как практически нереализуемые. Экономический индивидуализм, понимаемый как полное

невмешательство государства в социально-экономические отношения, они считали теоретической конструкцией, никогда не существовавшей на практике в чистом виде. В современной же ситуации серьезных трудовых конфликтов государственное невмешательство не только не полезно, но и попросту вредно, так как провоцирует хаос и насилие. Социализм, понимаемый как полностью огосударствленная и централизованная экономика, также представлялся авторам не осуществимой на практике конструкцией, так как организация эффективного управления такой огромной структурой невозможна и экономика в принципе не может развиваться без частной предпринимательской инициативы, которая в данной системе не предусмотрена [9. Р. 13–19].

Проложить путь между индивидуализмом и социализмом было для авторов книги одной из главных задач современного консерватизма, и этот путь проходил по дороге государственного регулирования. Авторы, видимо, очень боялись обвинений в социализме, поэтому неоднократно подчеркнули в тексте работы свое неприятие этого типа экономики. Они указывают, что цель государственной политики – не создание экономического монстра, не управление, а регулирование с целью обеспечения оптимального и эффективного существования уже сложившейся экономической модели. Авторы выделяют два направления государственного регулирования: «содействие ей (экономике. – *Н.К.*) в ее главной функции производства и продажи» и защита интересов основных экономических групп – собственников капитала, рабочих и потребителей [ibid. Р. 20].

Одной из важнейших целей государственного регулирования, таким образом, должны быть предотвращение трудовых конфликтов и урегулирование трудовых споров. В основу модели регулирования трудовых отношений должны быть положены уже опробованные в Великобритании структуры – объединенные промышленные советы и комиссии по вопросам заработной платы. Авторы книги предлагают в каждой крупной отрасли промышленности создать национальную комиссию по вопросам заработной платы, составленную на широкой представительной основе. Она должна состоять из членов, назначенных организациями предпринимателей и тред-юнионами данной отрасли, а также из назначенных министром труда представителей других предпринимательских организаций и профсоюзов. Возглавлять ее будет независимый председатель. Комиссия должна обладать широкими полномочиями в сфере регулирования трудовых отношений: она будет иметь право устанавливать ставки оплаты труда для разных категорий работников данной отрасли, ставки оплаты при сверхурочных работах, определять максимальную продолжительность рабочего дня, проверять уровень квалификации работников и соответствие этой квалификации установленной ставке заработной платы. В задачу комиссии входит решение любых трудовых споров, возникших в данной отрасли.

Решения комиссии должны утверждаться министром труда, который обладает правом отлагательного вето. Утвержденные комиссией нормы будут обязательны и включены во все трудовые контракты. Также комиссии могут брать на себя функции предоставления консультаций технического характера. Такая система позволит вовлечь тред-юнионы в конструктивный переговорный процесс, превратив их из антагонистов в партнеров, заинтересованных в эффективном развитии экономики [9. Р. 196–199].

Судьба авторов книги «Промышленность и государство» сложилась по-разному. Джон Лодер после смерти своего отца унаследовал место в палате лордов и был назначен губернатором Нового Южного Уэльса, а затем – Северной Ирландии. Политическая жизнь Роберта Бутби не была особо впечатляющей: он занимал младшие министерские должности, а потом представлял Великобританию в Совете Европы [10]. Оливер Стэнли в 30–40-е гг. получал назначения на крупные министерские посты, в том числе он был министром торговли, колоний, военным министром, но относительно рано умер. Так что самую блестящую карьеру из четверых сделал Гарольд Макмиллан.

Именно Макмиллан в 30-е гг. стал главным идеологом левого консерватизма в Великобритании. Летом 1934 г. он выступил одним из инициаторов собрания в оксфордском колледже Олл-Соулз, где было решено начать подготовку книги, которая виделась участникам собрания обширной и детализированной программой действий правительства на ближайшие пять лет. Для составления текста были сформированы два редакционных комитета: один отвечал за внутреннюю политику, другой – за внешнюю [11. Р. 374]. Через год, летом 1935 г., в преддверии всеобщих выборов, была опубликована книга «Следующие пять лет: опыт политического соглашения». Фактическими авторами текста были члены редакционных комитетов, но на книге стоят подписи ста пятидесяти двух человек, которые высказались в поддержку сформулированных в ней предложений. В их числе были политические деятели, причем не только консерваторы, профсоюзные чиновники, экономисты, писатели, философы и два епископа. Авторами раздела о внутренней политике, помимо Макмиллана, выступили Джеффри Краутер (1907–1972) – начинающий экономист и член редакции журнала «Экономист», Артур Солтер (1881–1975) – чиновник Адмиралтейства, сотрудник секретариата Лиги Наций и член совета колледжа Олл-Соулз и Хью Молсон (1903–1991) – барристер «Иннер темпла».

Весь раздел внутренней политики был посвящен исключительно социально-экономическим вопросам. Авторы книги констатировали тот факт, что в существующей ситуации система саморегулирования свободной экономики не работает. Причин этому много, это и возникновение монополий, и активная деятельность тред-юнионов, и сокращение внешней торговли. В любом случае, современная экономика не является

той идеально сбалансированной системой, какой она виделась авторам концепции *laissez-faire*, на протяжении уже многих лет ее отличительными чертами являются безработица и сокращение производства в отдельных отраслях. Единственным способом преодолеть эту кризисную ситуацию является государственное регулирование. Оно не должно быть всеобъемлющим, оно должно касаться только тех сфер экономики, где есть очевидные проблемы. «Планирование должно осуществляться в интересах общества в целом, а не в интересах отдельных социальных групп» [12. Р. 77]. Оно должно быть направлено на увеличение благосостояние всего общества.

Планирование должно осуществляться государственными органами: правительственным комитетом по планированию, состоящим из членов в ранге министров, и «экономическим генеральным штабом» – более широким консультативным органом из специалистов, представителей предпринимателей, тред-юнионов и государственных чиновников из экономических департаментов. Главной задачей этих структур должно быть не создание универсальных планов, а поиск конкретных решений проблем в отдельно взятых отраслях экономики. Например, правительство должно провести реорганизацию наиболее пострадавших от кризиса отраслей (угледобывающая, хлопчатобумажная, металлургическая), вплоть до закрытия отдельных предприятий, с тем чтобы повысить эффективность отрасли в целом. Правительство в законодательном порядке должно обеспечить общественный контроль над монополиями, а также над отраслями, имеющими большое общественное значение (железные дороги, газо- и электроснабжение и т.д.) [Ibid. Р. 84–90].

Столь же активной виделась авторам книги и социальная политика. Государство должно способствовать широкому распространению коллективных договоров, главной задачей которых будет гарантировать высокую заработную плату и менее продолжительный рабочий день (с тем, однако, чтобы это не наносило удар по эффективности отрасли). Важной задачей государства должно стать повышение социальных выплат. Это касается как пособий по безработице и потере трудоспособности, так и пенсий по возрасту. Постоянное увеличение числа лиц пожилого возраста заставляет задуматься о создании новой общенациональной системы пенсионного обеспечения, конечная цель которой будет гарантировать пенсионерам уровень жизни не меньший, чем у работающих. Возраст обязательного обучения в школе должен быть повышен до пятнадцати лет. Государство должно обратить особое внимание на качество продуктов питания, сделав дешевыми и доступными качественные продукты и в особенности обеспечив полноценное питание детей. Авторы книги также обращают внимание на необходимость решения жилищного вопроса, где главной проблемой остается доступность домов для рабочих, получающих среднюю и более низкую заработную плату. Здесь тоже необхо-

димы меры государственного вмешательства, включающие привлечение частного капитала, снабжение строительными материалами. Важным является также планирование городской застройки, которое должно обеспечить не только комфортную среду обитания, но и учесть потребности экономического развития отдельных регионов [12. Р. 50–57, 179–200].

Своеобразным итогом развития левого консерватизма в межвоенный период стала книга Гарольда Макмиллана «Средний путь: изучение проблем экономического и социального прогресса в свободном и демократическом обществе», увидевшая свет в 1938 г. В ней автор предпринял попытку подвести итоги социально-экономического развития страны за последние двадцать лет и обосновать рекомендации на будущее. Прежде всего, Макмиллан отметил, что социально-экономические трудности межвоенного периода стали результатом серьезных изменений в мировой экономике первой трети XX в., а Великая депрессия – проявление, а не причина этих проблем. Сложная ситуация в экономике заставила британское правительство отказаться от прежних идей невмешательства и перейти к политике экономического регулирования. Под влиянием экономических проблем изменилась не только правительственная политика, но и сознание людей: все больше британцев теперь полагает, что государственное регулирование – в современной ситуации единственный способ преодоления социально-экономических трудностей. При этом Макмиллан подчеркивает, что конечной целью государственного регулирования должно быть не увеличение эффективности и технической оснащенности экономики, а повышение уровня благосостояния всего общества. «Целью экономических усилий, – пишет он, – должно быть увеличение производства материальных благ и предоставление обществу возможности, в результате ширящегося процветания, увеличить свободное время и культурный потенциал всего населения» [13. Р. 11].

Повышение уровня благосостояния необходимо стране по двум причинам. Во-первых, игнорирование социальных проблем ведет к растущему недовольству, революциям и установлению тоталитарных режимов. Наоборот, активная социальная политика государства обеспечивает длительную общественную и политическую стабильность. Во-вторых, отношения общества и индивидуума в современный период все время усложняются, человек оказывается в зависимости от разнообразных экономических и общественных структур. Сегодняшний горожанин имеет очень мало возможностей для самообеспечения. Поэтому постоянно усложняются взаимные обязанности общества и индивидуума. К базовым правам индивидуума в современном обществе Макмиллан относит не только права на получение знаний, свободы слова и самовыражения, но и право на прожиточный минимум. И обязанность общества, соответственно, обеспечить эти права для всех. Оговариваясь, что не так просто посчитать прожиточ-

ный минимум в денежном эквиваленте, Макмиллан предпринимает попытку перечислить, что же должно быть включено в это понятие. Это полноценное питание, одежда, жилище, сюда же относятся право на медицинское обслуживание и школьное образование для детей и право на труд (или на соответствующее пособие, если право на труд невозможно в данный момент реализовать) для взрослых. «Обязанностью общества является создание социальной и экономической организации для постоянного выполнения этих минимальных требований», – заключает Макмиллан. Индивидуум, в свою очередь, тоже должен выполнять обязанности по отношению к обществу: он обязан работать, участвовать в программах социального страхования, способствовать обороне страны, соблюдению санитарных норм и т.п. [13. Р. 25–30].

Меры, с помощью которых можно обеспечить подобного рода социальную и экономическую организацию, подразделяются Макмилланом по двум направлениям. Во-первых, это собственно экономические мероприятия, целью которых является обеспечение эффективной экономики. Во-вторых, это меры социального характера, которые могут иметь неоднозначные, с экономической точки зрения, последствия, но необходимы для поддержания определенного уровня благосостояния.

В реализации всех этих мероприятий, естественно, высока роль государства. Оно должно таким образом организовать и направлять развитие экономики, чтобы предотвращать перепроизводство товаров в отдельных отраслях, распределять инвестиции, учитывая сбалансированные потребности разных отраслей, поддерживать высокий уровень занятости и доходов, вовремя выявлять и ликвидировать тенденции к экономическому спаду и т.д.

Важным также представлялось Макмиллану изменить систему управления в экономической сфере. Экономика должна остаться, в основе своей, частнопредпринимательской. Однако те отрасли, активное развитие которых может представлять угрозу для экономики в целом (отрасли, имеющие склонность к перепроизводству или образованию монополий), должны быть поставлены под государственный контроль. Те же отрасли, которые имеют жизненно важное значение для общества и экономики, должны быть переданы в общественную собственность, или под общественное управление, или под государственное управление с активным участием представителей общества. В результате должна получиться форма организации экономики, которую сам Макмиллан называл плановым капитализмом, вполне признавая полезность реализации на практике отдельных социалистических идей [Ibid. Р. 173–239].

В «плановом капитализме» предусматривались и меры социального характера: законодательное уста-

новление минимальной заработной платы на уровне прожиточного минимума с ежегодной ее индексацией, повышение пособия по безработице и продление срока выплаты этого пособия с возможным привлечением безработных к общественным работам, создание централизованных организаций, контролирующих закупочные и розничные цены на важнейшие продукты питания и товары первой необходимости, с возможностью использовать эти организации для оказания помощи наименее обеспеченным категориям населения [13. Р. 301–358].

Таким образом, серьезные социально-экономические проблемы межвоенного периода и необходимость конкуренции с усилившейся Лейбористской партией поставили перед консерваторами задачу выработки более активной позиции в вопросах социальной политики. Лидер Консервативной партии Стэнли Болдуин традиционно считается основателем концепции «нового консерватизма», одно из важнейших мест в которой заняли социальные положения. Однако социальная часть программы Болдуина была крайне осторожной и не содержала, по существу, ничего принципиально нового, что было вполне осознанным шагом со стороны лидера тори: он прекрасно понимал, насколько полярными были позиции его собственной партии в этой сфере. Значительная часть консерваторов продолжала придерживаться более традиционных для них идей самопомощи и ограниченного социального регулирования. Менее влиятельной была группа левых консерваторов, развивавших идеи «нового консерватизма» Болдуина в сторону углубления государственного вмешательства в социально-экономическую сферу. Их лидер, Гарольд Макмиллан, прошел путь от резкого неприятия социализма до соглашения с отдельными его идеями в конце 30-х гг. Макмиллан вполне целенаправленно уводил консервативную идеологию на позицию левее либеральной, но правее социалистической.

Заложенные в межвоенные годы подходы определили позиции Консервативной партии на многие десятилетия вперед. В левом консерватизме Макмиллана – истоки Промышленной хартии и консенсуса с лейбористами по вопросам послевоенной реконструкции. Идеи либерального консерватизма Эрнеста Бенна – предшественники тэтчеризма. Однако в более близкой исторической перспективе идеологический раскол и недостаточное внимание к социальным вопросам в практической политике партии подготовили почву для крупного поражения консерваторов на парламентских выборах 1945 г. и серьезно облегчили задачу лейбористов, боровшихся за голоса избирателей с помощью хорошо проработанной и казавшейся привлекательной программы широких социально-экономических реформ.

1. Looking Ahead: a Re-statement of Unionist Principles and Aims with Three Speeches by S. Baldwin. Westminster : National Unionist Association, 1924.
2. Baldwin S. Peace and Goodwill in Industry: Three Speeches. L. : George Allen and Unwin, 1925.
3. Baldwin S. On England and Other Addresses. L. : Philip Allan, 1933.
4. Society for Individual Freedom. URL: <http://www.individualist.org.uk/> (дата обращения: 4.11.2017).
5. Benn E.J. The Return to Laissez Faire: the Case for Individualism. L. : Ernest Benn, 1928.
6. Benn E.J. Unemployment and Work. L. : Faber and Faber, 1930.
7. Percy E.S. The Conservative Attitude and Conservative Social Policy // Conservatism and the Future. Лцтвцт ; Toronto : William Heinemann, 1935. P. 1–41.
8. Percy E.S. Democracy on Trial: a Preface to an Industrial Policy. L. : John Lane the Bodley Head, 1931.
9. Boothby R.J., Macmillan H., Loder J. Industry and the State: a Conservative View. L. : Macmillan and C^o, 1927.
10. Подвинцев О.Б. Шагающие не в ногу: из истории политической борьбы в стане британских консерваторов во второй-третьей четверти XX столетия. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999.
11. Macmillan H. Winds of Change 1914–1939. Лцтвцт ; Melbourne : Macmillan, 1966.
12. The Next Five Years: an Essay in Political Agreement. L. : Macmillan, 1935.
13. Macmillan H. The Middle Way: a Study of the Problem of Economic and Social Progress in Free and Democratic Society. L. : Macmillan and C^o, 1939.

Kruchinina Natalia A. Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). E-mail: kruchinina1832@mail.ru

BETWEEN NEW AND LIBERAL CONSERVATISM: DEBATES ABOUT THE SOCIAL PROGRAMME OF THE CONSERVATIVE PARTY OF UNITED KINGDOM IN 1920–30S

Keywords: Conservative party of United Kingdom; New Conservatism; social policy; S. Baldwin; H. Macmillan.

The article covers the theoretical approaches of the Conservatives to the social problems in interwar Britain. The author's objective is to analyze the peculiarities of the social concepts formation and evolution in British Conservative political thought in the context of the United Kingdom's socio-economic development in 1920–30s. The article is based on the philosophical, economic and journalistic works of the dominant political figures and theorists of Conservatives of that time – Stanley Baldwin, Ernest Benn, Harold Macmillan, etc., as well as their official and public speeches and memoirs. The economic hardship and social tension of the interwar period, as well as the growth of the popularity of left movements and organisations, the strongest of which was the Labour party, forced Conservatives to pay more attention to social policy. The foundations of New Conservatism were laid by then leader of the Conservative party Stanley Baldwin in 1924. He put social problems in the significant place in the party's programme. Baldwin called to the industrial peace, expansion of the system of insurance funds, encouragement of free enterprise for the economical development and creation of new workplaces. The social conception, formulated by Baldwin, was moderate enough. The leader of the party knew the attitudes of his colleges excellent and understood there was no unity of views to the problems of social policy among the Conservatives. As before there were many proponents of individualism and laissez-faire in the party. These views were pronounced in the works of the economist Sir Ernest Benn, who considered free enterprise as the basis of economic prosperity and material wellbeing and saw the causes of all social problems (unemployment, bad accommodation, poor quality of education) in superfluous state interference. The opposite view was expressed by left Conservatives and their leader of the interwar period – Harold Macmillan. He was a gifted coordinator and could united people, who shared his views. In 1920–30s he, alone or in co-authorship, published some books, where gave a detailed account of his notions of the social and economic policy of state. He believed that people had the right to living wage and only the system of the state regulation of economy and social sphere could ensure the proper level of the well-being of the society. Macmillan considered that in principle private enterprise had to remain, but grounded the concept of the planned capitalism, where state interference would guarantee economic stability and social prosperity. These two approaches laid the foundations of the Conservative social policy in the second half of the 20th century.

REFERENCES

1. Baldwin, S. (1924) *Looking Ahead: a Re-statement of Unionist Principles and Aims with Three Speeches by S. Baldwin*. Westminster: National Unionist Association.
2. Baldwin, S. (1925) *Peace and Goodwill in Industry: Three Speeches*. London: George Allen and Unwin.
3. Baldwin, S. (1933) *On England and Other Addresses*. London: Philip Allan.
4. *Society for Individual Freedom*. (n.d.) Official Website. [Online] Available from: <http://www.individualist.org.uk/>. (Accessed: 4th November 2017).
5. Benn, E.J. (1928) *The Return to Laissez Faire: the Case for Individualism*. London: Ernest Benn.
6. Benn, E.J. (1930) *Unemployment and Work*. London: Faber and Faber.
7. Percy, E.S. (1935) *Conservatism and the Future*. London; Toronto: William Heinemann. pp. 1–41.
8. Percy, E.S. (1931) *Democracy on Trial: a Preface to an Industrial Policy*. London: John Lane the Bodley Head.
9. Boothby, R.J., Macmillan, H. & Loder, J. (1927) *Industry and the State: a Conservative View*. London: Macmillan and C^o.
10. Podvintsev, O.B. (1999) *Shagayushchiye ne v nogu: iz istorii politicheskoy bor'by v stane britanskikh konservatorov vo vtoroy-tret'yey chetverti XX stoletiya* [Walking out of step: from the history of political struggle in the camp of British conservatives in the second-third quarters of the 20th century]. Perm: Perm State University.
11. Macmillan, H. (1966) *Winds of Change 1914–39*. London; Melbourne: Macmillan.
12. Macmillan, H. (ed.) (1935) *The Next Five Years: an Essay in Political Agreement*. London: Macmillan.
13. Macmillan, H. (1939) *The Middle Way: a Study of the Problem of Economic and Social Progress in Free and Democratic Society*. London: Macmillan and C^o.

УДК 94(5)
DOI: 10.17223/19988613/54/13

С.С. Сетхи, С.М. Юн

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ИНДИИ С РОССИЕЙ И ЕВРАЗИЙСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОЮЗОМ С УЧЕТОМ ВЛИЯНИЯ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ С ЕВРОСОЮЗОМ И ТУРЦИЕЙ (2014–2015 гг.)

Анализируются потенциальные направления развития торгово-экономического сотрудничества Индии и России с учетом влияния ограничений санкционных режимов в отношениях России с Евросоюзом и Турцией. В частности, рассматриваются вопросы поставок в Россию индийского продовольствия, расширения сотрудничества в сферах туризма, экспорта энергоресурсов, торговли алмазами, культуры и образования. Отдельно рассматривается вопрос заключения соглашения о зоне свободной торговли между Индией и Евразийским экономическим союзом.

Ключевые слова: Индия; Россия; Евразийский экономический союз; торговля; зона свободной торговли.

Европейский союз (ЕС) принял санкции в отношении России, по официальной версии Брюсселя, «в ответ на незаконную аннексию Крыма и преднамеренную дестабилизацию соседнего суверенного государства» [1]. Введенные санкции Евросоюз делит на 3 категории: дипломатические, индивидуальные (против лиц и организаций), экономические (запрет на экономические связи с Крымом и секторальные санкции в отношении российской экономики), причем последняя категория, по оценкам европейских экспертов, может оказать существенное воздействие на российскую экономику [2. Р. 2–3]. В ответ российское правительство ввело собственный набор контрсанкций, который включает запрет на импорт продовольствия из стран ЕС.

Кроме того, в качестве ответной меры за сбитый российский бомбардировщик, Россия в конце ноября 2015 г. ввела широкий набор санкций против Турции, включая приостановку действия режима безвизовых поездок, запрет на импорт различных видов продовольствия, на чартерные рейсы и продажу турпутевок в Турцию. Несмотря на потепление российско-турецких отношений с лета 2016 г., часть российских санкций остается в силе. В целом санкционные режимы в определенной степени ограничили торгово-экономические возможности России и актуализировали задачу диверсификации внешних связей. Соответственно, цель работы – определить, по каким направлениям санкционные режимы могут способствовать развитию экономических связей России с ее стратегическим партнером Индией.

По данным российской таможи, в 2014 г. торговый оборот между Россией и Индией составил 9,51 млрд долл. США. Индийский экспорт в Россию составил 3,17 млрд долл., российский экспорт в Индию – 6,34 млрд долл. [3]. В 2015 г. товарооборот упал на 17,7% и составил 7,8 млрд долл., в том числе 2,3 млрд долл. – индийский экспорт, 5,6 млрд долл. – российский экспорт [4]. Россия экспортировала в Индию прежде всего минеральное топливо, вооружения, алмазы, оборудование для

АЭС, удобрения, электрооборудование. Индия поставляла в Россию главным образом фармацевтическую продукцию и другие химические продукты, продовольствие (прежде всего кофе, чай, табак), отдельные виды оборудования. По данным посольства Индии в России, общий объем индийских инвестиций в Россию за 2000–2014 гг. составил 8 млрд долл., в то время как российские инвестиции в Индии составили 4 млрд долл. [5]. На ежегодном российско-индийском саммите в декабре 2014 г. обе стороны поставили амбициозную цель достичь 30 млрд долл. в двусторонней торговле и 15 млрд долл. инвестиций в каждом направлении к 2025 г. [6].

Российский запрет на импорт продовольствия из стран ЕС включает мясо, рыбу, свежие фрукты, овощи, молоко и молочные продукты. Предполагаем, что эти продукты питания возможно купить по более низким ценам у индийских поставщиков. Например, согласно данным министерства сельского хозяйства США, Индия является крупнейшим поставщиком говядины в мире. Это объясняется тем, что Индия, в которой корова является священным животным, экспортирует в больших объемах мясо азиатского буйвола. Основные рынки сбыта мяса – Вьетнам, Египет, Малайзия и Саудовская Аравия [7]. Возможный потенциал экспорта из Индии в Россию продовольствия, запрещенного для ввоза из стран ЕС, также показывают общие объемы индийского экспорта различных видов продовольствия. Например, за период с апреля 2014 по март 2015 г. Индия экспортировала мясо на 5 млрд долл., рыбу и ракообразных – на 5,2 млрд долл., овощи – на 1,2 млрд долл., фрукты и орехи – на 1,6 млрд долл. [8].

И хотя Россия запланировала покупку санкционного продовольствия в Бразилии, Аргентине, Турции и Египте, возможные поставки из Индии могли быть интересны в силу относительной географической близости и особенно после введения российских санкций против Турции. Турция являлась экспортером текстиля, пряжи, тканей, промышленных товаров, овощей и фруктов в Россию. Российско-турецкая торговля сель-

скохозияственной продукцией в 2014 г. увеличилась на 19% (до 4 млрд долл.) «благодаря» продовольственным санкциям России в отношении Евросоюза [9]. Однако все изменилось после того, как турецкими военновоздушными силами был сбит российский истребитель. Была введена лабораторная проверка российскими контролирующими органами всех сельскохозяйственных и пищевых продуктов, импортируемых из Турции, а турецкие продукты стали снимать с полок супермаркетов после проверок на предмет безопасности для здоровья.

Сильным ударом российские санкции стали для туристической отрасли Турции. Ростуризм рекомендовал приостановить продажу турпутевок в Турцию, которая в среднем зарабатывала 10 млрд долл. в год от российского въездного туризма до введения санкций [9]. В то же время туризм является еще одной перспективной сферой сотрудничества Индии с Россией с учетом того, что все больше россиян стали рассматривать страны Азии, другие страны Ближнего Востока как альтернативу Турции. Возможно, для Индии пришло время провести маркетинговую кампанию «Incredible India» («Невероятная Индия») специально для российских путешественников. Основной проблемой, которая может отпугнуть российских туристов от посещения Индии, является проблема безопасности женщин. В 2013–2015 гг. было зарегистрировано несколько случаев насилия и сексуальных надругательств над иностранными туристками в Индии. В 2015 г. британская газета «The Daily Mail» даже признала Индию самой опасной страной для иностранных путешественниц [10]. Индии необходимо быстрое и эффективное решение этой проблемы.

Еще одна сфера, благодаря которой могут вырасти объемы торговли между Индией и Россией, – поставки газа. Потенциал торговли энергоресурсами между странами является огромным. В настоящее время Индия потребляет относительно небольшой объем газа, однако значительная часть ее населения нуждается в поставках газа. Россией и Индией была создана рабочая группа для проработки технико-экономического обоснования поставок трубопроводного газа: согласно первоначальной оценке, газопровод между двумя странами может стоить около 40 млрд долл. При этом Россия и Индия могут столкнуться с проблемой определения возможного маршрута транспортировки газа. Трубопровод может пройти либо через Пакистан, либо через Китай, однако уровень доверия в отношениях с этими странами у Дели не такой, как с Москвой [11].

Россия для поставок энергоресурсов нуждается в новых рынках, таких как Индия, с учетом того, что главный покупатель российских нефти и газа Европейский союз стремится диверсифицировать источники поставок как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе. ЕС рассматривает варианты увеличения импорта газа из Норвегии, Северной Африки и Каспийского региона, чтобы уменьшить зависимость от

поставок российского газа на случай, если политические противоречия сделают это решение неизбежным. Кроме того, по мнению канадского профессора М. Чосудовского, смена режима на Украине, инспирированная государственным департаментом США, во многом предопределила провал проекта газопровода «Южный поток» стоимостью 15,5 млрд евро, который планировался для поставок 67 млрд м³ российского природного газа в Европу [12]. В результате была сделана ставка на альтернативный проект – газопровод «Турецкий поток», о котором правительства России и Турции договорились в декабре 2014 г. Однако его пропускная мощность будет в два раза ниже «Южного потока».

Еще одно, неизбежное решение России и Индии – содействовать использованию национальной валюты в двусторонних торговых расчетах, поскольку обе страны хотят снизить свою зависимость от американского доллара и тем самым снизить свои транзакционные издержки. Далее, значительно сократятся расходы на российско-индийскую торговлю алмазами благодаря реализации соглашения, подписанного между крупнейшей российской алмазной компанией «Алроса» и индийскими производителями в 2014 г. Соглашение предусматривает, что «Алроса» напрямую поставит индийским компаниям алмазы в общей сложности на 2,1 млрд долл. в течение следующих трех лет. Однако Индия получает большую часть российских необработанных алмазов через торговые площадки в Тель-Авиве, Нью-Йорке, Лондоне, Дубае и Гонконге, что повышает стоимость готовой продукции [13].

Ожидается, что стоимость товаров и услуг между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Индией снизится после того, как стороны согласуют соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ). В состав ЕАЭС входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан и Армения. Еще в 2013 г. по заказу Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), постоянно действующего регулирующего органа ЕАЭС российские исследователи из МГИМО(У) и Центра экономических и финансовых исследований и разработок провели комплексное исследование «Определение перспективных партнеров государств – членов Таможенного Союза по заключению соглашений о свободной торговле». Анализ проводился применительно к Вьетнаму, Израилю, Индии, Индонезии, Монголии, Сингапуру и Южной Корее с точки зрения влияния ЗСТ на динамику ВВП и благосостояние потребителей в Белоруссии, Казахстане и России. В отношении ЗСТ с Индией экспертные оценки были сдержанные, так как «выраженные макроэкономические выгоды для Казахстана и особенно России» будут сопровождаться «значительным... снижением показателей реального ВВП и благосостояния потребителей» в Белоруссии [14. С. 3].

Тем не менее, в июне 2015 г. была создана *совместная исследовательская группа по изучению целесообразности заключения соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Индией, состоявшая из экспертов ЕЭК, мини-*

стерств и ведомств стран ЕАЭС и Индии. По итогам ее работы в декабре 2016 г. Высший Евразийский экономический совет ЕАЭС принял решение о начале переговоров с Индией. Зона свободной торговли с ЕАЭС может облегчить Индии доступ на рынки стран Центральной Азии. Кроме того, растущее экономическое и культурное влияние Дели в странах Центральной Азии может помочь в сдерживании радикализации местного населения. Общеизвестным является утверждение, что образование и занятость ведут к сокращению радикальных настроений в обществе.

Необходимо развивать российско-индийское сотрудничество в области образования. В 2015 г. в Российской Федерации обучалось около 5 000 индийских студентов, что недостаточно, учитывая давнюю историю отношений между Индией и Россией [15]. Для сравнения: 150 тыс. индийских студентов поступили в университеты США в 2015 г. [16]. Основная причина низкого проса в Индии на обучение в российских университетах – отсутствие образовательных программ на английском языке. Большинство курсов в российских вузах преподаются на русском языке, который не популярен среди индийских студентов. Однако отсутствие стипендий для индийских студентов также является фактором низкого интереса индийских студентов к российскому образованию. Ситуация меняется по мере развития совместных исследований и семестровых программ обмена между индийскими и российскими университетами [17]. Более того, можно утверждать, что российские вузы предлагают качественное образование при более низкой стоимости обучения по сравнению с американскими или британскими вузами. Наконец, можно также отметить, что университетское

образование развивает связи между людьми, которые Россия и Индия пытаются возродить после падения Советского Союза.

Советское искусство, литература, музыка и балет были очень популярны среди индийцев, однако их влияние на индийцев ослабло после распада Советского Союза. Нынешнее правительство России должно возродить влияние своего искусства, литературы, музыки и балета так же, как это было в советское время. С другой стороны, правительство Индии стремится познакомиться с йогой, древней духовной техникой, как можно большее число россиян. Индийское руководство также заинтересовано в приглашении российских ученых, чей перевод индийских эпосов укрепляет мягкую силу Индии.

Визит премьер-министра Индии Н. Моди в Россию в 2015 г. в очередной раз напомнил мировому сообществу о том, что Россия остается ее важным партнером. Российский вице-премьер Д. Рогозин тогда заявил, что индийские производители могут заполнить пустоту, вызванную тупиком в отношениях России с Западом. Во время визита премьер-министра Индии были подписаны новые соглашения в военно-технической сфере и в сфере ядерной энергетики. Комментарий Амитабха Канта, ответственного в правительстве премьер-министра Моди за индустриализацию, – «все, что мы делаем с Россией, обязательно будет иметь компоненту «Сделано в Индии» – точно суммирует характер отношений. Готовность Москвы развивать отношения с Индией как по материальным, так и по стратегическим причинам означает, что российско-индийское партнерство является прочным и перспективным направлением [18].

ЛИТЕРАТУРА

1. EU sanctions against Russia over Ukraine crisis // Официальный сайт Европейского союза. URL: https://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu-sanctions-against-russia-over-ukraine-crisis_en (дата обращения: 12.06.2018).
2. Emerson M. The EU-Ukraine-Russia Sanctions Triangle // Centre for European Policy Studies. CEPS Commentary. 13 October 2014. URL: <https://www.ceps.eu/system/files/CEPS%20Commentary%20Sanctions%20Triangle%2C%20M%20Emerson%20%281%29.pdf> (дата обращения: 14.06.2018).
3. Торговля между Россией и Индией в 2014 г. // Внешняя торговля России. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-04/torgovlyamezhdu-rossiey-i-indiey-v-2014-g/> (дата обращения: 14.06.2018).
4. Торговля между Россией и Индией в 2015 г. // Внешняя торговля России. URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-05/torgovlyamezhdu-rossiey-i-indiey-v-2015-g/> (дата обращения: 15.06.2018).
5. Двусторонние отношения между Индией и Россией // Посольство Индии. URL: <http://www.indianembassy.ru/index.php/ru/2013-07-06-11-02-37/2013-07-06-10-56-05> (дата обращения: 14.06.2018).
6. Совместное заявление Дружба–Дости: план по укреплению российско-индийского партнерства в течение следующего десятилетия, 11 декабря 2014 года // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4790> (дата обращения: 14.06.2018).
7. Harrison V. Holy cow! India is the world's largest beef exporter // CNN Money. URL: <http://money.cnn.com/2015/08/05/news/economy/india-beef-exports-buffalo/> (дата обращения: 14.06.2018).
8. India Export Import Trade Statistics // InfodriveIndia. URL: <http://www.infodriveindia.com/export-import/trade-statistics.aspx> (дата обращения: 14.06.2018).
9. Hille K. Russia retaliates against Turkey with range of trade sanctions // The Financial Times. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/f95890e8-9436-11e5-bd82-c1fb87bef7af.html#axzz3wOh1z5DY> (дата обращения: 14.06.2018).
10. Sex attacks, muggings and harassment: World's most dangerous holiday destinations for women (and some of the places may surprise you) // The Mail Online. URL: http://www.dailymail.co.uk/travel/travel_news/article-2960567/Most-dangerous-holiday-destinations-women.html (дата обращения: 15.06.2018).
11. Mahapatra D.A. Russia-India gas pipeline faces several constraints // Russia Beyond. URL: http://in.rbth.com/economics/2014/08/12/russia-india_gas_pipeline_faces_several_constraints_37417 (дата обращения: 15.06.2018).
12. Chossudovsky M. Impacts of Turkey's Aggression against Russia. The "Turkish Stream" is Dead. Disruption of Gas Pipeline Routes to the EU. Russia's Economy in Crisis? // Centre for Research on Globalization. – URL: <http://www.globalresearch.ca/impacts-of-turkeys-aggression-the-turkish-stream-is-dead-disruption-of-gas-pipeline-routes-to-the-eu-russias-economy-in-crisis/5491756> (дата обращения: 15.06.2018).
13. PM Narendra Modi seeks direct Indo-Russian diamond trade // The Economic Times. URL: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2014-12-12/news/56990153_1_diamond-trade-diamond-industry-alrosa (дата обращения: 15.06.2018).

14. Аннотация к результатам научно-исследовательской работы на тему «Определение перспективных партнеров государств – членов Таможенного Союза по заключению соглашений о свободной торговле» // Евразийская экономическая комиссия. 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/35/18_12_2013_annot.pdf (дата обращения: 15.06.2018).
15. Belli A. For Indian students, It is Time to Study in Russia // Russia Beyond. URL: http://in.rbth.com/society/2015/05/20/for_indian_students_it_is_time_to_study_in_russia_43225 (дата обращения: 15.06.2018).
16. US universities see 32% increase in Indian enrolment in 2015 // ICEF Monitor. URL: <http://monitor.icef.com/2015/09/us-universities-see-32-increase-in-indian-enrolment-in-2015/> (дата обращения: 15.06.2018).
17. Haidar S. Pranab's Moscow visit to boost India-Russia education ties // The Hindu. URL: <http://www.thehindu.com/news/national/pranabs-moscow-visit-to-boost-indiarussia-education-ties/article7184061.ece> (дата обращения: 15.06.2018).
18. Chaulia S. India's Modi comes to Russia – with love? // Russia Today. URL: <https://www.rt.com/op-edge/326863-india-modi-russia-putin/> (дата обращения: 15.06.2018).

Sethi Supreet S., Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sunsethiz@gmail.com

Yun Sergey M., Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: yun@dir.tsu.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INDIA'S ECONOMIC TIES WITH RUSSIA AND THE EURASIAN ECONOMIC UNION, TAKING INTO ACCOUNT THE IMPACT OF SANCTIONS REGIMES IN RUSSIA'S RELATIONS WITH THE EUROPEAN UNION AND TURKEY (2014-2015).

Keywords: India, Russia, Eurasian Economic Union, trade, free trade agreement.

The aim of the research is to suppose in what way the restrictions due to mutual sanctions between Russia, on the one hand, and the European Union and Turkey, on the other, can contribute to the development of Russia's economic ties with its strategic partner India. For this aim the paper, in particular, focuses on the supply of Indian food to Russia, cooperation between Russia and India in tourism, energy exports, diamond trade, culture and education. The prospect for the conclusion of an agreement on a free trade zone between India and the Eurasian Economic Union (EAEU) is analyzed as well. To write the paper official materials of Russian and Indian government agencies, as well as information materials of Russian and foreign mass media were used.

The research reached the following conclusions. The supply of Indian food to Russia is a promising area of cooperation. India exports meat, fish and crustaceans, vegetables, fruits and nuts. Another promising area is tourism. More and more Russians have begun to consider countries in Asia and the Middle East as an alternative to Turkey. However, to become a magnet for Russian tourists India has to provide security for foreign female tourists. Gas supplies might also increase volumes of trade between India and Russia. The potential for energy trade between the countries is enormous. But Russia and India still need to find a feasible gas transportation route. Russia and India decided to promote the use of national currencies in bilateral trade, since both countries want to reduce their dependence on the US dollar and thereby their transaction costs. It is also important for both countries to switch to direct supplies of Russian diamonds to India.

A free trade agreement (FTA) between India and the Eurasian Economic Union could promote trade between Russia and India. In 2015 and 2016 a joint research group prepared a feasibility study on a FTA between the EAEU and India. In December 2016 the EAEU Supreme Eurasian Economic Council decided to start formal negotiations with India, based on the results of the study.

Russia and India also need to develop cooperation in education and culture.

Prime Minister Narendra Modi's visit to Russia in 2015 led to the signing of new agreements and once again confirmed the parties' desire to deepen the strategic partnership.

REFERENCES

1. EU. (n.d.) *EU sanctions against Russia over Ukraine crisis*. [Online] Available from: https://europa.eu/newsroom/highlights/special-coverage/eu-sanctions-against-russia-over-ukraine-crisis_en. (Accessed: 12th June 2018).
2. Emerson, M. (2014) *The EU-Ukraine-Russia Sanctions Triangle*. [Online] Available from: <https://www.ceps.eu/system/files/CEPS%20Commentary%20Sanctions%20Triangle%2C%20M%20Emerson%20%281%29.pdf>. (Accessed: 14th June 2018).
3. Russian Foreign Trade. (2016a) *Torgovlya mezhdru Rossiyei i Indiyey v 2014 g.* [Trade between Russia and India in 2014]. [Online] Available from: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-04/torgovlya-mezhdru-rossiyei-i-indiyei-v-2014-g/>. (Accessed: 14th June 2018).
4. Russian Foreign Trade. (2016b) *Torgovlya mezhdru Rossiyei i Indiyey v 2015 g.* [Trade between Russia and India in 2015]. [Online] Available from: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2016-05/torgovlya-mezhdru-rossiyei-i-indiyei-v-2015-g/>. (Accessed: 15th June 2018).
5. Embassy of India. (2013) *Dvustoronnnyye otnosheniya mezhdru Indiyey i Rossiyei* [Bilateral relations between India and Russia]. [Online] Available from: <http://www.indianembassy.ru/index.php/ru/2013-07-06-11-02-37/2013-07-06-10-56-05>. (Accessed: 14th June 2018).
6. Administration of the President of Russia. (2014) *Sovmestnoye zayavleniye Druzhba–Dosti: plan po ukrepleniyu rossiysko-indiyskogo partnerstva v techeniye sleduyushchego desyatiletiya, 11 dekabrya 2014 goda* [Joint Statement Friendship-Dosti: a plan to strengthen the Russian-Indian partnership for the next decade, December 11, 2014]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/4790>. (Accessed: 14th June 2018).
7. Harrison, V. (2015) *Holy cow! India is the world's largest beef exporter*. [Online] Available from: <http://money.cnn.com/2015/08/05/news/economy/india-beef-exports-buffalo/>. (Accessed: 14th June 2018).
8. Infodriveindia.com. (n.d.) *India Export Import Trade Statistics*. [Online] Available from: <http://www.infodriveindia.com/export-import/trade-statistics.aspx>. (Accessed: 14th June 2018).
9. Hille, K. (2015) *Russia retaliates against Turkey with range of trade sanctions*. [Online] Available from: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/f95890e8-9436-11e5-bd82-c1fb87bef7af.html#axzz3wOh1z5DY>. (Accessed: 14th June 2018).
10. Wain, N. & pemberton, B. (2015) *Sex attacks, muggings and harassment: World's most dangerous holiday destinations for women (and some of the places may surprise you)*. [Online] Available from: http://www.dailymail.co.uk/travel/travel_news/article-2960567/Most-dangerous-holiday-destinations-women.html. (Accessed: 15th June 2018).
11. Mahapatra, D.A. (2014) *Russia-India gas pipeline faces several constraints*. [Online] Available from: http://in.rbth.com/economics/2014/08/12/russia-india_gas_pipeline_faces_several_constraints_37417. (Accessed: 15th June 2018).
12. Chossudovsky, M. (2015) *Impacts of Turkey's Aggression against Russia. The "Turkish Stream" is Dead. Disruption of Gas Pipeline Routes to the EU. Russia's Economy in Crisis?* [Online] Available from: <http://www.globalresearch.ca/impacts-of-turkeys-aggression-the-turkish-stream-is-dead-disruption-of-gas-pipeline-routes-to-the-eu-russias-economy-in-crisis/5491756>. (Accessed: 15th June 2018).
13. Economic Times. (2014) *PM Narendra Modi seeks direct Indo-Russian diamond trade*. [Online] Available from: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2014-12-12/news/56990153_1_diamond-trade-diamond-industry-alrosa. (Accessed: 15th June 2018).
14. Anikiev, A.V. (2013) *Annotatsiya k rezul'tatam nauchno-issledovatel'skoy raboty na temu "Opredeleniye perspektivnykh partnerov gosudarstv-chlenov Tamozhennogo Soyuza po zaklyucheniyyu soglasheniy o svobodnoy trgovle"* [Annotation to the results of research work on the topic "De-

- termination of prospective partners of the Customs Union member states for concluding agreements on free trade”]. [Online] Available from: http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/35/18_12_2013_annot.pdf. (Accessed: 15th June 2018).
15. Belli, A. (2015) *For Indian students, It is Time to Study in Russia*. [Online] Available from: http://in.rbth.com/society/2015/05/20/for_indian_students_it_is_time_to_study_in_russia_43225. (Accessed: 15th June 2018).
 16. ICEF Monitor. (2015) *US universities see 32% increase in Indian enrolment in 2015*. [Online] Available from: <http://monitor.icef.com/2015/09/us-universities-see-32-increase-in-indian-enrolment-in-2015/>. (Accessed: 15th June 2018).
 17. Haidar, S. (2015) *Pranab's Moscow visit to boost India-Russia education ties*. [Online] Available from: <http://www.thehindu.com/news/national/pranabs-moscow-visit-to-boost-indiarussia-education-ties/article7184061.ece>. (Accessed: 15th June 2018).
 18. Chaulia, S. (2015) *India's Modi comes to Russia – with love?* [Online] Available from: <https://www.rt.com/op-edge/326863-india-modi-russia-putin/>. (Accessed: 15th June 2018)

УДК 94(55)
DOI: 10.17223/19988613/54/14

А.Ш. Хакимов

«ГЕРОИЧЕСКАЯ ГИБКОСТЬ» – НОВАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ИРАНА

Рассматривается новый внешнеполитический курс Ирана, сложившийся после прихода к власти президента Хасана Роухани, а также анализируется новая тактика, предложенная верховным лидером Ирана Али Хаменеи, так называемая героическая гибкость, которая была озвучена 17 сентября 2013 г. Помимо этого, автором исследуются исторические корни возникновения тактики «героическая гибкость» и ее эволюция в иранской политике. Статья написана на основе материалов официальных сайтов верховного лидера Ирана и президента.

Ключевые слова: верховный лидер; «героическая гибкость»; Иран; Хасан Роухани.

Особое место в современной мировой политике занимает процесс достижения и подписания Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД, по-персидски «Барджом») между странами так называемой шестерки (Великобритания, Германия, Китай, Россия, США и Франция) и Ираном. Данное соглашение имеет революционный характер для дальнейшего политического развития Ирана. СВПД – это мощный толчок для улучшения положения страны как на международной арене, так и для экономического и политического положения внутри государства.

Проблема Иранской ядерной программы возникла в 2003 г., когда сотрудники Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) на атомной станции Ирана обнаружили материалы, предназначенные для обогащения урана. Однако после двух лет расследования в 2005 г. эксперты МАГАТЭ согласились с объяснением, которое дали этому случаю иранские власти: следы обогащенного урана оказались на оборудовании, закупленном в Пакистане [1]. После этого США и европейские страны обвинили иранское правительство в попытке создания ядерного оружия. Израиль, как самый близкий союзник Соединенных Штатов Америки на Ближнем Востоке, разработал план налетов на ядерные центры Ирана. Также израильские лидеры надеялись на то, что они смогут уничтожить исследовательские центры Ирана и с его ядерной программой будет покончено. У израильтян такой опыт уже был, когда они в 1981 г. бомбили иракские ядерные центры [2]. Но Иран отрицал обвинения в свой адрес и заявлял, что его ядерная программа преследует мирные цели.

Как известно, в Иране главой государства является верховный лидер (вилоятулфакех), аятолла (Высший религиозный статус в шиизме) Али Хаменеи (с 1989 г.). Президент несет ответственность за правительство и не может принимать какие-либо существенные решения по внутренним и внешним вопросам без согласия верховного лидера [3].

Переговоры между Ираном и странами так называемой тройки (Великобритания, Германия и Франция) начинались в 2004 г. Тогда, Запад предложил матери-

ально-техническую помощь иранцам взамен на прекращение ядерной программы [1]. Примечательно, что иранскую группу во время переговоров возглавлял член Высшего совета безопасности Ирана (представитель от Али Хаменеи) Хасан Роухани. Он уже тогда показал себя как умеренного политика и дипломата, который может пойти на компромисс. В результате переговоров были достигнуты некоторые успехи в 2005 г. [Там же].

Однако после президентских выборов в 2005 году, новый президент, представитель консерваторов Махмуд Ахмадинежад, будучи сторонником жесткой внешней политической линии, приостановил процесс переговоров с Западом. В годы его правления (2005–2013 гг.) не было достигнуто прогресса в переговорах между Ираном и Западом, а напротив, Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял четыре пакета международных санкций и эти санкции имели очень негативные последствия для экономики страны [4]. Сложная экономическая ситуация и народные митинги в 2009 г. (с обвинениями правительства в фальсификации результатов выбора президента) не могли не беспокоить высшую государственную власть в Иране. Недовольство населения увеличивалось с каждым годом.

Важно отметить, что в подготовке иранского населения для ознакомления с процессом переговоров по ядерной программе очень важную роль сыграли иранские СМИ. В последние годы президентства М. Ахмадинажада консервативные газеты стали резко осуждать его форму социальной и экономической политики, обвиняя в неэффективности, хотя ранее полностью его поддерживали [5]. Но главной причиной ухудшения экономического положения явились западные санкции. Вопрос снятия санкций и переговоров с Западом зависел только от верховного лидера, но СМИ, близкие к нему, пытались во всем обвинить правительство Ахмадинажада.

Чтобы предотвратить ухудшение экономического и социального положения иранских граждан, а также улучшить взаимоотношение Ирана с внешним миром, было необходимо, чтобы президентом стал политик с

мирными и реформаторскими взглядами. Именно так политиком считался Хасан Роухани.

На выборах 15 июня 2013 г. Хасан Роухани набрал большее количество голосов и стал седьмым президентом в Исламской Республике Иран [6]. Его выборными обещаниями стали как улучшение отношений с внешним миром, так и экономической ситуации в стране. В своей инаугурационной речи Роухани отметил, что одной из важнейших задач его деятельности является построение равноправных отношений с Западом и разрешение проблем ядерной программы [7]. Но начало переговоров с западными странами зависело теперь от верховного лидера Али Хаменеи.

17 сентября 2013 г. в своем выступлении перед начальниками Генерального штаба Корпуса стражей исламской революции, Али Хаменеи заявил, что он не против переговоров с Западом, если это будет в рамках тактики «героическая гибкость» [8]. Использование им словосочетания «героическая гибкость» (по-персидски «нармаш-е кахрамонан») означало, что на переговорах с Соединенными Штатами и пятью другими мировыми державами он следует примеру Хасана (второго имама шиитов). Хаменеи часто говорил, что принимая свои политические решения, он опирается на примеры ранней исламской истории. «Я не против правильных политических шагов в дипломатии», – сказал Хаменеи, – «я верю в то, что было описано много лет назад как “героическая гибкость”. В некоторых случаях гибкость позитивна и очень полезна» [Там же].

Но Хаменеи также изложил параметры переговоров: «Борец иногда проявляет гибкость по техническим причинам», – сказал он. – «Но он не должен забывать, кто его противник и враг» [Там же]. Используя фразу «героическая гибкость» и повторяя ее несколько раз с тех пор Хаменеи пытался обеспечить богословское оправдание возможности сближения с западными противниками Ирана.

В 1969 г. Али Хаменеи, будучи 30-летним младшим священнослужителем, перевел книгу Шейха Рази аль Ясина «Мир имама Хасана» с арабского на фарси. Он рассказал историю второго имама шиитского ислама Хасана (625–670 гг.), старшего сына Али (первого шиитского имама). Хасан заявил о праве на халифат после убийства своего отца в 661 г. и объявил войну против тогдашнего халифа Муавии. Понимая, что не сможет победить халифа в открытой схватке, он принял мирное соглашение, которое предотвратило новую войну между возникающими суннитскими и шиитскими сектами. Впоследствии Хаменеи написал книгу «Самая великолепная героическая гибкость в истории» [9]. Хаменеи также использовал эту фразу в 1996 г., во время второго срока президента Акбара Хашеми Рафсанджани на встрече с официальными лицами министерства иностранных дел. Высший лидер сказал: «Политические посланники Ирана в мире должны быть острее, чем меч, мягче, чем паутина, и крепче, чем камень и отожженная сталь. Внешние политические де-

ла – это арена героической гибкости» [10]. Он выступил с речью в период, когда отношения между Исламской республикой и ЕС были напряжены до предела в результате ряда спонсируемых государством убийств иранских оппозиционеров по всей Европе, включая убийство бывшего премьер-министра Шапура Бахтияра в 1991 г.

Критики верховного лидера видели в его политике отступление Ирана от ранних политических позиций. В 2000 г. Хаменеи заявил, что никто не смог бы заставить прийти Иран к доктрине имама Хасана о «героической гибкости»: «Они (Запад) не могут навязать такой мир, как мир имама Хасана в исламском мире. Здесь, если противник оказывает слишком сильное давление, то произойдет такая же ситуация, как и на равнинах Кербале» (Хоссейн ибн Али (626–680), брат имама Хасана, и третий имам шиитов, был убит на равнинах Кербеле вместе с 72 последователями от рук сына Муавии Йезида. С тех пор он является символом мученичества и сопротивления у шиитов) [11].

Используя тактику «героическая гибкость», верховный лидер не только достиг своих целей (частичное снятие санкций), но и показал себя перед иранским народом как истинный факех (богослов) и тактик. Али Хаменеи четко продемонстрировал, что проявление гибкости с противником оправдано в определенных обстоятельствах.

Используя параллель из истории шиитов, для обсуждения возможности проявления гибкости в ядерных переговорах, Хаменеи, возможно, не столько обращался к зарубежной аудитории, сколько к собственному населению, чтобы убедить его в том, что гибкость в ядерных переговорах не противоречит интересам Ирана. Таким образом, не может быть совпадением то, что он сделал эти замечания на собрании высшего руководства Корпуса стражей исламской революции.

Доктрина «героическая гибкость» дала шанс реформаторам в Иране по некоторым аспектам достичь своих целей. В стране идет борьба между условно называемыми «консерваторами» и «реформаторами». Так, например, после приезда Х. Роухани из Нью-Йорка, где он выступал в ГА ООН и после телефонного разговора с президентом США Бараком Обамой, в аэропорту Тегерана его закидали яйцами и обувью. Консерваторы обвинили его в сотрудничестве с США и в отходе от принципов исламской революции. Консервативные СМИ также с критикой всегда относились к правительству Х. Роухани [12]. Следует отметить, что для внешней политики Ирана вопросы отношений с Соединенными Штатами всегда имели принципиальное значение [13]. В свое время непоследовательная политика США во многом способствовала возникновению исламской революции [14].

Основные предложения Ирана по вопросу ядерной программы были объявлены в сентябре 2013 г. на Генеральной Ассамблее ООН. Ход иранских переговоров с «Шестеркой» (2013–2015 гг.) носил очень серьезный

характер, но стороны все же смогли пойти на компромисс в результате которого 14 июля 2015 г. в Вене был подписан СВПД [15]. Несмотря на то что роль Хасана Роухани была очень велика в достижении СВПД, без согласия верховного лидера Али Хаменеи данного соглашения могло и не быть. Об этом и упомянул Хасан Роухани в своем послании к правительству 16 июля 2015 г. [16].

Анализируя ход переговоров, можно сделать вывод о том, что СВПД является историческим соглашением

для Ирана. Он показывает пример эффективной политики, и дипломаты могут использовать этот опыт в сфере разрешения подобных ситуаций, например таких, как возникшая и не решенная в настоящее время проблема ядерной программы Северной Кореи. Иран продемонстрировал миру новую дипломатию, «героическую гибкость», предложенную верховным лидером Али Хаменеи, которая открыла новые возможности Ирана во внешней политике и главным образом, в отношениях с Соединенными Штатами Америки.

ЛИТЕРАТУРА

1. حسن روحانی URL: <http://asrdiplomacy.ir/wp-content/uploads/2017/03/امنيت-ملی-و-دیپلماسی-هسته-ای.pdf> (дата обращения: 13.12.2017).
2. 1981: Israel bombs Baghdad nuclear reactor. URL: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/june/7/newsid_3014000/3014623.stm (дата обращения: 21.12.2017).
3. Конституция Исламской Республики Ирана / русский перевод. URL: http://legalportal.am/download/constitutions/105_ru.pdf (дата обращения: 01.04.2016).
4. Кулагина Л.М. Внешняя политика Ирана после президентских выборов 2005 г. Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=4131> (дата обращения: 21.11.2017).
5. بزرگترین اشکال احمدی‌نژاد قانون‌گیزی است/ حماسه اقتصادی یعنی اقتصاد منهای نفت URL: <https://www.mehrnews.com/news/2026707/> (дата обращения: 21.12.2017).
6. حسن روحانی رییس جمهور منتخب URL: http://rouhani.ir/event.php?event_id=94 (дата обращения: 21.12.2017).
7. متن و فیلم کامل سخنرانی دکتر روحانی در مراسم تحلیف URL: http://rouhani.ir/event.php?event_id=120 (дата обращения: 21.12.2017).
8. بیانات در دیدار فرماندهان سپاه پاسداران انقلاب اسلامی URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=24033> (дата обращения: 25.11.2017).
9. صلح امام حسن علیه‌السلام، پرشکوه‌ترین نرمش قهرمانانه تاریخ URL: <http://farsi.khamenei.ir/others-page?id=5801> (дата обращения: 25.11.2017).
10. یدار مسئولان وزارت امور خارجه و نمایندگان سیاسی جمهوری اسلامی ایران با رهبر انقلاب URL: <http://farsi.khamenei.ir/news-content?id=17885> (дата обращения: 21.12.2017).
11. بیانات در دیدار با جوانان در مصالای بزرگ تهران URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=3003> (дата обращения: 26.12.2017).
12. استقبال-دوگانه-از-روحانی-با-کشتن-گوسفند-و-پرتاب-کفش-و-تخم‌مرغ URL: <http://www.dw.com/fa-ir/استقبال-دوگانه-از-روحانی-با-کشتن-گوسفند-و-پرتاب-کفش-و-تخم-مرغ> (дата обращения: 23.12.2017).
13. Румянцев В.П. Между реформами и репрессиями: эволюция американо-иранских отношений в XIX – первой половине XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 161–166.
14. Румянцев В.П. На перепутье: политика США в отношении Ирана на первом этапе «Белой революции» (1961–1963 гг.) // Американский ежегодник. 2015. С. 97–115.
15. Новости МИД России. Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года. URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/fr/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/1595858 (дата обращения: 26.12.2017).
16. رییس جمهوری در جلسه هیات دولت URL: <http://president.ir/fa/88140> (дата обращения: 11.09.2017).

Hakimov Azizjon Sh. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Akhiles-92@bk.ru

“HEROIC FLEXIBILITY” IS A NEW INTERNATIONAL POLITICAL DOCTRINE OF IRAN

Keywords: supreme leader; “heroic flexibility”; Iran; Hasan Rouhani.

In this article, the author examines Iran’s new foreign policy after assuming the power of President Hassan Rouhani, and also analyzes the new tactics proposed by Iran’s supreme leader Ali Khamenei “heroic flexibility”, proposed on September 17, 2013. In addition, the author explores the historical emergence of the tactics of “heroic flexibility”, its influence, development and use in politics. “Heroic flexibility” is a political tactic, thanks to which JCPOA (Joint Comprehensive Plan of Action) was reached between Iran and the countries of the so-called “six” international mediators. Using the term “heroic flexibility”, the supreme leader Ali Khamenei showed that taking his political decisions, he relies on examples of early Islamic history.

The emerging problem of Iran’s nuclear program and the first agreements with Western countries on the way to solve this problem are described. The situation of the nuclear program during Mahmoud Ahmadinejad’s presidency and the UN sanction is covered. Also, the political struggle between the so-called conservatives and reformers inside the political country, and, since Hasan Rouhani is considered a reformer, shows his struggle with the political conservative opponents, and the difficulties that appeared before the achievements of the JCPOA. The author of this article relies on the materials of the official websites of the supreme leader and the president, as well as the Iranian mass media and Hassan Rouhani’s books “National Security and Nuclear Policy”. At the conclusion of his article, the author concludes that using the tactics of “heroic flexibility”, Khamenei appeals not only to a foreign audience, but mostly to citizens of his country, convincing them that flexibility in nuclear negotiations does not contradict Iran’s interests. This is confirmed by the remarks made by Ali Khamenei at the meeting of the senior leadership of the Revolutionary Guards Corps. Thus, the author focuses on the change in Khamenei’s views from the brutal foreign policy and the reluctance to compromise in an agreement with the West, to dialogue and cooperation with him. The JCPOA has become a powerful impetus for the improvement of the situation of the country, both on the international scene, and for the economic and political situation within the state.

REFERENCES

1. Hsn Rwhāny. (2017) [Online] Available from: <http://asrdiplomacy.ir/wp-content/uploads/2017/03/امنيت-ملی-و-دیپلماسی-هسته-ای.pdf>. (Accessed: 13th December 2017).
2. BBC. (n.d.) 1981: Israel bombs Baghdad nuclear reactor. [Online] Available from: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/june/7/newsid_3014000/3014623.stm. (Accessed: 21st December 2017).
3. Iran. (n.d.) *Konstitutsiya Islamskoy Respubliki Irana* [Constitution of the Islamic Republic of Iran]. Translated into Russian. [Online] Available from: http://legalportal.am/download/constitutions/105_ru.pdf. (Accessed: 1st April 2016).

4. Kulagina, L.M. (2006) *Vneshnyaya politika Irana posle prezidentskikh vyborov 2005 g.* [Iran's foreign policy after the 2005 presidential election]. [Online] Available from: <http://www.iimes.ru/?p=4131>. (Accessed: 21st November 2017).
5. Mehr News agency. (2013) *The biggest forms of Ahmadinejad's escape are economic / economic sentiment, the economy minus oil.* [Online] Available from: <https://www.mehrnews.com/news/2026707/>. (Accessed: 21st December 2017). (In Persian).
6. Rouhani.ir. (n.d.) *Hasan Ruhani becomes President.* [Online] Available from: http://rouhani.ir/event.php?event_id=94. (Accessed: 21st December 2017). (In Persian).
7. Rouhani.ir. (n.d.) [Online] Available from: http://rouhani.ir/event.php?event_id=120. (Accessed: 21st December 2017). (In Persian).
8. Khamenei.ir. (n.d.) *Statement of the Commanders of the Revolution Guards Corps.* [Online] Available from: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=24033>. (Accessed: 25th November 2017). (In Persian).
9. Khamenei.ir. (n.d.) *The world of Imam Hasan Ali Salam, the most exciting heroic use of history.* [Online] Available from: <http://farsi.khamenei.ir/others-page?id=5801>. (Accessed: 25th November 2017). (In Persian).
10. Khamenei.ir. (n.d.) *Visit of officials of the Ministry of Foreign Affairs and Political Representatives of the Islamic Republic of Iran to the leader of the revolution.* [Online] Available from: <http://farsi.khamenei.ir/news-content?id=17885>. (Accessed: 21st December 2017). (In Persian).
11. Khamenei.ir. (n.d.) *Statements at a meeting with young people in the Great Mosque of Tehran.* [Online] Available from: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=3003>. (Accessed: 26th December 2017). (In Persian).
12. DW. (n.d.) *Double reception from Ruhani, killing sheep and throwing shoes and eggs.* [Online] Available from: <http://www.dw.com/fa-ir/astqbal-dwganh-az-rwhany-ba-kshtn-gwsfnd-w-prtab-kfsh-w-tkhmmrgh/a-17120855>. (Accessed: 23rd December 2017). (In Persian).
13. Rumyantsev, V.P. (2015) Between reforms and repressions: the evolution of the US-Iranian relations in the 19th - first half of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 161–166. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/25
14. Rumyantsev, V.P. (2015) Na pereput'ye: politika SSHA v otnoshenii Irana na pervom etape "Beloy revolyutsii" (1961–1963 gg.) [At the crossroads: US policy towards Iran at the first stage of the "White Revolution" (1961–1963)]. In: Sogrin, V.V. (ed.) *Amerikanskiy yezhegodnik* [American Yearbook]. Moscow: Editorial URSS. pp. 97–115.
15. Ministry of Foreign Affairs, RF. (2015) *Novosti MID Rossii. Sovmestnyy vseob'yemlyushchiy plan deystviy, Vena, 14 iyulya 2015 goda* [News of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Joint Comprehensive Action Plan, Vienna, July 14, 2015]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/web/guest/maps/ft/-/asset_publisher/g8RuzDvY7qyV/content/id/1595858. (Accessed: 26th December 2017).
16. President.ir. (n.d.) *President at a government meeting.* [Online] Available from: <http://president.ir/fa/88140>. (Accessed: 11th September 2017). (In Persian).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 316. 74: 002. 6(47+57) «20»
DOI: 10.17223/19988613/54/15

В.В. Шевцов, А.Н. Першиков, М.Н. Бабута

ТРАНСФОРМАЦИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ МОДЕЛИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В 50–60-е гг. XX в. (ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

*Исследование проведено при финансовой поддержке программы повышения конкурентоспособности ТПУ
среди ведущих мировых исследовательских центров.*

Анализируется проблема накопления, обработки и распространения научно-технической информации, ее адаптации к требованиям и темпам научно-технической революции. Рассматривается процесс трансформации советской информационной системы, отражаются ее структурные и функциональные сдвиги, происходившие под воздействием внешних и внутренних факторов. Делается вывод о недостаточном использовании информационного ресурса страны, указываются основные причины его сдерживания и ограничения.

Ключевые слова: коммуникации; научно-техническая революция; научно-техническая информация; трансформация.

Научно-техническая революция второй половины XX в. отличалась высокой динамикой развития и сопровождалась возрастанием информационного потока, предъявлявшего повышенные требования ко всей системе обработки, хранения, распространения и материализации полученных знаний в различных областях науки и техники. В свою очередь, информационная система, которая сложилась и действовала в предшествующие годы, оказалась ниже требований нового этапа научно-технической революции и не позволяла должным образом и своевременно использовать многие ее достижения. Качественное обновление всех сторон и элементов информационной системы становилось одной из актуальных и важных проблем для различных стран, в том числе и для СССР, который длительное время находился в информационном вакууме, а его действия в информационном пространстве часто подменялись партийной пропагандой, без практического материально-технического и научного обеспечения. Подобного рода информационное поле не соответствовало вызовам и требованиям научно-технической революции и взятому во второй половине 50-х гг. курсу на техническую модернизацию промышленности [1. С. 435–438].

Научно-техническая информация как фактор технического прогресса не могла не вызывать исследовательского интереса. В отечественной историографии он проявился в 1960–1980-х гг. в виде, главным образом, историко-партийных публикаций о научно-технической политике коммунистической партии или ее идеологической работе, направленной на активизацию потенциала трудовых коллективов и повышение их культурно-технического уровня [2–4]. Это означает, что эти работы в значительной мере отражали характерные черты, присущие советской историографии: методологический монизм, преобладание позитивных

оценок и завышенных количественных выводов. Собственно научно-техническая информация крайне редко рассматривалась в качестве самостоятельного предмета исследования, помещаясь в контекст идеологической работы партии или реализации мобилизационных государственных мероприятий. В то же время научно-техническая информация может рассматриваться как автономное информационное поле, имеющее свои закономерности и тенденции развития. Такое понимание представляет интерес для выявления истоков и особенностей процесса формирования единого информационного поля страны, переосмысления советской информационной системы в условиях четвертого этапа научно-технической революции.

В отличие от стран Запада, где информационная система развивалась в условиях частной собственности и конкурентной среды, являясь одной из форм коммерческой деятельности, в СССР она была собственностью государства, функционировала в соответствии с требованиями планово-директивной экономики, создавая ряд особых организационных форм практического действия. Так, в декабре 1959 г. ЦК КПСС и Совет министров приняли постановление «Об улучшении работы Выставки достижений народного хозяйства СССР и повышении ее роли в деле внедрения достижений науки, техники и передового опыта в народное хозяйство» [5. С. 325], которое ориентировало ее на выполнение информационных функций. ВДНХ не следует рассматривать лишь в качестве демонстрационной площадки достижений социалистического строительства. Сфера ее деятельности была намного разнообразнее, в том числе и в информационном пространстве страны. Профильные павильоны организовывали и проводили экскурсии (с участием ведущих специалистов, передовиков и новаторов производства), научно-технические конферен-

ции, дискуссионные семинары, тематические выставки. Повышению эффективности деятельности ВДНХ способствовали передвижные региональные выставки, проводимые в областных и краевых центрах (часто на базе крупных промышленных предприятий), сопровождаемые демонстрацией различных технологических достижений, чтением лекций, встречами с учеными и новаторами производствами. В структуре ВДНХ действовал специальный отдел информации и печати, который изыскивал и хранил информацию о технических и других новинках, осуществлял ее тиражирование с целью практического применения. Для этой цели использовались такие передовые на тот момент средства хранения и распространения информации, как магнитофонные записи и кинофильмы. В одном только 1965 г. сотрудниками данной службы было распространено 202 магнитофонных записи, 1 372 кинофильма и озвучено 17 номеров тележурнала «Наука – производству». Для краевых и областных газет издавался «Вестник материалов ВДНХ», содержащий информацию о новейших отечественных достижениях в области науки и техники [6. Л. 1]. Конечно же следует признать, что не все информационные ресурсы ВДНХ оказывались востребованными и находили практическое применение. Так, например, из 213 представителей промышленных предприятий Омска, присутствовавших на региональной выставке ВДНХ, заявки на нововведения сделали лишь 30 человек (14%). Еще ниже (13%) оказался аналогичный показатель на выставке в Новосибирске [7. Л. 24–26]. Это дает основание судить о том, что отбор демонстрационных материалов часто осуществлялся формально (как и проведение самих выставок), без учета производственных потребностей промышленных предприятий, и не вызывал с их стороны широкого практического интереса.

Вместе с тем в отраслевых министерствах, научно-исследовательских институтах, конструкторских бюро промышленных предприятий создавались и начинали действовать собственные информационные подразделения. На основании постановления Совета министров СССР от 25 июля 1959 г. в стране был организован Институт научно-технической информации, который позднее был преобразован во Всесоюзный институт научной и технической информации (ВСНТИ). Это была качественно новая структура в информационном поле страны, отличавшаяся инновационным и комплексным характером своей деятельности, а также высокопрофессиональным кадровым составом. Институт возглавил доктор технических наук, профессор М.И. Иванов. Среди его коллег и руководителей отраслевых подразделений были ученые из различных областей науки: математик С.М. Никольский, механик Г.К. Михайлов, биолог и медик В.В. Алпатова, химики Д.И. Бачарова и В.В. Кафарова. В структуре института имелся свой научно-исследовательский и редакционный отделы, действовала собственная производственно-издательская база. Во всех этих подразделениях

было занято 1 800 сотрудников, обеспечивавших отбор, обработку и распространение отечественной и зарубежной научно-технической информации. Институт взаимодействовал с 13 тыс. работниками информационных служб научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро предприятий. Главным информационным продуктом института являлся «Реферативный журнал ВИНТИ» по основным отраслевым и межотраслевым научно-техническим проблемам, который пользовался спросом как в стране, так и за рубежом. В 1960 г. суммарное число подписчиков достигло 83 тыс., из которых 25 тыс. (30 %) являлись зарубежными представителями. В 1965 г. общее число подписчиков увеличилось почти в 3 раза и достигло 234 тыс. абонементов [8. С. 24–25, 55].

Большое влияние на преобразование информационной системы оказала реформа в управлении народным хозяйством в середине 1950-х гг., связанная с созданием новых территориально-производственных объединений – Советов народного хозяйства (совнархозов). В отечественной историографии уже имеется определенный круг литературы, посвященный исследованию этих объединений, но в ней не исследовалось их влияние на трансформацию информационного поля страны, а если и рассматривалось, то лишь фрагментарно и в позитивном плане [9. С. 94, 95].

Как фактор ускорения технического прогресса и формирования инновационной среды, научно-техническая информация была востребована совнархозами. При Кузбасском, Омском, Новосибирском, Томском (а затем Западно-Сибирском) и других совнархозах страны были созданы центры научно-технической информации (ЦНТИ). Процесс их становления сопровождался трудностями организационно-технического и кадрового характера. Поскольку высшие учебные заведения страны не готовили специалистов данного профиля, то кадровый состав ЦНТИ формировался за счет инженерно-технических работников промышленных предприятий. Поскольку зарплата в информационных службах была ниже, чем на производстве, а статус инженера-производственника в общественном сознании был выше, чем у сотрудника информационного центра, то деятельность в этой сфере не была привлекательной ни в материальном отношении, ни в отношении карьерного роста. Наиболее остро эти и другие проблемы формирования региональных информационных центров проявились в северных и восточных областях страны, где и без того ощущался дефицит инженерно-технических кадров и полиграфической техники. Так, например, штат ЦНТИ Кузбасского совнархоза (имевший высокий удельный вес различных отраслей промышленности) был укомплектован полностью, а информационные материалы издавались в городских типографиях с длительными сроками исполнения [10. Л. 59]. В то же время в этих регионах создавались и вводились в действие крупные производственные объекты химической, электротехнической и других отраслей

промышленности и потребность в технической литературе и документации была выше, чем в центральных регионах страны. Более того, отдельные территориально-производственные объединения имели немало мелких и средних предприятий, таких как угольные разрезы, горнорудные предприятия, которые не имели должной информационной базы и находились на большом расстоянии от областных информационных центров.

Как и в других регионах страны, деятельность ЦНТИ была направлена на расширение и обогащение информационного поля новыми коммуникациями, оказание организационно-методической помощи информационным службам предприятий, распространение научно-технических знаний и новых методов труда на производстве. ЦНТИ Сибири, действуя на большой территории и в многоотраслевой промышленной среде, в условиях ограниченного штата сотрудников, шире, чем где-либо в своей деятельности, опирались на инженерно-технический актив предприятий, работников научно-исследовательских институтов, привлекали их к чтению лекций, проведению отраслевых и межотраслевых семинаров и научно-технических конференций. При их участии в промышленных городах и рабочих поселках открывались и действовали общественные институты и университеты технического прогресса, автоматизации и механизации производства, где на постоянной основе работники промышленных предприятий изучали отечественные и зарубежные научно-технические и технологические достижения. В 1963 г. в Кемеровской области функционировало 60 таких учебных заведений на общественных началах, в том числе в таких шахтерских городах, как Прокопьевск, Белово, Киселевск, Ленинск-Кузнецк. В них на постоянной основе занималось свыше 1000 горняков [11. Л. 22].

Своеобразно решалась проблема информационного обеспечения отдаленных производственных объектов. На их территории создавались филиалы научно-технических и технических библиотек, организовывались передвижные тематические выставки, проводились экскурсии на профильные предприятия. В качестве таких демонстрационных площадок использовались площадки шахт «Коксовая 1», «Чертинская-Южная», Кузнецкого металлургического комбината, завода «Тяжстанкогидропресс» и некоторых других предприятий, отличающихся высокой степенью информационного обеспечения и имевших современное по тем временам оборудование. На базе этих предприятий проводились школы передового опыта, где передовики и новаторы производства демонстрировали свои умения и навыки, знакомили со своими изобретениями.

Переход к территориально-производственному принципу управления промышленностью и строительством имел двоякое последствие для информационной системы страны. Действительно, с одной стороны, активнее и разнообразнее стали использоваться местные информационные ресурсы, в том числе и на промышленных предприятиях, но, с другой стороны, в резуль-

тате упразднения министерств и их информационных служб и ряда других реорганизаций произошла децентрализация системы. В ней образовалось несколько региональных информационных сегментов, действующих практически автономно, вне связи и взаимодействия. Сокращение и укрупнение совнархозов в 1962 г. (их количество в СССР сократилось до 47, а в РСФСР до 24) не изменило, а, наоборот, обострило ситуацию, поскольку количество информационных служб сократилось, а сфера их профессиональной деятельности значительно расширилась и усложнилась. Действия же Всесоюзных информационных центров и институтов, в частности ВИНИТО, носила общий характер и была направлена на оказание консультативной и организационно-методической помощи ЦНТИ. В этой ситуации появлялись бюрократические барьеры, снижалась оперативность и эффективность действия информационного поля страны, вне сферы ее действия оказывались некоторые важные научно-технические достижения, результаты деятельности отраслевых научно-исследовательских институтов, производственный опыт лучших предприятий страны. В историографии сложились различные оценки реформ и их последствий. В одной из них предполагается, что они явились проявлением волюнтаризма Н.С. Хрущева, не отражали назревших проблем страны и не дали каких-либо ощутимых позитивных результатов [12. С. 348]. Другая исходит из того, что, несмотря на ошибочность выбранного вектора реформ, они повлекли частичную децентрализацию управления, предоставили регионам некоторую самостоятельность [9. С. 217]. Действительно, такая самостоятельность имела место, но она не получила и не могла получить должного развития. Советская экономика, являлась централизованной экономикой, не совместимой с теми преобразованиями, которые осуществлялись в эти годы.

Своеобразие советской информационной системы состояло в том, что она функционировала при участии общественных организаций. На ее площадке действовали: общество «Знание», профсоюзы, комсомол, технические и научно-технические общества. Так, например, лишь членами общества «Знание» Кемеровской области за 1963–1964 гг. было прочитано 16 624 лекций на научно-технические темы [13. Л. 7]. В рамках данной публикации не представляется возможным рассмотреть всю совокупность этих организаций, остановимся на технических и научно-технических обществах, которые отличились многофункциональностью информационного действия и оказывали ощутимое влияние на формирование информационной среды трудовых коллективов. О том можно судить по содержанию и характеру деятельности научно-технических обществ. В условиях десталинизации советского общества действующие ранее инженерно-технические общества, имевшие ограниченный состав и ограниченную сферу деятельности, были преобразованы в представительные научно-технические общества (НТО). В

1955 г. в стране было сформировано и действовало 21 отраслевое НТО, объединявшее 12 651 первичную организацию, в том числе 9 000 из них приходилось на предприятия. Главным координирующим органом стал Всесоюзный совет научно-технических обществ (ВСНТО). Через четыре года количество первичных организаций НТО увеличилось в стране до 29 023, а действующих на предприятиях до 21 685. В 1965 г. в СССР насчитывалось уже 58 962 организации, в том числе 49 898 (49%) действовали на предприятиях. В том году в составе НТО насчитывалось 2 781,5 тыс. ученых, инженерно-технических работников и рабочих-новаторов [14. С. 326].

Структурные преобразования сопровождались изменениями в информационной деятельности научно-технических обществ. В отличие от прошлых лет она приобрела масштабный и дифференцированный характер, осуществлялась с учетом отраслевой специфики и была направлена на распространение научно-технических знаний и практического производственного опыта. В 1965 г. в сфере действия НТО РСФСР проводилось свыше 54 тыс. курсов, семинаров, школ передового опыта, читалось 209 тыс. лекций, озвучивались доклады по важным научно-техническим проблемам, которыми было охвачено 6 570,6 тыс. человек. Значительно активизировалась издательская деятельность научно-технических обществ. В 1965 г. их структурами выпускалось 1270 изданий общим тиражом свыше 900 тыс. экземпляров [15. Л. 6].

Научно-технические общества не только расширяли и обогащали информационное поле производственных коллективов, но и пытались реализовать приобретенные ими знания в различных творческих изысканиях индивидуального и коллективного действия, направленных на решение конкретных производственно-технических проблем. В качестве таких поисковых инструментов использовались технические и научно-технические конференции, дискуссии, конкурсы, смотры тематического и общего характера (на лучшую постановку научно-технической работы). В 1965 г. на предприятиях края и областей Западной Сибири действовало 2 367 научно-технических обществ, которые провели 9 471 подобного рода мероприятий, или 4 мероприятия каждым обществом. В РСФСР насчитывалось 16 499 НТО и их усилиями было проведено 43 152 конкурса, конференции [16. Л. 6, 10]. Однако, находясь в сфере партийного влияния, НТО вынуждены были принимать участие в подготовке и проведении различных мероприятий мобилизационного характера, инициированных сверху партийными или профсоюзными органами. Это были различного рода всесоюзные, отраслевые и региональные конкурсы и смотры, посвященные знаменательным датами и направленные на мобилизацию внутренних производственных резервов. Такие спускаемые сверху мероприятия могли превосходить по количеству и задействованным ресурсам мероприятия самих научно-технических обществ. Так,

в 1963 г. Омский областной совет принял участие в подготовке и проведении около 20 подобного рода мобилизационных мероприятий. [17. Л. 213]. Такая ситуация негативно сказывалась на информационно-аналитической и другой основной деятельности НТО. Она стала утрачивать свое приоритетное значение, особенно в низовых структурах НТО, приобретать второстепенный и формальный характер, осуществляться вне связи с назревшими производственно-техническими задачами и планами внедрения новой техники. В результате снижались авторитет и результативность деятельности НТО, уменьшилось количество разрабатываемых и реализуемых ими рекомендаций.

Другой общественной организацией, представлявшей информационное поле страны, было Всесоюзное общество рационализаторов и изобретателей (ВОИР), имевшее разветвленную территориально-производственную структуру, состоявшую из республиканских, краевых и областных советов. Основу ВОИР составляли первичные организации, действовавшие на предприятиях и в учреждениях. В 1958 г. в стране насчитывалось 21 121 такая организация, насчитывающая в своем составе 1 085 558 человек, в том числе 504 412 рабочих (48%) [18. С. 450].

ВОИР функционировало в тех же информационных сегментах, что и НТО, взаимодействуя с ними при проведении мобилизационных мероприятий (конкурсов, смотров, соревнований рационализаторов). Но вместе с тем между ними имелись и различия, главное из которых состояло в том, что ВОИР, и в особенности его низовые структуры, находилось в более тесных организационных связях с производственными коллективами и имело более широкое представительство рабочих и молодежи. Это, в свою очередь, ставило перед ними ряд информационно-пропагандистских проблем, связанных с приобщением широких рабочих масс к техническому творчеству, оказанию консультативной и другой помощи. Особо важная роль в решении этих проблем отводилась таким заводским коммуникациям, как радио, стенная и многотиражная печать. Так, на страницах многотиражных газет Омского шинного завода – «Шинник», Кемеровского азотно-тукового завода – «За Азот», Омского «Сибзавода» – «Сибзаводец», шахты им. С.М. Кирова – «Кировец» и ряда других аналогичных изданий вводились специальные рубрики – «За технический прогресс» и «Технический прогресс – основа повышения производительности труда», печатались материалы о технологической модернизации производственных объектов. Постепенно первичные советы ВОИР переходили от популяризации технических знаний и обсуждения модернизационных проблем к ориентации трудовых коллективов на поиск путей их практического решения. Так, на страницах газеты «За Азот» коллективу были представлены для обсуждения предложения рационализаторов, направленные на техническое совершенствование производственных процессов [19]. На страницах многотиражных газет («Сиб-

заводец», «Сибирский нефтяник») появились специальные рубрики: «В помощь рационализатору», «Рационализатор подумай!», «Дневник рационализатора», где освещались назревшие производственно-технические проблемы предприятий [20, 21, 22]. Формирование инновационной среды, приобщение трудящихся к техническим изысканиям осуществлялось также посредством специальных передач по радио, технических кинолекториев, различных средств наглядной агитации: стендов, выставок разработок рационализаторов в смежных цехах и производствах. Однако подобного рода коммуникации не получили широкого распространения, они имелись и действовали лишь на отдельных крупных промышленных предприятиях, располагавших разветвленной информационной сетью (таких, например, как Сибзавод или Омский нефтеперерабатывающий комбинат). На подавляющем большинстве региональных и общесоюзных производственных площадок в качестве основного информационного инструмента советы ВОИР использовали многотиражную печать, которая была органом партийных профсоюзных комитетов и администрации предприятий. Поэтому советы ВОИР должны были осуществлять свою информационную деятельность в русле партийных установок и требований, иногда вопреки имеющимся потенциальным и реальным возможностям по развитию технического творчества на предприятиях. Отсюда значительное место в информационном сегменте сове-

тов ВОИР отводилось освещению различных факторов мобилизационного значения, таких, например, как соревнования новаторов, и гораздо меньше уделялось освещению проблем, связанных с повышением эффективности труда рационализаторами и изобретателями.

Итак, во второй половине 50–60-х гг. советская система научно-технической информации, как и прежде, строилась и развивалась как централизованная государственная система и функционировала при содействии общественных объединений. Под влиянием научно-технической революции и происшедших в стране перемен, она претерпевала определенные изменения, обогатилась новыми коммуникациями, придавшими ей системный и масштабный характер, более доступный для трудовых коллективов. Не все преобразования тех лет имели позитивное значение для информационного поля страны. Это касается прежде всего преобразований системы управления народным хозяйством, повлекших определенную дезинтеграцию, или даже локализацию информационного поля, и особенно в отраслевом разрезе. Сюда же можно отнести влияние партийного и прежде всего идеологического фактора на содержание и характер деятельности информационной системы, на работу советов ВОИР, НТО, которые вынуждены были выполнять не свойственные их природе и прямому предназначению различного рода массово-политические и мобилизационные функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пленум ЦК КПСС. 24–29 июня 1959 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1959. 830 с.
2. Рабечкая З.И. КПСС – организатор борьбы за ускорение научно-технического прогресса в промышленности Восточной Сибири в период развитого социализма (1959–1970 гг.). Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1981. 236 с.
3. Меркулов А.А. Идеино-воспитательная работа КПСС и рост социальной активности трудящихся (1961–1976 гг.). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1986. 101 с.
4. Мишенин С.Е. Деятельность партийных организаций западной Сибири по повышению культурно-технического уровня рабочих топливно-энергетических отраслей промышленности (1959–1970 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1972. 34 с.
5. Справочник партийного работника. М.: Госполитиздат, 1961. Вып. 3. 835 с.
6. Архив выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) СССР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 550.
7. Архив выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ) СССР. Ф. 127. Оп. 1. Д. 588.
8. Черный А.И. Всероссийский институт научной и технической информации: 50 лет служения науке. М.: ВИНТИ, 2005. 316 с.
9. Павлюкович Р.В. Создание и деятельность Красноярского совнархоза. 1957–1965 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2014. 255 с.
10. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 75. Оп. 55. Д. 431.
11. ГАКО. Ф. 794. Оп. 1. Д. 131.
12. Циркулин В.А. История государственных учреждений в СССР. 1936–1965 гг. М.: Изд. Московского гос. историко-архивного ин-та, 1966. 357 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 561. Оп. 1. Д. 808.
14. Рабочий класс СССР в управлении производством 1956–1970 гг. М.: Наука, 1970. 479 с.
15. Центральный архив Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ЦА ВЦСПС). Ф. 5587. Оп. 1. Д. 1177.
16. ЦА ВЦСПС. Ф. 5587. Оп. 1. Д. 1178.
17. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 2113. Оп. 1. Д. 27.
18. Рабочий класс СССР. М.: Наука, 1969. 559 с.
19. За Азот (Кемеровский азототуковый завод). 1963. 5 июля.
20. Сибзаводец (Омский Сибзавод) 1963. 23 декабря.
21. Сибирский нефтяник (Омский нефтеперерабатывающий завод). 1962. 29 мая.
22. Сибирский нефтяник (Омский нефтеперерабатывающий завод). 1963. 31 мая.

Shevtsov Vyacheslav V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: totleben@yandex.ru;

Pershikov Anatoly N. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: pershikov@tpu.ru;

Babuta Marina N. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: babuta@tpu.ru.

TRANSFORMATION AND FUNCTIONING OF SOVIET MODEL OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL INFORMATION IN 50–60 YEARS OF THE XX CENTURY.

Key words: communication, scientific-technical revolution, scientific and technical information, transformation.

The aim of the article is to consider the Soviet system of scientific and technical information, to find out its peculiarities, to follow up its structural and functional changes proceeded in its central and regional (Eastern) institutes under the influence of technological revolution and changes happening in the USSR in the second half of the 1950s and the first half of 1960s.

The research source base includes edited and inedited periodical press documents and materials. Useful and important documents were withdrawn from central archive funds: the archive of the Exhibition of Economic Achievements (VDNKh), The State Archive of the Russian Federation (SARF), the Central Archive of the All-Union Central Trade Union Council (CA AUCTU) and local archives: the State Archives of Altai territory (SAAT), the State Archive of Kemerovo, Novosibirsk, Omsk, Tomsk regions (SAKR, SANR, SAOR, SATR). They helped to find out and discover principal problems of the subject, the fundamental conceptual ideas of the developed and presented subject were confirmed by the factual basis. It can be seen from the contents given below.

In the beginning of the second part of XX century, when the USSR accepted the technological revolution and engaged in its process, the information system transformed and acquired new institutes, including such an important one as All-Union Institute of Scientific and Technical Information, which added mobile, scientific, systemic character to the country's communication system and allowed it to overcome information vacuum. The sphere of regional information evolved. Scientific and technical information centers, public universities and institutes of technical progress, public technical information bureaus at some enterprises were established. However, such structural and other transformation within the information field had also negative effects for its further operation.

On the basis of the performed studies, we can summarize that in the reviewed period the USSR information system transformed particularly, recovered from series of restrictions and regulatory activities passed on Stalinism, acquired new structures, enlarged and strengthened its staffing, made contacts with foreign information carriers. But it also kept certain problems and the most significant of them are the absence of proper coordination between different information structures and clear mechanism for targeting and implementing of the proposed technical *novelties* and improvements, and as the results, the decrease of staff interest to information resources and innovations.

REFERENCES

1. CPSU. (1959) *Plenum TSK KPSS. 24–29 iyunya 1959 g. Stenograficheskiy otchet* [Plenum of the Central Committee of the CPSU. June 24–29, 1959. Verbatim report]. Moscow: Gospolitizdat.
2. Rabetskaya, Z.I. (1981) *KPSS – organizator bor'by za uskoreniye nauchno-tehnicheskogo progressa v promyshlennosti Vostochnoy Sibiri v period razvitiya sotsializma (1959–1970 gg.)* [The CPSU is the organizer of the struggle to accelerate scientific and technological progress in the industry of Eastern Siberia during the period of developed socialism (1959–1970)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoe izdatelstvo.
3. Merkulov, A.A. (1986) *Ideyno-vospitatelnaya rabota KPSS i rost sotsial'noy aktivnosti trudyashchikhsya (1961–1976 gg.)* [Ideological and educational work of the CPSU and the growth of social activity of working people (1961–1976)]. Rostov on Don: Rostov State University.
4. Mishenin, S.Ye. (1972) *Deyatelnost' partiynykh organizatsiy zapadnoy Sibiri po povysheniyu kulturno-tehnicheskogo urovnya rabochikh toplivno-energeticheskikh otrasley promyshlennosti (1959–1970 gg.)* [The activity of party organizations in Western Siberia in raising the cultural and technical level of the workers in the fuel and energy industries (1959–1970)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
5. CPSU. (1961) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Handbook of the Party Worker]. Moscow: Gospolitizdat.
6. The Archive of the USSR Exhibition of Achievements of the National Economy (VDNKH). Fund 4. List 2. File 550.
7. The Archive of the USSR Exhibition of Achievements of the National Economy (VDNKH). Fund 127. List 1. File 588.
8. Chernyy, A.I. (2005) *Vserossiyskiy institut nauchnoy i tekhnicheskoy informatsii: 50 let sluzheniya nauke* [All-Russian Institute of Scientific and Technical Information: 50 years of service to science]. Moscow: VINITI.
9. Pavlyukovich, R.V. (2014) *Sozdaniye i deyatelnost' Krasnoyarskogo sovnarkhoza. 1957–1965 gg.* [Formation and activities of the Krasnoyarsk Economic Council. 1957–1965]. History Cand. Diss. Irkutsk.
10. The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund 75. List 55. File 431.
11. The State Archive of the Kemerovo Region (GAKO). Fund 794. List 1. File 131.
12. Tsirkulin, V.A. (1966) *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy v SSSR. 1936–1965 gg.* [History of state institutions in the USSR. 1936–1965]. Moscow: Moscow State Historico-Archival Institute.
13. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 561. List 1. File 808.
14. Ostapenko, I.P. (1976) *Rabochiy klass SSSR v upravlenii proizvodstvom 1956–1970 gg.* [Working class of the USSR in the management of production in 1956–1970]. Moscow: Nauka.
15. Central Archive of the All-Union Central Council of Trade Unions (TSA VTSSPS). Fund 5587. List 1. File 1177.
16. Central Archive of the All-Union Central Council of Trade Unions (TSA VTSSPS). Fund 5587. List 1. File 1178.
17. The State Archives of the Omsk Region (GAOO). Fund 2113. List 1. File 27.
18. Poletaev, V.E. (ed.) (1969) *Rabochiy klass SSSR* [The USSR Working Class]. Moscow: Nauka.
19. Anon. (1963) *Za Azot (Kemerovskiy azotnotukovyy zavod)* [For Azot (Kemerovo nitrogen fertilizer plant)]. 5th July.
20. *Sibzavodets (Omskiy Sibzavod)*. (1963) 23rd December.
21. *Sibirskiy neftyanik (Omskiy neftepererabatyvayushchiy zavod)*. (1962) 29th May.
22. *Sibirskiy neftyanik (Omskiy neftepererabatyvayushchiy zavod)*. (1963) 31st May.

В.В. Миркин

ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРОДСКИХ ТЕЛЕФОННЫХ СЕТЕЙ СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1965 гг.)

Рассматриваются основные направления реконструкции и развития городской телефонной связи СССР в послевоенный период, эволюция автоматических телефонных систем от машинного и декадно-шагового к координатному и механо-электронному типу. Технологическое перевооружение городских телефонных сетей шло по пути внедрения новых автоматических станций, вытеснявших устаревшие ручные системы. С целью интенсификации процессов развития ГТС строительство станционных и линейных сооружений механизировалось; параллельно наблюдался прогресс в области кабелестроения.

Ключевые слова: телефонная связь; проводные средства связи; автоматическая телефонная станция; кабельные системы; линейные сооружения связи.

Проблемы истории отечественной телефонной связи в послевоенный период, несмотря на свою актуальность, пока еще нашли своего внимательного исследователя. Большая часть работ, посвященных данной теме, представляет собой учебную, научную, справочную литературу по электрической связи, научно-популярные издания. Исторические исследования в области телефонной связи, как правило, ограничивались изданиями, приуроченными к юбилею той или иной телефонной сети. Среди авторов, занимавшихся вопросами телефонной связи, можно выделить Г.И. Головина, С.Л. Эпштейна, Г.Б. Давыдова, О.Н. Иванову, Б.И. Крук, Г.Н. Попова и некоторых других.

По объему передаваемой информации телефонная связь в рассматриваемый период являлась основным видом двусторонней электрической связи. В послевоенную эпоху телефонная связь превратилась в неотъемлемый элемент материального производства: технологических процессов, научных исследований, процесса кооперирования промышленности, управления производством и т.д. Под городскими телефонными сетями (ГТС) понимаются местные сети, представлявшие собой совокупность коммутационных узлов, телефонных станций, линий, каналов, оконечных абонентских устройств, предназначенных для обеспечения телефонной связью абонентов города [1. С. 4; 2. С. 5].

Городские телефонные сети в послевоенный период строились и развивались на основе *централизованной* или *децентрализованной* системы – тем самым по своему строению они подразделялись на *нерайонированные* и *районированные*. Нерайонированная ГТС обслуживалась одной телефонной станцией, к которой подключались все существовавшие абонентские и соединительные линии (в том числе от учрежденческих (ведомственных) станций). В противном случае предусматривалось строительство в одном населенном пункте нескольких районных телефонных станций, обслуживавших абонентов одного телефонного района. Районирование телефонной сети было новым, прогрессивным явлением для того времени: оно значительно сокращало длину индивидуальных линий (от установок

абонентов до станций) и, следовательно, уменьшало затраты на оборудование линейных сооружений. Децентрализованную систему применяли, как правило, в крупных населенных пунктах, промышленно развитых регионах и т.п. Позднее, с развитием районирования телефонные сети такого типа подразделялись (в порядке возрастания емкости номеров) на районированные ГТС без узлообразования, с узлами входящего сообщения, а также – с узлами входящего и исходящего сообщения (такие сети могли обслуживать от 80 тыс. до 8 млн номеров).

Телефонные сети страны оборудовались станциями двух типов – ручными и автоматическими. Среди станций автоматического типа в довоенный период получила распространение машинная система ленинградского предприятия «Красная заря». Эта система позволяла автоматизировать телефонную связь в крупных городах, учреждениях и заводах, но была непригодна для автоматизации внутрирайонных сетей (небольших населенных пунктов) и устройства мелких учрежденческих и домовых АТС. После эвакуации «Красной зари» в 1941 г. на Урал производство машинных АТС прекратилось и больше не возобновлялось. В этих условиях телефонные станции ручного обслуживания (РТС) сохраняли большое значение еще длительный период времени, особенно в так называемой «низовой» (внутрирайонной) телефонной сети. По способу подачи электропитания различали станции *местной* (МБ) и *центральной* (ЦБ) батареи. В районных центрах и городах областного подчинения строились преимущественно РТС центральной батареи; при этом станции местной батареи функционировали в небольших населенных пунктах, испытывавших затруднения с электроснабжением.

В годы войны по приблизительным оценкам было утрачено 44% емкости телефонной сети страны – в 1942 г. она составляла всего 662,2 тыс. номеров (по другим данным, эта цифра составляла от 600 до 756 тыс. номеров.) [3. С. 9]. Первый послевоенный пятилетний план 1946–1950 гг. предполагал полное восстановление и техническое перевооружение городских

телефонных сетей. Емкость АТС планировалось увеличить более чем в два раза, в результате чего к 1950 г. более половины всей емкости ГТС страны предполагалось автоматизировать [4. С. 155]. Тем не менее Министерство связи признавало тот факт, что в течение первых послевоенных лет отечественная телефонная промышленность не сможет обеспечить большую потребность отрасли исключительно станциями нового типа. Поэтому предполагалось также выпускать модернизированные, но морально устаревшие РТС, по своим характеристикам сопоставимые со станциями систем ЦБ × 2 и ЦБ × 3 [5. С. 2].

В телефонной отрасли ощущался недостаток строительно-монтажных материалов, не хватало квалифицированных кадров. Однако несмотря на объективные трудности, уже к 1948 г. количество телефонных аппаратов и абонентов по стране удалось вывести на довоенный уровень. Вырос удельный вес станций автоматической системы – в 1950 г. их емкость составила 42% (36% в 1940 г.). Среднегодовой прирост установленных телефонных аппаратов составил 156,6 тыс. В целом по стране за годы IV пятилетки монтированная емкость ГТС всех типов превысила довоенный уровень на 15% [6. С. 350].

Вопрос о выборе новой системы АТС, подлежащей внедрению в послевоенные годы, и об организации производства станций встал перед советскими связистами еще в конце войны. Довоенная *машинная система* АТС, несмотря на высокие эксплуатационные показатели, считалась технологически слишком сложной и трудоемкой, а ее массовое производство было признано нецелесообразным. В разработке новой системы, наряду с эксплуатационными характеристиками, устойчивостью и надежностью в работе, высоким качеством разговорного тракта, учитывалась возможность быстрой организации производства технологичного и недорогого оборудования. В результате выбор пал на АТС *декадно-шаговой системы* – ее разработка проводилась на предприятии «Красная заря». В основу проекта были положены известные принципы построения декадно-шаговых систем аналогичных зарубежных АТС. Среди разработчиков были такие известные специалисты, как Б.К. Мартыанов, К.И. Волкова, В.А. Лабецкой, Н.К. Розенталь и др. В результате в 1947 г. трест «Связьпроект» разработал генеральную схему развития и реконструкции телефонной связи Москвы, предусматривавшую применение декадно-шаговой системы. В течение 1947–1950 гг. были запущены три первые декадно-шаговые АТС отечественного производства, получившие впоследствии индекс АТС-47.

С приходом на городскую телефонную сеть страны станций нового типа появилась необходимость в промежуточном оборудовании, связывавшем машинные и декадно-шаговые АТС. Полная замена устаревших машинных систем станциями нового типа была невозможна, так как их суммарная емкость составляла 350 тыс. номеров. Впоследствии декадно-шаговые си-

стемы постоянно модернизировались. Так, к 1954 г. была создана АТС-54, обладавшая большей дальностью действия по абонентским и соединительным линиям, возможностью передачи импульсов набора по кабелям протяженностью до 40 км, а также возможностью осуществления автоматической междугородной связи. Автоматическая проверка оборудования, введенная на АТС-54, значительно упростила ее эксплуатационное обслуживание. Вследствие изменения отдельных элементов схемы и конструкции станции увеличилась надежность ее работы: например, путем установки термоограничителей в катушках электромагнитов была увеличена противопожарная безопасность [6. С. 354]. Станции такого типа строились и в Сибири [7. С. 45].

Ежегодное увеличение емкости городских телефонных станций не успевало за ростом потребностей государственного, хозяйственного сектора, и в особенности населения. В 1961–1965 гг. в наиболее развитых промышленных областях страны произошел скачок в темпах роста монтированной телефонной емкости, что позволило сократить разрыв между вводом новой жилой площади и количеством квартирных телефонов. Так, если в период 1956–1960 гг. ежегодно вводилось в эксплуатацию в среднем 135 тыс. номеров, то за 1961–1965 гг. эта цифра составила 340 тыс. номеров [3. С. 9]. Например, в Москве в 1965 г. вводимая емкость приблизилась к числу построенных квартир. Однако для сибирского региона такие показатели оставались пока еще недостижимыми.

«Телефонный дефицит» удалось частично сократить благодаря мерам по упорядочению строительства ведомственных станций. Поскольку, как правило, проектирование и строительство таких станций осуществлялись без учета развития ГТС, их мощность зачастую использовалась неэффективно. Несмотря на то что ведомства не спешили с передачей своих средств электросвязи, в период с 1956 по 1963 г. на баланс Министерства связи поступило от других министерств и ведомств 747 станций различных систем общей емкостью 203 тыс. номеров.

В процессе эволюции городских телефонных сетей все больше сказывались недостатки, присущие декадно-шаговым системам. Малая емкость контактного поля искателей АТС данного типа препятствовала решению задачи оптимального построения телефонных сетей (особенно для больших городов). Быстрое увеличение темпов прироста емкости ГТС в 1960-е гг. обострило вопрос подготовки обслуживающего персонала. С развитием автоматизации междугородной связи негативно сказывались: низкое качество разговорного тракта (в частности, шумы выше допустимого уровня), вызванное нестабильностью скользящих контактов в искателях; низкая износоустойчивость механизмов, работавших в условиях больших ударных нагрузок и др. Анализ различных систем коммутации выявил целесообразность применения *координатного соеди-*

ителя, в котором контакты скольжения были заменены контактами давления, имевшими стабильное сопротивление и значительно больший срок службы. Так родился новый тип АТС – *координатный*.

Высокая надежность работы координатных соединителей существенно сокращала расходы на эксплуатационное обслуживание станций, а технология производства таких АТС была значительно проще, чем станций других типов. Координатные системы позволяли экономически целесообразно и надежно организовывать телефонные сети в различных вариантах: строить станции любой емкости и назначения, эксплуатировать станционные сооружения без постоянного присутствия обслуживающего персонала (в особенности станции малой емкости – до 1 000 номеров), проводить широкую децентрализацию станционного оборудования, что, в свою очередь, сокращало среднюю длину абонентских линий и объем линейных сооружений. В них появлялась возможность гибкого построения сети – создание узлов входящего и исходящего сообщений, устройство подстанций, введение дополнительных ступеней искания и применение обходных связей. По своим коммутационным возможностям, экономическим показателям и качеству связи координатные АТС соответствовали требованиям Единой автоматизированной системы связи (ЕАСС), предусматривавшим высокое качество разговорного тракта и возможность организации многопроводной коммутации, необходимой при автоматизации междугородной связи. Кроме того, такие станции могли работать совместно с устаревшими машинными и декадно-шаговыми системами.

Координатная подстанция ПС-МКС-100 емкостью 100 номеров явилась одной из первых систем такого типа (первая ПС МКС была разработана НИИТС и предприятием «Красная заря» и установлена в 1957 г. на Ленинградской городской телефонной сети). Она предназначалась для включения в декадно-шаговые станции типа АТС-47 и АТС-54. Кроме нее совместно с чехословацкими специалистами на заводе «Тесла» была разработана и с 1965 г. пущена в серийное производство система ПСК-1000. На базе системы ПС-МКС-100 во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., в частности, получила развитие томская телефонная сеть [8. С. 93; 9. Л. 17].

Дальнейшая модернизация АТС координатной системы велась в двух направлениях: во-первых, применение исключительно релейного управления; во-вторых, управление на основе электронной техники (*механо-электронные* АТС). В результате к началу 1960-х гг. специалистами Ленинградского отделения Центрального научно-исследовательского института связи (ЛОНИИС) и производственного объединения «Красная Заря» при участии связистов Чехословакии и ГДР была разработана *координатная система АТС-К*, построенная на унифицированных координатных соединителях, использовавшая в аппаратуре управления электромагнитные реле и частично элементы электронной техники.

Так, в качестве основных коммутационных элементов в АТСК использовались унифицированные многократные координатные соединители, реле типа РПН и РЭС-14. Новая система обеспечивала оптимальное для начала 1960-х гг. построение сетей ГТС, а также высококачественный разговорный тракт как для местных, так и для междугородных соединений. Однако серийное производство АТС-К большой емкости для городских и сельских телефонных сетей началось лишь в 1967 г.

Следует отметить, что несмотря на достигнутые успехи научно-исследовательских разработок, положительный опыт эксплуатации координатных систем количественный рост телефонной сети страны вплоть до конца 1970-х гг. осуществлялся главным образом на основе коммутационного оборудования декадно-шаговых станций АТС-47 и АТС-54 и лишь частично – на базе внедрения координатных систем. Например, с 1963 г. по 1966 г. емкость подстанций координатной системы выросла с 35,7 тыс. номеров лишь до 77,1 тыс. При этом в течение 1945–1965 гг. удельный вес АТС повышался параллельно со снижением РТС МБ, что можно было ошибочно принять за расширение телефонной сети. Если в 1951 г. АТС составляли 43% и РТС МБ – 29% от общей емкости, то в 1965 г. – соответственно 80 и 0,5% [6. С. 364]. Лишь к концу 1960-х гг. в СССР ручные телефонные станции были полностью вытеснены автоматическими.

Расширение телефонных сетей в крупных городах осуществлялось также за счет более глубокого районирования. При этом длина соединительных линий, связывавших межстанционное оборудование, увеличивалась в отдельных случаях до нескольких десятков километров. Одновременно с увеличением расстояния между телефонными станциями/узлами увеличивалось и затухание сигнала. Для снижения затухания непупинизированных (пупинизация – способ увеличения дальности передачи телеграфных и телефонных сообщений по кабелям связи увеличением их индуктивности. В 1970-е гг. пупинизацию использовали в низкочастотных линиях городских и пригородных телефонных сетей, в низкочастотных цепях магистральных комбинированных коаксиальных кабелей для служебной связи между обслуживаемыми усилительными пунктами, в соединительных линиях междугородной телефонной сети) кабельных цепей городских и пригородных связей в спектре 0,3–3,4 кГц в 1950-е гг. применялись двусторонние мостовые усилители УМТ-3 и УМТ-20 на транзисторах. Устанавливаемые в кроссе или в автоматном зале усилители использовались как оконечное или промежуточное устройство. Внедрение на ГТС многоканальной аппаратуры высокочастотного телефонирования и постоянное повышение требований к качеству эксплуатационного обслуживания привели к появлению приборов для электрических измерений линий. Для определения места повреждения свинцовой оболочки кабелей широко применялся способ, соче-

тавший использование фреона-12 или фреона-22 с га-лоидными течеискателями ГТИ-2 или ГТИ-3. Для поиска места повреждения оболочки кабелей, уложенных в землю, в некоторых случаях применялись радиоактивные газы [6. С. 359].

Применявшаяся в то время для уплотнения кабелей городских телефонных сетей кабельно-радиорелейная система (КРР) давала возможность по обычным парам межстанционных соединительных линий получить 30 телефонных каналов (КРР представляла собой систему высокочастотного телефонирования по кабельным линиям небольшой протяженности) [10. С. 308–311]. Впоследствии, с учетом опыта эксплуатации, система была переработана и полностью транзисторизирована. В ней была введена автоматическая регулировка уровня, служебная связь и ряд других усовершенствований: новая система (КРР-Т) предназначалась для работы по симметричным кабелям.

Другим способом удовлетворения быстро растущих потребностей в телефонной связи являлось снижение стоимости капитального строительства ГТС. Для этого трудоемкие процессы при строительстве и вводе в эксплуатацию станционных и линейных сооружений механизировались, а позднее – автоматизировались. Следует отметить, что модернизация линейных сооружений на городских телефонных сетях началась сразу после окончания войны. В частности, велась активная работа по переходу с однопроводной на двухпроводную систему связи там, где такая система еще сохранилась. Для расширения кабельной сети в городах повсеместно начали строить канализационные сооружения с использованием асбоцементных труб и сборных смотровых устройств. На трассах, уже загруженных различными подземными сооружениями, строились коллекторы, в которых наряду с другими коммуникациями размещались и абонентские кабели ГТС. Для протяжки телефонных кабелей и прокладки труб при строительстве применялись передовые для того времени технологии: щитовая проходка, способы продавливания, прокола, горизонтального бурения и др.

Широкое применение на линейных работах получили экскаваторы, бурильно-крановые машины для установки столбов, телескопические вышки-подъемники для прокладки кабелей по стенам зданий и их подвески

по столбам; комплексные кабельные машины, осуществлявшие перевозку барабанов с кабелем, откачку воды, вентилирование смотровых устройств, проверку герметичности свинцовой оболочки кабелей, протяжку кабелей; кабельные тележки, кабелеукладчики, компрессорные станции и другие механизмы [11. С. 15].

Начиная с 1950-х гг. устаревшие телефонные кабели типа ТГ, ТРК со свинцовой оболочкой [12. С. 75] заменялись кабелями в пластикатовой оболочке с пластиковой изоляцией жил, а также кабелями с диаметром жил 0,4 мм. Свинец начал постепенно вытесняться поливинилхлоридом и другими синтетическими материалами: кабели с пластмассовой оболочкой были более гибкими, обладали меньшим весом, были устойчивы к коррозии. Появились кабели марок ТРВКШ, ТРПКШ и др. [13. С. 333]. Впоследствии синтетические материалы и пластмассы – полиэтилен, полистирол, поливинилхлорид, фторопласт, полипропилен и др. – стали широко использоваться в кабельном производстве для изготовления изоляции жил и кабельных оболочек. В качестве материала для токопроводящих жил медь заменялась более дешевым алюминием и алюминиевыми сплавами [14. С. 3].

Таким образом, основными направлениями послевоенной модернизации ГТС являлись: постепенный переход от станций ручных систем к автоматическим, внедрение более совершенных *шаговых* и *координатных* систем АТС, широкое *каблирование* линейного хозяйства. В период первых послевоенных пятилеток сложилась топологическая и логическая структура ГТС, которая почти в неизменном виде просуществовала до конца XX столетия. Вместе с тем страна находилась лишь в самом начале долгого пути модернизации телефонных сетей. Предстояло автоматизировать процессы обслуживания коммутационных систем ГТС и управления сетью; отрегулировать поступающие от абонентов потоки телефонной нагрузки; оптимизировать существовавшую структуру ГТС. Наряду с развитием технических средств и количественным наращиванием мощностей перед связистами стояла задача – улучшить техническую эксплуатацию оборудования и обслуживание населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городская телефонная связь : справочник / Б.З. Берлин, А.С. Брискер, Л.С. Васильева и др. М. : Радио и связь, 1987. 280 с.
2. ГОСТ 19472-88. Система автоматизированной телефонной связи общегосударственная. Термины и определения. Введен в действие 01.01.1990. М., 1988. 47 с.
3. Голубцов И.Е., Павловский И.Е. Городская и сельская телефонная связь // Электросвязь. 1970. № 4. С. 9–14.
4. Вопросы развития транспорта и связи в СССР. М. : ВПШ при ЦК ВКП(б), 1948. 158 с.
5. Сергейчук К.Я. Развитие средств связи в новой сталинской пятилетке // Вестник связи. Электросвязь. 1946. № 4–5. С. 1–3.
6. Развитие связи в СССР. 1917–1967 / под общ. ред. Н.Д. Псурцева. М. : Связь, 1967. 479 с.
7. Времен связующая нить. Страницы истории Новосибирской городской телефонной сети / М.А. Косарев, М.Н. Щукин, И.З. Тельманова, Е.Б. Буторина. Новосибирск : Сибирская горница, 2000. 300 с.
8. История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему). Томск : Спектр, 2000. 440 с.
9. Пояснительная записка к годовому производственному отчету по городской телефонной связи за 1963 г. // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 2. Д. 396.
10. Аносович Б.Ф. Высокочастотная связь по кабельным линиям // 70 лет радио / под ред. А.Д. Фортуненко. М. : Связь, 1965. С. 293–314.
11. Мазель С.И. Механизация земляных работ на строительстве городских телефонных сетей // Вестник связи. 1951. № 12. С. 15.
12. Алексеев В.И., Томчин Б.З., Шарле Д.Л. Кабельные линии городских телефонных сетей. М. : Связь, 1973. 232 с.
13. Бачелис Д.С., Белоруссов Н.И., Саакян А.Е. Электрические кабели, провода и шнуры : справочник. М. ; Л. : Госэнергоиздат, 1958. 480 с.
14. Глинка В.И. Проблемы развития телефонной связи в СССР // Электросвязь. 1976. № 3. С. 1–6.

Mirkin Vladimir V. (Tomsk State University, Russia). E-mail: vvmvcv@gmail.com

WAYS OF MODERNIZATION OF THE CITY TELEPHONE NETWORKS OF THE USSR IN THE POST-WAR PERIOD (1945-1965).

Keywords: telephone communication, wire communication facilities, automatic telephone system, cable systems, linear communication facilities.

Based on a wide range of literature and sources, the author of the article sets a goal - to analyze the main ways of modernizing urban telephone communications during the first post-war five-year plans. To achieve this goal, several tasks are being accomplished. In particular, the role of telephone communication in the post-war period is determined within the national economic complex of the country as a whole. In the post-war era, telephone communication had evolved into an integral element of material production: technological processes, scientific research, the process of industrial co-operation, production management, etc. In addition, the typology of urban telephone networks (UTN) of this period is determined: the UTN was built and developed on the basis of centralized or decentralized system - thus, in their structure, they were divided into non-zoned and zoned.

The key goal of the article is to analyze the technological evolution of telephone communications, namely: progress in the field of automatic telephone systems (ATS). The pre-war machine system of the automatic telephone systems, in spite of its high performance indicators, was considered technologically too complicated and time-consuming, and its mass production was considered inexpedient. It was replaced by the next generation of automatic telephone systems - stations of a ten-step system. However, in the process of the evolution of urban telephone networks, the drawbacks inherent in the ten-step systems were more and more affected. The analysis of various commutation systems revealed the expediency of using a coordinate connector, which led to the creation of a new type of automatic telephone systems - coordinate. Further modernization of the ATS coordinate system was carried out in two directions: first, the use of exclusively relay control; secondly, management based on electronic technology (mechanical-electronic automatic telephone exchange). The author emphasizes that despite the successes of research and development, the positive experience of operating coordinate systems, the quantitative growth of the country's telephone network until the late 1970s was implemented mainly on the basis of switching equipment of a ten-step system and only partially based on the introduction of coordinate systems.

Thus, the author comes to the conclusion that the main directions of the post-war modernization of the UTN were: a gradual transition from manual to automatic systems, the introduction of more advanced step and coordinate systems of ATS, and wide-scale cabling of the linear systems. Analysis of the literature allows us to conclude that during the first postwar five-year plans, technological topology and the logical structure of the UTN developed, which almost unchanged existed until the end of the 20th century. At the same time, it is obvious that the country was only at the very beginning of a long way of modernization of telephone networks. It was necessary to automate the processes of servicing switching systems of UTN and network management; optimize the existing structure of the UTN. Along with the development of technical facilities and a quantitative increase in capacity, the communicators were faced with the task of improving the technical operation of equipment and servicing the population.

REFERENCES

- Berlin, B.Z., Brisker, A.S., Vasilyeva, L.S. et al. (1987) *Gorodskaya telefonnaya svyaz': Spravochnik* [Urban Telephone Communication: A Reference Book]. Moscow: Radio i svyaz'.
- Russian Federation. (1988) *GOST 19472-88. Sistema avtomatizirovannoy telefonnoy svyazi obshchegosudarstvennaya. Terminy i opredeleniya. Vvedon v deystviye 01.01.1990* [GOST 19472-88. National system of automated telephone communication. Terms and Definitions. Entered into force on January 1, 1990]. Moscow: (s.n.).
- Golubtsov, I.Ye. & Pavlovskiy, I.Ye. (1970) *Gorodskaya i sel'skaya telefonnaya svyaz'* [City and rural telephone communication]. *Elektrosvyaz'*. 4. pp. 9–14.
- Central Committee of the CPSU (b). (1948) *Voprosy razvitiya transporta i svyazi v SSSR* [The development of transport and communications in the USSR]. Moscow: VPSH pri TSK VKP(b).
- Sergeyev, K.Ya. (1946) *Razvitiye sredstv svyazi v novoy stalinskoy pyatiletke* [Development of communications in the new Stalin five-year plan]. *Vestnik svyazi. Elektrosvyaz'*. 4–5. pp. 1–3.
- Psurtsev, N.D. (1967) *Razvitiye svyazi v SSSR. 1917–1967* [Development of communications in the USSR. 1917–1967]. Moscow: Svyaz'.
- Kosarev, M.A., Shchukin, M.N., Telmanova, I.Z. & Butorina, Ye.B. (2000) *Vremya svyazuyushchaya nit'. Stranitsy istorii Novosibirskoy gorodskoy telefonnoy seti* [Time-connecting thread. Pages of the History of the Novosibirsk City Telephone Network]. Novosibirsk: Sibirskaya gornitsa.
- Desyatskiy, V.S. (2000) *Istoriya elektrosvyazi Tomskoy oblasti (ot proshlogo k nastoyashchemu)* [History of Telecommunications of Tomsk Region (From Past to Present)]. Tomsk: Spektr.
- The State Archives of Tomsk Region. (1963) *Poyasnitel'naya zapiska k godovomu proizvodstvennomu otchotu po gorodskoy telefonnoy svyazi za 1963 g.* [Explanatory note to the annual production report on city telephone communication for 1963]. Fund R-1134. List 2. File 396.
- Anosovich, B.F. (1965) *Vysokochastotnaya svyaz' po kabel'nym liniyam* [High-frequency communication via cable lines]. In: Fortushenko, A.D. (ed.) *70 let radio* [70 years of radio]. Moscow: Svyaz'. pp. 293–314.
- Mazel, S.I. (1951) *Mekhanizatsiya zemlyanykh rabot na stroitel'stve gorodskikh telefonnykh setey* [Mechanization of earthworks on the construction of urban telephone networks]. *Vestnik svyazi*. 12. pp. 15.
- Alekseyev, V.I., Tomchin, B.Z. & Sharle, D.L. (1973) *Kabel'nyye linii gorodskikh telefonnykh setey* [Cable lines of urban telephone networks]. Moscow: Svyaz'.
- Bachelis, D.S., Belorussov, N.I. & Saakyan, A.Ye. (1958) *Elektricheskiye kabeli, provoda i shnury* [Electrical cables, wires and cords]. Moscow; Leningrad: Gosenergoizdat.
- Glinka, V.I. (1976) *Problemy razvitiya telefonnoy svyazi v SSSR* [Problems of the development of telephone communications in the USSR]. *Elektrosvyaz'*. 3. pp. 1–6.

Е.Ф. Синельникова, В.С. Соболев

ПРОТОКОЛЫ СОБРАНИЙ ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-33-00003).

Философское общество при Санкт-Петербургском университете было создано в 1897 г. и ставило своей главной целью развитие и распространение философских знаний в России. Авторами статьи были выявлены и проанализированы 22 протокола собраний общества за первые два года его деятельности, которые были опубликованы в двух книгах журнала «Вопросы философии и психологии» за 1899 и 1900 гг. Протоколы собраний общества являются ценным источником по истории отечественной науки, так как содержащиеся в них материалы позволяют составить достаточно полное представление о повседневной жизни интереснейшего научного общества на рубеже XIX–XX вв., а также об уровне развития философии в России в исследуемый период.

Ключевые слова: история науки; Философское общество; исторические источники; деятельность ученых; Императорский Санкт-Петербургский университет.

В 2017 г. исполняется 120 лет со дня создания Философского общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. У его истоков стояли авторитетные известные ученые А.И. Введенский, В.С. Соловьев, Э.Л. Радлов, В.М. Бехтерев, Н.Г. Дебольский, М.И. Каринский и др. Разработанный инициативной группой проект устава общества, выработанный на собрании членов-учредителей 25 марта 1897 г., подписали 80 представителей науки и культуры [1. С. 90]. После преодоления ряда неизбежных бюрократических трудностей, 22 октября 1897 г. устав Философского общества был утвержден министром народного просвещения, графом И.Д. Деляновым.

Общество ставило своей целью развитие и распространение философских знаний. Для достижения своей цели оно имело право, согласно 3-го параграфа устава: устраивать для научных сообщений, кроме закрытых заседаний, публичные собрания; печатать свои труды в виде отдельных и повременных изданий и др. [2. С. 3].

В первые годы существования общества деятельность его членов, в основном, заключалась в подготовке и чтении научных докладов по различным философским дисциплинам. Общество не имело собственного печатного органа, поэтому тексты лишь некоторых докладов были опубликованы в известных тогда журналах: «Вестник Европы», «Мир Божий», «Журнал Министерства народного просвещения», «Cosmopolis» и др.

В конце 1898 г. было достигнуто соглашение с редакцией журнала «Вопросы философии и психологии», выпускавшимся Московским психологическим обществом¹, относительно печатания в этом журнале материалов Философского общества и содействия в его издании [3. С. 109]. Начиная с 1899 г. журнал выходил под двумя грифами², так как оба общества принимали «дружное участие» и вместе способствовали «содержательности и успеху» «общего органа русской философии» [4. С. V]. А.И. Введенский от имени Совета

Санкт-Петербургского философского общества следующим образом оценивал значение тех дружественных взаимоотношений, которые установились между двумя обществами: «Когда же в Санкт-Петербурге возникло Философское общество, Московское психологическое общество, приветствуя его с величайшими чувствами как своего собрата, вместе с тем любезно предложило ему пользоваться для его целей страницами “Вопросов философии и психологии”. Принимая с благодарностью это приглашение и сознавая, что обоим русским философским обществам следует поддержать между собой братское единение и по мере возможности содействовать друг другу в достижении преследуемых ими целей» [5. С. VII].

Нельзя не отметить, что взаимоотношения двух обществ с самого начала были очень дружественные. Это неудивительно, ведь В.С. Соловьев служил «соединительным звеном» между московскими и петербургскими философами. Э.Л. Радлов, будучи товарищем председателя Философского общества, справедливо полагал, что своими знакомствами с выдающимися московскими мыслителями – руководителями Психологического общества, он всецело обязан Владимиру Сергеевичу Эрнест Леопольдович отмечал, что «каждый раз, как в Петербург приезжал кто-либо из москвичей, Соловьев, проводивший половину года в Петербурге, а другую в Москве, заботился о том, чтобы установить связь с петербуржцами» [6. С. 190].

Столичные философы за 20 лет сотрудничества с журналом «Вопросы философии и психологии» опубликовали в нем немало статей и других материалов. Однако особого внимания заслуживают две книги журнала, в которых были опубликованы протоколы собраний Философского общества за 1897–1899 гг. [1, 3]. В них помещены 22 протокола собраний общества (соответственно, 1-е собрание состоялось в 1897 г., 11 собраний в 1898 г. и 10 – в 1899 г.).

Протоколы являются уникальным историческим источником, позволяющим составить представление о внутренней, повседневной жизни интереснейшего научного общества на рубеже XIX–XX вв. Собрания бывали годовые, в начале академического года, и обыкновенные. Они могли быть закрытыми или публичными, т.е. открытыми. На первые допускались только члены общества, однако с разрешения председателя собрания их могли посещать гости. Открытые собрания почти всегда вызвали большой интерес у научного сообщества и студентов. В протоколах неоднократно отмечалось следующее: «заседание было открыто при большом числе посторонних лиц», «заседание было крайне многолюдно, так что все места в зале и на хорах были заняты, и многим пришлось стоять», «из-за большого числа членов и гостей, заседание было перенесено в Актовый зал» и т.п. Годичные и особо многолюдные открытые собрания общества проходили в Актовом зале университета, а закрытые – в небольшом зале заседаний Совета университета. Иногда собрания могли устраиваться в IX аудитории, одно заседание в 1899 г. прошло в Минералогическом кабинете университета. Все заседания, за редким исключением, начинались в восемь часов вечера, а заканчивались часто за полночь. Примечательно, что в 1898 г. заседания проводились в будние дни, в 1899 г. практически всегда Философское общество собиралось в субботу или воскресенье, с периодичностью один-два раза в месяц, в период с мая по сентябрь заседания не проводились.

Прежде всего, в протоколах содержатся материалы по организационно-кадровым и финансовым вопросам деятельности общества: выборы руководящего состава, выборы новых членов, выборы ревизионной комиссии, внесение изменений в уставные документы, рассмотрение финансовых вопросов и др.

Так, на первом собрании общества, проходившем 7 декабря 1897 г., под председательством декана историко-филологического факультета, профессора И.В. Помяловского, был избран Совет общества. В его первоначальный состав вошли: А.И. Введенский, Э.Л. Радлов, А.С. Фаминцын, В.М. Бехтерев, И.И. Лапшин, Я.Н. Колубовский и А.П. Нечаев [3. С. 87]. Я.Н. Колубовский оставался бессменным казначеем общества. А.Н. Нечаев в 1898 г. являлся секретарем организации, И.И. Лапшин – библиотекарем. В 1899 г. эти должности занимали Л.В. Рутковский и В.С. Серебренников соответственно.

Иногда в жизни общества возникали непредвиденные трудности. Во время выборов председателя на первом собрании Философского общества, голоса «избирателей», поданных за двух кандидатов на этот пост, разделились почти поровну: 41 голос – за А.И. Введенского и 40 голосов за М.И. Каринского [7. Л. 4]. Подобные результаты голосования не удовлетворили А.И. Введенского и он отказался от председательства. Собрание 4 января 1898 г. единогласно решило отло-

жить избрание председателя до годового собрания, до этого времени исполнение обязанностей председателя было возложено на товарища председателя Э.Л. Радлова [3. С. 88]. Почти через год, 11 октября 1898 г. на годовом собрании общества А.И. Введенский уже единогласно был избран председателем вторично [Там же. С. 99]: на этот раз М.И. Каринский отказался участвовать в выборах. Александр Иванович занимал этот пост на протяжении всей 25-летней деятельности общества. Однако нельзя не отметить, что после возобновления деятельности общества в 1921 г. Э.Л. Радлов исполнял обязанности председателя, так как А.И. Введенский был болен и не мог посещать собраний [7. Л. 11].

В протоколах неоднократно упоминается вопрос о финансовых трудностях, которые не позволяли обществу расширять масштабы его деятельности, в частности начать публикацию трудов представителей классической философии и работ своего актива. Так, в докладе секретаря общества В.С. Серебренникова на годовом собрании 22 октября 1899 г. по этому поводу говорилось следующее: «К сожалению, общество не могло еще приступить к предполагаемому им изданию своих трудов, хотя бы, например, в виде переводов классических философских произведений, и ограничилось пока содействием изданию “Вопросов философии и психологии”» [1. С. 91].

Протоколы собраний убедительно свидетельствуют о росте числа членов Философского общества. К моменту его открытия их насчитывалось 80 человек, к сентябрю 1899 г. это количество достигло 156 членов [Там же. С. 90], в 1900 г. их было 185 [8], а в 1901 г. уже более 200 [9. С. 37]. Однако, несмотря на неуклонный рост численного состава общества, на собраниях присутствовали от 23 до 50 членов общества. По-видимому, собрания посещали только члены общества, проживающие в Петербурге. По протоколам можно установить динамику роста численности, так как в конце заседаний обычно объявлялись имена предложенных Совету общества кандидатов в действительные члены и члены-соревнователи. В следующем собрании проходила процедура избрания предложенных кандидатов. За два первых академических года деятельности общества были избраны 57 действительных членов и 22 члена-соревнователя [1. С. 90].

Однако, на наш взгляд, наибольший интерес и важность представляют материалы протоколов об основной деятельности общества – о подготовке и чтении научных докладов, об обсуждении их на заседаниях, о тех речах, с которыми выступили на собраниях ученые. По нашим подсчетам, за первые два года существования общества на его собраниях учеными было произнесено 10 речей, сделано и обсуждено 13 докладов.

Большинство речей, произнесенных на собраниях общества, было посвящено вопросам истории философии и деятельности отдельных ярких представителей этой науки. Главным отличием «речи» от доклада было то, что обсуждение ее в собрании не проводилось. Ино-

гда, в случае большого успеха оратора, в протоколе отмечалось, что «речь была покрыта весьма дружными и долгими несмолкающими аплодисментами».

С речами на собраниях Философского общества при Санкт-Петербургском университете в 1898-1899 гг. выступали не только «профессиональные» философы А.И. Введенский и В.С. Соловьев, но и выдающиеся русские ученые – представители других наук: математик С.Е. Савич, физик, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук О.Д. Хвольсон, эпидемиолог С.М. Лукьянов, историк, академик Санкт-Петербургской Академии наук А.С. Лаппо-Данилевский, ботаник, академик Санкт-Петербургской Академии наук А.С. Фаминцын и др.

Попытаемся вкратце рассказать о некоторых речах, прозвучавших на собраниях общества в течение первых двух лет его существования. В январе 1898 г. А.И. Введенский произнес речь «Судьбы философии в России», которая имела огромное значение для истории отечественной науки, что подтверждается неоднократной публикацией текста этой речи [9–12]. Прежде всего, ученый высказал свое мнение о значении создания Философского общества в Санкт-Петербурге. При этом было отмечено следующее: «Открывая первое в России Философское общество, естественно задуматься, что ожидает его? Каковы надежды на успешное развитие его деятельности? Есть ли основания думать, что в России философия может в скором времени настолько же процветать и оказывать ей такие же услуги, как это было в других странах? Ведь постоянно приходится слышать, что у нас все еще нет своей философии, и что мы еще надолго осуждены ученически усваивать и повторять чужие воззрения, нисколько не участвуя в их дальнейшей разработке и даже не применяя их к развитию нашей культуры» [9. С. 3]. А.И. Введенский выразил свое принципиальное несогласие с подобной точкой зрения, при этом, в подтверждение своей позиции, он сослался на опыт истории философии в России [Там же. С. 4].

Для нас важным является то обстоятельство, что А.И. Введенский в начале своей знаменитой речи кратко, но весомо и убедительно обосновал главные объективные предпосылки создания нового общества и выразил надежду на будущий успех этого научного явления. Хронологические рамки своего выступления Александр Иванович ограничил XIX в. Он отметил «гонения, которые испытала философия при Александре I, и полное ее изгнание из университетов в конце 40-х годов» [3. С. 89]. В то же время, докладчик выразил свое убеждение в том, что «занятия философией у нас с самого начала текущего столетия выразились действительной, серьезной потребностью, удовлетворяемой вопреки всем препятствиям, и, несмотря на гонения, испытываемые философией, всегда давали богатые и полезные результаты» [Там же]. В заключение А.И. Введенский выразил уверенность, что «энергичное содействие развитию и распространению философ-

ских знаний в России очень скоро, может быть, уже в ближайшем поколении, выработает деятелей, которые будут иметь для России столь же большое значение, как западники и славянофилы, а для науки всего мира, как Лобачевский» [3. С. 90].

В феврале 1898 г. на собрании прозвучала речь В.С. Соловьева «Жизненная драма Платона» [13]. Владимир Сергеевич полагал, что «началом жизненной драмы Платона следует считать впечатление, произведенное на него смертью Сократа» [3. С. 91]. По мнению докладчика, Сократ, «одушевленный стремлением к знанию, всеми силами боролся против обскурантизма и слепой веры. Выясняя истинное понятие божества и государства, он находил невозможным присваивать божеству полицейскую функцию, а полиции божественную санкцию» [Там же]. В.С. Соловьев в свойственной ему эмоциональной, яркой форме обрисовал драматизм той ситуации: «...справедливость Сократа, его беспристрастие вызвали недовольство обеих партий – и охранителей, и разрушителей. Вражда к мудрецу, возгоревшаяся на чисто личной почве, натолкнула их на страшное дело, и Сократ был осужден, как преступник» [Там же. С. 92]. Последний аккорд речи звучал «по-соловьевски» сильно: «Платон невольно должен был почувствовать себя в трагическом положении перед грозным вопросом: “быть или не быть правде?”». Сознав это положение, он становится истинным героем жизненной драмы, перед которой бледнеет шекспировский “Гамлет”» [Там же].

В марте 1898 г. в Философском обществе широко отмечалось 100-летие со дня рождения Огюста Франца Конта (1798–1857). В двух собраниях учеными по этому поводу было произнесено пять речей. Напомним, что всего за два первых года существования общества, ученые с речами выступили 10 раз.

Французский философ считался «родоначальником позитивизма» и «основоположником социологии как самостоятельной науки». Надо полагать, что именно данные обстоятельства и определили масштабы празднования его 100-летнего юбилея «в стенах» Философского общества. К этому времени в России позитивизм в философии завоевывал все большее число сторонников и последователей. А существовавший цензурный запрет на проведение социологических исследований вовсе не означал того, что актуальные вопросы этой науки не волновали умы многих ученых-гуманитариев.

Юбилейные мероприятия были начаты речью В.С. Соловьева «Об общих идеях О. Конта». Впервые текст этого выступления был опубликован в 1898 г. под названием «Идея человечества у Августа Конта» [14]. Сначала Владимир Сергеевич обрисовал «исторические условия мысли» французского мыслителя и указывал на то, что «отрицательное отношение к христианству соединяется у Конта с отрицательным же отношением к революции» [15. С. 173]. По мнению В.С. Соловьева «Конт не остановился на понятиях

нации и гражданского общества, но указал на человечество, как живое, действительное существо. На почитании этого живого великого существа – человечества – Конт основал свою религию» [3. С. 94]. Докладчик предложил слушателям один из любимых своих сюжетов: «Конт близко подошел к основной идее христианства и, в частности, даже к той форме ее внешнего выражения, которая давно существовала у нас на Руси в виде поклонения новгородскому образу святой Софии. В этом смысле слова Конт может быть назван великим восполнителем исторического христианства» [Там же]. Следует сказать о том, что В.С. Соловьев в своих трудах неоднократно обращался к крайне, видимо, важной для него теме «образа Софии Премудрости Божией». Позволим себе привести один из интересных, на наш взгляд, фрагментов из упоминаемой нами речи: «Это Великое, царственное и женственное Существо, которое, не будучи ни Богом, ни вечным Сыном Божиим, ни ангелом, ни святым человеком, принимает почитание и от завершителя Ветхого Завета и от родоначальницы Нового, – кто же оно, как не само истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенная и во временном процессе соединенная и во временном процессе соединяющаяся с Божеством и соединяющая с Ним все, что есть. Несомненно, что в этом полный смысл Великого Существа, наполовину почувствованный и созданный Контом» [15. С. 188].

Одним из авторов юбилейных речей стал выдающийся историк А.С. Лаппо-Данилевский, говоривший «О позитивном методе в социологии Конта». По мнению докладчика, «методологические указания Конта имели большое значение в истории социологии» [3. С. 96]. Александр Сергеевич, в частности, указал на то, что «сопоставляя общество с организмом, Конт понимал организм не только в биологическом, но и в психологическом смысле и среди факторов прогресса на первом месте ставил идеи» [Там же].

Ученые-естественники в своих выступлениях, посвященных О. Конту, рассматривали его воззрения на математику, биологию и физику. К сожалению, в протоколах собраний Философского общества были зафиксированы только основные положения этих «речей», а их полные тексты в 1898 г. были опубликованы в различных научных и просветительских журналах [16–18].

В октябре 1899 г. академик А.С. Фамицын выступил с речью «Современное естествознание и его ближайшая задача». Оратор обратил внимание собравшихся «на назревшую потребность расширить район деятельности естествоиспытателей распространением экспериментального метода на психические явления» [1. С. 92]. Андрей Сергеевич достаточно определенно сформулировал недостатки современного естествознания: «...отсутствие анализа нашей познавательной способности, а равно и способа и средств наших для познания внешнего мира» [Там же]. По мнению

А.С. Фамицына, «естествознание не должно ограничиваться явлениями материальными, а распространять свои расследования и на явления психологические» [1. С. 93].

Следует отметить, что подобные идеи к этому времени в России все в большей степени овладевали умами прогрессивной части научной интеллигенции. Одним из важных и успешных результатов реализации этих идей стало создание академиком В.М. Бехтеревым в 1907 г. Психоневрологического института в Санкт-Петербурге. Его устав был разработан специальным комитетом Русского общества нормальной и патологической психологии в 1904 г. [19. С. 716], однако реализация проекта заняла три года. В результате деятельности института, в частности, была создана уникальная научная школа, воплотившая в жизнь основную системную концепцию «целостного подхода к человеку». Кроме того, институт выпускал с 1911 г. под редакцией академика В.М. Бехтерева и профессора В.С. Серебренникова научный журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии»³, в котором публиковались, в том числе, статьи членов Философского общества.

Резюмируя практику «чтения речей» в собраниях Философского общества, можно отметить, что в дальнейшем речи произносились только на годичных собраниях или по особым случаям. Более приемлемой и оптимальной формой работы были признаны научные доклады, за которыми следовали их обсуждения.

Как уже упоминалось выше, в протоколах собраний Философского общества за 1897–1899 гг. имеются сведения о 13 докладах. С некоторой степенью относительности все эти доклады по предметному признаку можно подразделить на 5 групп по тематическому принципу: 4 доклада были сделаны по социальной философии; прозвучало 3 доклада по теории познания; 3 доклада можно отнести к философии искусства; 2 раза докладчики говорили об истории философии; о современном преподавании философии докладывалось на собрании всего 1 раз.

Будучи ограничены рамками статьи, попытаемся вкратце передать основное содержание наиболее важных докладов и полемику, вызванную ими. Обсуждения представляются нам особенно ценными, так как они отражают непосредственную реакцию научного общества на обсуждаемые темы. Кроме того, критические замечания зачастую учитывались докладчиками при подготовке их выступлений к печати.

Итак, к первой группе можно отнести доклад опытного юриста Д.Д. Гримма «К вопросу о психологическом анализе человеческих действий», прочитанный 17 ноября 1899 г. Давид Давидович считал, что подобный анализ «должен быть произведен с двоякой точки зрения: с точки зрения самого действующего лица (анализ внутренней стороны действия) и с точки зрения третьих лиц (анализ внешней стороны действия)» [1. С. 100]. По мнению докладчика, все действия человека

«можно разбить на две главные группы: действия, направленные на известный физический эффект (например, пользование, потребление, распоряжение), и действия, направленные на известный психический эффект в отношении данного объекта (например, восприятие или усвоение чего-либо, сообщение чего-либо, взаимный обмен мыслей, чувств, желаний)» [1. С. 101]. В докладе, в частности, говорилось о возможности применения общих начал психологии в области уголовного права.

Доклад вызвал большой интерес у присутствующих, в прениях выступили шесть оппонентов. В их числе известный юрист А.Ф. Кони, являющийся членом Философского общества, которого А.И. Введенский специально пригласил принять участие в обсуждении этого доклада. Анатолий Федорович, открывавший дискуссию, в частности, отметил, что «применение общих начал психологии и ее выводов к уголовной ответственности» вполне желательно, но нельзя в судебной сфере этим ограничиваться [Там же. С. 103–104]. Председательствующий в собрании А.И. Введенский должен был закончить прения «в виду позднего времени – 12 ½ часа ночи» [Там же. С. 108].

К первой тематической группе можно отнести также и доклад правоведа, представителя социологической мысли Б.А. Кистяковского «Категории необходимости и справедливости при исследовании социальных явлений», сделанный на собрании 16 декабря 1899 г. Богдан Александрович полагал, что «безусловная необходимость по своему содержанию тождественна с всепространственностью и всевременностью. То есть со значением для всякого места и для всякого времени» [Там же. С. 110]. Докладчик указывал на то, что «над всяким социальным явлением независимо от исследования причинных соотношений, обусловивших его, может быть высказан этический приговор, смотря по тому, приводит ли оно к справедливым результатам» [Там же. С. 111].

Надо заметить, что в описываемый нами момент Б.А. Кистяковский являлся еще представителем марксистской философии (от марксизма он отошел позднее, в первые годы XX в.), поэтому в докладе давалась весьма положительная оценка ряду важных марксистских положений. К. Марксу ставилось в особенную заслугу применение новых методов к изучению социальных явлений. Указывалось также, что К. Маркс «в отличие от прежних экономистов, не ограничился изучением экономических отношений при капиталистическом строе, а ставил вопрос шире, считая этот строй соответствующим одной только стадии исторического развития» [Там же].

Как и следовало ожидать, обсуждение доклада проходило очень активно, выступили шесть оппонентов и прения были закончены «около часа ночи». В связи с большим значением, которое к этому времени уже имели идеи К. Маркса для социально-политической ситуации в стране, остановимся подробнее на высказанных в прениях суждениях о его «историко-

философской системе экономического материализма». Так, экономист и статистик В.И. Борткевич весьма критически оценивал положения его теории, отмечая ее чисто-экономическое содержание, которое не обладало «характером бесспорности» [1. С. 113]. Владиславом Иосифовичем отмечал также, что приемы, использованные Марксом для доказательства его теории, «не представляют ничего нового с точки зрения, <...>, хотя бы по сравнению с методами, применявшимися классической школой экономистов» [Там же. С. 113–114]. В том же тоне высказывался и следующий оппонент – автор многочисленных философских статей Л.Е. Оболенский, который подчеркивал, что «теория К. Маркса, видящая всю историю в классовой борьбе и развитии только экономических отношений, является лишь односторонней научной гипотезой», и далее, что «ее ошибка в том, что она в одной цепи причинных зависимостей (в цепи экономической и классовой) видит все и надеется объяснить этим всю историю» [Там же. С. 117]. Своеобразным «предостережением» прозвучало одно из заключительных положений оппонента: «опасность марксизма в том, что он переносит свою односторонность в мораль, в практическую жизнь» [Там же].

Ко второй группе докладов мы отнесли выступления по теории познания. В ноябре 1898 г. был заслушан доклад Л.Е. Оболенского «Главнейшие типы представлений о мире, как он есть сам по себе, и их критика». Леонид Егорович, в частности, утверждал, что «стремление человечества искать познания мира самого по себе обуславливается двумя причинами: умственной и моральной» [3. С. 104]. Докладчик считал, что его научная позиция «проливает новый свет на самый процесс познания, уже не требующий непонятого перехода от механического возбуждения в психическое: достаточно допустить передачу субъективного состояния от одного “я” к другому» [Там же. С. 105]. В обсуждении выступления Л.Е. Оболенского приняли участие три оппонента, которые сошлись во мнении, что положения доклада недостаточно обоснованы и требуют критического анализа докладчика. Обсуждение, однако, затянулось так, что «остальные вопросы повестки дня за поздним временем были отложены на следующее собрание» [Там же].

По нашей систематизации ко второй группе докладов отнесено и выступление философа-кантианца И.И. Лапшина «О трусости в мышлении», заслушанное на собрании в ноябре 1899 г. Основные положения «первой фактической части доклада сводились к следующему: трусость в мышлении бывает двоякая – перед людьми и перед представлениями» [1. С. 94]. При этом Иван Иванович, являющийся одним из известных в России представителей неокантианства, не преминул заметить, что «ярким примером для второго вида (т.е., для «представлений». – *Е.Ф., В.С.*) является страх перед философским идеализмом» [Там же]. Во второй части доклада приводились соображения психологического порядка: «Трусость в мышлении заключается во

взаимоотношении между эмоциями и механизмом представлений» [1. С. 94–95]. В протоколе собрания было отмечено, что доклад «вызвал оживленные прения», что можно объяснить не только новизной предложенной темы, но и тем, что у членов Философского общества была возможность ознакомиться с тезисами доклада, которые были им заранее разосланы [Там же. С. 98]. В итоге Ивану Ивановичу пришлось давать ответы семи своим оппонентам. Особо ценные замечания по докладу высказали М.М. Филиппов и Л.Е. Оболенский, которые указывали на то, что «задавшись чисто психологическим исследованием, докладчик выполнил его односторонне и несколько тенденциозным образом» [Там же. С. 95–96]. Однако, председатель собрания А.И. Введенский положительно оценил поставленную автором задачу – «исследовать психологические причины, побуждающие относиться враждебно к тому или другому философскому направлению, независимо от того, будет ли оно признано состоятельным или нет» [Там же. С. 100].

В третью группу докладов нами были включены выступления по философии искусства. Так, в марте 1898 г. на собрании выступил создатель системы феноменального формализма Н.Г. Дебольский с докладом «Понятие красоты», который был опубликован в качестве статьи в августе 1898 г. [20]. Николай Григорьевич высказал мнение о том, что «понятие красоты – низшая ступень в ее понимании, когда рассматривается только как нечто противоположное безобразию; идея же красоты есть нечто высшее, в чем уничтожаются данные противоположности» [3. С. 97]. Свои основные выводы докладчик сформулировал следующим образом: «Красота – откровение Бога через природу. Созерцание красоты есть мистическое погружение нашего духа в сущность природы» [Там же]. Идеи и доводы докладчика вполне соответствовали его философским взглядам. Н.Г. Дебольский являлся одним из известных в России представителей идеализма и метафизики, он ряд лет возглавлял кафедру метафизики в Санкт-Петербургской духовной академии. Обсуждение доклада было перенесено на следующее собрание общества и прошло в апреле 1898 г., в прениях выступили три оппонента: Я.Н. Колубовский, А.И. Введенский и В.М. Бехтерев.

Выступление действительного его члена Философского общества, филолога Ф.Д. Батюшкова «Утопия всенародного искусства», посвященное «теории графа Л.Н. Толстого⁴ об искусстве», состоялось в ноябре 1898 г. Это выступление было откликом на трактат Л.Н. Толстого «Что такое искусство?», впервые опубликованный в «Вопросах философии и психологии» (начало в конце 1897 г., окончание – в начале 1898 г.) [22], который привлек огромное общественное внимание и вызвал бурные дискуссии. Санкт-Петербургское философское общество не могло обойти своим вниманием данное событие интеллектуальной жизни страны. В своем выступлении Федор Дмитриевич отмечал, что

«идея всенародного искусства, составляющая основную мысль теории Толстого, является утопией» [3. С. 99]. Он утверждал, что требование всенародности противоречит основному свойству искусства – действовать непосредственно на наши чувства, что невозможно в виду разнообразия восприимчивости, вкуса и развития людей» [Там же. С. 100]. Доклад Ф.Д. Батюшкова завершал вывод о том, что у Толстого «всенародное» отождествляется с «общенародным», и потому все, сказанное им о всенародном искусстве, сводится к характеристике основных свойств общенародного или классического искусства [Там же].

Полагаем, что все присутствующие на собрании были знакомы с первоисточником, и в прениях высказывались не только мнения непосредственно о докладе, но и об самих идеях Л.Н. Толстого. Так, выдающийся адвокат В.Д. Спасович, соглашаясь с критикой теоретических воззрений Л.Н. Толстого, представленной Ф.Д. Батюшковым, дополнил выступление, указав «некоторые недостатки во взглядах Толстого, упущенные из виду докладчиком». В частности, оппонент считал основной ошибкой Льва Николаевича, которая «служит источником его утопий о науке и искусстве в будущем» то, что он «поставил превыше всего добро, неопределяемое разумом <...>, отождествляя его с религией, с Богом, а затем, отсекая от религии всю ее догматическую часть, прилепляется, как к синониму и добра, и Бога, к чувству единения и братства людей» [Там же. С. 102]. Докладчик, в свою очередь, поблагодарил оппонента за «поучительные и интересные разъяснения». Свое мнение о Л.Н. Толстом высказал в прениях известный писатель, философ и популяризатор науки М.М. Филиппов. Он критиковал Толстого за то, что он «как по отношению к искусству, так и по отношению к науке» «сваливает в одну кучу самые различные вещи, и это зависит от ошибочности его основной мысли – применить к красоте мерилу нравственности» [Там же. С. 103]. В целом в прениях выступило четыре оппонента.

Доклады по истории философии, по нашей систематизации, были отнесены к четвертой группе. Вкратце расскажем об одном из них. Это выступление Э.Л. Радлова «Очерк историографии истории философии», состоявшийся в апреле 1899 г. Эрнест Леопольдович всю историографию разделил на три периода. Докладчик отмечал, что в эпоху Возрождения попытки написать историю философии были крайне несовершенны и «со стороны методологической», и «со стороны содержания» [1. С. 84]. В XVII–XVIII вв. существовали два основных направлений – «ученая повествовательная история» и «стремление к конструкции истории» [Там же]. С конца XVIII в. начинается подъем исторического знания. Существуют два основных направления: «ученая философия», «идеалистическая философия». Эта работа Э.Л. Радлова была опубликована в «Вопросах философии и психологии» [23]. В обсуждение этого доклада в собрании Философского общества приня-

ли участие пять оппонентов, причем «главным предметом обсуждения было влияние, которое произвела философия Гегеля на науку истории философии» [1. С. 84]. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии М.И. Каринский «с большим сочувствием» отзывался о научном характере доклада. По его мнению, значение гегелевской философии для развития историко-философских исследований состояло в том, что «она возвышала значение прежде существовавших философских систем», что должно было привлечь талантливых представителей школы к историко-философским работам и привести к появлению многих серьезных историко-философских трудов [Там же. С. 85]. Следующий оппонент, В.Э. Вальденберг рассуждал о примате истории проблем над историей философских систем. П.И. Вознесенский, критиковал доклад Радлова за то, что, по его мнению, он имел чисто историографический, а не философский характер. Однако оппонент все-таки признавал, что в докладе имеется и «философский элемент», но Э.Л. Радлову следовало бы «яснее определить понятие философии, без которого немислимо рассуждение о задачах и методах ее истории» [Там же. С. 87]. По традиции прения завершил председательствующий в собрании А.И. Введенский. Он, высоко оценив доклад, высказал ряд ценных замечаний, касающихся состоявшейся дискуссии. В частности, по поводу замечания П.И. Вознесенского отмечалось, что «при чисто исторических задачах, в состав истории философии мы должны вводить не то, что подходит под наше собственное понятие философии, а то, что считали философией современники эпохи, рассматриваемой нами» [Там же. С. 88].

Наконец, к последней пятой группе докладов о современном преподавании философии нами было отнесено одно выступление. Это был доклад известного писателя и журналиста П.Д. Боборыкина «Класс философии во Французских лицеях и колледжах», сделанный в январе 1899 г. Петр Дмитриевич долгие годы жил во Франции, в Париже, по его словам, «он отдался изучению положительной философии», сблизился с известными философами-позитивистами И. Тэнном, Г. Спенсером, Дж.С. Миллем. За годы эмиграции П.Д. Боборыкину довелось встречаться с известными политическими деятелями – Ф. Энгельсом, А. Герценом, Л. Гамбеттой. Он поддерживал также дружеские отношения с рядом писателей. В 1900 г. он был избран почетным академиком Санкт-Петербургской Академии наук.

Текст доклада П.Д. Боборыкина был опубликован под заглавием «Философия в гимназиях» [24]. Докладчик рассказал собравшимся «о преподавании филосо-

фии во французских гимназиях» [1. С. 74], познакомил участников собрания с французскими учебными пособиями и учебниками, с перечнем вопросов, которые задаются учащимся на экзаменах и др. В заключение П.Д. Боборыкиным был поставлен вопрос «о желательности философского преподавания в наших средних школах» [1. С. 75]. Тема, затронутая в докладе, была весьма актуальна, и в прениях приняли участие семь оппонентов. За исключением одного, все они были согласны с тем, что «приобщение гимназистов к философскому мышлению в том или ином размере, безусловно, желательно в принципе» [Там же]. Кроме того, выступавшие сошлись во мнении, что французское философское образование не может служить образцом. И.И. Беллярминов охарактеризовал системы преподавания философии в прусских гимназиях и английских колледжах. Заключительное слово принадлежало А.И. Введенскому, который отметил, что «при изучении философии особенно нужна постепенность», и подтвердил свой тезис указанием на разницу в усвоении программ по философии и логике в Университете и на Бестужевских курсах. Так, курсистки «успевают в философии» в среднем лучше, чем студенты университета, так как на женских курсах при том же числе лекций они распределены на два года, и «вообще каждый философский предмете проходится отдельно». В заключение Александр Иванович приходил к неутешительному выводу о невозможности вводить в гимназиях преподавание философии, «выходящее за пределы главных пунктов формальной логики», так как гимназическое образование страдает крупными недостатками, которые должны быть устранены [Там же. С. 78].

Полагаем, что протоколы собраний Философского общества являются важным и интересным источником по истории его деятельности. По своему характеру и содержанию протоколы рисуют достаточно полную картину жизни общества, отражают подчас те подробности и детали, которые не могут содержаться в других источниках. Они обогащают наше представление о конкретных формах и методах функционирования общества, о позиции и взглядах его членов, о сложности процесса научного творчества, проходившего в рамках общественной организации. Приведенный в данной статье фактический материал позволяет сделать вывод о том, что Философское общество при Императорском Санкт-Петербургском университете было значимым явлением в истории отечественной науки на рубеже XIX–XX вв., а результаты его деятельности стали существенным вкладом в развитие культуры России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Московское психологическое общество было создано 24 января 1885 г. при Императорском Московском университете. Оно функционировало до 1922 г.

² Журнал «Вопросы философии и психологии» был основан по инициативе председателя Психологического общества, профессора кафедры философии Московского университета Николая Яковлевича Грота, который возглавлял его редакцию в 1889–1893 гг. В 1894–1895 гг. Н.Я. Гроту помогал Л.М. Лопатин. В 1896–1897 гг. редакция была в руках Л.М. Лопатина и В.П. Преображенского. В 1900 г. С.Н. Трубецкой заменил умершего Преображенского. После кончины С.Н. Трубецкого в 1905 г. редакцию возглавлял один Л.М. Лопатин. В первые годы тираж журнала доходил до 1 600 экземпляров. Журнал был закрыт в 1918 г. Всего было опубликовано 137 выпусков.

3 «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии» издавался В.М. Бехтеревым с 1904 г. под названием «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» в качестве печатного органа Русского общества нормальной и патологической психологии.
4 Лев Николаевич Толстой являлся почетным членом как Московского психологического, так и Санкт-Петербургского философского общества (см., например: [8; 21]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Протоколы общих собраний Санкт-Петербургского философского общества за 1899 г. // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 51. С. 74–123.
2. Устав Философского общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1897. 8 с.
3. Протоколы общих собраний Философского общества, состоящего при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1897 и 1898 гг. // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. 87–111.
4. Грот Н.Я., Преображенский В.П. От Совета Московского психологического общества // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. V–VI.
5. Введенский А.И. От Совета Санкт-Петербургского философского общества // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. VII.
6. Радлов Э.Л. Голоса из невидимых стран // Дела и дни: исторический журнал. 1920. Кн. 1. С. 189–208.
7. Милорадович К.М. Петербургское философское общество // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Р. IV. Оп. 1-1922. Д. 875. 1922 г.
8. Список членов Философского общества при Санкт-Петербургском университете. СПб., 1900. 32 с.
9. Введенский А.И. Судьбы философии в России // Философские очерки. СПб., 1901. Вып. 1. С. 3–38.
10. Введенский А.И. Судьбы философии в России // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 42. С. 314–354.
11. Введенский А.И. Судьбы философии в России. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о. 1898. 43 с.
12. Введенский А.И. Судьбы философии в России // Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии / мост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, К.Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 26–66.
13. Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Вестник Европы. 1898. № 3. С. 334–356; № 4. С. 763–782.
14. Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Cosmopolis. 1898. № 4. С. 60–73; № 12. С. 179–183.
15. Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Собрание сочинения / под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова: в 10 т. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. Т. 9. С. 172–193.
16. Савич С.Е. О математических трудах О. Конта // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. XXXVII. С. 152–169.
17. Хвольсон Л.Д. О позитивной философии и физике // Мир Божий. 1898. № 5. С. 41–68.
18. Лукьянов С.М. Позитивная биология О. Конта и философия // Вопросы философии и психологии. 1898. Кн. 42. С. 216–253.
19. Русское общество нормальной и патологической психологии // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 9. С. 711–718.
20. Дебольский Н.Г. Понятие красоты // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. XXXVIII. С. 416–441.
21. Список членов Психологического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по 1-е февраля 1899 г. // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 46. С. 80–86.
22. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 40. С. 979–1027; 1898. Кн. 41. С. 5–137.
23. Радлов Э.Л. Очерк историографии истории философии // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 49. С. 359–378.
24. Бобрыкин П.Д. Философия в гимназиях // Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 47. С. 113–145.

Sinelnikova Elena F. St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Sobolev Vladimir S. St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia). E-mail: vlad_history@mail.ru

THE MEETINGS MINUTES OF THE PHILOSOPHICAL SOCIETY AT ST. PETERSBURG UNIVERSITY AS A SOURCE ON HISTORY OF RUSSIAN SCIENCE

Keywords: history of science; the Philosophical Society; historical sources; activity of scientists; Imperial St. Petersburg University.

The main goal of the article is a complex analysis of the meetings minutes of the Philosophical Society at St. Petersburg University. It should be stressed that it is the first such research, because the meetings minutes of the Philosophical Society have never been studied by other scholars before.

The Philosophical Society was established in 1897. Among its founders were a number of famous scientists and scholars - A.I. Vvedensky, V.S. Soloviev, E.L. Radlov, V.M. Bekhterev, I.P. Borodin, A.S. Famintsyn, S.F. Platonov, A.S. Lappo-Danilevsky, S.A. Zhebelev, M.I. Tugan-Baranovsky, N.I. Kareyev, A.F. Koni, O.D. Khvolson, etc. The aim of the society was the development and dissemination of philosophical knowledge in Russia. According to its charter, the society had the right to organized closed meetings and public scientific meetings.

The article is based on the meetings minutes of the Philosophical Society, which were published in two books of the Moscow journal “Voprosy filosofii i psikhologii” for 1899 and 1900. There are 22 meetings minutes of the society (a meeting was in 1897, 11 in 1898 and 10 in 1899). Besides, the archival documents from the St. Petersburg Branch of the Archives of Russian Academy of Sciences and the scientific articles of members of the Philosophical Society were used in the article.

On the basis of the studied material the authors came to the conclusion that the meetings minutes of the Philosophical Society at St. Petersburg University are an important and interesting source on history of Russian science as the information contained in its bring a fairly complete picture of the everyday life of one of the most interesting scientific society at the turn of the 19th and 20th centuries, as well as its show the level of development of philosophy in Russia during the period under investigation. Moreover, they show the significance of the society in the socio-cultural space of the country and its relationships and links with different scientific institutions too.

First of all, the minutes contain materials on the organizational, personnel and financial issues of the society. The most interesting materials of the meetings minutes were information on giving scientific reports, speeches and discussions. The famous scientists and scholars were the active participants of the society meetings that attracted a wide audience of scientists, scholars and students.

The Philosophical Society was an important phenomenon in the history of Russian science, and the results of its activities are an important contribution to the development of Russian culture.

REFERENCES

1. Anon. (1900) Protokoly obshchikh sobraniy Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva za 1899 g. [The Minutes of General Meetings of the St. Petersburg Philosophical Society for 1899]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 51. pp. 74–123.
2. Anon. (1897) Ustav Filosofskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete [Charter of the Philosophical Society at the Imperial St. Petersburg University]. St. Petersburg: [s.n.].
3. Anon. (1899) Protokoly obshchikh sobraniy Filosofskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete. 1897 i 1898 gg. [Protocols of General Meetings of the Philosophical Society, which is part of the Imperial St. Petersburg University. 1897 and 1898]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 46. pp. 87–111.
4. Grot, N.Ya. & Preobrazhenskiy, V.P. (1899) Ot Soveta Moskovskogo psikhologicheskogo obshchestva [From the Council of the Moscow Psychological Society]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 46. pp. 5–6.
5. Vvedenskiy, A.I. (1899) Ot Soveta Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva [From the Council of the St. Petersburg Philosophical Society]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 46. p. 7.
6. Radlov, E.L. (1920) Golosa iz nevidimyykh stran [The Voices from Invisible Countries]. *Dela i dni: istoricheskiy zhurnal*. 1. pp. 189–208.
7. Miloradovich, K.M. (1922) *Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo* [The St. Petersburg Philosophical Society]. St. Petersburg Branch of the Archive of Russian Academy of Sciences. Fund IV. List 1-1922. File 875.
8. Anon. (1900) *Spisok chlenov Filosofskogo obshchestva pri Sankt-Peterburgskom universitete* [List of Members of the Philosophical Society at St. Petersburg University]. St. Petersburg: [s.n.].
9. Vvedenskiy, A.I. (1901) *Filosofskie ocherki* [The Philosophical Essays]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 3–38.
10. Vvedenskiy, A.I. (1898) Sud'by filosofii v Rossii [The Fate of Philosophy in Russia]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 42. pp. 314–354.
11. Vvedenskiy, A.I. (1898) *Sud'by filosofii v Rossii* [The Fate of Philosophy in Russia]. Moscow: I.N. Kusneryev & Co.
12. Vvedenskiy, A.I. (1991) Sud'by filosofii v Rossii [The Fate of Philosophy in Russia]. In: Vvedenskiy, A.I., Losev, A.F., Radlov, E.L. & Shpet, G.G. *Ocherki istorii russkoy filosofii* [The Essays on the History of Russian Philosophy]. Sverdlovsk: Ural University Press. pp. 26–66.
13. Solovyev, V.S. (1898) Zhiznennaya drama Platona [The Life Drama of Plato]. *Vestnik Yevropy* [The Herald of Europe]. 3. p. 334–356.
14. Solovyev, V.S. (1898) Ideya chelovechestva u Avgusta Konta [The Idea of Humanity in August Comte]. *Cosmopolis*. 4. pp. 60–73.
15. Solovyev, V.S. (1913) *Sobraniye sochineniya in 10 volumes* [Collected Works in 10 vols]. 2nd ed. Vol. 9. St. Petersburg: Prosveshchenie. pp. 172–193.
16. Savich, S.Ye. (1898) O matematicheskikh trudakh O. Konta [On the Mathematical Works of O. Comte]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [The Journal of the Ministry of Education]. Vol. CCCXVII. pp. 152–169.
17. Khvolson, L.D. (1898) O pozitivnoy filosofii i fizike [About positive philosophy and physics]. *Mir Bozhiy*. 5. pp. 41–68.
18. Lukyanov, S.M. (1898) Pozitivnaya biologiya O. Konta i filosofii [Comte's positive biology and philosophy]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 42. pp. 216–253.
19. Anon. (1904) Russkoye obshchestvo normal'noy i patologicheskoy psikhologii [The Russian Society of Normal and Pathological Psychology]. *Vestnik psikhologii, kriminal'noy antropologii i gipnotizma*. 9. pp. 711–718.
20. Debolskiy, N.G. (1898) Ponyatiye krasoty [The concept of beauty]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Vol. CCCXVIII. pp. 416–441.
21. Anon. (1899) Spisok chlenov Psikhologicheskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete, po 1-ye fevralya 1899 g. [List of Members of the Psychological Society, consisting of the Imperial Moscow University, on February 1, 1899]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 46. pp. 80–86.
22. Tolstoy, L.N. (1897) Chto takoye iskusstvo? [What is Art?]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 40. pp. 979–1027.
23. Radlov, E.L. (1899) Ocherk istoriografii istorii filosofii [The Essay on Historiography of Philosophy's History]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 49. pp. 359–378.
24. Boborykin, P.D. (1899) Filosofiya v gimnazyakh [Philosophy in gymnasiums]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 47. pp. 113–145.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 364.4:94(470) «1700/1917»
DOI: 10.17223/19988613/54/18

С.Д. Галиуллина, Т.И. Кобякова, Н.Л. Сунцова, Д.И. Герасимова

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Определяются теоретико-методологические основы формирования социальной защиты в Российской империи. Делаются важные выводы о том, что изысканиями ученых с течением времени был сформирован понятийный аппарат социальной защиты. На современном этапе использование термина «попечительство» приобрело актуальность в контексте государственных социальных служб «органов опеки и попечительства», которые призваны заниматься на законодательном уровне защитой прав несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: социальная защита; опека; попечительство; Российская империя.

Политическая стабильность и духовно-культурное развитие страны непосредственно зависят от постановки и реализации продуманной и научно обоснованной социальной политики, в центре которой и находится попечительство. С каждым годом по разным причинам увеличивается численность наиболее уязвимой части людей: сирот, инвалидов, одиноких матерей, детей с разными неизлечимыми или тяжелыми заболеваниями, пенсионеров, наркоманов, беженцев, мигрантов и асоциальных людей. Все они нуждаются в социальной защите, которая представляет собой совокупность попечительских мер и средств по созданию доступной среды для их жизнедеятельности.

Целью исследования является определение теоретико-методологических основ формирования социальной защиты в Российской империи. Объектом исследования явилась социокультурная универсалия русской языковой картины мира «социальная защита», предметом – вербализованные концепты «попечительство» и «призрение» дореволюционного периода, образующие ее концептуальное ядро.

Методологическая основа исследования базируется на диалектической связи прошлого с настоящим и применении понятийного аппарата, сформировавшегося как в исторической, так и в общественных науках: социологии и социальной работе, политологии, филологии. Это обусловило необходимость привлечения методов и категорий указанных наук, поэтому был применен междисциплинарный метод исследования с использованием лексико-семантических связей и взаимообусловленности разных видов социальной защиты, этимологического, морфологического и лингвистического анализа.

Рассматривая концепт «социальная защита», можно выделить такие его базовые теоретические концепты, как попечительство, общественное призрение, благотворительность; а также лексемы, их образующие:

1) категории нуждающихся: бедные, нищие, бродяги, инвалиды; 2) социальные явления: алкоголизм, отклоняющееся поведение.

Социальная защита имеет древние исторические традиции. До начала XX в. «социальная защита» называлась «попечительством», «общественным призрением» [1]. Теоретическое обоснование попечительства как формы социального призрения изложено в дореволюционных словарях, в которых издавались статьи ученых, профессоров университетов, историков и публицистов [2. Т. 7. С. 55].

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова «призрение» относится к понятию «Приказ общественного призрения», которое трактуется как учреждение, занимавшееся «попечением» о неимущих и больных» [3. С. 250].

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона понятия «попечение» и «попечительство» трактуются как забота, покровительство и берут свое начало от римского понятия «опека». В толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля понятие «попечительство» трактуется как «забота, усердие, рачение, старание» [4. С. 779].

В Настольном словаре для справок по всем отраслям знания в трех томах, составленного под редакцией В.Р. Зотова и Ф.Т. Толля, понятие «попечительство» в основном относится к «попечительному призрению в несовершеннолетнем возрасте» [5. С. 400]. Ученые классифицировали все виды попечительства, используемые в научном обороте дореволюционного периода: попечительство о тюрьмах, попечительство о народной трезвости, попечительство о бедных, попечительство Императрицы Марии о слепых, приходские попечительства. Отдельно ученые выделяли попечительство о народном образовании: попечительские советы образовательных учреждений, попечители учебных округов [6].

Попечительное о тюрьмах общество, «поставленное под покровительство императора, имело целью нравственное исправление содержащихся под стражей преступников, а также улучшение состояния заключенных за долги по другим делам людей» [5. С. 568]. Основными целями данного попечительства являлись «ближайший или постоянный надзор за заключенными... наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на оном основанной; занятие их приличными упражнениями» [Там же].

Значительный теоретический вклад в исследование проблемы внес российский экономист Б. Брандт. Он дает определение попечительству о народной трезвости и трактует его как государственную структуру, проявляющую опеку о людях, злоупотребляющих спиртными напитками [2. Т. 48. С. 548]. Автор указывает на такие просветительские функции попечительства, как распространение санитарно-просветительской деятельности о вреде употребления алкогольной продукции, заполнение свободного времени чтением книг, проведения бесед, просмотра спектаклей и прослушивания лекций, открытие чайных и библиотек [Там же. С. 547]. Б. Брандт поясняет, что «средства попечительств составляют суммы, выделяемые государством, дополнительные источники доходов от продажи литературы, изданной попечительскими организациями, от устройства народных чтений» [Там же. С. 547].

Также в дореволюционных словарях имеется понятие «попечительство о бедных духовного звания в России», т.е. учреждения, имеющие «целью заботу о бедных вдовах и сиротах духовенства, а также о бедных больных священнослужителях и церковнослужителях (причетниках)» [Там же. С. 550].

В теоретическом обосновании социальной защиты большое значение имеют обобщения дореволюционных ученых, которые подробно исследовали логико-семантические связи и взаимообусловленность разных видов социальной защиты: попечения, попечительства, покровительства, опеки и общественного призрения. Профессор Я. Колубовский выделяет понятие «Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых» [Там же], которое трактуется как организация «учреждения училищ для слепых детей с целью готовить их к самостоятельной трудовой жизни» [Там же. С. 559]. В словаре русского словесного ударения М.В. Зарва [7. С. 189] «общественное призрение» является синонимом термина «попечение», «попечительство» и «покровительство».

В теоретическом понимании «социальная защита» имеет определение призрения. Началом понимания «призрения» как совокупности общественных мер можно считать начало VI в., когда с возникновением больших городов возникла острая проблема нищенства как в Российском государстве, так и в западных странах. Об этом свидетельствуют дореволюционные энциклопедические словари. Например, в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона «обще-

ственное призрение» рассматривается как «культурная форма благотворительности» [7. С. 170].

В словарях в соответствии с трактовкой вышеуказанного понятия дается формулировка «Приказы общественного призрения», которые изначально создавались как учреждения «для дел призрения и народного образования (устройство и заведение народными школами, сиротскими домами, больницами, аптеками, богадельнями, домами призрения, работными и смиренными домами)» [8. С. 200].

Учитывая теоретическую проблему исследования, нельзя обойти вниманием и понятие «благотворительность». А.Е. Яновский (статья энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона) рассматривает его как единовременную помощь бедным. Автор отмечает, что понятие «благотворительность» относится к «истории общественного призрения», связанными с «причинами бедности» [2. Т. 7. С. 55]. А.Е. Яновский, исследуя понятие «благотворительность» начиная с Римской империи, приходит к выводу о том, что «богатые граждане считали своим долгом принимать на себя издержки по удовлетворению разных городских нужд, брали на себя устройство амфитеатров, терм (бань), храмов, исправление мостовых и т.п. <...> богатство налагало на богача как бы общественную повинность служить на пользу общую, оказывать щедрость (*munificentia*) на пользу сограждан и государства» [Там же. С. 56]. Автор делает выводы о том, что опека, попечительство и благотворительность тесно связаны с религией и духовно-нравственным воспитанием общества [Там же. С. 55].

Ученые справедливо отмечают, что понятие «благотворительность» носит характер единовременной «частной» помощи нуждающимся, не являющейся системой, а лишь помощью религиозного характера, связанной с христианскими убеждениями и верой в Бога.

Среди теоретических понятий, примыкающих к категории «попечительство», учеными в качестве объектов пристального внимания рассматриваются такие категории, как «бедность», «нищенство», «бродяжничество», «инвалиды», «жертвы стихийных бедствий, неурожая, голода», «алкоголизм», «заключенные», «проституция».

И. Кауфман в статье энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона трактует термин «бедность» как «скудость средств, определяющих хозяйственную (экономическую) обстановку жизни отдельного человека (личности), слоев населения (общественных классов, сословий, местностей) и целых стран или государств» [Там же]. Автор также трактует это понятие как «особый круг явлений общественных и государственных, по мере того как распространялось христианство» [2. Т. 48. С. 547]. Синонимами слова «бедность» являются «убогий», «крайне нищий», «попрошайка», «жалкий», «скудный», произошедшие от древнерусского языка «небог».

И. Кауфман абсолютно верно противопоставляет термин «бедность» понятию «богатство» (древнерус-

ское «отбогъ») и относит его к понятиям социально-экономического развития государства и нравственного воспитания человечества [2. Т. 7. С. 55]. Автор подчеркивает, что понятие «бедность» – это «повод к благотворительности». Изучая это понятие, автор делает вывод, причиной появления бедности является разорение, войны, налоги. Важным моментом является и тот факт, что И. Кауфман рассматривает заботу государства как «историю социального движения в XIX столетии» [Там же]. Он же рассматривает и понятие «нищенство». Автором статьи выделялись «нищие трудоспособные (безработица, неурожай и т.п.) и не способные к труду по каким-либо причинам (детство, болезнь, уродство, старость)» [Там же].

Рассматривая понятия «бедность» и «нищенство», необходимо также обратиться к трактовке слова «бродяжничество». Ученые рассматривали его как уголовное преступление, однако выделяют и такие категории граждан, которые «по надлежащем освидетельствовании, окажутся глухими, слепыми и немymi, или за совершенною дряхлостью вовсе не способными к следованию в Сибирь, обращаются в приказы общественного призрения или заменяющие их учреждения» [Там же].

Здесь мы видим, что понятие «призрение», рассматриваемое нами ранее, соотносится с такими категориями призреваемых, как бедные, нищие, сироты, убогие, глухие, слепые, немые, дряхлые. Последние четыре термина относятся к трактовке понятия «инвалиды».

В этой связи нам необходимо обратиться к понятию «инвалиды» – это «лица, сделавшиеся по каким-либо причинам не способными к труду», в том числе «полуинвалиды» и «полные инвалиды» [Там же]. К.К. в статье энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона выделяет такую категорию, как «военные инвалиды», которые в силу обстоятельств «сделавшихся не способными к службе за ранами, увечьями, болезнью или дряхлостью» [2. Т. 48. С. 547]. Автор уточняет, что с целью призрения военных инвалидов государством с древних времен осуществлялись различные меры [Там же. Т. 7. С. 55].

С призрением и попечительством в Российской империи тесно рассматривалось понятие «государственное и общественное зло», к которому соотносились такие понятия, как алкоголизм, пьянство, преступление, пенитенциарная система, смирительные дома, проституция [9].

Алкоголизм в Российской империи «означает совокупность всего телесного, умственного и нравственного вреда и убытки, причиняемого чрезмерным употреблением спиртных напитков» [2. Т. 1. С. 458]. Ученые, анализируя алкоголизм во всех развитых странах, отмечают, что «воздействием на отдельных лиц, он сказывается на всем обществе... алкоголизм стал обращать на себя усиленное внимание врачей, экономистов и законодателей» [Там же].

В современных словарях лексема «социальная защита», вербализующая в языковой картине мира русского народа социокультурную универсалию «соци-

альная защита», – это защита, предоставляемая в соответствии с законом, государством своим гражданам против ситуаций риска в нормальной (оптимальной) жизни, таких как болезнь, безработица, смерть кормильца, старость, инвалидность» [10. С. 553]. «Призрение», «попечение» и «попечительство» трактуются в дореволюционном значении. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова «попечительство» относится к опеке как системе организации социальной защиты несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей или имеющих недееспособность. Во втором значении трактуется как «Благотворительное учреждение для оказания помощи кому-н. (дореволюц.)», указывается на термины «городское попечительство о бедных» и в третьем значении определяется как «должность попечителя» [3. С. 257].

В социологическом словаре «социальная защита» понимается как «комплекс программ поддержания доходов и социальных услуг в стране» [11. С. 249]. В экономическом словаре понятие социальной защиты – это «забота государства, общества о гражданах, нуждающихся в помощи, содействии в связи с возрастом, состоянием здоровья, социальным положением, недостаточной обеспеченностью средствами существования» [12]. Здесь же трактуются такие понятия, как предоставление пенсий, материальных пособий, предоставление стационаров, больниц и иной медицинской помощи детям, престарелым, старикам, ветеранам труда, пенсионерам по возрасту и социальному статусу, инвалидам с детства и инвалидам по заболеваниям. Выделяется и понятие «социальное страхование», которое есть не что иное, как законодательно гарантированная система материального обеспечения граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «социальная защита» соотносится с понятием социальное обеспечение в социальной сфере». То есть государственная система материального обеспечения граждан в старости, а также в случае болезни или нетрудоспособности [13. С. 680].

Итак, лексема «социальная защита», используемая в дореволюционной России как «призрение» и означавшая заботу «попечение» общества и государства о незащищенных слоях населения, соотносится с современным понятием социальной защиты населения. На современном этапе существует и отдельная категория социальной защиты как «органы опеки и попечительства», которые соотносятся только к определенному возрастному периоду и социальной группе как дети до 18 лет [14. С. 23]. На них возложены такие функции, как выявление, устройство и защита прав детей.

Рассмотрев теоретико-методологические основы формирования социальной защиты в Российской империи, можно прийти к выводу, что благодаря изысканиям ученых сформировался понятийный аппарат социокультурной универсалии «социальная защита». К нему относятся попечительство, общественное призрение, благотворительность по отношению к призреваемым паттернам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиуллина С.Д., Кобякова Т.И. Концепт «попечительство» в русской языковой картине мира // *Filologicke vedomosti*. 2016. № 1. С. 20–25.
2. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауза–И.Ф. Ефрона. 1890. М. : ТЕРРА-ТERRA, 1992.
3. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1938. Т. II.
4. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и знач. доп. / под ред. проф. И.А. Бодуэна-Де-Куртене. М. : Товарищество М.О. Вольф, 1907. Т. III.
5. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания : в 3 т. / под ред. В.Р. Зотова и Ф.Т. Толля. СПб., 1864. Т. III.
6. Кобякова Т.И., Галиуллина С.Д., Сунцова Н.Л. Этноязыковое осмысление мира: концепт «милосердие» в русской лингвокультуре // *Современные исследования социальных проблем*. 2016. № 4-2 (28). С. 186–203.
7. Русское словесное ударение. М. : ЭНАС, 2001.
8. Исторический словарь. М., 2002.
9. Галиуллина С.Д., Герасимова Д.И. Социальное попечение о паттернах, призываемых в Российской империи // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. 2013. № 2 (4). С. 82–88.
10. Терминологический ювенологический словарь. М. : Сфера, 2005.
11. Аберкромби Н. Социологический словарь : пер. с англ. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер ; под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экономика, 2004.
12. Большой экономический словарь. М. : Институт новой экономики, 1997.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 24-е изд., испр. М. : Оникс-21 в. Мир и Образование, 2003.
14. Социологический словарь. Терминологический ювенологический словарь. М. : Наука, 2005.

Galiullina Svetlana D. Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia). E-mail: galiullina.s@ugues.ru

Kobiakova Tatiana I. Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia). E-mail: galiullina.s@ugues.ru

Sunzova Nina L. Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia). E-mail: galiullina.s@ugues.ru

Gerasimova Darya I. Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russia). E-mail: gerasimova_89@mail.ru

THEORETIC-METHODOLOGICAL BASES OF FORMATION OF SOCIAL PROTECTION IN THE RUSSIAN EMPIRE

Keywords: social protection; custody; guardianship; Russian Empire.

In Russia every year the number of the most vulnerable part of people for various reasons increases: orphans, disabled people, unwed mothers, children with a different incurable or serious illness, pensioners, addicts, refugees, migrants and asocial people. All of them need social protection which represents set of trustee measures and means for creation of the available environment for their activity. In the scientific article the object is set to define theoretic-methodological bases of formation of social protection in the Russian Empire. An object of a research was the sociocultural universals of the Russian language picture of the world “social protection” and a subject was verbalized concepts the “guardianship” and “charity” of the pre-revolutionary period forming it conceptual core. The methodological basis of a research is based on dialectic communication of the past with the present and application of the conceptual framework created both in historical and in social sciences as sociology and social work, political science and philology. These are such methods of a cross-disciplinary research as lexico-semantic communications and interconditionality of different types of social protection, etymological, morphological methods and the linguistic analysis. Considering a sociocultural universal of the Russian language picture of the world “social protection” authors have allocated it such basic theoretical concepts as guardianship, public charity, charity; categories of persons in need: poor, beggars, tramps, disabled people; social phenomena: alcoholism, deviant behavior. In a research it is revealed that the concept “social protection” has ancient historical traditions. Prior to the beginning of the 20th century “social protection” was called “guardianship”, “public charity”. The pre-revolutionary term “charity” belonged to the concept “Order of Public Charity” which is treated as the institution which was engaged in “care” about poor and sick”. The concepts “care” and “guardianship” are treated as care, protection and originate from the Roman concept “guardianship”. Authors draw important conclusions that researches of scientists have created a conceptual framework of a sociocultural universal “social protection” eventually. It concerns guardianship, public charity, the charity regarding charity people patterns. Authors have also come to a conclusion that scientists during the period till February 1917 classified all types of guardianship used in a scientific turn of the pre-revolutionary period: guardianship about prisons, guardianship about national sobriety, guardianship about the poor, guardianship of the Empress Maria about blind people, parish guardianship. Separately scientists allocated guardianship about national education: boards of trustees of educational institutions, trustees of educational districts. It proves the fact that care of the state of the least protected part of the population was strategically important task.

REFERENCES

1. Galiullina, S.D. & Kobyakova, T.I. (2016) The concept of “custody” in Russian language picture of the world. *Filologicke vedomosti*. 1. pp. 20–25. (In Russian).
2. Brokgauz, F.A. & Yefron, I.F. (1992) *Entsiklopedicheskiy slovar'. Reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya 1890* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. 1890]. Moscow: TERRA.
3. Ushakov, D.N. (ed.) (1938) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V chetyrekh tomakh* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. Vol. 2. Moscow: OGIZ.
4. Dal, V. (1907) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dalya* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. Moscow: Tovarishestvo M.O. Vol'f.
5. Zotov, V.R. & Toll, F.T. (eds) (1864) *Nastol'nyy slovar' dlya spravok po vsem otraslyam znaniya v III-kh t.* [A Handbook for Reference on All Branches of Knowledge in 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: F. Toll.
6. Kobyakova, T.I., Galiullina, S.D. & Sunzova, N.L. (2016) Ethnolinguistic perception of the world: concept of “mercy” in russian linguistic culture. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem – Russian Journal of Humanities*. 4–2 (28). pp. 186–203. (In Russian). DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-186-203
7. Zarva, M.V. (2001) *Russkoye slovesnoye udareniye* [Russian Word Stress]. Moscow: ENAS.
8. Anon. (2002) *Istoricheskiy slovar'* [Historical Dictionary]. Moscow: [s.n.].
9. Galiullina, S.D. & Gerasimova, D.I. (2013) Sotsial'noye popecheniye o patternakh, prizvayemykh v Rossiyskoy imperii [Social care of the patterns that are to be cherished in the Russian Empire]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Seriya: Ekonomika – Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*. 2 (4). pp. 82–88.
10. Slutskiy, E.G. (2005) *Terminologicheskiy yuvenologicheskiy slovar'* [Terminological Juvenological Dictionary]. Moscow: Sfera.

11. Abercrombie, N., Hill, S. & Turner, B.S. (2004) *Sotsiologicheskiy slovar'* [Sociological Dictionary]. Translated from English by I. Yasaveev. 2nd ed. Moscow: Ekonomika.
12. Azriliyan, A.N. (ed.) (1997) *Bol'shoy ekonomicheskiy slovar'* [The Big Economic Dictionary]. Moscow: Institut novoy ekonomiki.
13. Ozhegov, S.I. (2003) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 24th ed. Moscow: Oniks-21 v. Mir i Obrazovaniye.
14. Anon. (2005) *Sotsiologicheskiy slovar'. Terminologicheskiy yuvenologicheskiy slovar'* [Sociological Dictionary. Terminological Juveniological Dictionary]. Moscow: Nauka.

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/54/19

Н.В. Трубникова

ЗАЧЕМ ИСТОРИИ НУЖНА ТЕОРИЯ? «ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ» КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ НА НИВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваются проблемы современной теории исторического познания, переживающей кризис эпистемологических основ, разделяемый, впрочем, всеми социальными науками. Множественность потенциального выбора языков описания лишь затрудняют поиск теоретического обоснования для историка. Автор выделяет в числе значимых трендов последнего времени тенденцию «нового онтологического поворота» социальных наук, в рамках которого определяется возможность обретения обобщающей непротиворечивой эпистемологии, создаваемой с помощью техники методологического брекетинга.

Ключевые слова: теория истории; историческая эпистемология; социальная теория; онтологический поворот; методологический брекетинг.

Теоретические рассуждения историков последних двух десятилетий порождают ассоциацию выжженной пустыни, в которой одни путники потеряли последнюю надежду на спасение, другие увлеклись бесплодными миражами, третьи пытались определить дорогу по звездам и сэкономили силы. Научные пессимисты с оттенком эсхатологического вдохновения постулировали «кризис истории», образовавшийся из-за мощного натиска разнонаправленной критики, которая обрушила все научные метанарративы социальных наук послевоенного времени. Оптимисты, которых, в действительности, было гораздо меньше, писали лишь о «перегреве» гуманитарного знания, полагая, что измельчение предметного поля, углубляющаяся специализация и автономизация дискурсов, потеря системообразующих методологических оснований являются лишь определенной «болезнью роста». В таком прогнозе сложившаяся ситуация обязательно закончится в какой-то момент становлением новой макротеории, которая сможет непротиворечиво объединить все разрозненные фрагменты в новое научное, но не догматическое мировоззрение. Наконец, большинство гуманитариев (включая, несомненно, и автора этой статьи), не чуждых обобщениям, встали на путь прагматичного наблюдения, описывая изгибы исследовательских путей авторитетных историографий и, в какой-то мере, отождествляя себя с ними.

Самое поверхностное приобщение к «белому шуму» гуманитарной научной периодики формирует смешанные представления о том, что рассматриваемая сфера почти одновременно переживает лингвистический, герменевтический, антропологический, пространственный, культурный, семиотический, антисемиотический, иконический, переводческий и еще несколько поворотов, каждый из которых, подкрепленный именами корифеев социальной теории, как правило, объявляется последним, и потому наиболее судьбоносным витком развития гуманитарных наук. Однако решающего парадигмального сдвига не происходит, и рефлексия о теоретических основах социального зна-

ния так и ограничивается рамками отдельных, часто конкурирующих методологий исследования.

В этом состоянии методологического плюрализма, казалось бы, не должно быть особой когнитивной сложности для познающего историческое разнообразие субъекта. Недаром известный французский эпистемолог Жан-Клод Пассерон призывает рассматривать историю (и все социальные науки, имеющие неустранимое историческое измерение) не как кумулятивное знание, но как сосуществование и преемственность многих «теоретических языков описания», в дискурсивном пространстве которых даже самые формализованные доказательства есть все равно акты интерпретации [1. Р. 94].

История, как известно, не имеет собственного теоретического языка, а лишь адаптирует под себя концепции смежных наук, в первую очередь – социологические теории [2]. Проблема состоит в том, что современные историки в подавляющем большинстве своем не пошли по пути выбора какого-то особенного языка описания. Приобщаясь (а чаще не приобщаясь) к теоретическим новациям, они довольствуются традиционным для социальных наук и обыденной жизни языком «естественного рассуждения», а свой методологический выбор обосновывают упоминанием видных теоретиков гуманитарного знания, по отношению к которым чувствуют некоторое идейное родство или руководствуются какими-то конъюнктурными соображениями. Речь здесь, конечно, идет не о высоко специализированных журналах вроде «History & Theory», создающих свой особенный, близкий философскому, дискурс. Большинство их авторов, обитающих в разреженной атмосфере абстрактной рефлексии о времени и бытии, как правило, перестали заниматься всякой исторической фактологией и очень далеки от будней «нормальной» (в куновском смысле слова) исторической науки.

Отечественное историографическое производство, сохранившее в своем научном обиходе необходимость обоснования теории и методологии исследования хотя бы на уровне квалификационных сочинений, имеет, к

сожалению, регрессивную тенденцию трансформировать этот раздел в сугубо ритуальное наименование, ничего не проясняющее в природе основного текста. По личному наблюдению, все большее количество диссертантов ограничивается лишь перечислением нескольких специальных методов исторического исследования. Иногда можно прочесть в успешно защищенной докторской диссертации, что базовым основанием проведенного исторического исследования является *принцип историзма*. Как если бы спортсмен международного класса признался, что основной техникой успеха для него является сама возможность... дыхания. Вероятно, какой-то элемент методологической культуры современным российским историком уже был безнадежно утрачен, если состоявшиеся доктора наук не дают себе труда понять, что искомый принцип лежит в основе исследования в любой отрасли знания, если оно претендует на качество научного, а значит, никоим образом не определяет дисциплинарной специфики.

Определенная часть современной корпорации историков фактически возвращается на позиции интуитивизма, полагая, что никакая формализация собственных теоретических оснований вовсе не нужна, а нужны лишь «основной инстинкт» историка и здравый смысл обыденного рассуждения вкупе со свободой творчества. Как тут не вспомнить и не воспроизвести цитату из хрестоматийного труда А.С. Лаппо-Данилевского, стоявшего у истоков создания методологии истории, который обстоятельно и обоснованно дискутировал с носителями подобных воззрений еще сто с лишним лет назад? «Возражая против значения такой дисциплины, историки-интуитивисты забывают, что предварительное знание принципов и приемов научно-исторического построения, черпаемое из методологии истории, имеет существенное значение для научно-исторической работы: лишь в том случае, если историк, стремящийся к исторической правде, опознал те принципы и методы, которыми ему приходится пользоваться в процессе работы, он может ясно поставить себе известную познавательную цель, придавать систематическое единство своему знанию исторической действительности, не смешивая разных понятий, и проводить свою работу систематически, путем исследования, постоянно контролируя его ход» [3. С. 14].

Наверное, в отрицании любой рефлексии о методологии исследования на фоне многообразных и часто деструктивных теоретических влияний проявляет себя некий охранительный механизм, позволяющий продолжать заниматься любимым делом – «воскрешать» прошлое – каким, как нам кажется, «оно было на самом деле». Однако желание сохранить «самость» профессии не должно приводить к деградации самих исследовательских практик до донаучного уровня, поскольку история все равно остается частью единой семьи социальных наук и не может игнорировать специфику их развития, диктуемую эволюцией интеллектуальных циклов современной жизни. Работа историка всегда

питается вопросами и концептуальными рамками, исходящими от современности, а не ее отрицанием. История – это одна из форм социального знания, обращенная к прошлому.

Эта мысль была очень близка основателю легендарных «Анналов», французскому историку Марку Блоку, рассуждавшему о связи времен, которая всегда имеет взаимозависимый и равновесный порядок: не зная прошлого, нельзя понять современность. Но все импульсы и интересы к изучению прошлого в той же мере приходят из настоящего и представлений о нем. Во время прогулки с Анри Пиренном по Стокгольму, вспоминает Марк Блок в «Апологии истории», они обсуждали, что же стоит посмотреть в этом городе в первую очередь. Пиренн предложил отправиться к новому зданию недавно отстроенной городской ратуши и, «как бы предупреждая мое удивление, добавил: “Будь я антикваром, я смотрел бы только старину. Но я историк. Поэтому я люблю жизнь”. ...Способность к восприятию живого – поистине главное качество историка... Думается, что великий математик будет не менее велик, если пройдет по миру, в котором он живет, с закрытыми глазами. Но эрудит, которому неинтересно смотреть вокруг себя на людей, на вещи и события, вероятно, заслуживает, чтобы его, как сказал Пиренн, назвали антикварным орудием. Ему лучше отказаться от звания историка» [4. С. 27–28].

Всецело доверяя логике самой жизни, стоит задаться вопросом: какой же арсенал новых средств может предложить современная социальная наука историку? Концептуальная критика, лавинообразно давившая на социальную историю (которая по негласному умолчанию профессиональной среды, в действительности, и является синонимом научной истории), на излете 2000-х гг., кажется, достигла своего естественного истощения. Это привело к оживлению в следующем десятилетии области аналитики, отвечающей за рефлексии о познавательных возможностях истории. Так, например, Херман Пауль определяет актуальную повестку исторической эпистемологии следующим образом. Первая ее часть имеет в основном «эмпирическую» природу, отвечая на вопрос, что же такое история? С точки зрения автора, здесь в фокусе интереса находятся сами историки и то отношение к прошлому, которое они формируют. Какие типы отношения к прошлому относятся к предметному полю теории истории? Какие явные и неявные цели преследуют все те люди, что имеют склонность и считают себя вправе заниматься историей? Как эти различные исторические повестки взаимодействуют друг с другом, имеют ли они равные основания или выстраиваются в некую иерархию, имеющую своих лидеров? Какая субординация целей, обращенных к прошлому, может быть выявлена на этом основании?

Какие средства используются историками (любого толка) для создания интерпретаций прошлого, какой экзистенциальный и познавательный опыт, нарратив-

ные шаблоны, модели и теории, способы аргументации они используют, пытаясь реализовать свои цели?

Вторая группа вопросов имеет, скорее, оценочную природу, откликаясь, прежде всего, на озабоченности «лингвистического поворота». Какого рода информацию продуцируют историки, формируя репрезентации прошлого, каковы, с точки зрения текстологии, вышеозначенные сюжетные формы, модели, системы аргументации, а что, напротив, вольно или невольно исключается, игнорируется и подавляется историками? Как эти способы обращения с прошлым соотносятся со стандартами результативности академической исторической науки? И как именно такие стандарты эффективного исторического исследования следует понимать? Что в категориях исторической науки означают критерии точности, полноты, последовательности, оригинальности, плодотворности и открытости? [5. Р. 455] Автор призывает анализировать репрезентации прошлого на пересечении историографии и философии истории, не ограничиваясь одними лишь рамками академической науки и вовлекая в рассмотрение всевозможные формы публичной и любительской истории [Ibid. Р. 457].

Следует заметить, что значительная часть современных теоретических рассуждений об истории, как и у Хермана Пауля, опирается на постструктуралистскую критику, воспринимающую историю как текст. Эта преобладающая в англоамериканской (а фактически, доминантой в эпоху главенства англоязычных наукометрических рейтингов) историографии традиция, по справедливому наблюдению А.А. Олейникова, «никогда не отличалась большим почтением к конвенциям, которых придерживаются профессиональные историки. Последние не любят сомневаться в объективности прошлого. В то время как первые не устают доказывать, что оно не столько воспроизводится, сколько *конструируется* в историографических текстах» [6].

Не отрицая важность языка и рефлексии о нем в истории, необходимо неустанно повторять, что для самого историка это лишь одна грань его профессии. Еще в середине 1970-х гг. Мишель де Серто, не чуждый «Анналам», системно исследовал процесс «историографической операции», выявив в нем три неразрывно связанных измерения, неразрушимая комбинация которых и дает постоянство историческому исследованию.

Первое «невывказанное» условие любого исторического произведения формирует социальная среда, продуктом которой оно и является. «“Научный” дискурс, который не говорит о своей связи с социальным “телом”, не знает, как образуется практика. Он перестает быть научным» [7. Р. 70]. Второе измерение исторического исследования – это специфические профессиональные методы и практики, начиная от поиска и классификации источников до их отбора и интерпретации в исследовании. И лишь третья ипостась исторического труда связана с проблемой культуры языка и создания текстов. При этом, предвосхищая будущую дискуссию,

автор предостерегает против абсолютизации лингвистического измерения истории. «В действительности, историческое письмо... остается контролируемой практикой, результатом которой оно и является; более того, оно само есть социальная практика» [7. Р. 103].

Современная историографическая и философская рефлексия о теоретических основаниях истории существует в разрозненном и разноречивом виде, не предлагая готовых рецептов, на основе которых мог бы сложиться некий «эпистемологический консенсус» или, тем более, готовый рецепт социального исследования, обращено ли оно к прошлому или настоящему. При всем том тенденция последних нескольких лет отражает любопытный дрейф социальной теории от разногласия дробных методологий, укоренных в опыте различных гуманитарных дисциплин, к поискам некой «интегральной парадигмы», которая смогла бы примирить идейную конфронтацию, создать единые понятийные рамки, помочь договориться о базовых смыслах и ценностях академического знания. Это поветрие уже получило свою идеологическую маркировку как «новая онтология», «новый онтологический поворот» (без обозначения новизны «онтологический поворот» обычно отсылает к изысканиям М. Хайдеггера, рассмотрение которых, при всей их значимости для становления именно данной традиции, не входит в задачи этой статьи), или «поворот к реальному» [8]. Стоит отметить, что ряд авторов предпочитают писать все же о «новых онтологиях», подчеркивая неполное совпадение позиций у сторонников этого теоретического русла [9].

На фоне обширного списка уже состоявшихся или только поименованных и вскоре забытых поворотов, «новый онтологический поворот» породил определенную амбицию создания обобщенного методологического базиса социальных наук, на основе которого могла бы сформироваться их новая академическая «валидность».

Роб Стоунс в статье «Невысказанные слабости социологии: вернуть эпистемологию» рассуждает о конструктивных познавательных перспективах для гуманитарных наук, исходящих от логики «онтологического поворота». Основой этого рассуждения является признание объективной и независимой природы социального мира, который существует, невзирая на любые интерпретации, создаваемые исследователями. Более того, изменяемое, «транзитивное» знание само является частью социального мира. «Именно комбинация этой ориентации на сложную независимую реальность вкупе с тщательной попыткой определить плодотворную исследовательскую повестку, сфокусированную на определенных частных аспектах этой реальности, является ключом к тому, чтобы размышление о релеванности знания выигрывало в любом случае» [10. Р. 733]. Автор предлагает «ретропродуктивный» способ построения методологии социального исследования: от общего к частному (когда вначале постулируются теоретические рамки, а затем под них подбирается эмпирический

материал), разделенный на три этапа и подвергающийся самой строгой рефлексии со стороны исследователя.

1. «Реалистическая» эпистемологическая рамка дает исследователю средства описания и объяснения социальных феноменов: самих объектов исследования, а также причинно-следственных взаимодействий, в которые вовлечены рассматриваемые объекты. Остается большая свобода в выборе характеристик механизмов, отношений и процессов социального мира, наиболее адекватных выбранному объекту исследования.

2. Внутри выбранной и тщательно отрефлексированной методологии определяются релевантные онтологические измерения описания и объяснения менее высокого уровня. Движущие «механизмы» погружаются в различные целостности, локализованные отношения и процессы, среди которых выбираются именно те, которые наиболее точно схватывают смыслообразующие характеристики различных механизмов. Выделяются онтологические категории, наиболее соответствующие характеру рассматриваемого процесса, из которых создается целое полотно онтологических понятий, наиболее адекватно фокусирующих выбранный объект исследования. Тот же процесс повторяется в отношении других механизмов, а потом – в отношении взаимодействия этих механизмов, формирующих социальное целое более высокого по уровню обобщения порядка.

3. Третий этап исследования должен определить статус и адекватность используемого эмпирического материала внутри создаваемой концептуальной методологии и установленных ранее основополагающих механизмов исследуемого объекта. Должна быть произведена верификация или, как пишет автор, «посадка» используемых понятий, привлекаемых для специфического описания и объяснения в конкретном месте и времени, на эмпирический материал, насыщающий конкретно-исторические формы, схваченные этими понятиями в каждом отдельном случае. Эмпирический материал может, со своей стороны, вынудить исследователя производить коррективы созданной понятийной и концептуальной канвы. Только когда предварительно созданные описательные или объяснительные цели подходят к форме и динамике подходящих понятий и подкрепляются любого типа эмпирическими доказательствами, исследование может быть признано состоявшимся.

Принципиально значимым выводом статьи Р. Стоунса является даже не построение вполне очевидного ретродуктивного перехода от макроуровня абстрактных понятий к микроуровню конкретно-исторической ситуации. Самым интересным здесь является концептуализация онтологии и использования в целях исследования большей части (если не всего) разнородного опыта развития социальных наук. Автор призывает создавать в социальном исследовании гибридные смеси абстрактных и прикладных онтологических понятий, пришедших из различных научных традиций, которые

определены как наиболее соответствующие рассматриваемой реальности, практикуя «широко информированный» реализм. «Новая эпистемология должна настаивать... на размышлении через отношения между этими гибридными формами социальной онтологии (комбинируя очень абстрактные и более субстантивные понятия)... и сугубо специфичные эмпирические черты реального мира» [10. Р. 733–735].

Методологический фокус конструируется таким образом, чтобы предварительно создавать гибридную онтологическую концептуализацию, «внося в скобки» проводимого исследования категории и свойства, которые наилучшим образом подходят изучаемому объекту. Этот отнюдь не новый процесс «методологического скобирования» (брекетинга), предполагающий заимствование понятий и техник из различных теоретических контекстов в целях обобщения эмпирических результатов, был представлен и обоснован еще в теории структуризации одного из наиболее значимых социологов современности Энтони Гидденса на рубеже 1970–1980-х гг. [11. Р. 288]. Снимая «обязательность» бинарных противоречий, устоявшихся в интеллектуальной культуре Запада, противостояния различных школ и методологий, этот подход утверждает множество потенциальных форм концептуального сотрудничества, эффективность которого зависит от способности исследователя правильно соотносить его типы с определенными исследовательскими целями и задачами. «В идеале... исследователи смогут читать широко через теоретические традиции и будут готовы идентифицировать релевантные аспекты теории, даже если они были созданы в других контекстах и эпохах» [10. Р. 738].

Идея «методологического брекетинга» за истекшие десятилетия получила развитие в широком полидисциплинарном поле. Однако слишком часто его использование было сугубо метафорической отсылкой к авторитету, превращаясь в некий «черный ящик» с неизведанным содержимым. Откликаясь на проблему практической операционализации этого понятия в академическом исследовании «качественных характеристик» социального мира, Роберт Эдвард Гириг еще в 2004 г. классифицировал способы методологического скобирования, показав, каким именно образом различные подходы, принятые в гуманитарных науках, могут присваивать и сочетать различные теоретические элементы в практических целях исследования. Автор выделяет шесть основных форм, каждая из которых сохраняет (в разной степени) и методологическую строгость, и адаптивную способность брекетинга приспособляться к требованиям различных видов качественного исследования [12].

Определение типа методологического скобирования, выделяемого внутри общего исследования, подчиняется своего рода протоколу действий внутри общего научного проекта и должно начинаться с выявления эпистемологических оснований и общей теоретической рамки, к которым тяготеет сам исследователь. Далее

определяется характер «исследовательского праксиса»: объект исследования, внутренние исследовательские предпочтения, завязанные на опыте и социокультурных основаниях ученого (в большинстве случаев осознанно исключаемых из процесса исследования), а также предпосылки и история изучения исследуемого объекта. Потом выявляется темпоральная структура – начало брекетинга, его продолжительность во времени (по отношению к эмпирическому материалу и ходу самого исследования) и окончание. Далее выстраивается композиция границ скобирования, которая предполагает особое внимание к трем взаимосвязанным ракурсам. «Идеальный» аспект брекетинга рассчитан на соблюдение максимальной строгости методологии. «Естественный» аспект принимает как необходимое допущение специфику мышления самого исследователя. Наконец, аспект «сконструированный» включает в себя определение сознательно создаваемой структуры специфических элементов изучаемого объекта. На последнем этапе полученные результаты скобирования должны быть возвращены (реинтегрированы) в общее исследование на основе их соотнесения (верификации) с эмпирическими данными [12. Р. 1435].

В зависимости от того, какой именно выбор совершает исследователь, проходя все этапы исследовательского протокола, Р.Э. Гиринг выделяет шесть типов методологического брекетинга, рассматриваемых с точки зрения приведенных выше методологических оснований и критериев. Первый – идеальный, или философский тип брекетинга, согласно автору, является архетипическим и почти недостижимым для целей социального исследования в силу своей умозрительности, но может быть отправной точкой как для философов феноменологического направления, так и для исследователей-практиков в качестве базовой модели [Ibid. Р. 1436–1439].

Второй тип брекетинга, описательный или «эйдети-ческий», имеет вариативное эпистемологическое основание, от постпозитивизма до релятивизма, тяготеет к методологии дескриптивной феноменологии и подходит для описания специфических локальных объектов с последующей эмпирической верификацией [Ibid. Р. 1439–1441].

Третий тип экзистенциального брекетинга, вдохновляющий, как и следует из наименования, оставить в стороне все предубеждения и клише, созданные в рамках теорий, и целиком погрузиться в пространство конкретного прожитого опыта, наполняющего изучаемый объект [Ibid. Р. 1440–1443].

Четвертый тип аналитического брекетинга позволяет выйти за рамки феноменологической традиции и привлечь в целях исследования опыт иных направлений гуманитарной мысли, в том числе – этнографии и «обоснованных теорий» (grounded theories). Базовой эпистемологической ориентацией здесь является эмпиризм в сочетании с релятивизмом или социальным конструктивизмом. Исследовательская практика преследу-

ет целью понять базовые характеристики и движущие механизмы социальной жизни, отдавая должное неустранимой проблеме взаимоотношения реальности и ее репрезентации. Именно здесь совершается «челночное» уточняющее взаимодействие между уровнем абстрактных гипотез и фактическими данными, между микроуровнем тесной социальной ячейки и более обобщенным социокультурным контекстом [12. Р. 1442–1444].

Пятый тип методологического скобирования автор именует «рефлексивным» или «культурным». Он практикуется исследователями, которые придерживаются широкого спектра эпистемологических основ, от социального конструктивизма до постмодернизма. В этом типе брекетинга для исследователя первичными является рефлексия над его собственными методологическими основаниями и представлениями о предмете, которые он подтверждает, уточняет или опровергает в процессе исследования. Соответственно, предмет исследования не локализуется по отношению к более масштабным объектам, напротив, наделяется чертами культурного общего. Смыслом такого скобирования является выявление субъективных особенностей и предубеждений самого исследователя с тем, чтобы минимизировать их проявление на уровне «большого» исследования после реинтеграции в него результатов брекетинга [Ibid. Р. 1444–1446].

Последним из появившихся форм методологического скобирования Р.Э. Гиринг называет «прагматический» тип, объединяющий значительный пласт разнородных исследований, авторы которых утверждают, что используют рассматриваемую технику, однако не демонстрируют сколько-нибудь выраженной текстуры ее использования. И потому все элементы обозначенного выше протокола действий, осуществляемых в процессе брекетинга, варьируются у таких авторов довольно широко [Ibid. Р. 1445–1447].

Таким образом, социальная теория после «нового онтологического поворота», признавшего абсолют непреходящей (интранзитивной) реальности по сравнению с любыми способами ее интерпретации, становится даже не междисциплинарной, а гибридной, если иметь в виду способность непротиворечиво сочетать понятия и подходы, относящиеся к различным, вплоть до взаимоисключающих, методологиям исследования. Осуществление такого научного проекта представляет собой возвратно-поступательное движение от логически обоснованной концептуальной (гибридной) методологии к технологиям работы с эмпирическими данными, которые неизбежно вынуждают периодически возвращаться к методологическому фокусу и перерабатывать его под давлением новых данных.

Современное знание станет компаративным по определению, если научится быть в достаточной мере компетентным, чтобы подбирать подходящую эпистемологическую рамку и уверенно пользоваться созданными запасами существующих понятий, множества

оттенков и разного уровня, – онтологических, субстантивных или гибридных, при этом сохраняя чувствительность к эмпирическому контексту и способность к диалогу с документальной базой [10. P. 740].

Современные теоретики социального знания, внимательные к теме «онтологического поворота», наделяют особым значением изучение исследовательского контекста, влияющего на содержание исследования: социального и институционального позиционирования самого познающего субъекта, накопленного им капитала знаний и ценностей. Современный исследователь должен обладать культурой *рефлексивности*, чтобы соблюдать, с одной стороны, определенный протокол открытости и погруженности в отношении собственных «деонтологических оснований», т.е. субъективных ценностей, формирующих основы его научной и практической деятельности, и, с другой стороны, отслеживать «эпистемическую небезопасность» социального знания, обнажая априорные базовые допущения, лежащие в основе теоретического конструирования и не

выдерживающие процедуры эмпирической верификации [13. P. 126–129].

В свете вышенаписанного, смогут ли историки воспользоваться последними достижениями социальной теории, стремящейся объять необъятное разнообразие методологий гуманитарного познания в неких гибридных проектах, «читать широко» сквозь научные традиции и производить «теоретически информированные» исследования прошлого? И стоит ли им этим заниматься? Продуктивным ответом на этот вопрос было бы создание междисциплинарных коллабораций, в рамках которых представители смежных научных – и не только исторических – специальностей, теоретики и практики, смогут вступить на путь методологического поиска, сочетаемого с традиционными исследовательскими практиками «ремесла историка».

Историческая наука, отойдя от сложившейся практики пересказа и ритуального цитирования чужих идейных манифестов, слабо соотнесенных с собственными исследованиями, несомненно, только выиграет от таких изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Passeron J.-C. La constitution des sciences sociales. Unité, fédération, confédération // *Le Débat*. 1996. № 90. P. 93–112.
2. Трубникова Н.В. Транзитные перекрестки французской науки: дрейф понятий от социологии к истории // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 294. С. 170–174.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. 1-е изд. М.: Территория будущего, 2006. 622 с. СПб., 1910–1913.
4. Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973. 232 с.
5. Paul H. Relations to the past: a research agenda for historical theorists // *Rethinking History*. 2015. Vol. 19, № 3. P. 450–458.
6. Олейников А. Стоит ли «практиковать» прошлое? (Рец. на кн.: White H. *The Practical Past*. Evanston, IL, 2014; Paul H. *Key Issues in Historical Theory*. L., 2015) // *Новое литературное обозрение*. 2017. № 1 (143). URL: <http://nlobooks.ru/node/8266> (дата обращения: 23.04.2018).
7. de Certeau M. *L'écriture de l'histoire*. Paris: Gallimard, 1975.
8. Pickering A. The ontological turn taking different world seriously // *Social Analysis*. 2017. Vol. 2 (61). P. 134–150.
9. Jensen C.B., Ballesterio A., de la Cadena M., Fisch M., Ishii M. New ontologies? Reflections on some recent “turns” in STS, anthropology and philosophy // *Social anthropology*. 2017. Vol. 4. P. 525–545.
10. Stones R. Sociology's unspoken weakness: Bringing epistemology back in // *Journal of Sociology*. 2017. Vol. 53 (4). P. 730–752.
11. Giddens A. *Constitution of society*. Cambridge: Polity, 1984.
12. Gearing R.E. Bracketing in Research: A Typology // *Qualitative health research*. 2004. Vol. 14, № 10. P. 1429–1452.
13. Bouzani Ch. For reflexivity as an epistemic criterion of ontological coherence and virtuous social theorizing // *History of the Human Sciences*. 2017. Vol. 30 (5). P. 125–146.

Trubnikova Natalia V. Tomsk State Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: troub@mail.ru

WHY HISTORY NEEDS A THEORY? "GRAIN AND TARES" SOCIAL KNOWLEDGE CONCEPTS IN THE VINEYARDS OF HISTORICAL RESEARCH

Keywords: theory of history; historical epistemology; social theory; ontological turn; methodological bracketing.

The article deals with the theoretical problems of the historical scholarship which has a crisis of epistemological foundations to share with other social sciences. The multiplicity of the description languages is so potentially vast that historians are impeded to find a theoretical basis for their research. Most often they are satisfied with the language of “natural reasoning”, traditional for the social sciences and everyday life, and their methodological choice is justified by only mentioning prominent theorists of humanitarian knowledge.

At the same time, most of the theoretical reasoning about history are devoted to criticizing its narrative nature and are not aimed at finding unifying criteria that could strengthen the scientific validity of academic studies treating the past.

Thus, modern historiographical and philosophical reflection on the theoretical foundations of history exists in the form of disjointed and contradictory manifestations. It does not offer ready-made recipes on the basis of which an “epistemological consensus” could emerge. For all that, the tendency of the last few years reflects the notable drift of social theory towards the search for some kind of “integral paradigm”, localized within the framework of the “new ontological turn”. The basis of this reasoning is the recognition of the objective and independent (intransitive) nature of the social world, which exists despite any intercurrent (transitive) interpretations created by researchers.

Supporters of this ideological mainstream suggest the conceptualization of ontology and the implementation, with a view to research, of most (if not all) of the diverse experience approved itself in social sciences, advocating for the broad utility of the “methodological bracketing” technology designed back by A. Giddens in his theory of structuration. The focus of the research here is constructed in such a way as to pre-create a hybrid ontological conceptualization, “putting in brackets” categories and internal, peculiar to the research, that are best according to the object under study.

The researcher can create in such a manner hybrid mixtures of abstract and distinctive ontological concepts that come from various scientific traditions that were identified as most relevant to the fragment of reality under consideration, practicing a “widely informed” realism. The humanities already have extensive experience in the classification and practical application of methodological bracketing, the technology of which, as far as we know, has not been applied in the historical research.

The prolific development of this initiative will be the creation of interdisciplinary collaborations, within which historians, with the assistance of related research spheres partners could enter the path of methodological search, combined with their traditional research practices.

REFERENCES

1. Passeron, J.-C. (1996) La constitution des sciences sociales. Unité, fédération, confederation [The constitution of the social sciences. Unity, federation, confederation]. *Le Débat*. 90. pp. 93–112. DOI: 10.3917/deba.090.0093
2. Trubnikova, N.V. (2007) Tranzitnyye perekrestki frantsuzskoy nauki: dreyf ponyatiy ot sotsiologii k istorii []. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 170–174.
3. Lappo-Danilevskiy, A.S. (2006) *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. Moscow: Territoriya budushchego.
4. Blok, M. (1973) *Apologiya istorii* [Apology of History]. Moscow: Nauka.
5. Paul, H. (2015) Relations to the past: a research agenda for historical theorists. *Rethinking History*. 19(3). pp. 450–458. DOI: 10.1080/13642529.2014.927615
6. Oleynikov, A. (2017) Stoit li “praktikovat” proshloye? (Rets. na kn.: White H. The Practical Past. Evanston, IL, 2014; Paul H. Key Issues in Historical Theory. L., 2015) [Is it worthwhile to “practice” the past? (Review: White H. The Practical Past, Evanston, IL, 2014; Paul H. Key Issues in Historical Theory, L., 2015)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 1(143). [Online] Available from: <http://nlobooks.ru/node/8266> ot 23.04.2018.
7. Certeau, M. de (1975) *L'écriture de l'histoire* [The writing of history]. Paris: Gallimard.
8. Pickering, A. (2017) The ontological turn taking different world seriously. *Social Analysis*. 2(61). pp. 134–150. DOI: 10.3167/sa.2017.610209
9. Jensen, C.B., Ballesterio, A., de la Cadena, M., Fisch, M. & Ishii, M. (2017) New ontologies? Reflections on some recent “turns” in STS, anthropology and philosophy. *Social Anthropology*. 4. pp. 525–545. DOI: 10.1111/1469-8676.12449
10. Stones, R. (2017) Sociology’s unspoken weakness: Bringing epistemology back in. *Journal of Sociology*. 53(4). pp. 730–752. DOI: 10.1177/1440783317744447
11. Giddens, A. (1984) *Constitution of Society*. Cambridge: Polity.
12. Gearing, R.E. (2004) Bracketing in Research: A Typology. *Qualitative Health Research*. 14(10). pp. 1429–1452. DOI: 10.1177/1049732304270394
13. Bouzanis, Ch. (2017) For reflexivity as an epistemic criterion of ontological coherence and virtuous social theorizing. *History of the Human Sciences*. 30(5). pp. 125–146. DOI: 10.1177/0952695117724660

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

УДК 904

DOI: 10.17223/19988613/54/20

К.Т. Акматов

РЕКОНСТРУКЦИЯ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

*Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности
(проект № 33.5677.2017/БЧ).*

На основе вещественных находок из погребений с учетом данных изобразительных источников реконструируется снаряжение верхового коня населения Тянь-Шаня в монгольское время. Уделяется внимание обстоятельствам их нахождения в захоронениях. Характеризуются все основные категории предметов конского снаряжения. Основными результатами исследования являются графические реконструкции одного из уздечных наборов и седельного набора. Поскольку большинство использованных нами предметов происходит из женских погребений, то воссозданное конское снаряжение условно названо женским.

Ключевые слова: Тянь-Шань; монгольское время; погребение; удила; узда; седельный набор; изобразительные источники.

Предметы конского снаряжения являются сравнительно частыми, но не обязательными находками в погребениях кочевого населения Тянь-Шаня в монгольское время. Только в 30 из раскопанных около 100 захоронений был обнаружен тот или иной предмет сбруи верхового коня. Находки включают удила, уздечные наборы, седла, стремена, подпружные пряжки и декоративные бляшки. Представленный материал позволяет реконструировать облик снаряжения верхового коня, первая попытка которого предпринимается в настоящей работе. Те части сбруи, которые в силу специфики материала и, отчасти, погребального обряда не дошли до нас, дополняются данными иранской миниатюры и юаньских статуэток взнузданных и оседланных коней [1, 2]. Поскольку использованный для реконструкции материал в основном происходит из женских погребений, то и воссозданное конское снаряжение следует условно назвать женским.

Предметы конского снаряжения встречаются как в мужских, так и в женских погребениях (о погребениях Тянь-Шаня в монгольское время см.: [3. С. 99–141; 4. С. 12–41]). В одном случае находка сбруи была сделана в детском захоронении. Расположение их в могилах разнообразно. Наиболее часто сбруя находилась в ногах погребенных, редко – в изголовье. В двух случаях предметы конского снаряжения располагались на внутреннемогильном деревянном перекрытии. В одном случае удила и стремя были обнаружены во входной яме подбойного погребения. Набор предметов, состоявший из железных стремени, удила, оковок седла и подпружной пряжки, находился под насыпью кургана 120 могильника Ала-Мышык на уровне древнего горизонта. В нескольких случаях из-за разграбленности погребений первоначальное положение и состав сопроводительного инвентаря точно не установлены.

Состав сбруи в погребениях неоднобразен. Судя по непотревоженным памятникам, часто встречается сочетание седла, удила и стремян или пряжек. Не менее стабильны находки удила и стремян или седла и стремян. Реже находят отдельные предметы конского снаряжения: седло или стремяна. Наиболее полные и богатые комплекты конского снаряжения были обнаружены в женских погребениях могильников Айгыржал, Бел-Саз I, Боз-Адыр и Секи I, которые состояли из уздечно-го набора с удилами или без них, седла, стремян и подпружных пряжек.

От узды до нас сохранились десять железных удила с разной степенью сохранности и фрагменты от четырех оголовий с металлическими украшениями. В одном из ограбленных погребений найдены фрагмент ремня и бляшка, совершенно аналогичная бляшкам одной из узд. Интересно, что из четырех отмеченных оголовий только одно имело удила, остальные три – без них. Большинство удила встречены без всяких следов кожаного оголовья, хотя вполне возможно, что они были, но к нашему дню полностью истлели. Об этом свидетельствуют данные из двух погребений, где в одном из них зафиксирован кольчатый псалий с фрагментами прикрепленных к нему грызла и ремня, в другом – вместе с удилами найдена пара округлых бляшек, видимо, от оголовья.

Все удила из погребений Тянь-Шаня рассматриваемого времени изготовлены из железа и состоят из двух подвижно соединенных звеньев и зажатых в их окончаниях кольчатых псалиев. Такие изделия, получившие в археологической литературе название «удила с кольчатыми псалиями», наиболее характерны для эпохи развитого Средневековья на огромной территории Евразии [5. С. 190]. Их особенность заключается в том, что кольца, вставленные в окончания грызла служили для прикрепления оголовья, повода и одновременно выполняли функцию псалиев.

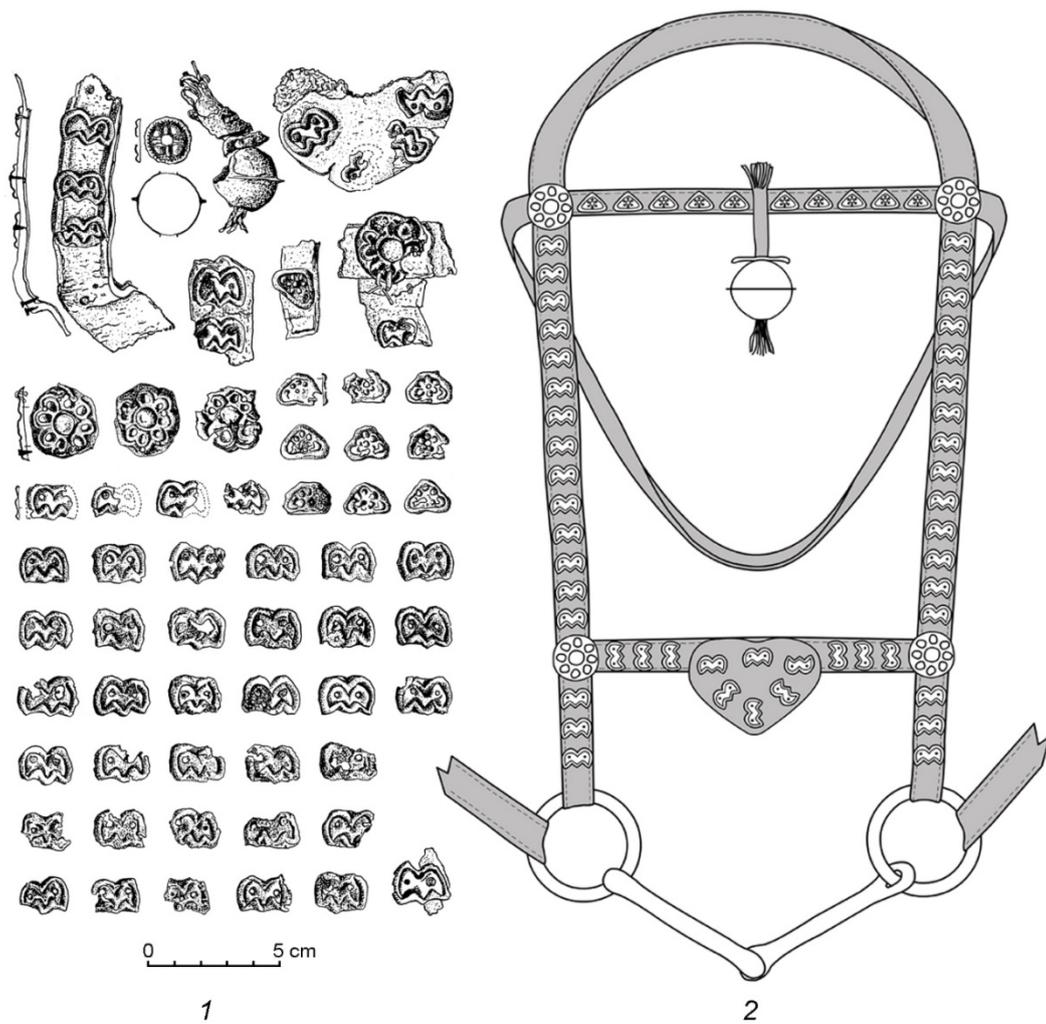

Рис. 1. Фрагменты узды из погребения 3 могильника Секи I (1) и ее реконструкция (2)

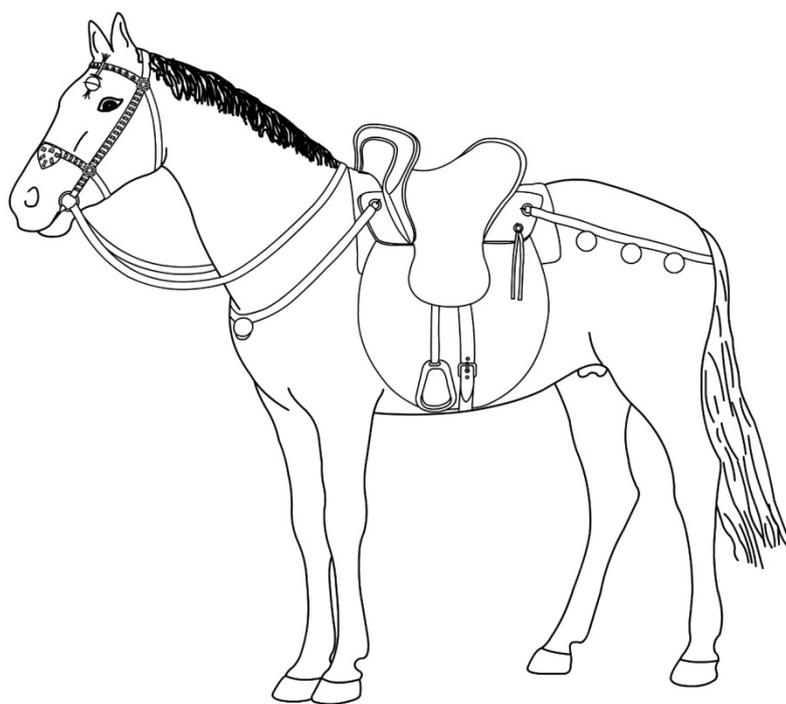

Рис. 2. Реконструкция снаряжения верхового коня населения Тянь-Шаня в XIII–XIV вв. По материалам погребений и изобразительных источников

По форме сечения грызла удила рассматриваемой коллекции делятся на два типа: округлые и прямоугольные. Последние действовали строже, следовательно, применялись для управления норовистыми лошадьми и (или) для их выездки. Однако постоянное использование таких удил могло травмировать ротовую полость коня и вообще испортить верховое животное. Вероятно, поэтому удила с гранеными грызлами из погребений Тянь-Шаня представлены единственным экземпляром, что, возможно, отражает реальное положение вещей, хотя в некоторых комплексах они явно преобладают [6. С. 87]. Последнее могло быть связано с особенностями верховой езды и (или) породой верхового животного, отличающейся высокой резвостью и норовистостью.

Судя по количеству находок (8 экземпляров), широко применялись удила с округлыми в сечении грызлами. Стержни удил относительно массивны. Современные коневоды отмечают, что «чем тяжелее удила (грызла. – А.К.), тем спокойнее они лежат во рту и за счет этого приятнее для лошади» [7. С. 24]. Однако это не значит, что управление верховой лошастью такими удилами было менее эффективно. Они не только хорошо выполняли свою функцию, но и не портили высокие качества животного.

Помимо удил в погребениях были обнаружены отдельные фрагменты кожаных оголовий и металлические украшения от четырех уздечных наборов. Все они происходят из женских погребений с относительно богатым сопроводительным инвентарем. Уздечный набор из погребения 3 могильника Секи I по своему составу самый богатый и полный из всех четырех наборов (рис. 1, 1), благодаря чему существенно упрощается восстановление его первоначального облика.

Из кожаных принадлежностей узды сохранились отдельные обрывки ремней оголовья, крупный фрагмент подвесной бляхи сердцевидной формы и ремешок для подвешивания бронзовой сферической подвески. Судя по отдельным обрывкам, ремни двойные, прошитые по краям тонкими сухожильными (?) нитями. По ширине выделяются два вида ремней: узкие и широкие. На них и на кожаной подвеске в первоначальном виде сохранились отдельные бляшки. Перекрещивающиеся ремни, судя по сохранившемуся фрагменту, прошивались между собой (рис. 1, 1).

Металлические принадлежности узды представлены: четырьмя крупными округлыми бляшками из тонких пластин с двумя заклепками по краям для крепления к ремню и с изображением восьмилепестковой розетки; десятью маленькими подтреугольными бляшками с одной центральной заклепкой и шестилепестковой розеткой; сорока восемью Е-образными бляшками с двумя отверстиями для заклепок; сферической полый подвеской со сквозным отверстием для ремешка и ребром посередине; округлой бляшкой с центральным отверстием. Орнамент на бляшках выполнен с помощью техники штамповки (рис. 1, 1).

Округлые бляшки входят в круг изделий (многолепестковые розетки), широко известных в материалах средневековых культур. Среди ближайших по форме аналогий отметим бляшки из древнетюркских погребений с конем в Самарканде и Иссък-Кульской котловине [8. Рис. 20, 20; 9. Рис. 2, 6]. Если самаркандские бляшки относят к украшениям конской сбруи, то иссыккульские изделия, судя по месту находки, являются принадлежностями пояса. Аналогичная бляшка известна также в материалах Осинкинского могильника начала II тыс. н.э. в Верхнем Приобье [10. С. 43. Табл. XII, 7].

Значительно меньше аналогий у Е-образных бляшек. Похожие предметы известны из памятника енисейских кыргызов Калтышино в Кемеровской области. Однако в отличие от наших бляшек кемеровские изделия имеют только одно отверстие для заклепки. Автор раскопок – известный российский археолог Д.Г. Савинов – интерпретировал их как украшения узды и датировал памятник началом II тыс. н.э. [11. С. 85–89. Рис. 7, 4, 5]. Изображения, напоминающие контур наших бляшек, мы находим на металлической подвеске из Минусинского музея, отнесенной к древностям енисейских кыргызов XIII–XIV вв. [12. Рис. 32, 5]. По мнению И.Л. Кызласова, Е-образные накладки в культуре енисейских кыргызов (аскизская культура по И.Л. Кызласову) характерны для XIII–XIV вв. [13. С. 129].

Сферическая подвеска, изготовленная из двух полусферических половинок, стык которых выделен выступающим ребром, судя по аналогиям, служила украшением узды. Наиболее близкая аналогия, которая позволяет нам достоверно определить местоположение нашей подвески в узде, происходит из богатого мужского половецкого погребения середины XIII в. на берегу реки Чингул в Украине [14. С. 17–18]. Само изображение изделия отсутствует в публикации материалов раскопок, однако по приведенным данным понятно, что «серебряная уплощенносферическая погремушка крепилась на лбу коня» [Там же], т.е. на налобном ремне оголовья. Графическая реконструкция воинского комплекса и снаряжения коня из чингульского погребения, выполненная М.В. Гореликом, хорошо проясняет детали уздечного набора, включая местоположение сферической подвески [15. Рис. 6].

Точных параллелей подтреугольным бляшкам с изображением розетки и округлой бляшке с центральным отверстием найти не удалось. Но как их контур, так и орнамент на них встречаются в материалах разных культур Средневековья и не имеют ни хронологической, ни культурной привязки.

В реконструированном виде узды из могильника Секи I состоит из нащечных, затылочного, наносного, налобного и подбородочного ремней. О наличии двух поперечных ремней (т.е. наносного и налобного) свидетельствуют не только фрагмент перекрещивающихся ремней, но и четыре крупных округлых бляшки. Последние крепились на перекрестии нащечных ремней с наносным и налобным ремнями. Узкий налобный ре-

мень украшен подтреугольными бляшками. На нем в центре с помощью ремешка подвешено бронзовое сферическое украшение. В середине наносного ремня могла крепиться кожаная сердцевидная подвеска, украшенная по краям Е-образными бляшками. Судя по сохранившимся деталям, аналогичными бляшками, расположенными вертикально, усажен и наносный ремень. На нащечных ремнях крепились Е-образные бляшки, острыми сторонами ориентированные вниз. Нижние концы нащечных ремней прикрепляли на кольчатые псалии удила, к которым привязывался повод (рис. 1, 2).

От седельного набора в погребениях сохранились седла с железными или костяными оковками и кольцами для приторочивания груза, стремяна, подпружные пряжки и подвесные бляхи на нагрудный и подхвостный ремни. О потниках и чепраках, изготавливаемых из войлока и кожи и подкладываемых под седло, каких-либо данных нет. Однако, естественно, это не означает, что они не использовались населением Тянь-Шаня в рассматриваемое время. Войлочный потник, служащий для впитывания пота лошади и равномерно распределяющий вес седла и всадника, является необходимой частью сбруи как верхового, так и вьючного и упряжного животного. Судя по находкам в пазырыкских курганах, он был известен еще в скифские времена, т.е. до изобретения седла с жесткой основой. Войлок и в настоящее время является лучшим материалом для изготовления потника.

Кожаный чепрак, наряду с потником, является важным составляющим снаряжения верхового коня. Судя по изобразительным, археологическим и этнографическим данным, он постоянно использовался под седло с жесткой основой [16. Рис. 92, 98; 17. С. 68, 85, 115]. О подкладках под седло (потник, попона, чепрак) монгольского времени ясное представление дают иранская миниатюра и юаньские статуэтки лошадей, которые учитывались нами при реконструкции сбруи верхового коня [1, 2].

Из погребений кочевников Тянь-Шаня монгольского времени происходит одна из крупных коллекций деревянных остовов седел. Подробнее о седлах региона рассматриваемого времени см. [4. С. 114–122] по всей территории империи Чингисхана и его преемников. Всего к настоящему времени нам известно семь полностью или почти полностью сохранившихся ленчиков. Еще шесть изделий дошли до нас фрагментарно, но общая форма их улавливается. Кроме того, в семи погребениях были обнаружены железные, костяные и деревянные принадлежности седел (оковки, подпружные пряжки). Таким образом, общее количество зафиксированных в погребениях седел и их остатков составляет 20.

Все остовы седел изготовлены из дерева. По своей конструкции они состоят из четырех деталей: вертикальной передней и наклонной задней луки и двух полок, скрепленных друг с другом с помощью кожаных ремешков через отверстия. По форме и способу оформления деревянных деталей практически каждый

экземпляр своеобразен. Особенно это касается задних луков. Определенные вариации наблюдаются и в формах полок. Но в целом все рассматриваемые изделия, возможно, кроме одного частично сохранившегося экземпляра, относятся к кругу седел так называемого монгольского типа, распространенных по всей степи Евразии с начала II тыс. н.э. [16. С. 226; 18. С. 31–37]. Характерными чертами седел «монгольского» типа, как известно, являются более массивные луки и полки с прямым нижним краем [Там же].

По форме передних луков седла «монгольского» типа из погребений Тянь-Шаня разделяются на несколько подтипов: трапециевидные (5 экз.), арочные (2 экз.), подпрямоугольные (1 экз.). Такая вариация, возможно, была обусловлена разным назначением изделий и (или) принадлежностью их разным половозрастным категориям. Седла с трапециевидной передней лукой, например, могли служить парадным снаряжением и применяться, преимущественно, женщинами.

Одним из характерных черт седел монгольского времени, судя по изобразительным источникам, являются полуовальные кожаные лопасти, располагавшиеся по сторонам седла. Их функция заключалась в том, чтобы защитить бедра всадника от трения о стремянный ремень. Данная деталь, происходящая, как установил С.И. Вайнштейн, от древнетюркских седел с лопастями в нижней части полок, присутствует и на сбруе этнографического времени [19. С. 135]. В отличие от этнографических экземпляров кожаные лопасти (тебенки) на седлах монгольского времени, судя по миниатюрам и статуэткам, составляли одно целое с седельным покрытием.

К седельному набору из погребений Тянь-Шаня относятся подпружные пряжки и железные полусферические бляшки. Их место в сбруе и назначение определяются по многочисленным аналогиям. Существует мнение о том, что близкие к нашим бляхам изделия подвешивались на налобный ремень оголовья. Однако более вероятным нам кажется предположение о том, что крупные бляхи полусферической формы служили украшением нагрудного и подхвостного ремней, подобно округлым бляшкам из кимакского погребения в Верхнем Прииртышье, сохранившим свое первоначальное местоположение в сбруе [20. С. 72, 5; 21. Рис. 2, 12].

Все сказанное позволяет реконструировать седельный набор следующим образом. Сначала на спину коня клали четырехугольный потник, состоящий из нескольких слоев войлока. Поверх него помещался кожаный чепрак, который мог украшаться орнаментом, выполненным с помощью техники тиснения или аппликации. Затем клали седло с подвешенными на него стремянами. Обычно седло обтягивалось сыромятной кожей и обивалось костяными или железными накладками. Оно укреплялось на теле лошади с помощью подпруги, нагрудного и подхвостного ремней. О количестве подпруг судить сложно. В погребениях обычно находят по одной подпружной пряжке, редко

– по две. На иранской миниатюре подпруга не изображена. Возможно, она располагалась под кожаным чепраком, что, на наш взгляд, маловероятно. На некоторых юаньских статуэтках верховых коней седло закреплено с помощью одной подпруги. Как бы то ни было, подпругный ремень, обычно широкий, застегивался слева, под брюхом лошади большой четырехугольной пряжкой. Нагрудный и подхвостный ремни с подвесными бляхами крепились на полках седла с помощью колец с пробоями. Такие же кольца с ре-

мешками служили и для подвешивания груза. Поверх седла располагалась подушка (покрытие) с лопастями, защищавшими бедра всадника от трения о стременной ремень (см. рис. 2).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении вещественные находки из погребений и данные изобразительных источников позволили достаточно полно реконструировать один из возможных обликов снаряжения верхового коня населения Тянь-Шаня в «монгольское» время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Illustrations of costume and soldiers and sites of interest. Copyright 2011. URL: <http://www.warfare.altervista.org/> (дата обращения: 12.06.2015).
2. Shaanxi Provincial Institute of Archaeology. Preliminary Report on the Excavation of Yuan Tombs at the Huangzipo village in the Southern Suburb of Xi'an // *Archaeology and Cultural Relics*. 2014. № 3. P. 21–34.
3. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
4. Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 236 с.
5. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // *Степи Евразии в эпоху Средневековья*. М.: Наука, 1981. С. 190–193. (Археология СССР).
6. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
7. Андреа фон Б. Снаряжение для лошадей и пони. Седла, уздечки, удила. М.: Аквариум-Принт, 2006. 126 с.
8. Могильников В.А. Тюрки // *Степи Евразии в эпоху Средневековья*. М.: Наука, 1981. С. 29–43. (Археология СССР).
9. Зяблин Л.П. Средневековые курганы на Исык-Куле (по материалам раскопок 1954–1955 гг.) // *Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции*. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. С. 139–154.
10. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
11. Савинов Д.Г. Могилиник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // *Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 77–99.
12. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с. (САИ ЕЗ-18).
13. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII–XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // *СА*. 1978. № 1. С. 122–141.
14. Отрошенко В.В., Рассамкин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургану // *Археология*. 1986. № 53. С. 14–36.
15. Горелик М.В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // *Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства*. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы: Изд-во ЛЕМ, 2010. С. 127–186.
16. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
17. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могилиник (по раскопкам 1957 года) // *Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии*. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книж. изд-во, 1961. С. 62–135.
18. Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н.э.) // *Советская этнография*. 1977. № 1. С. 31–48.
19. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев (Проблемы кочевого хозяйства). М.: Наука, 1972. 314 с.
20. Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115–246.
21. Выборнов А.В. Реконструкция конского снаряжения населения Среднего Енисея позднего Средневековья – начала Нового времени // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 245–251.

Akmatov Kunbolot T. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: kunbolot@mail.ru

A RECONSTRUCTION OF THE HORSE TRAPPINGS OF THE TIEN SHAN NOMADS IN THE MONGOL EPOCH

Keywords: Tien Shan; Mongol epoch; burial; bit; bridle; saddle set; pictorial sources.

Horse trappings are one of the common finds in the burials of the Mongol epoch in Tien Shan. However they have not been a subject of special scientific research so far. In this paper, on the basis of the artefacts with account of pictorial sources, we reconstruct the horse trappings used by Tien Shan population in the XIII–XIV centuries.

Four remains of bridles have been found in the burials of Tien Shan. The bridle from female grave of the Seki I cemetery is more complete and rich one, which allow us to reconstruct it more easily and confidently. According to our reconstruction it consists of a leather headstall comprising a noseband, a forehead band, two cheek bands, a crownpiece and a throatlatch, an iron bit, and two lead straps for the reins. The headstall is lavishly decorated with metal plaques and pendants. Large and round plaques are mounted at the juncture of the cheek straps and the noseband and the forehead band. E-shaped plaques are fitted on the cheek bands and noseband. The same fittings are used to decorate the “heart-shaped” leather pendant in the center of the noseband. The forehead band is decorated with triangular plaques. A spherical bronze rattle-bladder is attached to it. The bit is composed of a two-piece snaffle with large round ring at either end to which reins are attached.

The saddle set from the burials is represented by wooden saddletrees, iron stirrups, girth buckles and metal pendants to the breast and crupper straps. The saddletrees are made up of two sideboards, a vertical pommel and an inclined cantle, which are tightly tied together with leather laces. They belong to the so called “Mongolian” type, which is known from the beginning of the II millennium AD. There are three subtypes of “Mongolian” saddles in Tien Shan. The main difference among them is in the shape of the pommels. Obviously, different subtypes of saddles were used for different purposes and (or) by different age-sex groups. For example, saddles with trapeze-shaped pommels, presumably, were used mainly by woman. The saddles were accompanied by a girth strap, a breast strap and a crupper strap. They are not preserved in the burials. But there are finds of girth buckles and pendants made of metal and bone, which are included in our reconstruction. The stirrups from the burials are made of iron and consist of two posts that form an arch over the foot and a tread on which the foot rests. There are three types of them: arch-shaped, trapeze-shaped and round. Judging by the number of finds the arch-shaped stirrups were in widespread use.

On the whole we may conclude that the grave goods represent an important and almost full source on the subject. On the basis of these materials with account of pictorial sources we were able to reconstruct the most possible original look of the horse equipment of the Tien Shan population in the Mongol epoch.

REFERENCES

1. Anon. (2011) *Illustrations of costume and soldiers and sites of interest*. [Online] Available from: <http://www.warfare.altervista.org/>. (Accessed: 12th June 2015).
2. Shaanxi Provincial Institute of Archaeology. (2014) Preliminary Report on the Excavation of Yuan Tombs at the Huangzipo village in the Southern Suburb of Xi'an. *Archaeology and Cultural Relics*. 3. pp. 21–34.
3. Tabaldiyev, K.Sh. (1996) *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya* [Mounds of medieval nomadic tribes of the Tien Shan]. Bishkek: Aybek.
4. Akmatov, K.T. (2017) *Vooruzheniye i konskoye snaryazheniye kochevnikov Tyan'-Shanya v mongol'skoye vremya* [Armament and equestrian equipment of the nomads of the Tien Shan in Mongolian time]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
5. Mogilnikov, V.A. (1981a) Pamyatniki kochevnikov Sibiri i Sredney Azii X–XII vv. [Monuments of nomads of Siberia and Central Asia in the 10th – 12th centuries]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 190–193.
6. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoye Priob'ye v nachale II tys. n.e. (po arkhologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob River in the early 2nd millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Borries, A. von (2006) *Snaryazheniye dlya loshadey i poni. Sedla, uzdechki, udila* [Equipment for horses and ponies. Saddles, bridles, and bits]. Translated by V. Domanovskaya. Moscow: Akvarium-Print.
8. Mogilnikov, V.A. (1981b) Tyurki [Türks]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 29–43.
9. Zyblyin, L.P. (1959) Srednevekovyye kurgany na Issyk-Kule (po materialam raskopok 1954–1955 gg.) [Medieval burial mounds in Issyk-Kul (based on excavations from 1954–1955)]. In: Debets, G.F. (ed.) *Trudy kirgizskoy arkhologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kirghiz archaeological and ethnographic expedition]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 139–154.
10. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhneye Priob'ye na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)* [Upper Ob region at the turn of the epochs (Basandai culture)]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Savinov, D.G. (1997) Mogil'nik Kaltyshtino I (novyye materialy po arkhologii nachala II tys. n.e.) [The burial ground of Kaltyshtino I (new materials on archeology beginning of the 2nd millennium AD)]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoy kotloviny* [Monuments of the Early Middle Ages of the Kuznetsk Basin]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 77–99.
12. Kyzlasov, I.L. (1983) *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv.* [Askiz culture of Southern Siberia in the 10th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Kyzlasov, I.L. (1978) Kurgany srednevekovykh khakasov XIII–XIV vv. (Askizskaya kul'tura v mongol'skoye vremya) [Barrows of the medieval Khakas in the 13th – 14th centuries. (Askiz culture in Mongolian time)]. *Sovetskaya Arkheologiya*. 1. pp. 122–141.
14. Otroshchenko, V.V. & Rassamakin, Yu.Ya. (1986) Polovetskiy kompleks Chingul'skogo kurganu [Polovetsky complex of the Chingulsky burial mound]. *Arkheologiya*. 53. pp. 14–36.
15. Gorelik, M.V. (2010) Polovetskaya znat' na zolotoordynskoy voyennoy sluzhbe [Polovetsian nobility on the Golden Horde military service]. In: Yerofeyeva, I.V., Zhanayev, B.T. & Masanova, L.Ye. (eds) *Rol' nomadov yevraziyskikh stepey v razvitiy mirovogo voyennogo iskusstva* [The Role of Nomads of the Eurasian Steppes in the Development of World Military Art]. Almaty: LEM. pp. 127–186.
16. Vaynstein, S.I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii* [The World of Nomads in the Centre of Asia]. Moscow: Nauka.
17. Kuznetsov, V.A. (1961) Zmeyskiy katakombnyy mogil'nik (po raskopkam 1957 goda) [Zmeyskaya catacomb cemetery (according to excavations in 1957)]. In: Krupnov, E.I. (ed.) *Arkheologicheskiye raskopki v rayone Zmeyskoy Severnoy Osetii. Trudy arkhologicheskoy ekspeditsii 1953–1957 gg.* [Archaeological excavations in the region of Zmeyskaya North Ossetia. Works of the archaeological expedition, 1953–1957]. Ordzhonikidze: Severo-osetinskoye knizhnoye izd-vo. pp. 62–135.
18. Savinov, D.G. (1977) Iz istorii ubranstva verkhovogo konya u narodov Yuzhnoy Sibiri (II tys. n.e.) [From the history of the decoration of the horse of the horde among the peoples of Southern Siberia (II millennium AD)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 31–48.
19. Vaynstein, S.I. (1972) *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev (Problemy kochevogo khozyaystva)* [Historical Ethnography of Tuvinians (Problems of Nomadic Economy)]. Moscow: Nauka.
20. Trifonov, Yu.I. (1987) Pamyatniki srednevekovykh kochevnikov [Monuments of medieval nomads]. In: Akishev, K.A. (ed.) *Arkheologicheskiye pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES* [Archaeological monuments in the flood zone of Shulbinskaya HPP]. Alma-Ata: Nauka. pp. 115–246.
21. Vybornov, A.V. (2009) Rekonstruktsiya konskogo snaryazheniya naseleniya Srednego Yeniseya pozdnego Srednevekov'ya – nachala Novogo vremeni [Reconstruction of equestrian equipment of the population of the Middle Yenisei of the late Middle Ages – the beginning of the New Time]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 8(5). pp. 245–251.

УДК 39; 801.81

DOI: 10.17223/19988613/54/21

Н.В. Березовская, В.Г. Волков, Н.А. Тучкова

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕЛЬКУПОВ В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА (АРХЕОЛОГИЯ, ГЕНЕТИКА, ЛИНГВИСТИКА, ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ)

Рассматривается вопрос этногенеза селькупов с позиции археологических, генетических, лингвистических и этноисторических исследований. Археологические материалы Среднего Приобья периода позднего средневековья и нового времени традиционно интерпретируются как принадлежащие селькупам; развитое средневековье исследователями-археологами соотносится с праселькупским населением. Генетические данные также предполагают формирование селькупов на основе местного автохтонного населения, сложившегося на данной территории не менее, чем 3 000 лет назад. Лингвистические данные, напротив, не дают оснований считать Приобье территорией формирования ранних селькупов, предлагая возможности поиска для дислокации носителей селькупского языка в более южном, юго-восточном направлениях.

Ключевые слова: селькупы; этногенез; локальные группы; археологическая культура; погребальный обряд; генетика; лингвистика.

Опыты создания схемы этногенеза селькупов, как, впрочем, и любого другого народа, неизбежно приводят к выводу о невозможности сделать это средствами одной науки. Этногенез – процесс многосторонний, охватывающий проблемы развития антропологического, лингвистического, культурно-генетического плана, растянутый во времени на непредсказуемую глубину. В данной статье предпринята попытка посмотреть на проблему формирования этноса селькупов с точки зрения данных археологии, генетики, а также этноисторических и лингвистических позиций. Сложившийся при работе над данной статьей авторский коллектив представляет каждое из названных научных направлений: археология (Н.В. Березовская), генетика (В.Г. Волков), историческая этнология и лингвистика (Н.А. Тучкова).

Цель статьи – выявить логические связи самостоятельных версий этногенеза селькупов по данным археологии, лингвистики, этнографии, генетики и попытаться сложить наименее противоречивую картину (версию), основываясь на современных научных данных.

Этногенез селькупов по археологическим данным. Впервые на археологическом материале предположения о формировании древнеселькупской культуры в Среднем Приобье с середины 1 тыс. н. э. были сделаны В.Н. Чернецовым [1. С. 238]. Более ранний этап истории селькупов, по его мнению, был связан с продвижением таштыкских племен в районы томско-нарымской Оби. «Результатом этой передвижки явилась более или менее полная ассимиляция этими племенами восточнопериферийных угорских племен и появление селькупов – остяко-самоедов» [2. С. 189]. С накоплением археологического материала предположение о продвижении таштыкцев не получило дальнейшего развития, но культуру, сменившую кулайскую, В.Н. Чернецов считал древнеселькупской [3. С. 105].

В начале 1950-х гг. археологические исследования остяцких могильников XVI и XVII вв. у села Молчаново осуществлял А.П. Дульзон. Их принадлежность

селькупам автор обосновывал сведениями окладных ясачных книг первой четверти XVII в. По этим данным «в рассматриваемом нами районе проживали только остяки (т.е. остяко-самоеды, селькупы)» [4. С. 131]. Благодаря изобилию предметов русского импорта, монет и жетонов, погребения из курганного могильника Остяцкая гора имели бесспорную датировку XVII в. Пачангский могильник был датирован непосредственно предшествующим временем – XVI в., поскольку автором была установлена преемственность погребального обряда и «полная аналогия всех показателей керамики» [Там же. С. 127]. Следовательно, преемственность в области материальной культуры населения XVI и XVII вв. с материальной культурой приобских остяков XVIII–XIX вв. устанавливается достаточно убедительно [Там же. С. 132].

Следующий шаг вглубь процесса этногенеза селькупов был сделан Л.А. Чиндиной [5. С. 61–94]. Проведя сравнительный анализ материалов раскопок Тискинского могильника, могильников Остяцкая гора, Пачангский, Тургайский и Балагачевский, с учетом данных этнографии селькупов, хантов, кетов Л.А. Чиндина определила те черты погребального обряда, которые можно назвать этническими. Сопоставления материалов привели автора к выводу о возможности этнической интерпретации только в том случае, если выявлены сочетания отдельных специфических признаков. Для селькупов это: многоактность сооружения курганов, захоронения в неглубоких могилах или на поверхности, положение умершего на спине, долевая форма покрытия обкладки могилы, ориентация в юго-восточном направлении, наличие в могиле глиняной посуды [Там же. С. 90]. Эти же признаки использованы для сравнительного анализа с погребальным обрядом и керамикой VI–VIII вв. н. э. могильника Рёлка [6]. В итоге сделан вывод о древнеселькупской принадлежности раннесредневековых материалов. Помимо уже перечисленных выше признаков погребального обряда,

среди важнейших характеристик, присущих и ранне-средневековой, и позднесредневековой керамике, были названы форма и орнаментация сосудов, особенно I (гребенчатого) типа. Кроме «этнических» признаков, выделенных на археологическом материале, были привлечены материалы этнографических исследований и данные антропологии. Серия черепов из раннесредневековых могильников Рёлка, Красный Яр, Умна, Юрт-Акбалык и Могильницкого показала большую близость к селькупам, причем к более древнему (А) типу [6. С. 140]. Необходимо отметить, что принадлежность могильников Новосибирского и Томского Приобья к рёлкинской культуре является спорной. Т.Н. Троицкая и Л.М. Плетнева данные памятники считают единичными и соотносят их с самодийцами или угро-самодийцами.

Дальнейшие исследования Л.А. Чиндиной позволили построить схему культууроге́неза в Среднем Приобье с периода раннего железного века до позднего средневековья. Гипотеза о древнеселькупской принадлежности релкинской культуры развернута на широком фоне исторических событий, предложена интерпретация компонентов, вошедших в ее состав и факторов, повлиявших на ее развитие. Керамика релкинской культуры, представленная тремя типами, явилась основным показателем культуурогенетических процессов. I и II типы керамики, по Л.А. Чиндиной, имеют генетическую связь с предшествующей (кулайской) керамикой и отражают две линии развития орнаментов (простую гребенчатую и фигурно-штамповую) и локальную специфику. Сделан вывод о том, что эта локализация отражала начало процесса выделения диалектно-этнографических групп внутри селькупского этноса. Третий тип валиковой керамики имеет аналогии в Восточной Сибири и соотносится с носителями тунгусо-маньчжурских языков [7. С. 129–130].

В целом схема культууроге́неза, предложенная Л.А. Чиндиной, принята научным сообществом, имеет сторонников (В.А. Могильников, А.И. Боброва, Ю.И. Ожередов), тем не менее, по вопросу этнической интерпретации, границам рёлкинской культуры у нее есть и оппоненты (Л.М. Плетнева, Т.Н. Троицкая, В.И. Молодин).

В.А. Могильников, также как и Л.А. Чиндина, считал, что Нарымское Приобье VII–VIII вв. от Чулыма до Тыма вероятнее всего, является областью формирования древних селькупов. Наличие же в рёлкинской культуре генетически различных типов керамики (I тип – местный, самодийский; II – северный или северо-западный, связанный с предками хантов; III – восточного или юго-восточного происхождения) свидетельствует о том, что процесс сложения селькупов в это время еще полностью не завершился. Оформление древнеселькупского этноса в основном, видимо, завершается в начале II тысячелетия н.э., с чем, очевидно, связано возобладание в керамике типа I, при сохранении ведущих черт релкинского погребального ритуала. Для этого периода

В.А. Могильниковым предлагалось выделение «кустовской» культуры, впоследствии не получившее обоснования и развития. В Томском и Новосибирском Приобье, по его мнению, проживали представители другой, родственной древним селькупам самодийской этнической группы, которая в дальнейшем, в X–XVI вв., была тюркизирована [8. С. 228–231].

Л.М. Плетневой сделан вывод о принадлежности памятников Томского Приобья в раннем средневековье к угро-самодийской историко-культурной общности [9. С. 127]. В.И. Молодин же, пользуясь ретроспективным подходом, пришел к умозаключению об угорской принадлежности кулайской культуры. Основным аргументом его исследования является факт распространения фигурно-штамповой кулайской керамики на север и запад, где, следуя логике дальнейших исторических событий, сформировались южно-хантыйская и северо-хантыйская локальные группы. Не сомневаясь в селькупской принадлежности позднесредневековых могильников, доказанной в 1950-х гг. А.П. Дульзоном и, на современном этапе, А.И. Бобровой и Ю.И. Ожередовым, он отрицает возможность экстраполяции этого вывода на материалы раннего средневековья и, тем более, на материалы раннего железного века [10. С. 3–44].

Огромная работа по исследованию и этнической интерпретации обширных материалов средневековых погребальных комплексов Нарымского Приобья проведена А.И. Бобровой. Для периода IX–XVII вв. ею выделена «нарымская археологическая культура», в IX–XVI вв. принадлежащая праселькупскому, с XVII в. – селькупскому населению [11]. По комплексам признаков она выделила четыре типа погребального обряда: чулымско-кетский (нижнее течение р. Чулым, среднее течение р. Кеть), обской (лево- и правобережье Оби, междуречье Оби и Чаи по р. Парабель с притоками), обско-чулымский (по берегам Оби и Нижнего Чулыма в пределах Молчановского района) и тымский (течение р. Тым, Обь в Александровском районе). Разнообразие типов погребального обряда, по ее мнению, отражает формирование локальных групп селькупов, засвидетельствованных этнографическими исследованиями Г.И. Пелих. О том, что они имели единую основу, свидетельствуют общие элементы обрядности: курганный тип могильников, наземный способ погребения, захоронение покойного на спине в вытянутом положении, возведение деревянного погребального сооружения, использование бересты при погребении, снабжение инвентарем [11. С. 85]. Очевидно, что одним из важнейших аргументов наличия единой основы является присутствие в погребениях керамической посуды с определенными характеристиками: шаровидные сосуды со сплошной гребенчатой орнаментацией [Там же. С. 57]. Основными дифференцирующими признаками типов погребального обряда, а значит, локальных групп селькупов, являются: многоактность или одноактность возведения курганной насыпи, наземный или грунтовый способ погребения, отсутствие или наличие

и формы кремации, наличие или отсутствие керамической посуды, обжиг площадки перед погребением, использование рамы-обкладки и особенности ее конструкции, наличие берестяного погребального короба, наличие лицевых посмертных покрытий.

В составе нарымской археологической культуры А.И. Боброва отмечает несколько компонентов – автохтонный (рёлкинский), тюркский и угорский [11. С. 55]. К XVI–XVII вв. происходят консолидация и нивелировка этнических компонентов, что прослеживается по унификации керамической посуды [Там же. С. 83]. Вторая половина XIV–XVII вв. были временем поступательного развития культуры, ее расцвета, несмотря на активизацию угров и начавшуюся колонизацию края со стороны Российского государства [Там же. С. 82].

Сюжеты, относимые уже скорее к области этнической истории, освещаются в порядке интерпретации конкретных публикуемых археологических источников. Так, при публикации материалов поселения Золотая Горка были выделены две последовательно сменяющие друг друга группы керамики. Аналогии более поздней группе керамики авторы нашли в материалах памятников второй половины II тыс. н. э. из районов Томско-Нарымского Приобья [12. С. 146]. На основании этого было сделано предположение о продвижении групп селькупского населения в XVI в. на юг и об их проживании в это время не только выше устья р. Шегарки, но и выше устья р. Томи [Там же. С. 150].

Подобные перемещения селькупского населения в XVII в. с р. Обь на р. Кеть на основании двух хронологических групп погребений в материалах Лукьяновского I могильника предположила Г.И. Гребнева [11. С. 21].

Ю.И. Ожередов на материале курганных могильников XVI–XVII вв. с р. Чаи и р. Кёнга (Барклай, Кустовские, Гребенщиковский) на примере отдельных элементов погребального обряда и инвентаря делает вывод об этнической многокомпонентности оставившего их населения [13. С. 77–119; 14. С. 133–137; 15. С. 160–164].

Таким образом, на археологических материалах процесс культурогенеза населения Среднего Приобья представлен двумя гипотетическими вариантами. Первый (Л.А. Чиндина, А.И. Боброва, В.А. Могильников) предполагает автохтонную основу самодийской (кулайской) общности, дальнейшее историческое развитие которой, вкупе с включением тунгусского пришлого населения (III тип керамики, валиковая) привело к формированию в Среднем Приобье праселькупской (рёлкинской) культуры. Впоследствии, с участием северо-западных (угорских) и южных (тюркских) компонентов, к XVII в., в Среднем Приобье сформировались известные по историческим источникам группы селькупов. Согласно второму варианту (В.И. Молодин) кулайская культура является угорской, а рёлкинская – угро-самодийской. С этногенезом самодийцев В.И. Молодин связывает одинцовскую (верхнеобскую) культуру, локализуемую на территории Верхнего Приобья. Основная дискуссия разворачивается по вопросу

этнической принадлежности кулайской культуры, в частности – фигурно-штамповой керамики. Авторами не оспаривается селькупская принадлежность поздне-средневекового населения данного региона и наличие его активных взаимодействий с уграми, тунгусами и тюрками. Краткий обзор существующих версий позволяет сделать вывод о том, что решающее значение в процессе этногенеза селькупов имеет период IX–XIV вв., еще слабо освещенный археологическими исследованиями.

Этногенез селькупов по данным генетических исследований. Исследование мужского генофонда северных (тазовских) селькупов началось еще в 1999 г. [16]. В работе были опубликованы данные по частоте гаплогрупп в этой популяции. В 2002 г. появилась работа с уточненными данными [17].

В результате экспедиций 2012, 2013 и 2017 гг. в Парабельский и Верхнекетский районы Томской области были получены образцы представителей разных этнотерриториальных групп южных селькупов. Места проживания предков участников исследования были установлены по сведениям информантов, генеалогическим данным из личных архивов и данным о распределении фамилий из опубликованных работ [18]. Генотипирование проводилось в лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики (Томск, Россия) и в компании Family Tree DNA (Хьюстон, США).

Выявленные на основе исследования этих образцов генетические связи южных селькупов с определенными популяциями и территориями позволяют уточнить некоторые моменты этногенеза и этнокультурной истории этого народа.

В составе генофонда южных селькупов можно выделить шесть мужских генетических групп: N1b-A – 35,3%, N1b-E – 5,9%, Q1a3-L330 – 29,4%, Q1a3-YP4000 – 17,6%, Q1a2 – 5,9%, R1b-M73 – 5,9% (рис. 1).

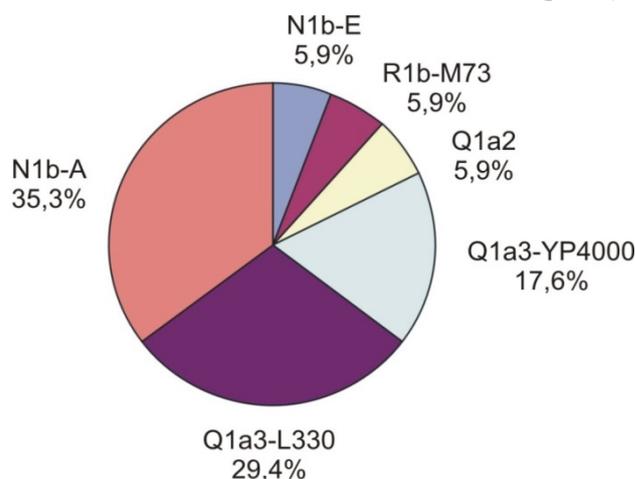

Рис. 1. Частота генетических линий у южных селькупов

Субклад N1b-A представлен у потомков жителей разных населенных пунктов на Оби от Нарыма до юрт Иванкиных, а также в Среднем Прикетье. Субклад Q1a3-L330 – в Среднем и Верхнем Прикетье и Нижнем

Причулымье. Субклад Q1a3-YP4000 – у потомков жителей разных населенных пунктов на р. Парабель.

Южные селькупы вместе с ненцами и хантами входят в группу N1b-VL63, которая является частью субклада N1b-A. Более удаленными родственниками по отношению к ним являются хакасы, тувинцы и монголы, принадлежащие к другим линиям того же субклада. По специфическим значениям Y-STR-маркеров гаплотипы селькупов N1b-A разделяются на две группы. Одна из этих групп близка к ненцам. Это потомки жителей юрт Конкиных – представители самой северной из исследуемых групп южных селькупов.

Разделение предков южных селькупов, хантов и ненцев, принадлежащих к субкладу N1b-A, по расчетам на основании накопления мутаций (SNP), произошло 3 200 – 3 400 лет назад. Наиболее вероятно, что это разделение имело место на территории Нарымского Приобья. Разделение предков селькупов и ненцев с предками тувинцев, хакасов и монголов произошло в более раннее время, примерно 3 600 – 3 700 лет назад. Наиболее вероятной прародиной всех этих групп является территория Восточного Саяна.

Распространение части субклада N1b-A, ветви, определяемой SNP-маркерами VL63 и B478, имеет прямые корреляции с ареалом проживания самодийских народов. Эта линия распространена среди современных самодийцев (ненцев, нганасан и селькупов), а также на тех территориях, где фиксируется самодийская топонимика и отмечается недавнее присутствие самодийцев (Саяны, Северный Алтай) [19. С. 293–295]. Можно также полагать, что субклад N1b-A отражает вклад самодийцев в генофонд северных хантов и является своего рода генетическим субстратом для этой популяции.

Таким образом, наличие группы N1b-A южных селькупов указывает на тесные генетические связи прежде всего с другими самодийскими народами и соседними хантами.

Другим значимым компонентом генофонда южных селькупов является субклад Q1a3-L330. С наибольшей частотой этот субклад представлен у кетов (84%). Также со значительной частотой он представлен у хантов (северных и васюганских), тувинцев, хакасов и северных алтайцев и с небольшой частотой у монголов [20. С. 13–14, TL, Uralic DNA Project]. Согласно последним расчетам возраст Q1a3-L330 достаточно древний. Разделение двух основных ветвей Q1a3-L330 произошло примерно 8000±1000 лет назад (YFull) и вероятно это произошло на пограничье Казахстана, Российского Алтая, Монголии и Китая.

Субклад Q1a3-L330 с наибольшей частотой встречается у кетов, народа, принадлежащего к енисейской языковой группе. Также данный субклад в основном представлен на территории распространения енисейской топонимики – Саяны, Северный Алтай, Омское Прииртышье [19. С. 291; 21. С. 97]. В связи с этим все основания полагать, что этот субклад является марке-

ром миграций енисейцев [22. С. 83]. Селькупы Q1a3-L330 принадлежат к двум линиям. Субтипирование и специфические значения Y-STR-маркеров указывают на близость потомков жителей юрт Кондуковых Лелькинской волости к кетам, особенно к представителям фратрии богдэнг (TL).

Потомки жителей Кашкинской волости (юрты Мулешкины и Карелины) на Средней Кети, судя по специфическим значениям Y-STR-маркеров, ближе к тувинцам и монголам, чем к кетам. Весьма вероятно, что генетические предки селькупов Кашкинской волости были выходцами с Чулыма и имели общее происхождение с одной из групп чулымских тюрков. Потомки жителей Юрт Могочинских Корткульской волости (Молчановский район) также принадлежат к субкладу Q1a3-L330, но к специфической линии, которая представлена среди чулымских тюрков и обских татар (карагасов). Наиболее вероятно, что предки жителей Юрт Могочинских являлись мигрантами из Причулымья и были связаны близким родством с чулымскими тюрками. С другой стороны, древняя история этой линии также, как и история предыдущих групп, может быть связана с миграциями енисейцев.

Третья значимая часть генофонда южных селькупов представлена субкладом Q1a3-YP4000. Эта генетическая линия хорошо выделяется наличием специфических Y-STR-маркеров. Территория расселения представителей этой линии среди селькупов тяготеет к бассейну р. Парабель. Не исключено, что и данная группа также представлена у более южного населения. Для подтверждения этого необходимо провести исследование потомков населения Чаинской, Большой и Малой Чурубаровских и Шепецкой волостей.

Представители линии Q1a3-YP4000, населявшие бассейн Парабели, составляют компактную юго-западную группу и, исходя из разнообразия гаплотипов, можно предполагать, что эта группа появилась в данном регионе более 2 500 лет назад. Ближайшими генетическими родственниками селькупов являются барабинские татары из той же линии. У барабинских татар данная группа – доминирующая и составляет значительную часть мужского генофонда. Более дальними генетическими родственниками селькупов и барабинских татар является группа чеченцев. Разделение предков селькупов, барабинских татар и чеченцев линии Q1a3-YP4000 могло произойти на юге Западной Сибири около 3 000 лет назад и наиболее вероятными предками данной группы можно считать носителей одной из археологических культур бронзового века.

Генетические данные, полученные за последнее время, показали, что некоторые линии субклада Q1a3-YP4000 представлены у челканцев и томских татар (эуштинцев) (TL). Челканцы и эуштинцы находятся с селькупам в более дальнем родстве, чем барабинские татары и чеченцы. Тем не менее эти данные, вместе с данными палеогенетики, свидетельствуют о том, что территорию Барабы, Верхнего и Среднего Приобья в

дотюркскую эпоху занимали родственные генетические группы. Исследование образцов носителей елунинской культуры (4 300 – 3 700 лет назад) показывает принадлежность их к той же генетической линии [23. С. 87] и указывает на древнюю миграцию предков части селькупов с территории равнинного Алтая. Кроме этого, данные палеогенетики позволяют предположить, что появление субклада Q1a3-YP4000 в Верхнем Приобье связано с миграцией в эпоху неолита из Прибайкалья [24]. Данные палеогенетики и генетики также указывают тесную связь с генетическими предками современных енисейцев. Вероятнее всего, субклад Q1a3-YP4000 также является маркером древних миграций енисейцев, как и субклад Q1a3-L330. Наличие мощного пласта енисейской топонимики в Барабе [19. С. 291; 21. С. 97] подкрепляет это предположение.

Другие генетические линии (N1b-E, Q1a2, R1b-M73) в составе южных селькупов являются минорными. Но, тем не менее, каждая из этих линий отражает процесс вхождения новых компонентов в состав предков селькупов. Часть из них (группа R1b-M73), видимо, отражает вхождение в состав предков селькупов тюркских групп южного происхождения из Томского Приобья. Другие линии (N1b-E и Q1a2), в связи с тем, что близкие гаплотипы встречаются у хантов, показывают вхождение в состав селькупов угорских групп (рис. 2).

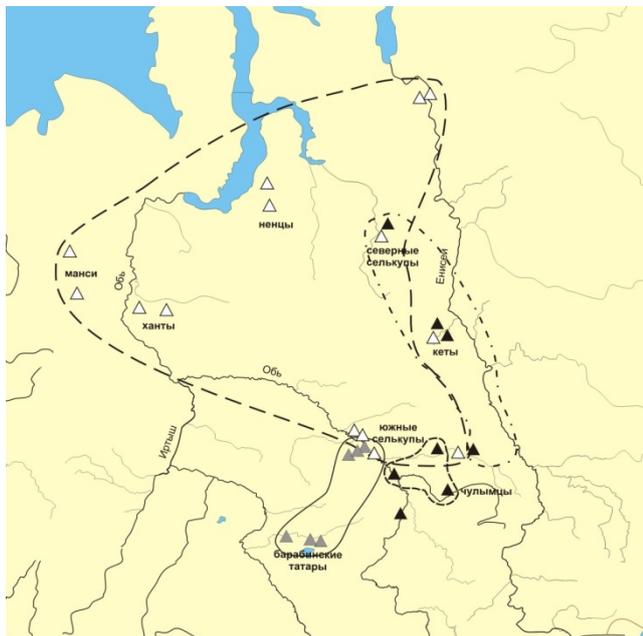

Рис. 2. Генетические связи южных селькупов

Таким образом, генофонд южных селькупов состоит из нескольких компонентов. Представители каждого из них занимают определенную территорию и в связи с этим компоненты можно условно обозначить как северный, юго-западный, южный и восточный. Северный компонент представлен гаплогруппой N1b-A, юго-западный – Q1a3-YP4000 и Q1a2, восточный – некоторыми линиями Q1a3-L330, южный – другими линиями Q1a3-L330 и линией R1b-M73. Каждый из этих компо-

нентов генетически связан с географически близкими популяциями. Северный компонент с северными хантами и ненцами, восточный – с кетами, южный – с томскими и чулымскими тюрками, юго-западный – с хантами и барабинскими татарами.

Основой мужского генофонда южных селькупов следует считать северную группу (N1b-A). Эта же группа, судя по всем расчетам, является самой древней в Нарымском Приобье. Появление этой группы на данной территории можно датировать временным интервалом 3 200–3 400 лет назад. Как указано выше, именно представители группы N1b-A составляют основу генофонда и других самодийских народов (ненцев, нганасан), а также населения Нижнего Приобья (хантов).

Второй значимой и древней генетической линией в составе южных селькупов следует считать юго-западную группу (Q1a3-YP4000). Исходя из разнообразия гаплотипов, можно предполагать, что эта группа появилась в юго-западной части Нарымского Приобья более 2 500 лет назад и миграции шли с территории Барабинской лесостепи. Остальные группы вошли в состав генофонда южных селькупов позже. Вероятнее всего, в эпоху развитого и даже позднего средневековья. Одна из этих групп с территории Восточного Прикетья родственна кетам, другие, вероятнее всего, связаны с миграциями тюрков из Томского Приобья и Причумылья.

Таким образом, прямые генетические предки основных групп селькупов проживали на территории Нарымского Приобья еще в докулайское время и влияние более поздних мигрантов на формирование генофонда южных селькупов было менее значимым, чем влияние автохтонного населения.

Этногенез селькупов (носителей селькупского языка) с точки зрения лингвистических данных и исторической этнологии. Интенсивные исследования Е.А. Хелимского в 1970-х гг. в области самодийского языкознания (на основе анализа данных по всем самодийским языкам) позволили ему выявить этапы глотто- и этногенеза самодийцев, а также сформулировать характерные черты культуры самодийской языковой общности накануне ее распада. Таковыми (по данным общесамодийской лексики) являются: развитое оленеводство, ставшее для них «продуктом относительно самостоятельной эволюции, а не переноса навыков коневодства и молочного животноводства»; использование лука и копья как орудий охоты, ловушек и силков, рыболовных снастей (при важной роли запорного рыболовства), скребков для выделки шкур, многообразных берестяных сосудов, лыж, саней, чума (в том числе с берестяными покрывками), лабазов [25. С. 10].

Наиболее четко по данным прасамодийских реконструкций выявляются признаки, характеризующие именно территорию расселения самодийцев. Указанная территория полностью или большей своей частью находилась в таежной зоне, включала в себя часть бассейна Енисея или примыкала к нему, непосредственно соприкасалась с областями расселения тунгусо-

маньчжуров, тюрков, енисейцев и обских угров, находилась от областей расселения монголов и индоевропейских племен на известном отдалении, допускавшем лишь слабые и опосредованные контакты [25. С. 13].

На основе выявленных критериев и с учетом «наиболее вероятных локализаций областей расселения соседних народов» Е.А. Хелимский высказал мнение о размещении поздней самодийской прародины в районе «между Средней Обью и Енисеем, вокруг четырехугольника “Нарым – Томск – Красноярск – Енисейск” и с возможным вхождением – полным или частичным – тех или иных сопредельных территорий: северной части Обь-Иртышского междуречья, северного Алтая, Присаянья, территории к востоку от Среднего Енисея, бассейнов Сыма и Ваха» [Там же. С. 13–14]. В другой публикации район «исходного расселения» селькупов Е.А. Хелимский видел в «треугольнике Томск – Красноярск – Енисейск» [26. С. 28].

Археологи – Л.А. Чиндина и Э.Б. Вадецкая – использовали мнение, опубликованное данным автором в 1983 г. [27. С. 5–10], для идентификации самодийцев с населением: 1) кулайской археологической культуры в Среднем (Сургутско-Нарымском) Приобье (V в. до н. э. – V в. н. э.) (Л.А. Чиндина) [28. С. 174–175]; 2) с населением тагарской археологической культуры в Минусинской котловине (VIII в. до н. э. – I в. н. э.) [29. С. 98–99].

Ни с одной из предложенных идентификаций Е.А. Хелимский не согласился. На его взгляд, данные попытки соотнесения археологического и лингвистического материала оставляют труднообъяснимым ряд важных фактов: а) несовпадение роли оленеводства, несомненно, характерного для самодийцев и не характерного (т.е. полное отсутствие или незначительная роль оленеводства) для кулайского и тагарского населения; б) высокоразвитое бронзолитейное производство у кулайцев (и его слабая представленность в лексике самодийцев), бронзолитейное производство Е.А. Хелимский предлагает рассматривать как характерный элемент культуры предков енисейских народов [25. С. 14]. в) развитое скотоводство в сочетании с примитивным земледелием у тагарцев (и отсутствие этих элементов в культуре самодийцев). Тагарцев Е.А. Хелимский предлагает рассматривать как принадлежащих «скорее к алтайскому, нежели к уральскому, этнокультурному кругу» [Там же].

Распад самодийской общности Е.А. Хелимский датирует рубежом н.э. Глоттохронологическая датировка проводилась им на основе лексикостатистических данных (по классической методике М. Сводеша) и позволила «оценить возраст самодийской группы примерно в II тыс. лет» [25. С. 16]. Этот возраст, на взгляд автора, «соответствует традиционной датировке, не противоречит данным о внешних связях самодийского праязыка и о датировке важнейших этапов в эволюции соседних языковых общностей и косвенно подтверждает часто высказываемое мнение о том, что причиной или катализатором распада прасамодийской общности яви-

лись гуннские завоевания в Южной Сибири (со II в. до н. э.) [25. С. 16].

Селькупский язык, по оценке Е.А. Хелимского, представляет собой «классический случай диалектного континуума» [Там же. С. 24]. Применение глоттохронологического метода к спискам базисной лексики наиболее удаленных друг от друга диалектов селькупского языка дало (при 12 расхождениях на 84 слова) «длительность дивергенции порядка 0,5 тыс. лет» [Там же. С. 26]. Однако Е.А. Хелимский предполагает, что период дивергенции был несколько значительней, так как «формула М. Сводеша склонна давать систематическую ошибку в сторону занижения возраста» в условиях контакта диалектов, тем более в случае континуума.

Кроме того, эти подсчеты позволили сделать еще один, весьма значимый для селькупской диалектологии (и одновременно для этнической истории селькупов), вывод: за 250–300 лет «границы основных диалектных подразделений селькупов оставались достаточно стабильными. Не наблюдалось сколько-нибудь интенсивного смешения диалектов и диффузии диалектных черт» [26. С. 78].

В целом относительно этнической истории селькупов эти данные говорят о том, что селькупы рассматривались Е.А. Хелимским как языковые и культурные потомки одной из групп самодийцев, обитавшие в момент своего этнического формирования примерно в том же географическом пространстве, где была их языковая прародина – в пределах тайги между Средней Обью и Средним Енисеем. В этот период они контактировали с обскими уграми (в Приобье), тунгусами (на притоках Енисея) и енисейцами. Причем контакты с енисейцами шли постоянно по нарастающей: от прасамодийского этапа к концу II тысячелетия н. э. (по оценке Е.А. Хелимского, «самодийско-енисейские контакты на уровне праязыка были гораздо менее интенсивны, чем последующие контакты языков-потомков (особенно, селькупско-кетские)» [25. С. 12].

В устных высказываниях Е.А. Хелимский однозначно отказывался считать селькупов наследниками кулайской культуры (всячески настаивал, чтобы археологи более пристально рассмотрели в этом качестве енисейцев), рассматривал бассейн р. Кети как, вероятно, важную артерию, связывающую Среднюю Обь и Средний Енисей, по которой и произошел приток самодийского населения в Приобье. Перемещения формирующихся селькупов он представлял (с большой осторожностью) следующей лаконичной схемой: сначала с верховий Кети вниз к Оби (от Енисея на запад), потом по Оби – на левобережные и правобережные обские притоки, затем на севере (для групп, ушедших на Таз и Турухан) – назад на восток – к Енисею. В Нарымском Приобье он, вслед за А.П. Дульзоном, считал, что селькупскоязычное население Приобья сформировалось на енисейскоязычном субстрате, и призывал не забывать этот факт (из лекций Е.А. Хелимского, Гамбург, 2006 г.).

Для реконструкции этнической истории селькупов особый интерес представляют исследования С.В. Глушкова в области исторической фонетики селькупского языка, который на основе анализа фонетических изменений, происходивших в диалектах селькупского языка, высказал предположение (вслед за А.П. Дульзоном и Т. Януриком) о том, что начиная со II в. н. э. с большой долей вероятности можно говорить о древнеселькупском периоде и о наличии приблизительно с VI в. н. э. в пределах древнеселькупского языка двух крупных древних диалектов [30; 31. С. 48].

Развивая его мнение (в целом не вызывающее возражений в среде коллег-лингвистов) относительно наличия двух древних диалектных подразделений селькупского языка в некоторой исторической перспективе, можно высказать предположение, что гипотетический праселькупский язык не распался на два языка – южный селькупский и центральный селькупский: эти два языковых подразделения самостоятельно развивались с прасамодийского этапа. Таким образом, с известной осторожностью, можно считать, что единый праселькупский этап в развитии селькупского языка отсутствовал (или же он был очень краток).

Одна из этих двух групп, вероятно, по Кети проникает в Приобье, затем осваивает, помимо Кети, обское пространство между верхним устьем Кети и устьем Чулыма, тем самым формируется группа южных селькупов – сюссыкумы.

Представители другой группы проникают в Нарымское Приобье с истоков Чижапки, Парабели (рек Кёнги и Чузика) и Чаи (реки Парбига, Евга), и в процессе освоения промысловых угодий на притоках они выходят к Оби с запада по Васюгану, Парабели. Таким образом, из левобережного населения формируются чумылкупы.

Часть населения, вышедшего с Васюгана на Обь, перешла на Тым. Об этом красноречиво свидетельствуют названия селькупских поселков – топонимическая модель этих названий единая для жителей Кёнги, Чижапки и Тыма [18. С. 113–122; 32].

Северные селькупы формировались из населения, говорившего на тымском говоре центрального диалекта. Однако в их формировании приняло участие также население с р. Кети (кетский говор южного диалектного ареала).

Кроме того, в Приобье, выше устья Чаи, происходило формирование группы «крайне южных» селькупов. Данное мнение основывается на предположении Е.А. Хелимского, который, опираясь на материалы Г. Миллера, А. Кастрена, К. Доннера, Н. Григоровского, предусматривал внутри южной группы диалектов особую диалектную подгруппу «крайне южных диалектов» – ныне исчезнувших – чумылский, чаинский и «верхнеобской» / «томский», отмеченные в материалах. Как вероятный ареал распространения «крайне южных» диалектов селькупского языка Е.А. Хелимский предлагает рассматривать юг Томского Приобья

(«вплоть до примыкающих к Томской области Мариинского и Яшкинского р-нов Кемеровской области») [25. С. 27].

Это фактически может говорить о возможном наличии в прошлом четвертого диалектного ареала – «крайне южного», или о процессе дивергенции «южного» ареала и выделении из него «крайне южной» части. Вопрос о направленности лингвистических процессов на селькупском юге – дивергенции «крайне южных» от других южных диалектных подразделений или, напротив, слиянии, сближении бывшего четвертого «крайне южного» ареала с остальным южным ареалом, на сегодняшний день является слабоизученным и остается открытым.

Можно предположить, что «крайне южные селькупы» явились еще одной волной исхода самодийцев (в языковом отношении очень близких к «южным» селькупам) с их самодийской прародины, и эта группа вышла в Приобье с востока не по Кети, а, возможно, через Томь, спустилась вниз по Оби и локализовалась в пространстве между устьями Чаи, Чулыма, Шегарки и Томи. Или же эта группа формировалась как обособляющаяся часть от сюссыкумов, поднимаясь по Оби вверх от верхнего устья Кети до устьев Чулыма и Томи (подробнее см.: [25. С. 27; 33]).

Именно они освоили нижнее и среднее течение р. Чаи, и относительно одной из подгрупп этого населения в XVIII в. (1740 г.) Г. Миллером было записано родовое название Künku. Так, Г. Миллер пишет буквально следующее: «Вдоль Чаи, от устья и до [рч.] Музура [Бакчара], а также на ½ дня пути вверх по Музуру живут остяки Чаинской волости Томского уезда, которые называют свой род Künku-aimak» [34. С. 182]. К сожалению, именно эта группа осталась практически не исследована в этнографическом плане; в лингвистическом плане – это материалы Н.П. Григоровского [35, 36].

Низовья Чулыма осваивались селькупоговорящим населением с Оби, и, как писал Г. Миллер, именно жители Кортульской волости на Оби считали «своей собственностью» угодья в низовьях Чулыма «на 1,5 дня пути на маленьких лодках вверх против течения»; «некоторые немногие семьи из них также имеют здесь кое-где жилища» [34. С. 178]. Е.А. Хелимский предлагал некоторые говоры на Оби между Нарымом и Колпашево (нарымско-обские), а также на Нижней Кети (кетско-обские) считать «переходными» или смешанными [25. С. 24–25; 37. С. 23].

При этом на Оби сформировалось несколько контактных зон:

а) между верхним и средним устьем Кети появилась зона контакта между чумылкупам и сюссыкумами (шло формирование шешкупов, однако этот процесс не был завершен ни в языковом плане, ни в плане этнографическом, иначе диалектные особенности группы, и ее этнокультурная специфика были бы выявлены более четко). Причем в основе шешкупов находилась

наиболее ранняя из вышедших на Обь подгрупп сюзсыкумов (имевшая архаичный ξ вместо s в анлауте);

б) в районе Сондорова и Тайзаково также сложилась зона активного смешения между «крайне южными» и южными сюзсыкумами, с одной стороны, и формирующимися шёшкупками – с другой. Также в этом ареале были, вероятно, и вкрапления левобережных чумылкупов, вышедших с истоков Чаи – рек Парбиг и Евга.

Гипотетически самодийский ареал, из которого «выдвинулись» две группы будущих селькупов, можно было бы разместить южнее устья Томи. Возможно, в качестве места исхода для «южных» селькупов (сюзсыкумов) можно рассматривать территорию среднего течения Томи (в пределах таежной (южно-таежной) зоны, но до предгорий Алтая), где позднее фиксируются шорцы. Однако более корректно было бы искать подобный ареал, вслед за Е.А. Хелимским, который видел район «исходного расселения» селькупов в «треугольнике Томск – Красноярск – Енисейск» [26. С. 28], ближе к Енисею, и, вероятно, он должен включать в себя истоки р. Кеть. Кроме того, по природно-климатическим характеристикам этот ареал должен очень походить на территорию Нарымского Приобья (иметь как минимум развитую речную сеть, так как все селькупские группы формировались как рыболовы).

Для «центральных» селькупов (чумылкупов), возможно, такой территорией «исхода» могла бы стать лесостепь в районе Северной Барабы. Не случайно именно этот ойконим (сельк. Параба) так распространен в обском «чумылкупском» левобережье – крупные реки Парабель (по форме – фактически адекватив от слова «Параба»), Парбига (а также Род *Parbe*, который в XVIII в. зафиксировал Г. Миллер на истоках Чаи) [34]. Сдвигалось самодийское население из более южных широт, вероятнее всего, под натиском тюрков; волны тюркизации могли бы хронологизировать этот процесс.

Таким образом, в ходе проведенного исследования становится очевидным, что по археологическим и гене-

тическим данным культурогенез и формирование генофонда населения Нарымского Приобья в течение 3 000 лет представляется как процесс непрерывный, происходящий на основе автохтонных культур позднего бронзового века. Этнолингвистические же материалы предлагают дислокацию предков селькупоговорящего населения искать южнее, точнее – юго-восточнее, чем Нарымское Приобье.

На генетическом материале формирование генофонда южных селькупов видится как включение в него в эпоху раннего железного века групп юго-западного происхождения, и в эпоху средневековья – разных групп западного, южного и восточного происхождения.

Вхождение в состав предков южных селькупов тюркских групп генетической линии R1b-M73 из Томского Приобья в археологических материалах раннего и развитого средневековья отразилось как процесс тюркизации. Наличие генетических линий N1b-E, Q1a2 также не противоречит имеющимся археологическим данным о наличии угорского компонента в средневековых материалах [11. С. 55]. В генофонде южных селькупов отсутствуют линии, связанные с тунгусо-манчжурскими группами, хотя археологические материалы раннего средневековья, представленные III типом керамики рёлкинской культуры (валиковой), археологами традиционно связываются с носителями тунгусо-манчжурских языков [7. С. 130].

При этом три типа погребального обряда, выделенные на археологических материалах позднесредневековых могильных комплексов Среднего Приобья, хорошо коррелируют с ареалами распространения генетических групп и диалектов селькупов. Совместный взгляд на этногенез селькупов с точки зрения археологии, генетики, этнолингвистики позволяет определить наиболее перспективные направления дальнейших исследований и пересмотреть гипотезы, потерявшие свою актуальность.

СОКРАЩЕНИЯ

TL – база данных лаборатории эволюционной генетики НИИ Медицинской генетики (Томск).
Uralic (Finno-Ugric-Samoedic) DNA Project. URL: <http://www.familytreedna.com/public/Finno-UgricDNA>
YFull – URL: <http://www.yfull.com>

ЛИТЕРАТУРА

- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии. 1957. № 58. С. 136–245.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.: АН СССР, 1954. С. 165–192.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. В 4–72(2). М.: Наука, 1971. 120 с.
- Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI–XVII веков у с. Молчаново на Оби // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1955. Т. XIII. С. 97–154.
- Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Томс. ун-та, 1975. Вып. 16. С. 61–94.
- Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 192 с.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 181 с.
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 163–235.
- Плетнева Л.М., Беликова О.Б. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 127.
- Молодин В.И., Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Мартынова Е.П., Шмидт Е., Фёдорова Н.Н. История и культура хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 8–44.

11. Боброва А.И., Рыкун М.П., Тучков А.Г., Чернова И.В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2016. С. 7–117.
12. Яковлев Я.А., Мец Ф.И. Селище Золотая Горка (к постановке вопроса об этнической ситуации в Томском Приобье II тыс. н. э. // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 129–151.
13. Ожередов Ю.И. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов : материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 77–119.
14. Ожередов Ю.И. Селькупские погребальные «маски» (к постановке вопроса) // Вестник Томского университета. История. 2013. № 3 (23). С. 160–164.
15. Ожередов Ю.И. Ритуальное втыкание оружия у селькупов и древние традиции народов Евразии // Вестник Томского университета. История. 2016. № 5 (43). С. 133–137.
16. Karafet T.M. et al. Ancestral Asian Source(s) of New World Y-Chromosome Founder Haplotypes, *Am. J. Hum. Genet.* 1999. № 64. P. 817–831.
17. Karafet T.M. et al. High levels of Y chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life // *Human Biology: The International Journal of Population Genetics and Anthropology*. 2002. № 74. P. 761–789.
18. Тучкова Н.А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 224 с.
19. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 289–296.
20. Харьков В.Н. Структура и филогенез генофонда коренного населения Сибири по маркерам Y-хромосомы : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Томск, 2012. 45 с.
21. Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири // Ученые записки Томского педагогического института. Томск, 1959. Т. 18. С. 91–111.
22. Волков В.Г. Древние миграции самодийцев и енисейцев в свете генетических данных // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 1 (1). С. 79–96.
23. Hollard K. Peuplement du sud de la Sibirie et de l'Altai a l'age du Bronze: apport de la paleogenetique. 2014. Ph.D. thesis. URL: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01296484/>
24. De Barros Damgaard P. et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. *Science* 09 May 2018: eaar7711. DOI: 10.1126/science.aar7711 raw data of samples ERS2374420 and ERS2374422. URL: <https://www.ebi.ac.uk/ena/data/view/PRJEB20658>
25. Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1988. 47 с.
26. Хелимский Е.А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. 639 с.
27. Хелимский Е.А. Ранние этапы этногенеза и этнической истории самодийцев в свете языковых данных // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 5–10.
28. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 255 с.
29. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 98–99.
30. Глушков С.В. О древнем периоде и праистории селькупского языка // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 405–409.
31. Глушков С.В. О праистории селькупского языка // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2011. С. 34–48.
32. Беккер Э.Г. Селькупская топонимия Томской области // Топонимия Востока. Новые исследования. М. : Наука, 1964. С. 125–133.
33. Тучкова Н.А. «Крайне южные» селькупы // Археология и этнография Приобья : материалы и исследования : сб. трудов кафедры археологии и этнологии ТГПУ. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 205–223.
34. Миллер Г.Ф. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 г. // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / сост. А.Х. Элерт. Новосибирск, 1996. С. 172–186.
35. Григоровский Н.П. Азбука сносогой гулани. Составлена Н.П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань, 1879.
36. Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Bearbeitet und herausgegeben von E. Helimski. Hamburg, 2007.
37. Беккер Э.Г. Диалектное членение селькупского языка. Введение // Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Томск, 1995. Ч. 1. С. 17–24.

Berezovskaja Natalija V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: bnv141624@gmail.com

Volkov Vladimir G. (Tomsk, Russia) E-mail: vladimirgenvolkov@yandex.ru

Tuchkova Natalya A. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russia). E-mail: nata2017juli@gmail.com

THE ORIGINS OF THE SELKUPS IN THE LIGHT OF INTERDISCIPLINARY APPROACH (ARCHAEOLOGY, GENETICS, LINGUISTICS, HISTORICAL ETHNOGRAPHY)

Keywords: Selkups, ethnogenesis, local groups, archaeological culture, funeral rite, genetics, linguistics.

The present article considers the ethnogenesis of the Selkups from the viewpoint of archaeological, genetic, linguistic and ethnohistorical researches. The authors make an attempt to outline the existing Selkup ethnogenesis theories from different standpoints, avoiding incorrect data interpretations in the related disciplines. The study has revealed that the publications by archaeologists contain two main hypothetical variants of culture genesis for the Middle Ob population. The first one (by L.A. Chindina, A.I. Bobrova, V.A. Mogilnikov) assumes the autochthonous foundation of the Samoyedic (Kulayskiy) entity. Its historical development could have led to the pre-Selkup (Ryelinskiy) culture formation in the Middle Ob region. According to the second variant (by V.I. Molodin), the Kulayskiy culture is Ugrian, whereas the Ryelinskiy culture is Ugrian-Samoyedic. V.I. Molodin links the ethnogenesis of the Samoyeds with the Odintsovskiy (upper Ob) culture, located on the territory of the Upper Ob. The review of the existing theories, based on the archaeological materials analysis, leads to the conclusion that the period of 9-14th centuries is extremely significant for the ethnogenesis of the Selkups, although this period is insufficiently covered by archaeological researches.

The genetic data suggest that the Selkups could have formed on the basis of the local autochthonous population, formed on the territory under study over 3 thousand years ago. The collected genetic material points to the conclusion that the genetic ancestors of the bulk of the Southern Selkups constantly lived in Narym Priobye (the Narym part of the Ob river). The Southern Selkups gene pool seems to have been formed as a result of integration of the South-Western groups (in the Early Iron Age) and other Western, Southern and Eastern origin groups into an ancient autochthonous component, formed in the Early Iron Age. Thus, the direct genetic ancestors of the major Selkup groups resided on the territory of Narym Priobye even in the pre-Kulayskiy era. Besides, the impact of later migrants on the Southern Selkup gene pool was less significant, than the autochthonous population influence.

The linguistic data, conversely, indicate that Priobye could not be considered as the territory of the Early Selkups formation, while offering the options to search the native Selkups dislocation in the more Southerly, South-Easterly direction. It is worth to mention that the analysis of the phonetic changes in the Selkup dialects (by A.P. Dulson, S.V. Glushkov) proved the independent development of the two of the language divisions – the Southern-Selkup and the Central-Selkup right from the Pre-Samoyedic period. This assumption seems to be crucial for understanding the ethnical history of the native Selkup speakers.

REFERENCES

1. Chernetsov, V.N. (1957) Nizhneye Priob'ye v I tys.n.e. [The Lower-Ob region in the I Millennium AD]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii*. 58. pp. 136–245.
2. Chernetsov, V.N. & Moshinskaya, V.I. (1954) V poiskakh drevney rodiny ugorskikh narodov [In search of the ancient homeland of the Ugric peoples]. In: Fedorov, G.B. (ed.) *Po sledam drevnikh kul'tur. Ot Volgi do Tikhogo okeana* [In the footsteps of ancient cultures. From the Volga to the Pacific Ocean]. Moscow: USSR AS. pp. 165–192.
3. Chernetsov, V.N. (1971) Naskal'nyye izobrazheniya Urala [Rock paintings of the Urals]. *Svod arkhologicheskikh istochnikov*. 4–72(2).
4. Dulzon, A.P. (1955) Ostyatskiye mogil'niki XVI-XVII vekov u s. Molchanovo na Obi [Ostyak burial grounds of the 16th – 17th centuries, near Molchanovo on the Ob]. *Uchenyye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 13. pp. 97–154.
5. Chindina, L.A. (1975) O pogrebal'nom obryade pozdnykh mogil'nikov Narymskogo Priob'ya [About the funeral rites of the late burials of the Narym Ob region]. In: Rabinovich, G.Kh. (ed.) *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 61–94.
6. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Roelka na Sredney Obi* [Roelka burial ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego srednevekov'ya (rolkinskaya kul'tura)* [The history of the Middle Ob in the early middle ages (Roelka culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Mogil'nikov, V.A. (1987) Ugry i samodiytsy Urala i Zapadnoy Sibiri [The Ugric peoples and Samoyeds of the Urals and Western Siberia]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [The Finno-Ugric and Baltic peoples in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 163–235.
9. Pletneva, L.M. & Belikova, O.B. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Monuments of the Tomsk Ob region in the 5th – 8th centuries AD]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Molodin, V.I., Lukina, N.V., Kulemzin, V.M., Martynova, Ye.P., Shmidt, Ye. & Fodorova, N.N. (1995) *Istoriya i kul'tura khantov* [History and Culture of Khanty]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 8–44.
11. Bobrova, A.I., Rykun, M.P., Tuchkov, A.G. & Chernova, I.V. (2016) *Narymskoye Priob'ye vo II tysyacheletii n.e. (X–XX vv.)* [Narym Ob region in the 2nd millennium AD. (the 10th – 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 7–117.
12. Yakovlev, Ya.A. & Mets, F.I. (1993) Selishche Zolotaya Gorka (k postanovke voprosa ob etnicheskoy situatsii v Tomskom Priob'ye II tys. n. e. [Settlement Zolotaya Gorka (on the ethnic situation in Tomskaya Oblast in the 2nd millennium AD)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologicheskiye issledovaniya v Srednem Priob'ye* [Archaeological research in the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–151.
13. Ozheredov, Yu.I. (1999) Sakral'nyye strely yuzhnykh sel'kupov [Sacred arrows of the southern Selkup]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Priob'ye glazami arkhologov i etnografov. Materialy i issledovaniya k "Entsiklopedii Tomskoy oblasti"* [The Near Ob region through the eyes of archaeologists and ethnographers. Materials and research to the "Encyclopedia of Tomsk region"]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 77–119.
14. Ozheredov, Yu.I. (2013a) Sel'kup burial masks (on the question). *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 160–164. (In Russian).
15. Ozheredov, Yu.I. (2016) Weapon in the rituals of the Selkups and ancient traditions of Eurasia. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5(43). pp. 133–137. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/43/28
16. Karafet, T.M. et al. (1999) Ancestral Asian Source(s) of New World Y-Chromosome Founder Haplotypes. *American Journal of Human Genetics*. 64. pp. 817–831. DOI: 10.1086/302282
17. Karafet, T.M. et al. (2002) High levels of Y chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life. *Human Biology: The International Journal of Population Genetics and Anthropology*. 74. pp. 761–789. DOI: 10.1353/hub.2003.0006
18. Tuchkova, N.A. (2014) *Sel'kupskaya oykumena. Obzhitoye prostranstvo sel'kupov yuzhnykh i tsentral'nykh dialektnykh grupp* [The Selkup oecumene. The settled space of the Selkups of southern and central dialect groups]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
19. Dulzon, A.P. (1960) Etnicheskiy sostav drevnego naseleniya Zapadnoy Sibiri po dannym toponimiki [Ethnic composition of the ancient population of Western Siberia according to toponymy data]. In: *Materialy XXV Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov* [Proceedings of the XXV International Congress of Orientalists]. Moscow: [s.n.]. pp. 289–296.
20. Kharkov, V.N. (2012) *Struktura i filogeografiya genofonda korennoho naseleniya Sibiri po markeram Y-khromosomy* [The structure and phylogeography of the gene pool of the indigenous population of Siberia according to Y-chromosome markers]. Abstract of Biology Dr. Diss. Tomsk.
21. Dulzon, A.P. (1959) Ketskiye toponimy Zapadnoy Sibiri [Ket toponyms of Western Siberia]. *Uchenyye zapiski Tomskogo pedagogicheskogo instituta*. 18. pp. 91–111.
22. Volkov, V.G. (2013) Ancient migrations of Samoyeds and Eniseians in light of genetic data. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 1(1). pp. 79–96. (In Russian).
23. Hollard, K. (2014) *Peuplement du sud de la Sibirie et de l'Altai a l'age du Bronze: apport de la paleogenetique* [Population of southern Siberia and Altai in the Bronze Age: contribution of paleogenetics]. Ph.D. Thesis. [Online] Available from: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-01296484/>.
24. De Barros Damgaard, P. et al. (2018) The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. *Science*. 360(6396). DOI: 10.1126/science.aar7711
25. Khelimskiy, Ye.A. (1988) *Istoricheskaya i opisatel'naya dialektologiya samodiytskikh yazykov* [Historical and descriptive dialectology of Samoyedic languages]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tartu.
26. Khelimskiy, Ye.A. (2000) *Komparativistika. Uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparativistics. Uralistika. Lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
27. Khelimskiy, Ye.A. (1983) Ranniye etapy etnogeneza i etnicheskoy istorii samodiytsev v svete yazykovykh dannykh [Early stages of ethnogenesis and ethnic history of Samoyed people in the light of linguistic data]. In: Shaikhutdinova, G.M. (ed.) *Problemy etnogeneza i etnicheskoy istorii samodiytskikh narodov* [Problems of ethnogenesis and ethnic history of Samoyed peoples]. Omsk: Omsk State University. pp. 5–10.
28. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob River in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Vadetskaya, E.B. (1986) *Arkheologicheskiye pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseya* [Archaeological monuments in the steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka. pp. 98–99.
30. Glushkov, S.V. (2010) [On the ancient period and the prehistory of the Selkup language]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in the historical context: Experience of the Western Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the 15th International West Siberian Conference. Tomsk. May 19–21, 2010. Tomsk: Agraf-Press. pp. 405–409. (In Russian).
31. Glushkov, S.V. (2011) O praistorii sel'kupskogo yazyka [On the prehistory of the Selkup language]. In Tuchkova, N.A. et al. *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Selkup. Essays on traditional culture and Selkup language]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 34–48.
32. Bekker, E.G. (1964) Sel'kupskaya toponimiya Tomskoy oblasti [Selkup Toponymy of Tomsk Region]. In: Bondaruk, G.P. (ed.) *Toponimiya Vostoka. Novyye issledovaniya* [Toponymy of the East. New Research]. Moscow: Nauka. pp. 125–133.
33. Tuchkova, N.A. (2008) "Krayne yuzhnyye" sel'kupy ["Extremely southern" Selkup]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya: Materialy i issledovaniya* [Archeology and Ethnography of the Ob Region: Materials and Research]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 205–223.

34. Miller, G.F. (1996) Puteshestviye po vode vniz po Tomi i Obi ot Tomsk do Naryma. 1740 g. [Water journey down the Tom and the Ob from Tomsk to Narym. 1740]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in travel descriptions by Miller]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 172–186.
35. Grigorovskiy, N.P. (1879) *Azbuka syussogoy gulani. Sostavlena N.P. Grigorovskim dlya inorodtsev Narymskogo kraya* [The Selkup Alphabet. Compiled by N.P. Grigorovsky for the foreigners of Narym region]. Kazan: [n.d.].
36. Grigorovskiy, N.P. (2007) *Yuzhnosel'kupskiy slovar'* [The South Selkup Dictionary]. Hamburg: [s.n.].
37. Bekker, E.G. (1995) Dialektoye chleneniye sel'kupskogo yazyka [Dialectic division of the Selkup language]. In: Bekker, E.G., Alitkina, L.A., Bykonya, V.V. & Ilyashenko, I.A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnyye dialekty* [Morphology of the Selkup language. Southern Dialects]. Part 1. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 17–24.

Л.Ю. Боброва, П.В. Герман

ЛЫСАЯ ГОРА НА Р. ЯЕ: МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПАМЯТНИКА

Локализация некоторых археологических объектов, раскопанных в XIX в., остается совершенно неопределенной или вызывает разного рода сомнения у исследователей. Одним из таких мест является Лысая гора на р. Яе. Раскопки на памятнике, по поручению Императорской Археологической Комиссии, в 1891 и 1892 гг. производил библиотекарь Императорского Томского университета С.К. Кузнецов. Находки, включавшие серию предметов торевтики в скифо-сибирском зверином стиле, представляют значительный научный интерес. Тем не менее, в научных публикациях известны лишь рисунки некоторых предметов с Лысой горы. При знакомстве с этими работами возникает масса вопросов относительно специфики памятника и условий нахождения предметов, состава коллекции, а также непосредственно местонахождения объекта. Где находится Лысая гора, исследованная С.К. Кузнецовым? Решению данного вопроса посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: С.К. Кузнецов; Лысая гора; р. Яе; местонахождение; археологические раскопки.

Лысая гора на р. Яе – один из самых загадочных археологических объектов раннего железного века и Средневековья юга Западной Сибири, пока что не оцененных исследователями по достоинству. Раскопки на памятнике проводились библиотекарем Императорского Томского университета, археологом, этнографом и историком-архивистом Стефаном (Степаном) Кировичем Кузнецовым (30.07.1854–13.08.1913). В томский период своей деятельности (1885–1903 гг.) С.К. Кузнецов открыл и исследовал не менее 22 археологических памятников Томской губернии от эпохи неолита до Средневековья. В их числе такие известные западносибирские памятники, как Томский могильник (1887, 1889 гг. раск.) и Архиерейская заимка (1896 г. раск.) [1]. В 1891 и 1892 гг. ключевым объектом исследований С.К. Кузнецова стала Лысая гора на р. Яе. В экспедиции 1891 г., помимо С.К. Кузнецова, принял участие прозектор Императорского Томского университета, археолог и антрополог С.М. Чугунов, благодаря которому в печати появились первые сведения о памятнике [2]. Материалы раскопок на Лысой горе самим С.К. Кузнецовым не публиковались, но была краткая заметка о его докладе «О раскопках на реке Яе», прочитанном 15 декабря 1892 г. на заседании Общества естествоиспытателей и врачей Императорского Томского университета [3. С. 22–23].

За два года работ на Лысой горе было обнаружено 232 предмета (включая случайные находки с р. Яи, переданные С.К. Кузнецову в 1890 г.). Значительную часть коллекции (152 экз.) составляют костяные, железные, бронзовые и каменные наконечники стрел. Наибольшую научную ценность представляют находки художественной металлопластики (41 экз.): бронзовые зооморфные бляшки и фигурки, преимущественно в скифо-сибирском зверином стиле; орнаментированные «пуговицы» и детали конской упряжи; бронзовые ножи с фигурными навершиями. Основная часть коллекции была препровождена Императорской Археологической Комиссией в Императорский Эрмитаж (КП 1125/1-120), где хранится по настоящее время. Судьба переданных в Им-

ператорский Российский Исторический музей (ГИМ) костяных и железных наконечников стрел (102 экз.) и нескольких бронзовых предметов (четырёх дисковидных петельчатых зеркал и одной пронизки) нам не известна. В Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета остались семь предметов с р. Яи, поступивших от С.К. Кузнецова в 1890 г. (КП 4166-4172).

Коллекция предметов с Лысой горы представляет большой научный интерес, в первую очередь, для исследователей скифского и гунно-сарматского времени, Средневековья, а также специалистов в области древней торевтики. Однако на сегодняшний день в научной литературе нет полной информации о найденных предметах, отсутствует аргументированная интерпретация обнаруженного на Лысой горе комплекса или комплексов, нет и достоверных сведений о местонахождении памятника. Разбору последней темы и посвящена данная статья.

Местонахождение Лысой горы, исследованной С.К. Кузнецовым (история вопроса). О находках с Лысой горы на р. Яе в Ишимской волости Томской губернии широкому научному сообществу стало известно из Отчетов Императорской Археологической Комиссии (ОИАК). В ОИАК 1891 г., среди исследованных С.К. Кузнецовым памятников на р. Яе, Лысая гора не упоминается, но большая часть перечисленных в начале заметки предметов, несомненно, происходит именно оттуда [4. С. 107–108]. Впервые топоним «Лысая гора» упоминается в ОИАК 1892 г. [5. С. 71–73]. Здесь же отмечено нахождение памятника – на р. Яе, кратко перечислен категориальный состав находок и приведены фотографии трех предметов из бронзы – бляшки в виде кулана с подогнутыми ногами, кошачьего хищника и птицы [5. С. 72; 6. С. 317 (№ 2066-2068)].

Первое упоминание предметов с Лысой горы в аналитических работах встречено нами у А.А. Спицына [7]. Местонахождение памятника отмечено на р. Яе Томского округа [Там же. С. 30]. В статье присутствуют неточности в указанном времени работ на Лысой

горе (1871 г.) [7. С. 30] и в иллюстрациях приведено изображение коня на диске из коллекции П.С. Проскурякова (Айдашинская пещера) (ср.: [7. С. 131, рис. 381; 8. Табл. XI, 5]), а не с Лысой горы. Учитывая последнее обстоятельство, обращение в этой работе к находкам с Лысой горы представляется довольно условным. В действительности материалы Лысой горы начинают эпизодически фигурировать в научных публикациях через 60 лет после выхода заметок в ОИАК. Перечислим некоторые из этих работ.

В.Н. Чернецов, анализируя комплекс вещей из Айдашинской пещеры, приводит в качестве аналогии одному из образов изображение кулана с подогнутыми ногами с Лысой горы «близ Томска», ссылаясь на ОИАК 1892 г. [9. С. 171]. В том же издании И.А. Талицкая отмечает в своде археологических памятников под № 78 объект «Лысая гора, находки и курганы» со ссылкой на ОИАК 1892 г. О локализации памятника исследовательница пишет следующее: «...местоположение Лысой горы не установлено, предполагаю, что в окрестностях пос. Яя» [10. С. 254].

Более подробное описание памятника «Лысая гора» встречается у А.П. Дульзона в публикации материалов к археологической карте Среднего Приобья [11]. Все памятники, расположенные по р. Яя (Алексеевское селище, Арьшевские курганы, Лысая гора, Шигарское селище и курганы, Усть-Китатские курганы) и ее притокам в территориально-административном отношении отнесены исследователем к Зырянскому району Томской области [Там же. С. 136]. А.П. Дульзон, на основании информации из газетной статьи С.М. Чугунова [2], определил местонахождение памятника «в 75 км выше с. Шигарского (Жаркова), бывш. Ишимской волости» [11. С. 142]¹.

Предметный комплекс с Лысой горы в 1960-х гг. попал в поле зрения Н.Л. Членовой, ознакомившейся с материалами коллекции в фондах Государственного Эрмитажа. В монографии по тагарской культуре приводятся рисунки четырех предметов с Лысой горы [13. Табл. 24, 35, 34, 5, 6, 40²]. Местонахождение памятника определено исследовательницей в пределах Томской области, на р. Яя [13. С. 77, 248].

В этом же году вышла статья А.И. Ларюкова «Археологические памятники в среднем течении р. Яя» [14]. Автор отмечает местонахождение неолитического материала на уступе горы со скальными выходами, расположенной на правом берегу р. Яя в 3 км ниже по течению от устья р. Золотой Китат. Ссылаясь на ОИАК 1892 г., А.И. Ларюков далее пишет, что возможно «эта скала и есть та самая “Лысая гора”, которая была обследована С.К. Кузнецовым в конце XIX в.» [Там же. С. 111]. Данное предположение, близкое мнению И.А. Талицкой, не имеет аргументации. Тем не менее именно гипотеза о расположении Лысой горы, исследованной С.К. Кузнецовым недалеко от устья р. Золотой Китат³, получила дальнейшее развитие в литературе.

Наиболее полно прорисовки предметов с Лысой горы были опубликованы А.И. Мартыновым в работе «Па-

мятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе» [15]. В трех таблицах размещены изделия из бронзы, железные и костяные наконечники стрел [Там же. С. 49–51]. Местонахождение памятника исследователь определил так: «...около поселка Яя на правом берегу р. Яя, в одном километре ниже устья Золотого Китата» [Там же. С. 52]. В другой работе, вышедшей в том же году, автор, приводя все те же координаты, начинает сомневаться в их достоверности: «...так и не удалось точно определить, где же С.К. Кузнецов проводил раскопки. Дело в том, что на Яе и Золотом Китате около десятка Лысых Гор и не ясно, на какой из них проводились раскопки» [16. С. 9]. Немного позднее, проанализировав архивные материалы из фондов ИИМК, исследователь приходит к выводу, что все или часть предметов с Лысой горы происходили из кургана II – I вв. до н.э. [17. С. 34; 18. С. 6, 126]: «В 1891–1892 гг. С.К. Кузнецов провел раскопки в местечке Лысая гора, расположенном у слияния рек Яя и Золотой Китат. Рядом с Лысой горой, как удалось установить по архивным материалам, был раскопан позднетагарский курган» [18. С. 6]. Несмотря на то что упомянутый А.И. Мартыновым курган локализован рядом, а не на самой Лысой горе, приведенные в качестве иллюстраций предметы [17. Рис. 1, 60–71; 18. Табл. 47, 48] найдены С.К. Кузнецовым в результате расчистки именно Лысой горы.

Вслед за А.И. Мартыновым авторы первого выпуска к Своду памятников истории и культуры Кемеровской области продолжают упоминать о расположении Лысой горы в устье Золотого Китата [19. С. 108; 20. С. 130–131]. Ссылаясь только на ОИАК 1891 г., авторы указывают и неточное количество предметов, найденных на горе – 108 единиц [20. С. 7]. После выхода этой монографии местонахождение Лысой горы в устье Золотого Китата закрепилось в историографии в качестве очевидного факта [например: 21. С. 30; 22. С. 129; 23. Рис. 4. С. 24; 24. С. 199; 25. С. 11].

В 2011 г. В.Н. Жаронкиным проводились разведочные работы в Яйском районе Кемеровской области, в ходе которых уточнялись координаты памятников, в том числе исследованных С.К. Кузнецовым [26. С. 32, 33]. В результате проведенного мониторинга отмечено, что курганный могильник Яя I (Яйские курганы) не что иное, как открытый и частично раскопанный С.К. Кузнецовым в 1892 г. памятник, расположенный на левом берегу р. Золотой Китат [Там же. С. 33]. Рядом с этим могильником, как утверждают авторы, расположено «Яйское культовое место (“Лысая гора”), раскапывавшееся С.К. Кузнецовым в 1891–1892 гг.» [Там же]. Фотографии и описание самой Лысой горы в статье не приводятся. Следует отметить, что указанный коллективом авторов курганный могильник Яя I – это действительно один из памятников, открытый и частично исследованный С.К. Кузнецовым, только не в 1892 г., а в 1891 г., и к местонахождению Лысой горы он не имеет никакого отношения [1].

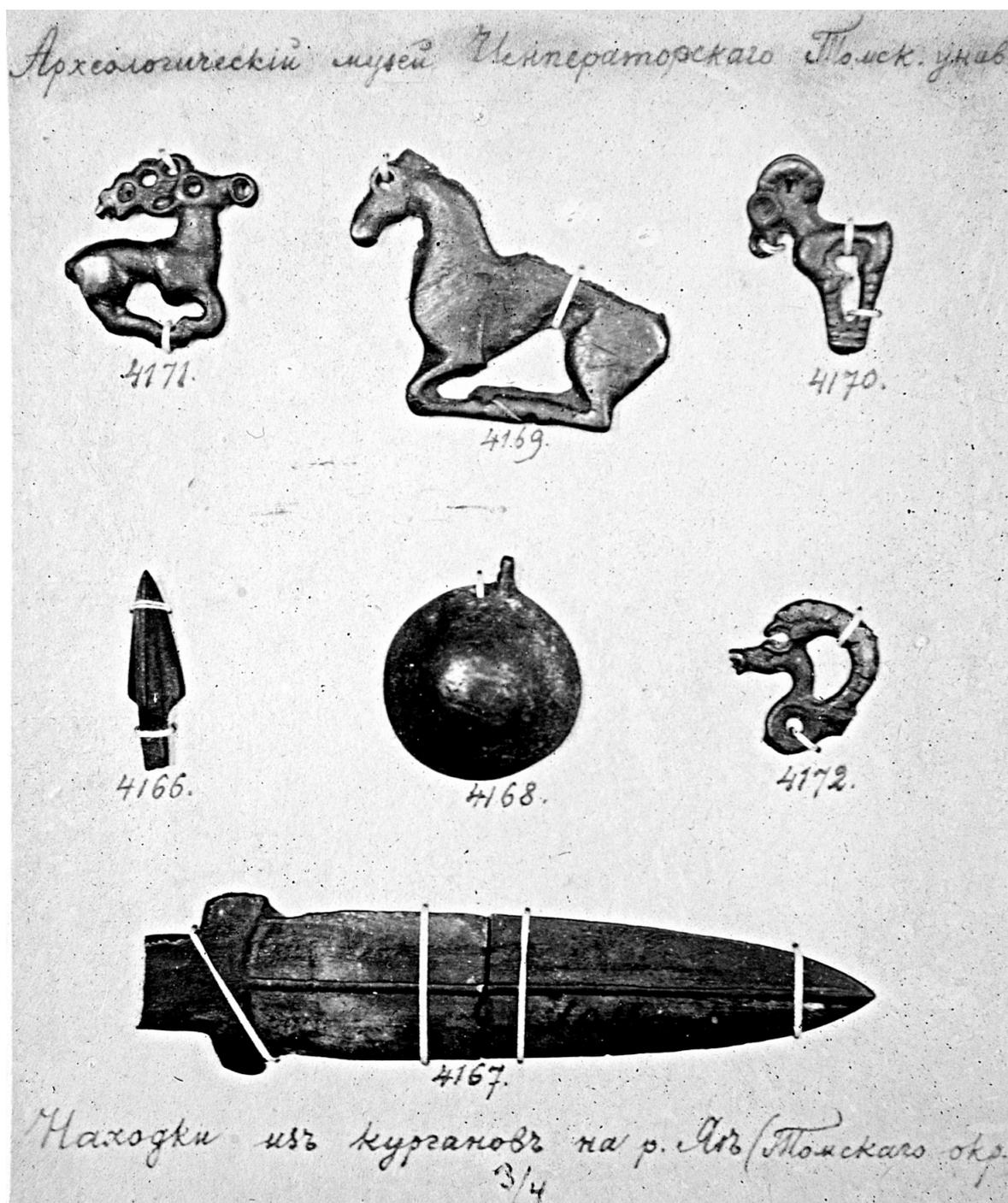

Рис. 1. Фотография «Археологический музей Императорского Томск. ун-ва. Находки из курганов на р. Яе (Томского окр.)» из собрания сектора «Архив и археологические коллекции» Museovigasto (Музейное ведомство) Финляндии. Папка: Tomsk 1890–1891. Valokuvia. P. I. VIII: 64. Подписи предметов соответствуют номерам КП Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета

Краткая история упоминаний Лысой горы на р. Яе в археологической литературе демонстрирует противоречия в определении местонахождения памятника. Следует отметить четыре варианта предполагаемой локализации:

1) на реке Яе в Томской области (округе) (А.А. Спицын, Н.Л. Членова) – соответствует информации из ОИАК 1892 г. [5. С. 71];

2) «близ Томска» [9. С. 117] (В.Н. Чернецов) – происхождение этой точки зрения не ясно;

3) «в 75 км выше с. Шигарского (Жаркова), бывш. Ишимской волости» [11. С. 142] (А.П. Дульзон) – определено по статье С.М. Чугунова [2];

4) около поселка Яя / в устье р. Золотой Китат (И.А. Талицкая, А.И. Ларюков, А.И. Мартынов, А.М. Кулемзин, Ю.М. Бородин, Е.А. Ковешникова, В.А. Эрлих, В.В. Бобров, О.Б. Беликова, Г.В. Длужневская, В.Н. Жаронкин). Аргументация данных координат памятника в работах перечисленных исследователей отсутствует.

Есть и совершенно иной пример, с заведомо ошибочной локализацией памятника – в Тюменской области [27. Табл. 6, 5; 28. Табл. 16, 10]. Подобное недоразумение отчасти не вызывает удивления, поскольку археологические объекты с наименованием «Лысая гора» присутствуют и в других регионах России (в том числе Тюменской обл.) и за ее пределами. Не говоря уже об урочищах с таким названием, которые известны повсеместно.

Учитывая значительные расхождения между определяемыми координатами объекта, необходимо вернуться к первоисточникам и проследить историю открытия памятника Лысая гора в Ишимской волости Томской губернии. Ниже будут приведены наиболее важные данные для определения местонахождения памятника. Помимо этой информации, не менее интересным представляется само путешествие С.К. Кузнецова по р. Яе, и отдельный разбор описания мест его раскопов, но это уже темы для следующих статей.

Находки 1890 г. на р. Яе и Лысая гора. Описание обстоятельств, приведших С.К. Кузнецова на место с топонимом «Лысая гора», в архивных документах Императорской Археологической Комиссии нами не обнаружены. Известно, что в 1890 году в Томске состоялась встреча С.К. Кузнецова с крестьянином, который принес несколько предметов из бронзы. Эти предметы, как было отмечено выше, хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета.

Из письма С.К. Кузнецова в ИАК от 30.07.1890 г.: «Перед самым моим отъездом в отпуск, крестьянин Томского округа Ишимской волости (за 200 в. от г. Томска) принес мне несколько бронзовых вещей из большого кургана на берегу р. Яи, впадающей в Томь (здесь, очевидно, описка, так как р. Яя впадает в р. Чулым. – *Прим. авт.*) близ устья последней реки. Среди доставленных мне предметов заслуживают особенного внимания: маленький изящный кинжал, две фигуры горного барана, две фигуры оленя и одна лошади; все предметы из желтоватой, покрытой патиной бронзы... Курган этот, по словам крестьянина, расположен в пустынной местности и слегка начал осыпаться, почему и обнаружались предметы, однако стоящие по соседству курганы сохранились вполне. Судя по доставленным находкам, переданным мною в музей Томского университета, курганы на берегу р. Яи представляются весьма любопытными. Я готов исследовать их, если Археологическая комиссия даст мне пособие, без которого крайне трудно приступить к работам в глухой таежного характера местности, от которой ближайшая деревня отстоит в 60 верстах» [29. Л. 23об.].

Итак, судя по этому письму, семь предметов были извлечены находчиком из осыпи кургана, входящего в состав курганного могильника, расположенного в пустынной (глухой таежной) местности, а именно: 1) в устье р. Яи (из логики текста письма С.К. Кузнецова – в устье р. Томи или р. Чулым, но это полностью исключе-

но); 2) на берегу реки; 3) в 200 верстах от г. Томска; 4) в 60 верстах от ближайшей деревни; 5) в Ишимской волости (предположительно, так как там проживает находчик).

Из перечисленных географических ориентиров наиболее важным является указание на расположение места находок в устье р. Яи. Но приведенное в письме описание не соответствует характеристикам территории приустьевых участков р. Яи. Это не черневая тайга, а поемные заливные луга с многочисленными заболоченными старицами. Населенные пункты вблизи устья р. Яи в то время существовали. В частности, из относительно крупных: современное село Первомайское (ранее – Пышкино-Троицкое) расположено в 14 км (13,1 версты) к северо-западу от устья р. Яя ниже по течению р. Чулым; в 21 км (19,6 версты) на юго-восток от устья Яи, вверх по Чулыму расположено село Зырянское.

От г. Томска до устья р. Яи по прямой около 100 км (93,7 версты), путь по имевшимся в то время дорогам составил бы приблизительно такое же расстояние. Поэтому данная привязка также не приводит в устье р. Яи. Кроме этого, устье р. Яи расположено не в Ишимской, а в Зырянской волости Томской губернии. Это обстоятельство, конечно, не мешает крестьянину сделать находку не в месте своего проживания. И все же ряд географических ориентиров и описание местности расположения памятника позволяют предположить, что к устью р. Яи находки 1890 г. отношения не имеют. Поэтому упоминание данной территории в контексте всех или части предметов 1890 г. следует воспринимать как недопонимание между находчиком и С.К. Кузнецовым.

Предметы были обнаружены при «осыпании» кургана. Это значит, что курган располагался на краю некоего участка, за которым следует резкое понижение рельефа. Например, это мог быть овраг или крутой берег реки. В результате такого осыпания находчиком обнаружены семь бронзовых предметов, четыре из которых относятся к категории художественного литья. Аутентичность предметного комплекса, переданного С.К. Кузнецову в 1890 г. и хранящегося в Музее археологии ТГУ, подтверждает опись предметов [30. С. 228] и фотография «Археологический музей Императорского Томск. унив. Находки из курганов на р. Яе (Томского окр.)» из сектора «Архив и археологические коллекции» Museovirasto (Музейное ведомство) Финляндии⁴ (см. рис. 1). Тем не менее в курганной версии происхождения этих предметов смущает факт отсутствия другой информации о погребальном комплексе – костях человека или остатках конструкции. Не будет этих сведений и в последующих описаниях С.К. Кузнецовым материалов Лысой горы. Поэтому не вызывает удивления, что в первом упоминании о яйских находках – в описи предметов первого прибавления к Каталогу Археологического музея Томского университета была внесена следующая запись: «Семь бронзовых предметов, найденных в осыпи под крутым берегом реки Яи Ишимской волости Томской губернии, достав-

ленные С.К. Кузнецовым, №№ 4166–4172» [30. С. 228]. Ни о каком кургане речи здесь нет. Очевидно, что в письме С.К. Кузнецова в ИАК крутой (высокий) берег р. Яи был описан как осыпь «большого кургана». По каким причинам это было сделано, неизвестно. Не исключено, что тем самым исследователь хотел подчеркнуть неслучайность обнаруженных предметов, что дало бы больше оснований ИАК для выделения средств на раскопки. Возможно, С.К. Кузнецов сам был уверен в курганном происхождении вещей. Но, вероятнее всего, в донесении крестьянина содержалась информация и о курганах в нижнем (лесостепном) течении р. Яи (где они известны в большом количестве), и о высокой горе, в осыпи которой были обнаружены все или часть бронзовых предметов.

Отчасти сомнения относительно происхождения семи предметов с р. Яи снимают следующие строки из газетной статьи С.М. Чугунова: «Два года тому назад один из приисковых рабочих на вершине первой скалы нашел древние бронзовые вещи, которые и показал С.К. Кузнецову. Это обстоятельство и было побудительной причиной для производства археологических раскопок на Лысой горе» [2. С. 3]. О других возможных находках с р. Яи в 1890 г. или ранее, нам ничего не известно. Поэтому, исходя из информации в письме С.К. Кузнецова в ИАК от 30.07.1890 и статье С.М. Чугунова, логично будет предположить, что семь предметов с р. Яи были обнаружены в 1889 г. и переданы С.К. Кузнецову в 1890 г. перед отъездом последнего в отпуск. Из архивных документов известно, что отпуск С.К. Кузнецова в 1890 г. начался 12 июня [32. Л. 6]. Учитывая эти сведения, следует полагать, что вещи с р. Яи были переданы С.К. Кузнецову в конце мая – июне 1890 г.

Таким образом, исходя из логики описанного в архивных документах и статье С.М. Чугунова, а также учитывая последующие цели полевых изысканий С.К. Кузнецова, представляется наиболее вероятным, что все или большая часть вещей переданных последнему в 1890 г. происходили именно с Лысой горы. В связи с этим некоторые сведения, приведенные в письме С.К. Кузнецова в ИАК от 30.07.1890 г., допустимо использовать в качестве дополнительных ориентиров для определения местонахождения памятника.

Где находится Лысая гора, исследованная С.К. Кузнецовым? Основные сведения о локализации Лысой горы на р. Яе почерпнуты нами из следующих источников:

1) статья С.М. Чугунова «Экскурсия на реку Яе. (Из путевых заметок)», вышедшая 28 июля 1891 г. в газете «Сибирский вестник» [2];

2) протокол заседания Томского общества естествоиспытателей и врачей от 15 декабря 1892 г. (содержит сведения о докладе С.К. Кузнецова «О раскопках на р. Яе» (Томского губ. и округа, в Ишимской волости) [3. С. 22–23];

3) письмо в ИАК от С.К. Кузнецова от 20 июля 1892 г. [29. Л. 50–51об.];

4) письмо в ИАК от С.К. Кузнецова от 27 февраля 1894 г. – Отчет о раскопках в 1892 г., включая опись находок [33. Л. 18–26об.];

5) раздел «Геологический очерк» в труде А.А. Краснопольского «Геологические исследования и поиски каменного угля в Мариинском и Томском округе в 1896 и 1897 годах» [34].

Из первых четырех источников выясняется, что Лысая гора, на которой производил работы С.К. Кузнецов, расположена на правом берегу р. Яи, выше села Шигарка (Жарково) на 40 [33. Л. 25] – 75 верст [2. С. 2]. С.М. Чугунов в своей заметке указывает еще три привязки: 1) в 10 верстах выше Лысой горы находился заброшенный прииск барона Гильзена; 2) в 10 верстах ниже Лысой горы встречены «обнажение мелкозернистой слоистой породы, аспидного цвета, издавна употребляемой в качестве точильных брусков»; 3) «ниже этого пункта верст на 30 (т.е. на 40 верст ниже по течению от Лысой горы. – Прим. авт.) – серые песчаные плиты с остатками и отпечатками мелких раковин» [2. С. 2]. Помимо Лысой горы С.М. Чугунов упоминает Соколиную и Красную горы на р. Яе, но не дает никаких ориентиров для определения их местонахождения по отношению к Лысой горе. В письме С.К. Кузнецова в ИАК от 27.02.1894 г. приведены следующие дополнительные ориентиры: 1) расстояние от Лысой горы до с. Судженка – 60 верст вниз по реке и 10 верст от реки до села; 2) расстояние от Лысой горы до д. Ломовая – 100 верст [33. Л. 20–21].

К великому сожалению, первооткрыватели не упоминают ни одного притока р. Яи выше р. Турат и, соответственно, не привязывают к ним расположение Лысой горы. Это не позволяет точно локализовать район ее местонахождения. Указанные расстояния от 10 верст и более, учитывая меандрирующий характер русла реки, усиливают вероятность значительной погрешности при измерении. О чем, в частности, может свидетельствовать разница в 35 верстах в указываемых расстояниях от Лысой горы до с. Шигарка (Жарково). Поэтому все приведенные выше координаты представляются лишь вспомогательными в поиске местонахождения памятника. Основной вывод, который следует сделать из информации первооткрывателей, следующий: Лысая гора, исследованная С.К. Кузнецовым, расположена в среднем течении р. Яи, в 40–75 верстах выше с. Шигарка (Жарково). Это значит, что уникальный памятник расположен вовсе не рядом с устьем р. Золотой Китат.

Установить точное местонахождение Лысой горы на р. Яе помогает геологический очерк А.А. Краснопольского. Здесь указаны местонахождения основных возвышенностей (гор) в среднем течении р. Яи: Лысой, Красной, Соколиной и Шайтанской [34. С. 17–18]. Наиболее важной привязкой является расстояние от Лысой горы до Красной горы. Последняя расположена в 1,5 верстах ниже по течению от Лысой горы [34. С. 17]. Установить местонахождение Красной горы не составляет труда – она расположена в устье р. Красной.

Соответственно, и локализацию Лысой горы в среднем течении р. Яи, по А.А. Краснопольскому, можно считать установленной. Осталось выяснить, та ли эта Лысая гора, на которой производил работы С.К. Кузнецов.

Работа А.А. Краснопольского помогает разобраться в точном местонахождении одного из ориентиров, приведенных С.М. Чугуновым. Заброшенные баронские прииски расположены на р. Ербачек (современное название – Ерпак) [Там же. С. 16]. Расстояние от устья р. Ерпак до Лысой горы – около 10 км⁵ (9,4 версты), что совпадает со сведениями С.М. Чугунова. Что касается упоминания им выходов «мелкозернистой слоистой породы, аспидного цвета, издавна употребляемой в качестве точильных брусков» [2. С. 2], то здесь явных соответствий с описанием геологических пород у А.А. Краснопольского нет. На расстоянии около 11 км (10,3 версты) от Лысой горы, вниз по течению, А.А. Краснопольским отмечены обнажения темно-серого роговика Шайтанской горы [34. С. 17–18]. Роговик этой горы мог использоваться в качестве точильного камня, равно как и мелкозернистые сланцы, выходы которого встречаются в среднем течении р. Яи в большом количестве, в том числе и на самой Лысой горе. Упоминаемые С.М. Чугуновым аммониты особенно многочисленны в устье р. Кайгат (совр. р. Кайгат, левый приток р. Яи) [Там же. С. 20]. Расстояние от Лысой горы до р. Кайгат составляет около 45 км (42,2 версты), что близко данным С.М. Чугунова.

Вернемся к дальним расстояниям до Лысой горы, указанным в источниках. От современного пгт Яя до Лысой горы по реке около 57 км (53,4 версты). Это, без малого, на 22 версты меньше чем отмечено в статье С.М. Чугунова и на 13 верст больше чем указано в заглавии описи к находкам С.К. Кузнецова в 1894 г. К промеренному нами расстоянию наиболее близка цифра, упоминаемая в докладе С.К. Кузнецова на заседании Общества естествоиспытателей и врачей [3. С. 22] – 50 верст, а также в письме С.К. Кузнецова в ИАК в 1890 г. Напомним, что в том письме было отмечено расстояние от места с находками 1890 г. до ближайшего населенного пункта 60 верст [29. Л. 23об.]. Эта же цифра фигурирует как расстояние от Лысой горы до с. Судженка. С.К. Кузнецов отмечает, что 25 июля 1892 г. «отправил одного рабочего в ближайшее село Судженку (60 верст вниз по реке, и 10 от реки до села)» [33. Л. 20]. Судя по приведенным расстояниям и нашим измерениям, получается, что рабочий доходил по реке

почти до с. Шигарка, а затем по дороге до с. Судженка. В целом условное расстояние по реке от Лысой горы до с. Судженка сопоставимо с расстоянием до с. Шигарка – в пределах 50–60 верст. Что касается крайних цифр диапазона – 40 и 75 верст, то первая находит следующее объяснение. В заглавии к описи находок, возможно, приведено расстояние по прямой от д. Шигарки до Лысой горы. При измерении на современных картах оно составляет всего 29 км (27,2 версты). Но при промерах по геологической карте, составленной А.А. Краснопольским на основе 10-верстной карты Западной Сибири, изданной Омским Военно-топографическим отделом [34. С. 90]), получается около 42 верст, что близко цифре, указанной в заглавии описи находок. Расстоянию до с. Шигарка, приведенному в статье С.М. Чугунова, логичных объяснений мы не находим. Остается предполагать, что это опечатка.

Другой, самый отдаленный, ориентир – расстояние от Лысой горы до д. Ломовая (совр. д. Сергеевка). По описанию С.К. Кузнецова, «против Лысой горы расположен первый на р. Яе перебор (порог), довольно опасный для плавания. Ряд более или менее грозных переборов тянется вниз по реке верст на 100 и заканчивается бурным порогом Шайтанским, у дер. Ломовой» [33. Л. 21]. Измеренная нами дистанция от Лысой горы до д. Сергеевка по главному руслу р. Яи составила 108 км (101,2 версты), что близко цифре, указанной в отчете С.К. Кузнецова.

Таким образом, произведенные нами измерения от Лысой горы (по А.А. Краснопольскому) до ориентиров, указанных С.М. Чугуновым и С.К. Кузнецовым, демонстрируют расстояния, близкие отмеченным первооткрывателями памятника. Следовательно, есть все основания для вывода о том, что Лысая гора, описанная в труде А.А. Краснопольского и исследованная С.К. Кузнецовым, – это одно и то же место.

В результате анализа архивных документов и литературы местонахождение Лысой горы, на которой в 1891 и 1892 гг. производил раскопки С.К. Кузнецов, установлено. Она расположена в Яйском районе Кемеровской области, на правом берегу р. Яи, в 57 км вверх по течению от пгт Яя, в 1,7 км вверх от устья р. Красной и одноименной горы, в 7 км вниз от устья р. Челы. Осмотр Лысой горы на р. Яе, произведенный нами в мае 2016 г. в ходе сплава от устья р. Барзас до устья р. Верхние Челы, эту локализацию подтверждает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шигарка, или Жарково, – названия современного пгт Яя (Яйский район Кемеровской области). Первое Шигарское поселение, упоминавшееся в письменных источниках с начала XVIII в., располагалось на правом берегу реки Яи. Деревня Жарковка, освоенная казаками, находилась на противоположном высоком берегу реки и развивалась быстрее [12. С. 129, 147]. В итоге поселение Шигарка становится частью Жарковки, а в 1934 г. объединенные деревни переименовали в поселок Яя.

² В таблице 34 указанной монографии присутствуют два рисунка под цифрой 40. К находкам с Лысой горы относится бляшка в виде птицы. Здесь же отметим, что бляшка под цифрой 26 (36?) в таблице 24, в этой же работе, происходит не с Лысой горы, как отмечает Н.Л. Членова [33. С. 151, 244], а с какого-то иного места.

³ Отметим, что место впадения р. Зологой Китай в р. Яя находится в пределах современных границ пгт Яя, что явно не соответствует информации С.М. Чугунова, приведенной А.П. Дульзоном.

⁴ Фотография сделана не позднее 1891 г. Наиболее вероятный автор – А.О. Гейкель, уделивший немало времени изучению коллекций сибирских музеев [31. С. 621]. Авторы выражают благодарность Елене Александровне Миклашевич, любезно предоставившей данную фотографию, перенесенную в архиве Финляндии, и сотрудникам Museovigasto Финляндии за предоставленную возможность опубликовать архивные материалы.

⁵ Здесь и далее все промеры производились при помощи инструментария бесплатной версии программы Google Earth 7.1.8.3036. Линия изменения стремилась повторить все изгибы главного русла р. Яи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАТО – Государственный архив Томской области, г. Томск

ГИМ – Государственный исторический музей, г. Москва

КП – Книга поступлений

РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

ЛИТЕРАТУРА

1. Китова Л.Ю., Боброва Л.Ю. Археологическая деятельность С.К. Кузнецова в Сибири // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (к 70-летию Г.В. Длужневской). М. : Изд-во ИИМК РАН, 2017. (в печати).
2. Чугунов С.М. Экскурсия на реку Яю (из путевых заметок) // Сибирский вестник. № 85. 28 июля 1891 г.
3. Протокол заседания от 15 декабря 1892 г. // Протоколы Томского общества естествоиспытателей и врачей за 1892–1899 гг. Томск : Типо-Лит. П.И. Макушина, б.г. С. 21–44 (Разд. паг).
4. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 год. СПб., 1893. 188 с.
5. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1892 год. СПб., 1894. 174 с.
6. Альбом рисунков, помещенных в отчетах Императорской археологической комиссии за 1882–1898 годы. СПб. : Типография Главного Управления Уделов, 1906. 374 с.
7. Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1906. Т. 8, вып. 1. С. 29–145.
8. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск : Наука, 1980. 208 с.
9. Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 121–178. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 35).
10. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 242–349. (Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 35).
11. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Полиграфиздат, 1956. Т. V. С. 89–316.
12. Томская губерния. LX. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1868. 150 с.
13. Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 298 с.
14. Ларюков А.И. Археологические памятники в среднем течении р. Яи // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Кемеров. книж. изд-во, 1967. Вып. 1. С. 111–114.
15. Мартынов А.И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : Новокузнецкий полиграфический производственный комбинат Кемеровского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1973а. Вып. VI. С. 3–89.
16. Мартынов А.И. Ягуня : учеб. пособие. Кемерово : Полиграфическое объединение «Томь», 1973б. 320 с.
17. Мартынов А.И. К вопросу о послетагарском искусстве Южной Сибири II–I вв. до н.э. // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху : сб. ст. Кемерово : Кемеров. полиграфкомбинат, 1976. С. 34–42.
18. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, 1979. 208 с.
19. Кулемзин А.М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // Археология Южной Сибири : сборник научных трудов. Кемерово: Кемеровский полиграфкомбинат, 1985. С. 107 – 115.
20. Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово : Кемеров. книж. изд-во, 1989. Вып. 1. 158 с.
21. Ковешникова Е.А. Историография археологии Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. 128 с.
22. Эрлих В.А. Изучение Северной Азии и развитие науки в Сибири и на Дальнем Востоке в дореволюционный период: Очерк истории : учеб. пособие. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2003. 216 с.
23. Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI–XVII в. таежного Причумылья в свете археологии и археоботаники: (Опыт комплексного исследования одного кургана). Томск : Изд-во Том. уни-та, 2010. 432 с.
24. Длужневская Г.В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб. : ЭлекСис СПб., 2011. 296 с.
25. Бобров В.В. Тагарская культура в северной лесостепи // «Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 11–22.
26. Баштанник С.В., Жаронкин В.Н., Симонов Д.А., Соколов П.Г., Ширин Ю.В., Фрибус А.В. Результаты археологических разведок по мониторингу состояния, сохранности и использования объектов археологического наследия Кемеровской области // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово: Изд-во Кузбассвузиздат, 2011. Вып. III. С. 5–41.
27. Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствознания и «звериный стиль» скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий. СПб., 1996. 78 с.
28. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.
29. РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1889. Д. 62: О раскопке библиотекаря Томского Университета С. Кузнецова близ Томска (09.06.1889–04.09.1897 гг.).
30. [Флоринский В.М.] Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск: Типо-Лит. Михайлова и Макушина, 1890. [82 с.].
31. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.
32. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 256: О службе Степана Кировича Кузнецова (07.09.1888–15.10.1903 гг.).
33. РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 132: О раскопках С. К. Кузнецова на курганном кладбище на р. Яе (11.08.1892–04.09.1897 гг.).

34. Краснопольский А.А. Геологические исследования и поиски каменного угля в Мариинском и Томском округе в 1896 и 1897 годах. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1898. 96 с. (Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. Вып. XIV).

Bobrova Larisa Yu. Educational Institution of Higher Education «Kemerovo State University» (Kemerovo, Russia). E-mail: chaika.laraa@mail.ru

German Pavel V. Scientific Institution «The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences» (Kemerovo, Russia). E-mail: lithos@mail.ru

LYSAYA MOUNTAIN ON THE RIVER YAYA: LOCATION OF THE SITE

Keywords: S.K. Kuznetsov; Lysaya Mountain; Yaya; location; archaeological excavations.

The purpose of the article is to determine the location of Lysaya mountain, studied in 1891 and 1892 by a librarian of Tomsk Imperial University S.K. Kuznetsov on Yaya River, Ishim volost of Tomsk guberniya. The excavations of this site resulted in some interesting findings dated of Iron Age and Middle Ages. S. K. Kuznetsov did not published the excavation materials, and the available published data about the Lysaya mountain location are short and contradictory.

To achieve the purpose, it is necessary to solve the following tasks; 1) to analyze the Russian publications about the Lysaya mountain location; 2) to determine the connection of accidental findings from Yaya River of 1890 to the objects from Lysaya mountain; 3) to compare the Lysaya mountain location data according the first discoverers (S.K. Kuznetsov and S.M. Tchugunov) with the geologist A.A. Krasnopolsky's data.

To solve the above tasks, it is necessary to systematize and generalize the publications, to make a comparison study of sources and use the cartographic method.

The problematic research field is preconditioned by two points. First, the established in scientific literature opinion that the Lysaya mountain is located near the creek of Zolotoy Kitat River. This opinion, which was first expressed by I. A. Talitskaya (1953), was considered by the most of researchers as a fact. At the same time, such localization of the site is contradictory to the information presented by Kuznetsov and S.M. Tchugunov. Second, the discoverers' papers do not contain exact location data of Lysaya mountain. Therefore, to locate the site, it is necessary to use additional sources.

The research is based on: 1) the article by S.M. Tchugunova in *Sibirskiy Vestnik* journal (1891); 2) text of the S. K. Kuznetsov speech "On Excavations on the River Yaya" pronounced during the meeting of Tomsk Naturalists and Doctors (1892); 3) letters of S.K. Kuznetsov to Imperial Archaeological Commission (1890-1894); 4) description of the mountains in middle Yaya region from the geologist A.A. Krasnopolsky book (1898).

The research has shown that: 1) the localization of Lysaya mountain near the creek of Zolotoy Kitat River is false; 2) all or the most of accidental findings in 1890 from Yaya River region belonged to the Lysaya mountain complex; 3) the Lysaya mountain in the first discoverers' descriptions and the site described by A.A. Krasnopolsky are the same mountain. Lysaya mountain studied by S.K. Kuznetsov is located on the right bank of Yaya River, 57 km upstream from Yaya settlement.

REFERENCES

- Kitova, L.Yu. & Bobrova, L.Yu. (2017) Arkheologicheskaya deyatelnost' S.K. Kuznetsova v Sibiri [S.K. Kuznetsov's archaeological activities in Siberia]. In: *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (k 70-letiyu G.V. Dluzhnevskoy)* [Monuments of archeology in research and photographs (to the 70th anniversary of G.V. Dluzhnevskaya)]. Moscow: RAS. (In print).
- Chugunov, S.M. (1891) Ekskursiya na reku Yayu (iz putevykh zametok) [Excursion to the Yaya River (from travel notes)]. *Sibirskiy vestnik*. 28th July.
- Tomsk Society of Naturalists and Physicians. (n.d.) *Protokoly Tomskogo obshchestva Yestestvoispytateley i vrachey za 1892-1899 gg.* [Minutes of the Tomsk Society of Naturalists and Physicians for 1892–1899]. Tomsk: P.I. Makushin. pp. 21–44.
- Imperial Archaeological Commission. (1891) *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1891 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1891]. St. Petersburg: [s.n.].
- Imperial Archaeological Commission. (1892) *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii za 1891 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1892]. St. Petersburg: [s.n.].
- Imperial Archaeological Commission. (1906) *Al'bom risunkov, pomeshchennykh v otchetakh Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1882-1898 gody* [Album of drawings placed in the reports of the Imperial Archaeological Commission for 1882–1898]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov.
- Spitsyn, A.A. (1906) Shamanskiye izobrazheniya [Shaman images]. In: Platonov, S. (ed.) *Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Department of Russian and Slavic Archeology of the Imperial Russian Archaeological Society]. Vol. 8(1). St. Petersburg: I.N. Skorokhodov. pp. 29–145.
- Molodin, V.I., Bobrov, V.V. & Ravnushkin, V.N. (1980) *Aydashinskaya peshchera* [Aidashinskaya cave]. Novosibirsk: Nauka.
- Chernetsov, V.N. (1953) Bronza ust'-poluyskogo vremeni [Bronze of the Ust-Poluisky Time]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob Region]. Moscow: USSR AS. pp. 121–178.
- Talitskaya, I.A. (1953) Materialy k arkheologicheskoy karte Nizhnego i Srednego Priob'ya [Materials to the archaeological map of the Lower and Middle Ob region]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob Region]. Moscow: USSR AS. pp. 242–349.
- Dulzon, A.P. (1956) Arkheologicheskiye pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arkheologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological monuments of the Tomsk region (materials to the archaeological map of the Middle Ob region)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya*. 5. pp. 89–316.
- Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1868) *Tomskaya guberniya. LX. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859 goda* [Tomsk Province. LX. List of inhabited places according to the data of 1859]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.
- Chlenova, N.L. (1967) *Proiskhozhdeniye i rannyya istoriya plemen tagarskoy kul'tury* [Origin and early history of the tribes of Tagar culture]. Moscow: Nauka.
- Laryukov, A.I. (1967) Arkheologicheskiye pamyatniki v srednem techenii r. Yai [Archaeological monuments in the middle reaches of the river Yaya]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 1. pp. 111–114.
- Martynov, A.I. (1973a) Pamyatniki i otdel'nyye nakhodki predmetov skifo-sarmatskogo vremeni v Tomsko-Yeniseyskom lesostepnom rayone [Monuments and individual finds of Scythian-Sarmatian time in the Tomsk-Yenisei forest-steppe region]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 6. pp. 3–89.
- Martynov, A.I. (1973b) *Yagunya* [Yagunya]. Kemerovo: Tom'.
- Martynov, A.I. (1976) K voprosu o posletagarskom iskusstve Yuzhnoy Sibiri II–I vv. do n.e. [On the post-tagar art of Southern Siberia of the II-I centuries BC]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Yuzhnaya Sibir' v skifo-sarmatskuyu epokhu* [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian era]. Kemerovo: Kemerovskiy poligrafkombinat. pp. 34–42.

18. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka.
19. Kulemzin, A.M. (1985) Istoriya izucheniya arkheologicheskikh pamyatnikov v Kemerovskoy oblasti [History of the study of archaeological monuments in Kemerovo region]. In: Martynov, A.I. (ed.) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovskiy poligrafkombinat. pp. 107–115.
20. Kulemzin, A.M. & Borodkin, Yu.M. (1989) *Arkheologicheskiye pamyatniki Kemerovskoy oblasti* [Archaeological Monuments of Kemerovo Region]. Vol. 1. Kemerovo: Kemerovskoye knizhnoye izdatel'stvo.
21. Koveshnikova, Ye.A. (1992) *Istoriografiya arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XIX – nachale XX vv.* [Historiography of the Siberian and Far East archeology in the late 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
22. Erlikh, V.A. (2003) *Izucheniye Severnoy Azii i razvitiye nauki v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v dorevolyutsionnyy period: Ocherk istorii* [The study of North Asia and the development of science in Siberia and the Far East in the pre-revolutionary period: An essay on history]. Novosibirsk: SB RAS.
23. Belikova, O.B. (2010) *Zyryanskiy mogil'nik kontsa XVI–XVII v. tayozhnogo Prichulym'ya v svete arkheologii i arkeobotaniki: (Opyt kompleksnogo issledovaniya odnogo kurgana)* [Zyryansky burial ground of the end of the 16th – 17th centuries in the Chulym taiga region in the light of archeology and archeobotany (The experience of a mound complex study)]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Dluzhnevskaya, G.V. (2011) *Arkheologicheskiye issledovaniya v Tsentral'noy Azii i Sibiri v 1859–1959 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noy kul'tury RAN)* [Archaeological research in Central Asia and Siberia in 1859–1959 (according to the documents of the Scientific Archives of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences)]. St. Petersburg: ElekSis.
25. Bobrov, V.V. (2011) Tagarskaya kul'tura v severnoy lesostepi [Tagar culture in the northern forest-steppe]. In: Molodin, V.I. & Hansen, S. (eds) *“Terra Scythica”*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS. pp. 11–22.
26. Bashtannik, S.V., Zharonkin, V.N., Simonov, D.A., Sokolov, P.G., Shirin, Yu.V. & Fribus, A.V. (2011) Rezultaty arkheologicheskikh razvedok po monitoringu sostoyaniya, sokhrannosti i ispol'zovaniya ob'yektov arkheologicheskogo naslediya Kemerovskoy oblasti [Results of archaeological reconnaissance for monitoring the condition, preservation and use of objects of the archaeological heritage of Kemerovo region]. In: *Istoriko-kul'turnoye nasledie Kuzbassa (aktual'nyye problemy izucheniya i okhrany pamyatnikov arkheologii)* [Historical and cultural heritage of Kuzbass (actual problems of studying and protecting monuments of archeology)]. Issue 3. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 5–41.
27. Korolkova, Ye.F. (1996) *Teoreticheskiye problemy iskusstvoznaniya i “zverinyy stil” skifskoy epokhi. K formirovaniyu glossariya osnovnykh terminov i ponyatiy* [Theoretical problems of art history and the “animal style” of the Scythian era. To the formation of a glossary of basic terms and concepts]. St. Petersburg: [s.n.].
28. Korolkova, Ye.F. (2006) *Zverinyy stil' Yevrazii. Iskusstvo plemon Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinalozhnosti* [Animal style of Eurasia. The art of tribes in the Lower Volga and Southern Urals in the Scythian era (7th – 4th centuries BC). Problems of style and ethnocultural affiliation]. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye.
29. Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. (1889) *O raskopke bibliotekarya Tomskogo Universiteta S. Kuznetsova bliz Tomsk (09.06.1889 – 04.09.1897 gg.)* [On the excavation of the librarian of the Tomsk University S. Kuznetsov near Tomsk (09.06.1889 - 04.09.1897)]. Fund 1. List 1. File 62.
30. [Florinskiy, V.M.] (1890) *Pribavleniye k katalogu arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [Addition to the catalog of the archaeological museum of Tomsk University]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin.
31. Dluzhnevskaya, G.V. et al. (eds) (2009) *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya (1859–1917): K 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoy arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya* [The Imperial Archaeological Commission (1859–1917): To the 150th anniversary of the foundation. At the origins of Russian archeology and protection of cultural heritage]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
32. The State Archives of Tomsk Region. (n.d.) *O sluzhbe Stepana Kirovicha Kuznetsova (07.09.1888 – 15.10.1903 gg.)* [On the service of Stepan Kirovich Kuznetsov (07.09.1888 - 15.10.1903)]. Fund 102. List 9. File 256.
33. Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. (1892) *O raskopkakh S. K. Kuznetsova na kurganom kladbishche na r. Yaye (11.08.1892 – 04.09. 1897 gg.)* [On S.K. Kuznetsov's excavations at the burial cemetery on the river Yaya (11.08.1892 – 04.09.1997)]. Fund 1. List 1. File 132.
34. Krasnopolskiy, A.A. (1898) *Geologicheskiye issledovaniya i poiski kamennogo uglya v Mariinskom i Tomskom okruge v 1896 i 1897 godakh* [Geological investigations and searches for coal in Mariinsk and Tomsk districts in 1896 and 1897]. St. Petersburg: Tip. M. Stasyulevicha.

УДК 778.5.03.03.с(09)+778.5ср(092)
DOI: 10.17223/19988613/54/24

И.А. Головнев, Е.В. Головнева

«ДЕВУШКА С КАМЧАТКИ»: ОБРАЗ РЕГИОНА В ФИЛЬМЕ А. ЛИТВИНОВА

*Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00076
«Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино»*

На материале художественного фильма «Девушка с Камчатки» (1936) реж. А. Литвинова показывается конструирование визуального образа отдаленного региона СССР. Анализируя архивные данные, авторы прослеживают эволюцию репрезентации образа Камчатки на экране: от «далекого и забытого края» к региону «победившего социализма». Делается вывод о том, что фильм А. Литвинова отражает изменения в курсе советской национальной политики в 1930-е гг. и концентрирует внимание зрителей не на показе уникального / особенного в регионе, а унифицированного / общесоветского.

Ключевые слова: советский кинематограф 1930-х гг.; национальная политика в СССР; Камчатка; А. Литвинов.

Скажи, бродяга-месяц,
Где есть еще одна
Такая молодая
Чудесная страна?
Одиннадцать любимых
И все, как на подбор –
Одиннадцать республик,
Одиннадцать сестер...

Первый куплет песни из к/ф «Девушка с Камчатки», 1936 (автор А. Гатов)

Предыстория кинопроекта «Девушка с Камчаткой». Фильм «Девушка с Камчатки» имел яркую предысторию – самую длительную в истории советского документального кино экспедицию А.А. Литвинова (А.А. Литвинов (1898–1977) – советский кинорежиссер, основатель направления этнографического кино) на Камчатку в 1929–1930-х гг., которая проводилась в сотрудничестве с известным исследователем Дальнего Востока – путешественником и писателем В.К. Арсеньевым и завершилась созданием серии культурфильмов, имевших широкий резонанс в советском кинопрокате в 1930-е гг. («Тумгу» (рис. 1), «Оленный всадник», «Terra incognita»).

Киноэкспедиция А.А. Литвинова на Дальний Восток происходила на фоне политики «коренизации», выражавшейся в опоре центральной власти на региональные кадры и в русле культурных преобразований в СССР. В этот период в различных городах страны появлялись студии для производства культурфильмов [1]. Количественный и качественный подъем производства культурфильмов на рубеже 1920–1930-х гг. был бы невозможен без соответствующего государственного заказа [2. С. 19]. К началу 1930-х гг. общие принципы централизации руководства охватили советский кинематограф: все его планы определялись Оргбюро ЦК ВКП(б), согласовывались с ведомственными наркоматами и направлялись для исполнения в киноорганизации. Действуя таким образом, политическое руководство страны определяло не только как страну надо

строить, но и как это надо показывать на экране [3. С. 189].

Кинематограф невольно следовал за политическими зигзагами. Уже в середине 1930-х гг., в связи с изменением курса национальной политики в сторону так называемого великого отступления 1933–1938 гг. [4. С. 45], государство начало постепенно сворачивать планы по производству культурфильмов. В социально-политический оборот входила формула «классы первичны, нации вторичны», которая положила начало идее конструирования «общесоветской гражданственности» [5. С. 206].

Рис 1. Кадр из фильма «Тумгу» (о коряках Камчатки) А.А. Литвинова 1929 г.

С установлением политического курса в СССР на индустриализацию менялись и тематические планы государственного заказа в кинематографии. На экран выходили новые заказные герои – ударники социалистических строек – персонажи очередного советского мифа, в котором так нуждалось партийное руководство. Руководители государственных киностудий вынуждены были исполнять ведомственные планы, а кинорежиссеры – тематически переориентироваться в профессии. Не случайно героями нового кинопроекта А.А. Литвинова – художественного фильма «Девушка с Камчатки» – становятся геологи.

Начало работ. В середине 1935 г., сразу после выхода на советский экран художественного фильма «Корень жизни» (по сценарию М.М. Пришвина), А.А. Литвинов во главе съемочной группы «Мосфильма» отправился в очередную киноэкспедицию – через Владивосток на Камчатку.

Владивостокская пресса встречала А.А. Литвинова как доброго знакомого: «Режиссер А. Литвинов выезжает на днях из Владивостока на Камчатку в годичную экспедицию для работы над картиной “Девушка с Камчатки”». Сценарий по теме А. Литвинова написал М. Дубсон, режиссер фильма “Граница”. Это будет картина о незаметных героях, о группе молодых геологов, раскрывающих тайны драгоценных недр Дальневосточного края, далекой социалистической родины. Вместе с тов. Литвиновым выезжают на Камчатку киноартисты Занони, Юдин, Хрящиков, Софрошин, Викторов. Картину выпускает “Мосфильм”. Она будет закончена к 15-летию советизации Камчатки. “Девушка с Камчатки” – двенадцатая дальневосточная картина А. Литвинова, посвятившего себя работе по созданию картин, показывающих богатства и красоты нашей великой социалистической родины» [6. С. 4].

Анонсировались и тематические акценты будущего кинопроекта: «Это – первая по существу попытка создать художественно-игровой фильм о людях новой Камчатки, которая перестает быть далекой окраиной Советского Союза. Идея нового фильма – показ на общем фоне растущей советской окраины новых людей, воспитанных в условиях суровой действительности смелых творцов социализма. Зритель увидит путь на Камчатку через Тихий океан, яркую и своеобразную природу Камчатки. Геологическая экспедиция, в которой работает девушка Наталья Брагина, разыскивает месторождение нефти – таков сюжет картины. Сама Наталья – камчадалка, молодой инженер-геолог, возвратившаяся в родные края после окончания учебы. Экспедиция работает в тяжелых условиях, испытывая лишения и неудачи. Особо подчеркиваются в картине специфика бытового уклада жизни камчадалов, их нравы и обычаи, ярко характеризуется культурный рост народностей Севера» [7. С. 3].

Сообразно маршруту следования литвиновской экспедиции, владивостокские средства массовой информации передавали эстафету информационного освеще-

ния работы киногоруппы камчатской прессе. Газета «Камчатская правда» встречала киноэкспедицию приветственной статьей: «В Петропавловск прибыла киноэкспедиция крупнейшей в Советском Союзе кинофабрики “Мосфильм”! В скором времени группа начнет съемки звукового фильма “Девушка с Камчатки”. Для этой цели экспедиция выезжает в район Ключевской сопки, где и будут вестись все работы. Съемки займут 10–11 месяцев. Окончание работ и озвучение фильма будет производиться на кинофабрике в Москве. Музыка для картины пишет композитор Шварц. Фильм отражает борьбу за культурное, социалистическое освоение Камчатки, показывает новых людей, героически осваивающих окраины нашей великой родины» [8. С. 2].

Как показывает анализ этих материалов, создание первого звукового художественного фильма о регионе стало крупным событием для камчатской общественности, и развитие кинопроекта сопровождалось активным вниманием прессы. Главный рупор советской Камчатки, газета «Камчатская правда», стала своеобразным пресс-центром киногоруппы, буквально ежедневно выпуская подробные хроники производства фильма. В положительном ключе вспоминая камчатский кинопоход А.А. Литвинова 1929–1930 гг., «Камчатская правда» отмечала многообещающие перспективы нынешней экспедиции: «В этот раз тов. Литвинов приехал одновременно с группой высококвалифицированных киноактеров, известных по многим советским фильмам. Актриса Занна Занони знакома советскому зрителю по фильмам “Голубой экспресс”, «Две соперницы», “Песчаная учительница”, “Семь сердец” и др. Михаил Викторов снимался в картинах “Крылья”, “Реванш”, “Песнь о счастье” и др. Киноартиста Ивана Юдина наши зрители помнят по фильмам “Дон Диего и Пелагея”, “Кварталы предместья”, “Анненковщина”, “Разгром”. В этой последней картине снимался также актер Николай Хрящиков, участвовавший также и в ряде других фильмов. В фильмах “Ветер”, “Пленники моря”, “Восстание рыбаков”, “Любовь Алены” и ряде других участвовал актер Александр Саврошин. Главный оператор экспедиции Всеволод Серебрянников известен по своей блестящей работе в фильмах “Пышка” и “Пастушонок”. Второй оператор, Александр Приезжев, посещает Камчатку не в первый раз. Он работал здесь с режиссером Литвиновым в его прошлый приезд. Помощник режиссера Петр Панфилов работает с А.А. Литвиновым уже три года. В качестве помощника он провел ряд крупнейших советских фильмов: “Конвейер смерти”, “Аэлита”, “Пышка”, “Хочу жить” и др. Наличие крепкой группы квалифицированных актеров, работающих под руководством опытного кинорежиссера Александра Литвинова, обещает создание интересного и художественно-ценного, правдивого кинорассказа о советской Камчатке. Нет сомнения, что работники киноэкспедиции получают необходимую поддержку со стороны всех местных организаций тех районов, в которых они будут производить киносъемки» [9. С. 2].

Таким образом, взаимодействие киногруппы с местными организациями началось с публичного обсуждения сценария фильма «Девушка с Камчатки» (рис. 2, 3) с участием представителей научных, культурных и партийных кругов г. Петропавловска-Камчатского.

Рис. 2. Кадр из фильма «Девушка с Камчатки». Встреча Рожнова и Натальи

Обсуждение сценария. Публичное обсуждение сценариев было общепринятым принципом работ в изучаемый период. По воспоминаниям А. А. Литвинова, во время Камчатской киноэкспедиции 1929–1930 гг., сценарии, созданные режиссером в соавторстве с исследователем В.К. Арсеньевым [10. Л. 1–3], также зачитывались на заседаниях партийных ячеек различного уровня, где партийные цензоры давали кинематографистам свои полезные рекомендации. Художественных качеств сценариев касались редко; основные «правки» были связаны с необходимостью показа главенствующей роли партии в положительных преобразованиях региона при советской власти [11. Л. 1].

Согласно архивным данным, к обсуждению знакового кинофильма о регионе привлекалась широкая общественность. Отрывки из сценария фильма предварительно печатались в местной прессе, а основные фрагменты обсуждения были опубликованы все в той же «Камчатской Правде».

Приведем выдержки из статьи, касающиеся этого вопроса: «Вечером 6 октября состоялось созванное культпропом обкома ВКП(б) и редакцией “Камчатской правды” совещание по обсуждению сценария кинокартины “Девушка с Камчатки”. Многочисленная аудитория с большим вниманием прослушала текст сценария фильма, прочитанный режиссером постановки А.А. Литвиновым. Обширные, горячие прения по обсуждению фильма свидетельствовали об исключительном к нему интересе и внимании. Начальник политсектора АКО тов. Орлинский в своем выступлении совершенно справедливо отметил, что в сценарии отсутствует Камчатка наших дней. Необходимо показать значительный экономический и культурный рост полуострова. Ряд дельных указаний дали и другие выступавшие в

прениях товарищи. Они говорили о необходимости обогатить фильм большим количеством натуральных снимков. Красоты и богатства камчатской природы следует показать более полно. Слабое отражение все более проникающего на Камчатку нового советского быта – тоже одно из слабых мест будущего фильма. Новый быт, жизнь колхозников, советская молодежь Камчатки, социалистическая культура, отдельные штрихи быта народностей, населяющих Камчатку, – все это должно занять внимание режиссера и найти достойное отражение в картине. В конце совещания выступили председатель облисполкома тов. Мельников и заведующий культпропом обкома ВКП(б) тов. Кушковский. Они указали на то, что фильм “Девушка с Камчатки” заслуживает не только внимания, но и всемерной поддержки. В нем – Камчатка и ее люди. Съемка фильма – это значительное событие. Все ценные указания, которые были сделаны, должны быть учтены» [12. С. 4].

Исходя из высказанных пожеланий, сценарий фильма «Девушка с Камчатки», написанный московским сценаристом М. Дубсоном по замыслу А.А. Литвинова, в Петропавловске-Камчатском подвергся вынужденным корректировкам. Вывезенный А.А. Литвиновым из киноэкспедиции 1929–1930 гг. образ Камчатки как «забытого и далекого края», оживающего при социализме, в 1935 г. был уже не актуален. Вместо процессов советизации региона теперь требовалось показать результаты социалистических преобразований края. Для решения этой задачи необходимо было сконцентрировать свое внимание не на показе уникального / особенного, а унифицированного / общесоветского. В этом же ключе требовалась и доработка характеров персонажей фильма. Рекомендации цензоров в общем плане сводились к созданию образа новой Камчатки, мало чем отличающейся в своем развитии от других регионов Советского Союза.

Рис. 3. Кадр из фильма «Девушка с Камчатки». Наталья и Гаврила Борисович

Следующим шагом в кинопроизводстве являлось обязательное согласование скорректированного сценария

рия с руководством студии в Москве, а финальную точку в этом вопросе ставил Государственный Комитет по кинематографии СССР. Такой многоступенчатый процесс редактуры и утверждения сценариев являлся серьезным испытанием для кинематографистов. В этой связи А.П. Довженко, с которым А.А. Литвинова свела судьба во время съемок на Дальнем Востоке, вспоминал: «...бесконечные, зачастую совершенно противоречащие одна другой редакционные правки, запугивания ошибками ставили режиссера в положение летчика, которому перед вылетом показали фильм со всеми основными видами авиационных катастроф. Самолет был полон груза, двигался по земле, но не взлетал» [13. С. 407].

Таким образом, утвержденный сценарий становился своеобразным документом в последующем съемочном процессе, основная задача режиссера заключалась в перенесении написанного литературного сценария на экран.

Образ Камчатки на экране. Фильм «Девушка с Камчатки» вышел на советские экраны в 1937 г. (рис. 4). В архиве А.А. Литвинова сохранились афиши, анонсирующие фильм: «С 29-го апреля смотрите и слушайте в лучших кинотеатрах Москвы. Новый звуковой художественный фильм “Девушка с Камчатки”. Производство: Мосфильм. Выпускающая контора: Росснабфильм»; «Продолжается постановка в кинотеатрах: Ударник, Художественный, Метрополь, Форум, им. Моссовета, Авангард, Шторм, Баррикады, III Интернационал, Аврора» [14. Л. 3, 12].

Приведем некоторые оценки фильма из советской прессы.

«Режиссер Литвинов, перейдя на этнографические очерки, уже свыше десяти лет не работал с актером. Однако в этой картине он показывает некоторый рост. Но по-прежнему люди в картине имеют подчиненную роль. Основное внимание режиссера занимает природа. Заслуживают специального разбора прекрасная работа оператора Серебрянникова, снимавшего натуру картины, и композитора Л. Шварца, уже не впервые показавшего исключительно интересное музыкальное решение картины. Извержение вулкана сделано мастерски. Многочисленные подделки под натуру не заметны, а следовательно, хороши. Это заслуга художника М. Тиунова. Исполнительница центральной роли Наташи артистка З. Занони в пределах роли старательно сделала, что могла. Эта роль соответствует амплу артистки. Среди исполнительниц подобных ролей ее выделяют четкость, выразительность, темпераментность движений, физическая тренировка и умение передать облик суровой девушки, наравне с мужчинами преодолевающей трудности. Наиболее удачно в картине исполнение роли коллектора Ивана Ивановича артиста И. Юдина. По сценарию, это традиционный тип нытика, обывателя, мешающего работе экспедиции. И. Юдин сумел, преодолевая традиции, найти в нем черты, показывающие положительные тенденции

этого человека, делающие его советским. Хорош и повар экспедиции – артист Сафрошин. Картина “Девушка с Камчатки” показывает некоторый рост людей, которые ее делали. Она значительно удачнее, чем другие попытки в этом жанре» [15. С. 3]. Очевидным образом заметки прессы свидетельствуют о теплом зрительском приеме литвиновского фильма, о волнении, которое охватывает зрительный зал с первых же кадров фильма: «Советский Дальний Восток, его героические люди, его природа и жизнь волнуют зрителя» [16. С. 4].

Помимо прочего, фильм попадал в актуальный политический тренд эпохи индустриализации – в категорию произведений искусства, пропагандировавших успехи советских специалистов: «Советские кадры любят и оберегает вся страна и лично тов. Сталин. Это прекрасно показано в фильме “Девушка с Камчатки”. Прекрасно сделанная картина очаровывает зрителя, он переживает вместе с экспедицией чувство радости за спасенных людей, работавших на благо своей родины. Картина не лишена и юмора. Толстяк Перебийнос и коллектор экспедиции Иван Иванович завоевывают симпатии зрителей. Режиссер Александр Литвинов много сделал для того, чтобы дать зрителю действительно хороший, жизнерадостный, правдоподобный фильм о советских специалистах, о любви к ним населения – и в этом его заслуга» [17. Л. 7].

Не обошлось и без «обязательной» критики фильма. В частности, прежняя специализация А.А. Литвинова на этнографическом кино вновь упоминалась журналистами советской прессы, но в условиях изменившегося курса национальной политики ставилась в упрек режиссеру: «Нельзя не отметить “этнографичность”, которой авторы фильма “блеснули” по отношению к ламутам. Их пляска перед началом зимней охоты воспроизведена в том стиле “инородческой” экзотики, который отнюдь не может явиться украшением советского фильма» [18. С. 4]. Кроме того, указывалось на излишнюю увлеченность режиссера природой и в то же время подмечалась недостаточная степень показа советскости Камчатки в фильме [15. С. 3], что было связано с растущим уровнем идеологизации в обществе.

Опытный кинопрофессионал и функционер советской системы А.А. Литвинов пытался найти баланс между идеологией и искусством в своем творчестве. В архиве А.А. Литвинова сохранились заметки, которые режиссер делал для своего выступления на Первом Камчатском кинофестивале 12 августа 1936 г.а: «В 1935 году, в 15-летие советской кинематографии, т. Сталин писал в своем приветствии киноработникам: Советская власть ждет от вас новых успехов – новых фильмов, мобилизующих на выполнение новых задач и напоминающих как о достижениях, так и о трудностях социалистической стойки. Выполняя установки центрального комитета партии, мы должны, не успокаиваясь на достигнутом, бороться за высокохудожественные кинокартины, за дальнейшее улучшение техники советской кинематографии» [17. Л. 7]. Но, по свиде-

тельствам деятелей советского кинематографа, постепенно кино все в большей степени становилось орудием политики. В частности, на партийных совещаниях по кинематографии середины 1930-х гг. большевики настаивали: «Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки» [18. С. 187]. В этот период советские кинематографисты уже весьма умело использовали ресурсы кинематографа (ракурс и ритм съемки, монтажные сопоставления кадров, звуковые эффекты) для конструирования заданного образа (региона, объекта, человека и т.д.) в фильме [19. С. 229].

Представляется, что советский экран прямо или косвенно отражал силуэты идеологии и культуры своего времени. В этом контексте кинонаследие А.А. Литвинова, касающееся Дальневосточного региона, является содержательным историческим источником. С одной стороны, литвиновские фильмы являются вкладом в науку, представляя собой одни из самых ранних кинодокументов по этнографии эвенов, коряков и других этнических сообществ региона. С другой стороны, в литвиновских киноработах просматриваются и свидетельства государственной национальной политики, выражавшиеся в запечатленных на пленке мероприятиях, проводимых организациями Комитета Севера на Дальнем Востоке СССР в 1930-х гг. (создание туземных советов, культбаз, кооперативов, школ, медпунктов и т.д.). Кроме того, это кино отрабатывало государственную миссию создания привлекательного образа того или иного региона для успеха переселенческой политики (в частности, в мероприятиях по заселению районов Сибири и Дальнего Востока выходцами из Белоруссии и Украины). Изменения в курсе национальной политики в СССР напрямую сказывались и на экранных произведениях – не случайно и в литвиновских культурфильмах 1930-х гг. видна эволюция репрезентации образа Камчатки на экране.

В фильмах киноэкспедиции 1929–1930 гг., инициированной и проводившейся при сотрудничестве с исследователем В.К. Арсеньевым [20. Л. 21–23], образ Камчатки – это образ богатого, уникальными природными и культурными ресурсами региона, который определялся термином «оживающий полуостров» [21]. Основным драматургическим стержнем фильмов являлись текущие процессы советизации региона. Согласно сценарным разработкам А.А. Литвинова, акцент делался на то, что некогда «забытый край» оживает буквально на глазах при советской власти, протягивающей руку помощи народам, совершающим «скачок через столетия» [22. Л. 15].

В «Девушке с Камчатки» (1936) уже конструируется образ Камчатки «победившего социализма» – как территории национальной по форме и социалистической по содержанию. Минимальное внимание в кино-

повествовании уделяется культурной самобытности этнических сообществ полуострова, максимальное – универсальным нововведениям социализма. Кроме того, на примере фильма видно, что в нем присутствует попытка реализации единой сценарной матрицы – представления о том, что подобная история могла случиться в любом уголке СССР. Территория являлась лишь фоном, декорацией; основной же была демонстрация на экране подвига советских специалистов, преодоления трудностей и достижения новых целей на пути создания единого советского государства. Этот экранный образ был прямой проекцией курса национальной политики в СССР, в которой к тому времени окончательно «победила линия Сталина на создание жесткой унитарной структуры в противовес идее конфедерации или новом типе федерации» [23. С. 58], некогда выдвигавшейся Лениным и большевиками с национальных окраин.

Рис. 4. Плакат фильма «Девушка с Камчатки». Кирик, Иван Иванович и Наталья

Советский экран прямо или косвенно отражал силуэты идеологии, науки и культуры своего времени. Таким образом, и фильм «Девушка с Камчатки» является многослойным исследовательским источником, одним из «документальных» свидетельств конструирования образа советской страны на экране [24. С. 91]. Не случайно и завершается фильм о советской Камчатке символическим куплетом из песни:

У нас большое счастье
Победы и труда.
Горит и на Камчатке
Кремлевская звезда.
Одиннадцать любимых
И все, как на подбор –
Одиннадцать республик,
Одиннадцать сестер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шлегель Х. Немецкие импульсы для советских культурфильмов 1920-х годов // Киноведческие записки. № 58. М.: Эйзенштейн-центр, 2002. С. 368–380.

2. Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М. : РГГУ, 2005. 394 с.
3. Страницы истории отечественного кино / отв. ред. Л.М. Будяк. М. : Материк, 2006. 283 с.
4. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : Российская политическая энциклопедия, 2011. 855 с.
5. Красовицкая Т.Ю. Конфликт идеалов и практик ранней советской государственности. Механизмы и практики этнополитических процессов (1917–1929) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М. : Новый хронограф, 2012. С. 151–206.
6. Новый фильм о Дальнем Востоке // Красное знамя. Владивосток. 1935. 5 сент.
7. Цимбаленко Н. Первый звуковой фильм о Камчатке // Красное знамя. Владивосток. 1935. 9 сент.
8. Кинофильм о Камчатке // Камчатская правда. 1935. 4 окт.
9. Звуковой фильм о Камчатке // Камчатская правда. 1935. 6 окт.
10. Государственный архив Камчатского Края. (ГАКК). Ф. 138. Оп. 1. Д. 29.
11. Государственный архив Свердловской области. (ГАСО). Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
12. Валич П. Обсуждение сценария «Девушка с Камчатки» // Камчатская правда. 1935. 9 окт.
13. Довженко А.П. Думы у карты Родины: киноповести, рассказы, очерки, статьи. Л. : Лениздат, 1983.
14. ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 94.
15. Кладо Н. «Девушка с Камчатки» // Камчатская правда. 1937. 11 апр.
16. Свэнс С. «Девушка с Камчатки» // Сталинградская правда. 1937. 27 июня.
17. ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 94.
18. Александров Г.В. Эпоха и кино. М. : Изд-во полит. лит, 1983. 339 с.
19. Ромм М.И. Избранные произведения : в 3 т. М.: Искусство, 1980. Т. 1. 576 с.
20. Архив Общества Изучения Амурского Края. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56.
21. Литвинов А.А. В краю огнедышащих гор. Свердловск : Свердловское книжное изд-во, 1963. 212 с.
22. Архив Государственного учреждения культуры «Свердловский Областной Краеведческий Музей». Ф. 15. Оп. 2. Д. 37.
23. Шнирельман В.А. Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 52–68.
24. Головнев И.А. «Лесные люди» – феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. М. : Наука, 2016. № 2. С. 81–96.

Golovnev Ivan A. Institute of History and Archeology of the Ural Branch of Russian Academy of Science (Saint Petersburg, Russia). E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Golovneva Elena V., PhD in Philosophy, Associate Professor, Ural Federal University (Ecaterinburg, Russia). E-mail: golovneva.elena@gmail.com

“GIRL FROM KAMCHATKA”: THE IMAGE OF THE REGION IN THE FILM OF A. LITVINOV

Keywords: cinematography of the 1930-s; Soviet national policy; Kamchatka region; A. Litvinov

The article seeks to explore the first fiction sound film on Kamchatka (“Girl from Kamchatka”, A. Litvinov, 1936) as a visual and ideological construct of the remotest and exotic region in the Soviet epoch. This aim frames new research questions that address the historical and political circumstances for this popular fiction film creation, the film representation in media, the debate about the standards of scenario as well as construction on screen the ideological image of the region. The theoretical foundations of the research include methodology of constructivism (because the image of the region on screen resonated with the ideological construct, and Soviet filmmakers attempted to “popularize” the remote and unknown territory among Soviet citizens), and cultural, and historical analysis. The article focuses on the film of Aleksandr Litvinov, nicknamed ‘Russian Flaherty’, who played a prominent role in establishing the expedition film practice in the Soviet Union and constructing of visual images of the Soviet Far East. The research based on previously unpublished archival material of Kamchatka, Primorye, and Sverdlovsk region. Analyzing sources related with “Girl from Kamchatka”, authors came to the following conclusions. Throughout the 1930s, the Soviet film industry was actively engaged in developing particular images, which refashioned the way audience saw their own and other territories. Film “Girl from Kamchatka”, on the one hand, elaborates a set of lasting visual topoi, describing the composite natural and cultural diversity of the region. On the other hand, the film of A. Litvinov is a valuable contribution to historical studies, because it reflects the parallels in the Soviet cultural policy, cinematography, and media. “Girl from Kamchatka” offers rich insights into evolution of the cinematographic representation of Kamchatka, from its picture as a distant and unknown region with borderland status, the so-called *terra incognita*, towards the developed region under Soviet-inspired changes. In fact, the film “Girl from Kamchatka” situated the area of Kamchatka within the broader Soviet universe. The Litvinov’s case demonstrates that films of the 1930s in the Soviet Union provide insight into conceptual and discourse taming of the frontier regions as well as their full symbolic “inventing” and including in perception of the new Soviet state. The film of A. Litvinov also played a prominent role in publicizing and promoting the new Soviet heroicized role model.

REFERENCES

1. Schlegel, Kh. (2002) Nemetskiye impul'sy dlya sovetskikh kul'turfil'mov 1920-kh godov [German impulses for Soviet cultural films of the 1920s]. *Kinovedcheskiye zapiski*. 58. pp. 368–380.
2. Magidov, V.M. (2005) *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Films, photos and phonographies in the context of historical knowledge]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
3. Budyak, L.M. (ed.) (2006) *Stranitsy istorii otechestvennogo kino* [Pages of the history of Russian cinema]. Moscow: Mатерик.
4. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939* [The Empire of “positive activity”. Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
5. Krasovitskaya, T.Yu. (2012) Konflikt idealov i praktik ranney sovetskooy gosudarstvennosti. Mekhanizmy i praktiki etnopoliticheskikh protsessov (1917–1929) [Conflict of ideals and practices of the early Soviet statehood. Mechanisms and practices of ethno-political processes (1917–1929)]. In: Krasovitskaya, T.Yu. & Tishkov, V.A. (eds) *Etnicheskiy i religioznyy faktory v formirovaniy i evolyutsii rossiyskogo gosudarstva* [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state]. Moscow: Novyy khronograf. pp. 151–206.
6. *Krasnoye znamy (Vladivostok)*. (1935) Novyy fil'm o Dal'nem Vostoke [A new film about the Far East]. 5th September.
7. Tsimbalenko, N. (1935) Pervyy zvukovoy fil'm o Kamchatke [The first sound film about Kamchatka]. *Krasnoye znamy (Vladivostok)*. 9th September.
8. *Kamchatskaya pravda*. (1935a) Kinofil'm o Kamchatke [A film about Kamchatka]. 4th October.
9. *Kamchatskaya pravda*. (1935b) Zvukovoy fil'm o Kamchatke [A sound film about Kamchatka]. 6th October.
10. The State Archive of the Kamchatka Region (GAKK). Fund 138. List 1. File 29.

11. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-2581. List 1. File 24.
12. Valich, P. (1935) Obsuzhdeniye stsenariya “Devushka s Kamchatki” [Discussion of the scenario “A Girl from Kamchatka”]. *Kamchatskaya pravda*. 9th October.
13. Dovzhenko, A.P. (1983) *Dumy u karty Rodiny: kinopovesti, rasskazy, ocherki, stat'i* [The thoughts of the Homeland map: film stories, stories, essays, articles]. Leningrad: Lenizdat.
14. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-2581. List 1. File 94.
15. Klado, N. (1937) “Devushka s Kamchatki” [“A Girl from Kamchatka”]. *Kamchatskaya pravda*. 11th April.
16. Svenov, S. (1937) “Devushka s Kamchatki” [“A Girl from Kamchatka”]. *Stalingradskaya pravda*. 27th June.
17. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund R-2581. List 1. File 94.
18. Aleksandrov, G.V. (1983) *Epokha i kino* [Epoch and Cinema]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
19. Romm, M.I. (1980) *Izbrannyye proizvedeniya. V 3 t.* [Selected Works in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
20. The Archive of the Society for the Study of Amur Region (AOIAK). Fund 14. List 2. File 56.
21. Litvinov, A.A. (1963) *V krayu ognedyshchikh gor* [In the land of the fire-breathing mountains]. Sverdlovsk: Sverdlovskoye knizhnoye izd-vo.
22. The Archive of the State Cultural Institution “Sverdlovsk Regional Local History Museum” (AGUK «SOKM»). Fund 15. List 2. File 37.
23. Shnirelman, V.A. (1993) Zloklyucheniya odnoy nauki: etnogeneticheskiye issledovaniya i stalinskaya natsional'naya politika [Misfortunes of One Science: Ethnogenetic Research and the Stalinist National Policy]. *Etnograficheskoye obozreniye – Ethnographic Review*. 3. pp. 52–68.
24. Golovnev, I.A. (2016) “Forest People” – a phenomenon of the Soviet ethnographic cinema. *Etnograficheskoye obozreniye – Ethnographic Review*. 2. pp. 81–96. (In Russian).

УДК 902/94.3
DOI: 10.17223/19988613/54/25

А.В. Епимахов, И.В. Чечушков

“EX ORIENTE LUX”? ГЕНЕЗИС КОЛЕСНИЦЫ В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ).

Рассмотрены альтернативные гипотезы происхождения колесничного комплекса: на территории ранних государств Месопотамии либо аридной части Евразии. Сопоставление радиоуглеродной хронологии обоих регионов позволило сделать вывод, что нет весомых опровержений северной версии происхождения колесниц. С точки зрения авторов, корень дискуссии лежит в психологических установках исследователей, которые привыкли видеть государственные образования Ближнего Востока в качестве основного источника технологических и социальных инноваций, включая колесничный комплекс.

Ключевые слова: бронзовый век; колесничный комплекс; государство; хронология.

Колесничный комплекс длительное время остается поводом для обсуждения этнических, социальных, технологических и иных аспектов истории обществ эпохи бронзы. Во избежание разночтений оговоримся, что под колесницей мы понимаем – запряженную взнузданными лошадьми, дышловою, снабженная двумя колесами повозку с открытым трехбортным кузовом, используемую для войны, охоты, спортивных мероприятий, ритуальных церемоний, а также в качестве маркера социального статуса владельца. Колесничный комплекс как археологическое явление наряду с повозкой указанного типа включает упряжных лошадей, сохранившиеся детали конской сбруи и набор вооружения. В этой связи не вызывает удивления тот факт, что особое внимание специалисты уделяют вопросам происхождения данного вида транспорта и вариантам его использования в практической и ритуальной сфере. На сегодняшний день в вопросе об исходной зоне формирования феномена мнения специалистов разделились между двумя основными версиями: *ближневосточной* [1–5] и *степной* [6–9 и др.]. Каждая из них имеет не только сторонников и противников, но также собственную историю формирования, которая в значительной мере определяет перечень используемых фактов и заключений.

Авторы, не будучи сторонниками априорного знания, считают необходимым рассмотреть и оценить совокупность исходных данных, поддерживающих ту или иную версию, а затем делать выводы. Для начала обратимся к истокам ближневосточной гипотезы и ее обоснованию последующими работами. Идея ближневосточного происхождения колесничного комплекса восходит к общему представлению о данном регионе как главном источнике социальных, экономических, технологических и иных новаций. Эта концепция во многом обязана своему появлению на свет таким ученым, как К. Виттфогель [10] и Г. Чайлд [1]. Для последнего развитие средств транспорта было отличной

иллюстрацией концепции «*Ex oriente lux*». Г. Чайлд в своих построениях опирался как на имеющиеся факты, так и на историографическую традицию (например, [11]), но стоит помнить, что к моменту ее оформления материалы по данному вопросу в степной зоне попросту были малоизвестны. Например, первые обобщения по упряжи бронзового века датируются началом 1960-х гг. [12–13 и др.], а находки деталей колесниц сделаны еще позднее [14].

Вычленив в кратком изложении основные аргументы «за» ближневосточную версию происхождения колесничного комплекса не просто, поскольку часто они остаются в сфере подразумеваемого («самоочевидного»). Пожалуй, главным является тезис о высоком технологическом уровне данной новации, который способен обеспечить только ремесленные центры в государствах Месопотамии [2, 15, 16]. Действительно, трудно не согласиться с тем, что *массовое* производство стандартизированных деталей колесниц, применяемых в качестве самостоятельного рода войск, может быть реализовано только в условиях развитого ремесленного производства, обеспеченного заказом и дорогостоящими ресурсами. Однако все перечисленное не имеет строгой логической связи с вопросом об *изобретении* колесницы и формировании колесничного комплекса в целом, отражая лишь практику его производства и применения в конкретных исторических реалиях.

Наряду с упомянутым выше тезисом в качестве доказательства приводится также длительная история эволюции колесного транспорта на Ближнем Востоке, включая гипотезу о происхождении самой идеи колеса из практики *земледельческих* работ [4. С. 142 и далее]. Последнее мы оставляем за рамками обсуждения, так как это вне пределов обозначенной темы (обзор наиболее ранних источников см. [17]). Длительность эволюции, видимо, имеет смысл оценивать только в сравнении с территориями, лежащими к северу, что мы и сделаем далее. Прочие возражения противников степной

версии имеют оттенок негативности: невозможность боевого и транспортного использования колесниц в условиях степного и лесостепного ландшафтов Северной Евразии (в том числе, и по климатическим соображениям); техническое несовершенство степных колесниц в сравнении с египетскими визави; избыточность колесничного комплекса как средства ведения войны в свете демографических характеристик безгосударственных социумов и пр. [3, 16]. Очевидно, что любое из приведенных положений опирается не на прямые доказательства (факты), а на их оценку. Впрочем, не стоит сбрасывать со счетов то обстоятельство, что ближневосточные источники ярки и разнообразны: изображения, тексты, артефакты (шесть колесниц в гробнице Тутанхамона, одна в погребении Юи и Туи – знатных вельмож XVIII династии, кузов колесницы из гробницы Тутмоса IV, а также находки частей колесниц [18, 19]). В результате образный ряд, связанный с колесницей, ассоциируется в основном с ближневосточными примерами.

Между тем, и в аридной части Евразии колесничный комплекс также представлен и обильно, и разнообразно: остатки повозок в погребениях; детали сбруи (псалии) со следами эксплуатации; жертвоприношения лошадей, имитирующие парную запряжку; наскальные изображения. По понятным причинам в этом списке нет и не может быть нарративов, зато корпус достоверных материализованных данных по объему заметно превышает число ближневосточных свидетельств, так что сомневаться в *реальности использования* колесниц степным населением просто не приходится. Период бытования традиции в этой части Евразии надежно установлен благодаря значительной серии радиоуглеродных дат [9, 20, 21].

Обратимся к сравнениям. Как уже отмечено, в качестве косвенного аргумента в пользу ближневосточных истоков колесничной традиции упоминается длительная история эволюции колесного транспорта в этом регионе [17]. Однако число комплексов ранней и средней бронзы с остатками четырехколесных повозок разной конструкции [22, 23 и др.] в Восточной Европе (конец IV–III тыс. до н. э. (в системе калиброванных радиоуглеродных дат)) сегодня несопоставимо с переднеазиатской серией, не превышающей десятка. По степным находкам также есть возможность проследить эволюцию транспортных средств. Количественный критерий сам по себе, конечно, не может надежно указывать на приоритет степных территорий, поскольку обусловлен спецификой погребальных традиций, но снижает градус противопоставления в дискуссии.

Известные факты неоспоримо свидетельствуют, что начало использованию колеса действительно положено населением Месопотамии, но, судя по всему, новация распространилась к северу в сроки, которые археологическими методами просто не улавливаются, поскольку наиболее ранние образцы северной зоны Евразии фактически синхронны ближневосточным [24, 25].

Признание факта *широкого и длительного бытования* колесных средств транспорта в среде степного населения автоматически снимает вопрос об их производстве – полагаем, трудно найти разумное объяснение их масштабному экспорту из зоны первичных государств. В эту логику укладывается и прослеживаемая в степи эволюция, направление которой вовсе не обязательно совпадать с южными традициями в силу необходимости адаптации к местным потребностям, социальным реалиям, ресурсной базе и пр.

Частной, но весьма показательной представляется ситуация с «аргументом» о несоответствии параметров степных колесниц образцам, известным для зоны первичных цивилизаций. На проверку оказывается, что сравнение можно провести только с немногочисленными египетскими артефактами, в остальных случаях речь идет об изображениях (египетских и ассирийских), которые даже в традиционной системе хронологии относятся к более позднему времени (см. далее). При обращении к фактам выясняется, что параметры колесниц каждой из зон отличаются не столь разительно, а главное, нет никаких причин делать заключение о том, какой из вариантов является «единственно правильным». Принципиальные характеристики совпадают (лошади в качестве тяговой силы, дышлово-запряжки, двухколесная база), а технические детали могут и должны различаться для столь разных во всех смыслах территорий и населяющих их обществ.

В составе колесничного комплекса не менее, если не более важным и определяющим остальные части компонентом являются лошади. Характер и физические особенности этого животного в значительной степени определили конструкцию экипажа и упряжи. Дикая предковая форма лошади обитала в степной зоне, хотя проблема выявления зоны и времени их одомашнивания в пределах евразийского степного пояса остается в сфере дискуссий [26]. Однако наиболее важен сам факт одомашнивания этого упряжного животного именно *за пределами* Ближнего Востока, где лошадь спорадически появляется уже в одомашненном варианте после 2500 года до н. э. [3, 5].

Таким образом, если отбросить предубеждения и оперировать фактами, в вопросе о первичном центре производства колесниц на первый план выходит хронология. Для рассматриваемых регионов она построена на принципиально разных основаниях: для северной зоны Евразии речь идет о радиоуглеродном датировании, а для Месопотамии – об относительной хронологии (прежде всего династических таблицах, соотнесенных с ранними историческими хрониками и астрономическими событиями), которая выражена в абсолютных датах правления тех или иных царей и существования древних государств¹. Для интересующего нас периода расхождение между хронологическими системами древней истории Месопотамии (коих насчитывается пять) может составлять более двухсот лет. Так, реперными являются даты правления Хаммурапи, цар-

ствование которого в соответствии с «ультра-длинной» системой относится к 1930–1888 гг. до н. э., а в соответствии с «ультра-короткой» – к 1704–1662 гг. до н. э. [27. Р. 8; 28. Р. 9]. «Средняя» система хронологии относит время правления этого царя Вавилона к 1792–1750 гг. до н. э. [29. Р. 717; 30. Р. 46]. Впрочем, для Месопотамии также были сделаны попытки построения хронологической системы на основании анализа радиоуглеродных дат [9, 25, 27, 31]. По результатам анализа наиболее вероятной является «длинная» система хронологии, в которой Хаммурапи царствовал в 1848–1806 гг. до н. э. Несмотря на то, что серия радиоуглеродных дат невелика и не лишена проблем, именно «длинная» система признана наиболее статистически достоверной [32].

Надежно обеспечена радиоуглеродными датами хронология восточного блока земледельческих культур – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс. Так, период формирования и расцвета административно-ритуального комплекса в Гонуре относится к периоду 2500–1900 гг. до н. э. в радиоуглеродной системе хронологии [33]. Бесспорно, интересным представляется факт достаточно ранней даты погребения лошади в царской гробнице № 3200 – 2250 г. до н. э. В этом же комплексе обнаружена четырехколесная повозка [34]. Примерно к этому же времени – 2300 г. до н. э. (правда, в системе традиционных дат), – относится и находка скульптуры жеребца в Сирии [35].

Египетская система хронологии чуть менее проблематична, хотя к настоящему времени снабжена верифицированными радиоуглеродными датами [36]. Так, известно, что колесничный комплекс появляется на территории Среднего Царства вместе с «народами моря», а собственный колесничный комплекс формируется в период правления XVIII династии Нового Царства [37]. Начало Второго переходного периода, во время которого в Египте правили XIII–XVII династии и вторглись «народы моря», в системе радиоуглеродной хронологии начинается не ранее 1871 г. до н. э. (95,4%) [31], а окончание может быть отнесено к 1570 г. до н. э. (95,4%) [36, Supporting Online Materials. P. 26]. «Народы моря» основали XV династию, правившую позже фараона XIII династии Собехкотепа II (1777–1712 гг. до н. э. (68,4%)), но, вероятно, сформировавшуюся уже при фараоне Собехкотепа IV. Другими словами, появление гисосов и их колесниц в Египте относится к периоду не ранее XVII–XVI вв. до н. э. Это хорошо сочетается с традиционными датами правления XVIII династии – 1543–1292 гг. до н. э. в традиционной системе хронологии, когда происходит расцвет египетского колесничества.

Возвращаясь к сопоставлению хронологических систем регионов, следует признать, что в нашем распоряжении, видимо, нет иной возможности синхронизации за вычетом радиоуглеродного датирования. Работа одного из авторов этих строк [8] позволила не только сделать вывод, что радиоуглеродная хронология Урало-Казахстанского региона в целом совпадает с «длин-

ной» исторической хронологией Месопотамии, но также подтвердила, что египетские колесницы существенно моложе наиболее древних евразийских и не могут рассматриваться в качестве эталонных образцов. С учетом заключения о близости систем радиоуглеродной и «длинной» исторической хронологии мы получаем возможность сопоставить датировки реальных артефактов и изображений двух регионов². В целом, исходя из имеющихся источников, можно говорить об отсутствии надежных данных в пользу приоритета Ближнего Востока в интересующем нас вопросе, хотя распространение домашней лошади в регионе, по всей видимости, относится к заведомо более раннему периоду (рис. 1). Более того, наиболее известные примеры текстов, артефактов и изображений относятся к заведомо более позднему времени, чем рубеж III–II тыс. до н. э. (а именно этим временем датируются степные образцы). Данное обстоятельство, наряду с длительной самостоятельной историей развития колесного транспорта в степи и с аргументом об одомашнивания лошади, заставляет со всей серьезностью рассматривать возможность возникновения колесничного комплекса именно в этой зоне.

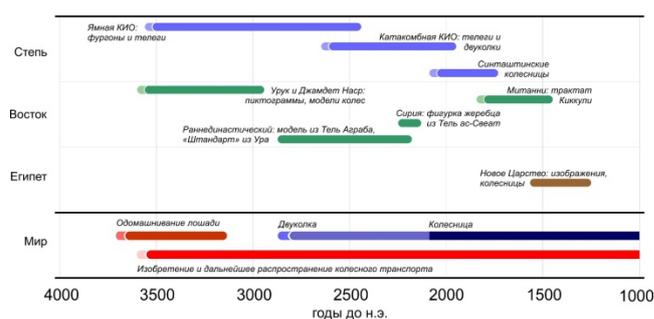

Рис. 1. Хронологическая схема ранней эволюции колесного транспорта

Изложенное выше было призвано проиллюстрировать, что формальных оснований для предпочтения ближневосточной версии нет, однако ее влияние сохраняется. Отчасти это обусловлено упомянутой яркостью документальных свидетельств и длительностью историографической традиции. Кроме того, свою роль играет и широко бытующее (особенно в российской научной традиции) противопоставление государственных и ранних комплексных обществ, которое проводится по самым разным основаниям, включая технологическое. На деле, сколь-нибудь строгое разграничение сложных вожеств и ранних государств – едва ли разрешимая задача, особенно по археологическим данным [38, 39]. Мы считаем, что предполагаемая связь между уровнем развития технологий и общественным устройством существует, но речь идет не о строгой корреляции, а о тенденции, складывающейся в результате суммирования начальных условий, разнонаправленных факторов и механизмов. С нашей точки зрения, идея примата государства как источника социальных и технологических новаций, скорее всего, является след-

ствием менталитета современных цивилизованных обществ, для которого сверхценность государства аксиоматична и не требует доказательств.

Между тем, археология второй половины XX столетия и нового тысячелетия уверенно продемонстрировала, что человеческие сообщества обладают большой степенью вариативности социальной и политической организации, мультилинейностью развития и государство не обязательно является его венцом [40]. Напротив, даже малые сообщества способны на создание выдающихся технологических новаций, строительство грандиозных архитектурных сооружений. Примеров концентрации значительных трудовых ресурсов и выработки высокотехнологичных решений в обществах, заведомо не имевших государ-

ственности, предостаточно – Стоунхендж и мегалиты Эйвбери, монументы острова Пасхи, курган Аржан или североамериканские поселения Кахокия и Маундвиль. С нашей точки зрения, колесничный комплекс является одним из таких примеров, и вопрос о признании / непризнании возможности его создания за пределами зоны первичных цивилизаций связан не со строгим анализом фактов, а с психологическими установками исследователей, в разной степени открытых к новым идеям. В свете изложенного следует признать, что рассмотренная частная проблема иллюстрирует необходимость строгого формулирования методологических оснований любого исследования, что пока остается большой редкостью в отечественной археологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ожидать полного совпадения «исторической» и радиоуглеродной версий не приходится, поскольку вторая оперирует вероятностными периодами, в которые произошла биологическая смерть организма, а не датами событий.

² Хотя это и является допущением, но оно имеет аргументацию, а, главное, не имеет серьезной альтернативы.

ЛИТЕРАТУРА

- Childe V.G. The Diffusion of Wheeled Vehicles // *Ethnographisch-archaeologische Forschungen*. 1954. Bd. 2. P. 1–17.
- Горелик М.В. Боевые колесницы Древнего Востока III–II тысячелетия до н. э. // *Древняя Анатолия*. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1985. С. 183–202.
- Littauer M.A., Crouwel J.H. The Origin of the True Chariot // *Antiquity*. 1996. Vol. 70, № 270. P. 934–939.
- Кожин П.М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите – раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). Владивосток: Дальнаука, 2007. 427 с.
- Sarianidi V. *Necropolis of Gonur*. Athens: Kapon Editions, 2007. 329 p.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1994. 463 с.
- Новожинов В.А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. М.: ТАУС, 2012. 500 с.
- Anthony D.W. *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. 553 p.
- Чечушков И.В. Распространение колесного транспорта в свете данных радиоуглеродной хронологии // *Таинство этнической истории древнейших номадов степной Евразии* / сост. В.А. Новожинов; гл. ред. А.В. Епимахов. Алматы: Остров Крым, 2014. С. 274–285.
- Wittfogel K. *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press, 1957. 556 p.
- Potratz H.A. Die Pferdegebisse des zwischenstromländischen Raumes // *Archiv für Orientforschung*. 1941. Bd. 14. S. 1–39.
- Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // *Советская археология*. 1961. № 1. С. 299–303.
- Лесков А.М. Древнейшие роговые псалии из Тахтемира // *Советская археология*. 1964. № 1. С. 299–303.
- Генинг В.Ф. Синташта и проблема ранних индоиранских племен // *Советская археология*. 1977. № 4. С. 53–73.
- Кожин П.М. К проблеме происхождения колесного транспорта // *Древняя Анатолия*. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1985. С. 169–182.
- Jones-Bley K. The Sintashta “Chariots” // *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age* / Ed. J. Davis-Kimball et al. Oxford: Archaeopress, 2000. P. 135–140.
- Izbitser E. The Royal Cemetery at Ur and Early Wheels // *Tyragetia*, s.n. 2013. VII [XXII]. № 1. P. 9–17.
- Littauer M.A., Crouwel J.H. Chariots and Related Equipment from the Tomb of Tutankhamun. Oxford: Griffith Institute, 1985. 118 p.
- Crouwel J.H. Studying the Six Chariots from the Tomb of Tutankhamun - an Update // *Chasing Chariots: Proceedings of the First International Chariot Conference (Cairo 2012)* / Ed. A.J. Veldmeijer, S. Ikram. Leiden: Sidestone Press, 2013. P. 73–94.
- Kuznetsov P.F. The Emergence of Bronze Age Chariots in Eastern Europe // *Antiquity*. 2006. Vol. 80, № 309. P. 638–645.
- Епимахов А.В. Относительная и абсолютная хронология синташтинских памятников в свете радиоуглеродных датировок // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2007. Вып. XVII. С. 402–421.
- Гей А.Н. Новотиторская культура. М.: Ин-т археологии РАН, Старый сад, 2000. 224 с.
- Shishlina N.I., Kovalev D.S., Ibragimova E.R. Catacomb Culture Wagons of the Eurasian Steppes // *Antiquity*. 2014. Vol. 88, № 340. P. 378–394.
- Bakker J.A., Kruk J., Lanting A.E., Milisauskas S. Bronocice, Flintbek, Uruk, Jebel Aruda and Arslantepe: the earliest evidence of wheeled vehicles in Europe and the Near East // *Palaeohistoria: Acta Et Communicationes Instituti Bio-archaeologici Universitatis Groninganae*. 2006. № 47/48. P. 10–28.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б. О базе данных календарной радиоуглеродной хронологии «дописьменной» эпохи культур Западной Евразии // *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов*. М.: Ин-т археологии РАН, 2013. Вып. 1. С. 8–14.
- Outram A.K., Stear N.A., Bendrey R., Olsen S., Kasparov A., Zaibert V., Thorpe N., Evershed R.P. The Earliest Horse Harnessing and Milking // *Science*. 2009. Vol. 323, № 5919. P. 1332–1335.
- Hasel M. Recent Developments in Near Eastern Chronology and Radiocarbon Dating // *Origins*. 2004. № 56. P. 6–31.
- Reade J. Assyrian King-Lists, the Royal Tombs of Ur, and Indus Origins // *Journal of Near Eastern Studies*. 2001. Vol. 60, № 1. P. 1–29.
- Knapp A.B. Mesopotamia, History of // *The Anchor Bible Dictionary* / ed. D.N. Freedman. Vol. 4. NY: Doubleday, 1992. P. 714–720.
- Chavalas M. *The Age of Empires, 3100–900 BCE*. // *Companion to the Ancient Near East*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 34–47.
- Hassan F.A., Robinson W. High Precision Radiocarbon Chronometry of Ancient Egypt, and Comparisons with Nubia, Palestine, and Mesopotamia // *Antiquity*. 1987. Vol. 61, № 231. P. 119–135.
- Hubber P.J. Astronomical evidence for the Long and against the Middle and Short Chronologies // *High, Middle Or Low? PT. 1: Acts of an International Colloquium on Absolute Chronology Held at the University of Gothenburg 20th-22nd August 1987* / ed. P. Åström. Gothenburg: Åström, 1987. P. 5–17.

33. Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймар П., Мэллори Д., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2008. Т. 2. С. 166–179.
34. Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. М. : Старый сад, 2012. Т. 4. С. 101–139.
35. Holland T.A. Tall as-Swēhat. 1989–1992 // *Archiv für Orientforschung*. 1993/1994. Bd. 40/41. P. 275–285.
36. Bronk Ramsey C.B., Dee M.W., Rowland J. M., Higham T.F., Harris S.A., Brock F., Quiles A., Wild E.M., Marcus E.S., Shortland A.J. Radiocarbon-based Chronology for Dynastic Egypt // *Science*. 2010. Vol. 328, № 5985. P. 1554–1557.
37. Spalinger A.J. Warfare in Ancient Egypt // *Companion to the Ancient Near East* / ed. D.C. Snell (ed.). Wiley. Malden, Oxford, Carlton : Blackwell Publishing Ltd., 2005. P. 229–242.
38. Drennan R.D., Hanks B.K., Peterson C.E. The Comparative Study of Chiefly Communities in the Eurasian Steppe Region // *Social Evolution & History*. 2011. Vol. 10, № 1. P. 149–186.
39. Drennan R.D., Peterson C.E. Challenges for Comparative Study of Early Complex Societies // *The Comparative Archaeology of Complex Societies* / Ed. M. E. Smith. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 62–87.
40. Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лышча В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации*. М. : Логос, 2000. С. 24–83.

Epimakhov Andrey V. Institute of History and Archaeology (RAS, Ural Branch); South Ural State National Research University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: epimakhovav@susu.ru

Chechushkov Igor V., University of Pittsburgh, Department of Anthropology (Pittsburgh, USA). E-mail: chivpost@gmail.com

"EX ORIENTE LUX"? THE GENESIS OF THE CHARIOT IN THE LIGHT OF THE LATEST ARCHEOLOGY DATA

Key words: Bronze Age; state, chariot complex; Northern Eurasia; chronology.

This paper explores the problem of origin of chariot complex in Eurasia versus the Near East. After careful examination of the results of radiocarbon dating in both regions, we came to the idea that there are no facts that would challenge the possibility of the northern origin. From our point of view, the discussion of this problem has its roots in the psychology of the western scholars, including the Russian ones, who used to believe that only civilized communities of Mesopotamia were able to create and maintain chariots.

This paper aims to review two main hypotheses on the origin of the chariot complex of the Bronze Age. The alternatives are either area within the Fertile Crescent or the steppes of Inner Eurasia. The southern version originates from the Gordon V. Childe’s “Ex Oriente Lux” concept, who believed that in the antiquity this region was a source of social, economic and technological innovations. It is easy to believe because a rich and diverse list of sources is available. It includes depictions of actual vehicles, textual data, and artifacts themselves. In the steppes, evidences are different, and include a larger number of vehicles, parts of the bridle, sacrificed horses, and petroglyphs with chariots depicted. The argument for the Middle East version boils down to a thesis about the high technological level of innovation and, consequently, the necessity of organization of production. A long history of evolution of wheeled vehicles in this zone have also been mentioned. Objections to the steppe origin of chariots include difficulties in their practical use in the steppe and forest-steppe, redundancy as a means of warfare and differences in the parameters of the steppe and Middle Eastern specimens. However, none of these points can be taken as absolute, especially, if considered in the details. In this regard, the detailed chronology plays a crucial role. A correct comparison can be carried out only for the systems of radiocarbon chronology. Importantly, for Mesopotamia and Egypt, they are also linked to the traditional historical chronologies. Recent studies suggest that the “long” chronological system is the most statistically significant. The chronology indicates a lack of reliable data in favor of the priority of the Middle East in the invention of chariots. The most famous examples of texts, artifacts and images refer to much later periods than the III-II millennium BC. This, along with a long independent history of the development of wheeled vehicles in the steppe and with the argument for domestication of a horse in the same zone, makes the possibility of the appearance of a chariot complex in the steppes more than plausible. The chariot complex can serve as a vivid example of the creation of outstanding technological innovations among an early complex society without full development of a state.

REFERENCES

1. Childe, V.G. (1954) The Diffusion of Wheeled Vehicles. *Ethnographisch-archaeologische Forschungen*. 2. pp. 1–17.
2. Gorelik, M.V. (1985) Boyevyye kolesnitsy Perednego Vostoka III-II tysyacheletiy do n.e. [The battle chariots of the Near East in 3-2 millenium BC]. In: Piotrovskii, B.B., Ivanov, V.V. & Ardzinba, V.G. (eds.) *Drevnyaya Anatolia* [The Ancient Anatolia]. Moscow: Nauka. pp. 183–202.
3. Littauer, M.A. & Crowell, J.H. (1996) The Origin of the True Chariot. *Antiquity*. 70(270). pp. 934–939. DOI: 10.1017/S0003598X00084192
4. Kozhin, P.M. (2007) *Etnokul'turnyye kontakty naseleniya Yevrazii v eneolite – rannem zheleznom veke (paleokul'turologiya i kolesnyy transport)* [Ethno-cultural contacts between the populations of Eurasia in the Copper Age and Early Iron Age (cultural studies and wheeled vehicles)]. Vladivostok: Dal'nauka.
5. Sarianidi, V. (2007) *Necropolis of Gonur*. Athens: Kapon Editions.
6. Kuzmina, E.E. (1994) *Otkuda prishli indoarii?* [Where Did the Indo-Aryans Come From?]. Moscow: Vostochnaya Literatura.
7. Novozhenov, V.A. (2012) *Chudo kommunikatsii i drevneyshiy kolesnyy transport Yevrazii* [The miracle of communication and the earliest wheeled transport in Eurasia]. Moscow: TAUS.
8. Anthony, D.W. (2007) *The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
9. Chechushkov, I.V. (2014) Rasprostraneniye kolesnogo transporta v svete dannykh radiouglerodnoy khronologii [The spread of wheeled transport in the light of radiocarbon chronology]. In: Novozhenov V.A. & Epimakhov A.V. (eds) *Tainstvo etnicheskoy istorii drevneyshikh nomadov stepnoy Yevrazii* [The Mystery of the Ethnic History of the Earliest Nomads of the Eurasian steppe]. Almaty: Ostrov Krym. pp. 274–285.
10. Wittfogel, K. (1957) *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press.
11. Potratz, H.A. (1941) Die Pferdegebisse des zwischenstromländischen Raumes [The horse bits of the intermediate space]. *Archiv für Orientforschung*. 14. pp. 1–39.
12. Smirnov, K.F. (1961) Arkheologicheskiye dannyye o drevnikh vsadnikakh Povolzhsko-Ural'skikh stepey [Archaeological evidence of the ancient horsemen of the Volga-Ural steppes]. *Sovetskaya arheologiya*. 1. pp. 299–303.
13. Leskov, A.M. (1964) Drevneyshiy rogovyye psalii iz Takhtamirovo [The earliesr cheekpieces from Takhtemirovo]. *Sovetskaya arheologiya*. 1. pp. 299–303.
14. Gening, V.F. (1977) Sintashta i problema rannikh indoiranskikh plemen [The Site of Sintashta and the problem of the earliesr Indo-Iranians]. *Sovetskaya arheologiya*. 4. pp. 53–73.
15. Kozhin, P.M. (1985) K probleme proiskhozhdeniya kolesnogo transporta. [On the origin of wheeled transport]. In: Piotrovskii, B.B., Ivanov, V.V. & Ardzinba, V.G. (eds.) *Drevnyaya Anatolia* [The Ancient Anatolia]. Moscow: Nauka. pp. 169–182.

16. Jones-Bley, K. (2000) The Sintashta “Chariots”. In: Davis-Kimball, J. et al. (eds) *Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age*. Oxford: Archaeopress. pp. 135–140
17. Izbitser, E. (2013) The Royal Cemetery at Ur and Early Wheels. *Tyragetia*. 7. pp. 9–17.
18. Littauer, M.A. & Crouwel, J.H. (1985) *Chariots and Related Equipment from the Tomb of Tutankhamun*. Oxford: Griffith Institute.
19. Crouwel, J.H. (2013) Studying the Six Chariots from the Tomb of Tutankhamun – an Update In: Veldmeijer, A.J. & Ikram, S. (eds) *Chasing Chariots: Proceedings of the First International Chariot Conference (Cairo 2012)*. Leiden: Sidestone Press. pp. 73–94.
20. Kuznetsov, P.F. (2006) The Emergence of Bronze Age Chariots in Eastern Europe. *Antiquity*. 80(309). pp. 638–645. DOI: 10.1017/S0003598X00094096
21. Epimakhov, A.V. (2007) Otnositel'naya i absolyutnaya khronologiya sintashtinskiykh pamyatnikov v svete radiokarbonnykh datirovok [Relative and absolute chronology of the Sintashta sites in the light of radiocarbon dating]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 17. pp. 402–421.
22. Gey, A.N. (2000) *Novotitorovskaya kultura* [The Novotitorovo Culture]. Moscow: Institute of Archaeology, RAS.
23. Shishlina, N.I., Kovalev, D.S. & Ibragimova, E.R. (2014) Catacomb Culture Wagons of the Eurasian Steppes. *Antiquity*. 88(340). pp. 378–394. DOI: 10.1017/S0003598X00101061
24. Bakker, J.A., Kruk, J., Lanting, A.E. & Milisauskas, S. (2006) Bronocice, Flintbek, Uruk, Jebel Aruda and Arslantepe: the earliest evidence of wheeled vehicles in Europe and the Near East. *Palaeohistoria: Acta Et Communicationes Instituti Bio-archaeologici Universitatis Groninganae*. 47/48. pp. 10–28.
25. Chernykh, E.N. & Orlovskaya, L.B. (2013) O baze dannykh kalendarnoy radiouglerodnoy khronologii “dopis'mennoy” epokhi kul'tur Zapadnoy Yevrazii [On the database of calendar radiocarbon chronology of “pre-literate” cultures of Western Eurasia]. In: Chernykh, E.N. (ed.) *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii yestestvennonauchnykh metodov* [Analytical research of the laboratory of natural-science methods]. Issue 1. Moscow: Institute of Archaeology, RAS. pp. 8–14.
26. Outram, A.K., Stear, N.A., Bendrey, R., Olsen, S., Kasparov, A., Zaibert, V., Thorpe, N. & Evershed, R.P. (2009) The Earliest Horse Harnessing and Milking. *Science*. 323 (5919). pp. 1332–1335. DOI: 10.1126/science.1168594
27. Hasel, M. (2004) Recent Developments in Near Eastern Chronology and Radiocarbon Dating. *Origins*. 56. pp. 6–31.
28. Reade, J. (2001) Assyrian King-Lists, the Royal Tombs of Ur, and Indus Origins. *Journal of Near Eastern Studies*. 60 (1). pp. 1–29. DOI: 10.1086/468883
29. Knapp, A.B. (1992) Mesopotamia, History of. In: Freedman, D.N. (ed.) *The Anchor Bible Dictionary*. Vol. 4. New York: Doubleday. pp. 714–720.
30. Chavalas, M. (2005) The Age of Empires, 3100-900 BCE In: Snell, D.C. (ed.) *Companion to the Ancient Near East*. Wiley, Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing Ltd. pp. 34–47.
31. Hassan, F.A. & Robinson, W. (1987) High Precision Radiocarbon Chronometry of Ancient Egypt, and Comparisons with Nubia, Palestine, and Mesopotamia. *Antiquity*. 61(231). pp. 119–135. DOI: 10.1017/S0003598X00072641
32. Hubber, P.J. (1987) Astronomical evidence for the Long and against the Middle and Short Chronologies. In: Åström, P. (ed.) *High, Middle Or Low? PT. I: Acts of an International Colloquium on Absolute Chronology Held at the University of Gothenburg 20th-22nd August 1987*. Gothenburg: Åström. pp. 5–17.
33. Zaytseva, H.I., Dubova, N.A., Sementsov, A.A., Reimer, P., Mallory, J. & Jungner, H. (2008) Radiouglerodnaya khronologiya pamyatnika Gonur Depe [Radiocarbon chronology of the Gonur Depe site]. In: Sarianidi, V.I. (ed.) *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Works of the Margiana archaeological expedition]. Vol. 2. Moscow: Staryi sad. pp. 166–179.
34. Dubova, N.A. (2012) Pogrebeniya zhitovnykh v strane Margush [Animal burials in the Margush Country]. In: Sarianidi, V.I. (ed.) *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Works of the Margiana archaeological expedition]. Vol. 4. Moscow: Staryi sad. pp. 101–139.
35. Holland, T.A. (1993) Tall as-Swēhat. 1989–1992. *Archiv für Orientforschung*. 40/41. pp. 275–285.
36. Bronk Ramsey, C.B., Dee, M.W., Rowland, J.M., Higham, T.F., Harris, S.A., Brock, F., Quiles, A., Wild, E.M., Marcus, E.S. & Shortland, A.J. (2010) Radiocarbon-based Chronology for Dynastic Egypt. *Science*. 328(5985). pp. 1554–1557. DOI: 10.1126/science.1189395
37. Spalinger, A.J. (2005) Warfare in Ancient Egypt. In: Snell, D.C. (ed.) *Companion to the Ancient Near East*. Wiley, Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing Ltd. pp. 229–242.
38. Drennan, R.D., Hanks, B.K. & Peterson, C.E. (2011) The Comparative Study of Chiefly Communities in the Eurasian Steppe Region. *Social Evolution & History*. 10(1). pp. 149–186.
39. Drennan, R.D. & Peterson, C.E. (2012) Challenges for Comparative Study of Early Complex Societies. In: Smith, M.E. (ed.) *The Comparative Archaeology of Complex Societies*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 62–87.
40. Korotayev, A.V., Kradin, N.N. & Lynsha, V.A. (2000) Al'ternativy sotsial'noy evolyutsii (vvodnyye zamechaniya) [Alternatives to social evolution (opening remarks)]. In: Kradin, N.N. et al. (eds) *Al'ternativnyye puti k tsivilizatsii* [Alternative Ways to the Civilization]. Moscow: Logos. pp. 24–83.

УДК 792.03
DOI: 10.17223/19988613/54/26

Н.А. Лукинский, Л.И. Шерстова

ПЕКИНСКАЯ ОПЕРА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Рассматриваются исторические условия, послужившие толчком к появлению пекинской оперы как самостоятельного жанра традиционного искусства Китая. Выявляются основные этапы развития пекинской оперы, выделяются наиболее популярные сюжеты и имена персонажей. Дается характеристика пекинской оперы в качестве средства межкультурных коммуникаций. Подробно рассматривается развитие жанра в коммунистическом Китае, в частности, уделяется внимание влиянию культурной революции на состояние пекинской оперы. Характеризуется деятельность личностей, оказавших влияние на развитие этого жанра в XX в. Описывается современное состояние пекинской оперы. Делается вывод о важности пекинской оперы как части культурного наследия Китая.

Ключевые слова: Китай; традиционная культура и современность; театр; пекинская опера; культурное наследие.

Несмотря на процессы глобализации и сближения стран Востока и Запада, которые усилились в течение последних десятилетий, культурные различия между двумя цивилизациями вполне очевидны и вряд ли будут окончательно сглажены. Культурным различиям между этими регионами посвящено множество различных работ, из которых наиболее известны труды Хантингтона [1]. Цивилизационные различия между этими регионами были очевидны с самого начала их взаимодействия, а в колониальный период они еще более углубились. Недопонимание между обществами Востока и Запада остаются актуальными и сегодня. Они даже усилились в современном мире, проявляясь в виде информационных войн между США и Японией, США и Китаем. Проблема коммуникаций между ними по-прежнему остается достаточно сложной, хотя и делаются определенные подвижки в сторону большего взаимопонимания. Так, например, еще в 1990-х США изменили свою политику в отношении стран Дальневосточного региона: «... США в этой сфере были нацелены на положительное восприятие зарубежными государствами, которое помогало снижению антиамериканских настроений и создавало потенциал для принятия решений, благоприятствовавших политике Вашингтона. Такой подход укреплял научный и технологический потенциал Соединенных Штатов...» [2. С. 7]. Тем не менее большая часть культурного наследия Китая еще остается слабо изученной, и Пекинская опера, по нашему мнению, ввиду своей самобытности и специфичности, является одной из самых интересных частей традиционного наследия Поднебесной.

Несмотря на то, что пекинская опера считается одной из форм театра, ее прямых аналогов в мире не существует – западные театральные жанры разительно отличаются содержанием и прочими характеристиками. Из-за своей нестандартности для понимания представителями западной цивилизации, Пекинской опере уделено мало внимания в трудах ученых.

Так, среди отечественных востоковедов к этой теме обращались: М.Е. Кравцова [3], В.В. Малявин [4] и

другие авторы, работы которых тематически относились к изучению китайской культуры как таковой, поэтому данному конкретному жанру уделялось не так много внимания. Одной из наиболее подробных работ о китайском театре вообще и пекинской опере в частности является статья Б.А. Васильева, вошедшая в сборник работ о восточном театре [5. С. 196–268].

Однако в современной историографии работ, посвященных теме китайского театрального искусства, немного. Но их становится все больше на Западе и в самом Китае. Значительное внимание пекинской опере уделяет в своих исследованиях Элизабет Вихманн [6]. Публикации данного автора касаются системы представлений и эстетики китайской оперы. Э. Вихманн регулярно переводит работы с китайского языка и самостоятельно устраивает представления в традициях оперного искусства Китая. Среди китайских авторов, занимающихся данной темой, можно выделить следующих исследователей: Ли Жужу [7], Сюй Чэнбэй [8], Ли Чинсу [9], Ху Яньли [10], Лю Цзинь [11].

Интересно, что жанр пекинской оперы нельзя назвать древним – он существует немногим более двухсот лет. Поэтому относительно истории культуры Китая, которой уже несколько тысяч лет, эту форму театра можно расценивать как достаточно новое явление. Следует отдельно отметить необходимость в разграничении понятий «китайская» и «пекинская» оперы: китайская опера – это общее название для всех локальных форм театра в Китае, существовавших еще в древности; пекинская же опера – это название конкретного жанра, появившегося только в XVIII в. Толчком к ее появлению стало прибытие театральных трупп из провинции Аньхуй в Пекин по случаю 80-летнего юбилея Айсиньгёро Хунли, императора династии Цин. Их выступление оказалось столь успешным, что ознаменовало собой последующие прибытия в столицу и других региональных театральных групп. Собравшиеся в столице труппы тесно сотрудничали друг с другом, делясь своим опытом и различными «наработками».

Постепенно, в конце XIX – начале XX в. произошло появление жанра пекинской оперы – «Цзинцзюй» («京剧») – jīngjù, что дословно означает «столичная опера»). Жанр сформировался благодаря синтезу различных стилей театральных провинциальных групп, прибывших в 1790-х гг. в Пекин. Впитав в себя лучшие традиции Китайского национального театра, пекинская опера быстро стала преобладающим жанром и распространилась по всей стране. Этому способствовало усиление самого Пекина, рост политического влияния столицы и ее возвышение над другими крупными городами. Таким образом, конец XVIII в. стал начальным периодом становления и настоящего расцвета пекинской оперы. Главной причиной, повлиявшей на этот процесс, было то, что жанр стал очень популярным среди императорского двора и столичной аристократии. Представители высших слоев общества наслаждались выступлениями коллективов, создавая при этом все необходимые условия: им отводились лучшие сцены, они могли пользоваться необходимыми костюмами, гримом, использовать любое оборудование. Тем самым столичная аристократия внесла значительный вклад в развитие данного жанра. Тайпинское восстание 1850–1864 гг., нанесшее огромный урон всему хозяйству и культуре Китая, замедлило процесс развития пекинской оперы. Тем не менее именно в этот период выдвинулся целый ряд актеров, которые возродили искусство и создали множество новых школ. Настоящими гигантами классического театра считаются Чэн Чжангэн и Ван Гуйфынь, разработавшие теорию актерской игры и воплотившие ее на сцене [5. С. 213–214]. Другим крупным потрясением для китайского общества в XIX в. стала японо-китайская война 1894–1895 гг. Она также оказала сильнейшее влияние на всю страну. Разумеется, пострадала и культура, ведь это последнее, что заботит правителей в периоды войн и внутренней нестабильности.

Следующим периодом стремительного развития Пекинской оперы стала первая половина XX в. Основной причиной этому послужил тот факт, что определенное внимание этому жанру стало уделяться со стороны новых правящих слоев после Синьхайской революции 1911 г. Столичную оперу начали использовать в качестве средства межкультурной коммуникации, и это приносило результаты. Пекинская опера вышла за пределы Поднебесной. Ее распространение за рубежом можно разделить на три этапа, а именно: 1-й этап – 1920–1950 гг., 2-й этап – 1950–1970 гг. и 3-й этап – с 1978 г. по наше время [12. С. 106].

Наиболее заметной чертой первого этапа (1920–1950 гг.) стала деятельность Мэй Ланьфана, который по праву называется одной из наиболее важных личностей в истории оперы. Именно этот актер Пекинской оперы впервые отправился со своей труппой в заграничный тур. Их первым местом для визита стала Япония, где труппа Мэя была очень хорошо принята местной публикой. В 1924 г. был проведен повторный ви-

зит, во время которого Мэй был прославлен в японских газетах и обрел еще большую популярность [12. С. 107]. В 1930 г. труппа Ланьфана отправилась в Соединенные Штаты Америки, и их выступления в Вашингтоне, Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и других городах были успешны. В 1935 г. Мэй отправился в СССР, где труппа отыграла по несколько раз в Москве и Ленинграде. Таким образом, можно смело заявить, что Мэй Ланьфан является одним из тех, кто оказал наиболее сильное влияние на пекинскую оперу, ведь он не только был первоклассным актером, но и стал первым, кто представил этот вид искусства миру, что облегчало построение межгосударственных отношений посредством культурных коммуникаций. Пожалуй, это можно назвать одной из форм «мягкой силы», как способа экспансии Китая, о чем так много говорится в последнее время в связи с ростом влияния Поднебесной на мировой арене.

Во время второго этапа (1950–1970 гг.) труппы также отправлялись за границу, становясь отличным подспорьем для международных контактов. После основания КНР пекинская опера фактически стала средством так называемой культурной дипломатии. Несмотря на то, что официально целью их поездок был культурный обмен, на деле же очевидно, что эти туры, по сути, были дипломатическими миссиями. Более того, в этот период труппы отправлялись в Индию, Мьянму, Венесуэлу, Колумбию, Канаду и прочие страны [12. С. 107]. Это все указывает как на развитие Столичной оперы, так и свидетельствует о росте влияния КНР в мире.

Третий этап (1978 г. – н.в.) по времени совпадает с началом политики «реформ и открытости» Китая. Этот период характеризуется еще большим распространением оперы по всему миру; она также продолжала служить хорошим средством налаживания контактов и взаимопонимания китайской дипломатии.

Что касается внутренних трансформаций пекинской оперы, то стоит прежде всего отметить ее изменения в период «культурной революции», которая проходила с 1966 по 1976 г. Столичная опера, как и вся культурная сфера жизни Китая, подверглась серьезным изменениям. Культурная революция, задуманная и развязанная Мао Цзэдуном, была нацелена на то, чтобы устранить из руководящих органов партии всех несогласных с его политикой сторонников VIII съезда КПК, навязать партии и народу свою схему развития Китая в духе левацких концепций «казарменного коммунизма», ускоренного строительства социализма, отказа от методов экономического стимулирования. Эти идеи наглядно отражались в призывах: «В промышленности учиться у дацинских нефтяников, в сельском хозяйстве – у дачжайской производственной бригады», «Всей стране учиться у армии», «Усиливать подготовку на случай войны и стихийных бедствий». Одновременно продолжалось раздувание культа личности Мао Цзэдуна. Постоянно нарушая принципы коллективного руководства в партии, Мао Цзэдун поставил себя к этому време-

ни над ЦК КПК, Политбюро ЦК партии, часто не обсуждал с высшими партийными работниками принимаемых им от имени партии решений. Именно он в обход партийного руководства страны развернул «культурную революцию» и руководил ею [13].

Что касается оперы, то Мао считал, что недопустима такая ситуация, когда в стране, в которой строится коммунизм, сцена оккупирована образами императоров, генералов, советников, писателей и красавиц, а не пролетарскими героями – простыми рабочими, крестьянами или военными, сражающимися за идеалы великого Мао. Он решил, что необходимо изменить положение дел. Цзян Цин, ставшая женой Мао еще в 1938 г., по его воле возглавила группу по делам «культурной революции» и, в частности, занималась вопросами культурной сферы жизни китайского общества. По отношению к пекинской опере деятельность Цзян Цин заключалась в том, что она изменяла традиционные сюжеты этого жанра или запрещала их, приводя сцену Китая в соответствие с реалиями того времени. Она добавляла в сюжеты коммунистические подтексты и новые персонажи, которые были копиями людей с пропагандистских плакатов – молодые, рабочие люди, воодушевленные лозунгами Коммунистической партии Китая и верящие в светлое будущее, которого они смогут достигнуть благодаря Мао Цзэдуну. При этом традиционные представления, не измененные Цзян Цин, были полностью запрещены. На протяжении «культурной революции» вышло множество сюжетов оперы, отредактированных женой Мао. Однако только некоторые из них принято называть «образцовыми революционными операми». «Образцовые революционные оперы» – феномен музыкально-театрального спектакля, возникший в Китае в период «культурной революции». К наиболее известным образцам революционного оперного жанра относятся: «Красный фонарь» (Вэн О Хун, А Цзя; 1964), «Взятие хитростью горы Вэйхушань» (группа авторов, 1958; Пекинский оперный театр), «Шацзябан» (Ван Цзэн Ци, Ян Ю Мин, Сяо Цзя, Сюэ Нэн Хоу; 1964; Пекинский оперный театр), «Гавань» (группа авторов; 1964; Пекинский оперный театр), «Налет на полк Белого Тигра» (Фан Жун Сян; 1958; Пекинский оперный театр), «Битва на равнине» (коллектив авторов). Они вошли в список санкционированных властью восьми «образцовых революционных спектаклей», куда также попали балеты «Красный женский батальон» (Ву Зу Цянь; 26 сентября 1964) и «Седая девушка» (Ма Кы, Чжан Лу, Цюй Вэй, Сян Юй, Ли Хуан Чжи; 28 апреля 1945) [14. С. 97].

Сюжеты данных представлений были наполнены пафосом и изображали тех самых «персонажей с плакатов». Эти сюжеты прославляли Народно-освободительную армию Китая и показывали смелость простых людей, а также демонстрировали Мао и его идеи в лучшем свете, практически обожествляя его. Восемь «образцовых» представлений стали самыми главными и наиболее распространенными в театрах страны на

время «культурной революции». С начала 1970-х гг. начался процесс переноса этих представлений на киноленту; сеансы таких фильмов были обязательны для посещения и люди организовывались в колонны для похода в кинотеатры. К середине 1970-х гг., когда «культурная революция» уже подходила к завершению, были сделаны определенные послабления, и помимо «образцовых опер» были допущены и некоторые традиционные.

Все трансформации, происходившие с жанром пекинской оперы в течение «культурной революции», не пошли ему на пользу. Как и прочие культурные традиции Китая, опера сильно пострадала от безумств, творившихся в стране в то время. Более того, оставшиеся традиционные представления казались устаревшими и неинтересными, особенно для молодого поколения, из-за чего столичная опера быстро стала терять популярность. В качестве ответа на это, с началом политики «реформ и открытости» правительство уделило значительное внимание и пекинской опере: создавались новые школы, вводились новые техники, язык адаптировался для массовой публики. Важно и то, что были созданы специальные адаптированные спектакли для зарубежных зрителей – версии традиционной оперы. Для привлечения людей проводились даже бесплатные представления по всей стране. Будучи по-настоящему драгоценной частью китайской культуры, опера получила огромную помощь со стороны руководства государства, а в 2010 г. была внесена в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [10. С. 25].

В настоящее время пекинская опера остается доминирующим театральным жанром в Китае, а также вызывает большой интерес со стороны западных зрителей. В процессе создания новых представлений внедряется множество инноваций: костюмы, декорации, постановка сцены, музыка, игра актеров – все это постоянно обновляется, придумывается что-то новое для улучшения качества представлений [6. С. 152]. Спектакли проводятся во множестве театров, среди которых самые известные – пекинские Чаньань, Хугуан; также существует театр, названный в честь вышеупомянутого Мэй Ланьфана. Учитывая огромный вклад этого человека в развитие жанра, вполне очевидно, что один из театров должен быть назван в его честь.

Более того, пекинская опера продолжает оставаться и средством межкультурных коммуникаций, а также одним из видов культурной дипломатии. Однако с этой функцией оперы связан ряд проблем. Зарубежные общества, не связанные так или иначе с культурой Китая, не могут понять всей сути представлений, так как пекинская опера – это синтез множества видов искусства (пения, танцев и т.п.), для которого также характерен символизм. Буквально в каждой части представления, включая грим, маски, движения персонажей и прочее, содержатся свои символы, которые доступны для понимания только тем, кто действительно хорошо разбирается в китайской культуре. Немаловажным фактором

для сложности понимания содержания оперы остается и языковой барьер. Несмотря на стремительное увеличение количества людей, изучающих китайский язык, он все еще не распространился настолько, чтобы стать всеобщим. Этот язык достаточно сложен для изучения иностранцами, поэтому процесс его освоения занимает достаточно много времени. Незнание языка также мешает распространению оперы.

Тем не менее пекинская опера является хорошим средством, так называемой политики «мягкой силы», которая сейчас набирает обороты как в Китае, так и в дипломатической практике других стран. Все потенциальные проблемы распространения данного жанра Китай сможет легко решить – популяризация китайского языка успешно происходит прямо сейчас, прежде всего благодаря Институту Конфуция, отделения которого есть практически в каждом крупном университете. Помимо обучения языку, эти заведения также

преподают основы каллиграфии, устраивают чайные церемонии и представления, то есть фактически расширяют и китайскую культуру.

Таким образом, по нашему мнению, пекинская опера не только является ярким явлением китайского искусства, которая по праву заслужила свое место среди традиций Китая, но и обладает неплохим потенциалом послужить китайскому народу в качестве одного из способов дипломатии. Правительство КНР очень грамотно действует, продвигая свои традиции активно, но не агрессивно. При этом постепенно стираются межкультурные рамки, слабеют стереотипы и укрепляется дружба народов. В наше время, когда так много принято говорить о глобализации и международной взаимопомощи, крайне важно использовать «мягкую силу», и гастрольные туры трупп пекинской оперы по всему миру могут этому успешно способствовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Huntington Samuel P. The Clash of civilizations and the remaking of World Order. URL: <http://www.stetson.edu/artsci/political-science/media/clash.pdf> (дата обращения 23.05.2017)
2. Болдырев В.Е. Некоторые особенности политики США в отношении Восточной Азии (1980-е – начало 1990-х гг.) // Россия и АТР. 2013. № 2 (80).
3. Кравцова М. История культуры Китая. М.: Планета музыки, Лань, 2011. 416 с.
4. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Апрель, АСТ, Издательско-производственный центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. 632 с: ил., карт.
5. Восточный театр: сб. статей / под ред. А.М. Мерварта. Л.: Academia, 1929. 407 с.
6. University Elizabeth Wichmann. Tradition and Innovation in Contemporary Beijing Opera Performance. TDR. 1988. Vol. 34, № 1 (Spring, 1990). P. 146–178.
7. Li Ruru. The Soul of Beijing Opera: theatrical creativity and continuity in the changing world. Hong Kong: Hong Kong Press, 2010. P. xvi + 335.
8. Чэнбэй Сюй. Пекинская опера. М.: Межконтинентальное издательство Китая, 2003. 138 с.
9. Лю Чинсу. Искусство музыкального театра – опера. Ланчжоу, 2000. 471 с.
10. Ху Яньли. Китайская опера как нематериальное культурное наследие Китая // Общество: философия, история, культура. 2014. № 4.
11. Лю Цзинь. Китайская национальная опера: 1920–1980 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 117.
12. 李四清 陈树 陈玺强. 中国京剧在海外的传播与影响——翻译与传播京剧跨文化交流的对策研究 // 理论与现代化. 2014. № 1. С. 106–110.
13. Усов В.Н. Китай: история в лицах и событиях. М., 1991.
14. Жэнь Шуай. «Образцовая революционная опера»: к проблеме специфики либретто // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 169.

Lukinskiy Nikolai A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: nikolai.lukinsky2015@yandex.ru

Sherstova Lyudmila I. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sherstova58@mail.ru

BEIJING OPERA: ORIGINS AND EVOLUTION

Keywords: China; traditional culture and modernity; theatre; Beijing opera; cultural heritage.

Despite the processes of globalization and rapprochement between the countries of the East and the West that have been going on for several decades, the cultural differences between the two civilizations are quite obvious and are unlikely to be finally smoothed out. The culture of the Asian countries, including China, has always been a mystery for most people in the West. Even in the present days the situation has not got much better. The studying of the cultural traditions is important for a successful interaction in terms of business, politics etc. Beijing opera is appraised by us as one of the most interesting and distinctive parts of Chinese culture. Nevertheless, it is insufficiently explored, hence this work is topical. Beijing opera plays a great role in the culture of China. Moreover, it is a synthesized genre which includes dancing, singing, acting etc. Taking this fact into consideration, the study of this subject is of great importance for the research of the Asian civilization. The purpose of this article is to describe the process of the development of this genre by showing its origins and modern condition. To achieve our purpose, the following tasks were solved: the period and historical conditions of this genre's emergence were determined, the periods of its development were described, the names of the actors who contributed to the development of Beijing opera greatly and took part in its popularization outside of China were mentioned. The article describes the transformation of Beijing opera during the period of the "Cultural revolution" in China and its "regeneration" in the period of "Reform and opening-up policy". The conclusion of great potential of this genre and its possible role in the interstate cultural exchange was made. The Beijing opera genre was scrutinized as a cross-cultural exchange factor. The study was executed with attraction of different sources, including works in Russian, English and Chinese languages. Such approach allowed us to compare the perception of this genre by various cultural traditions. During the research it was revealed that since the twentieth century the Beijing opera has transformed into one of the measures of Chinese cultural dissemination in terms of the "soft power" policy. In addition to this, it is still considered as one of the greatest treasures of Chinese cultural heritage. The government of China has put a great effort to contribute to the development of this genre in the second half of the twentieth century and turned it into one of the modern Chinese brands.

REFERENCES

1. Huntington, S.P. (n.d.) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. [Online] Available from: <http://www.stetson.edu/artsci/political-science/media/clash.pdf> (Accessed: 23rd May 2017).
2. Boldyrev, V.E. (2013) Some features of the U.S. policy toward East Asia (1980's – early 1990's). *Rossiia i ATR – Russia and the Pacific*. 2(80). (In Russian).
3. Kravtsova, M.E. (2011) *Istoriya kul'tury Kitaya* [The History of Chinese Culture]. Moscow: Planeta Muzyki, Lan.
4. Malyavin, V.V. (2000) *Kitayskaya tsivilizatsiya* [Chinese Civilization]. Moscow: Aprel'.
5. Mervart, A.M.(ed.) (1929) *Vostochnyi teatr. Sbornik statei* [Eastern Theatre. Collected Articles]. Leningrad: Academia.
6. Wichmann, E. (1990) Tradition and Innovation in Contemporary Beijing Opera Performance. *TDR (1988-)*. 34(1). pp. 146–178. DOI: 10.2307/1146013
7. Li Ruru. (2010) *The Soul of Beijing Opera: theatrical creativity and continuity in the changing world*. Hong Kong: Hong Kong University Press.
8. Xu Chengbei. (2003) *Pekinskaya opera* [The Beijing Opera]. Moscow: Mezhekontinental'noe izdatel'stvo Kitaya.
9. Liu Chinsu. (2000) *Iskustvo muzykal'nogo teatra – opera* [The art of musical theatre – opera]. Lanzhou: [s.n.].
10. Hu Yanli. (2015) Chinese opera as an intangible cultural heritage of China. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 4. (In Russian).
11. Liu Jin. (2009) Kitayskaya natsional'naya opera: 1920-1980 gody [Chinese national opera: 1920–1980]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I.Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 117.
12. Li Siqing, Chen Shu, Chen Yuqiang. (2014) The Spread and Influence of Chinese Peking Opera Overseas – Translation and Dissemination of the Counter-Cultural Communication of Peking Opera. *Theory and Modernization*. 1. pp. 106–110. (In Chinese).
13. Usov, V.N. et al. (1991) *Kitay: istoriya v litsakh i sobytiyakh* [China: history through faces and events]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
14. Ren Shuai. (2014) “Paradigmatic revolutionary opera”: problems of librettos specificity. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I.Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 169. pp. 97–100. (In Russian).

Д.П. Шульга, П.И. Шульга

ДАННЫЕ О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ МАОЦИНГОУ (СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

На основе материалов культуры Маоцингоу в Северном Китае рассматривается вопрос истоков формирования скифоидных культур в VI–V вв. до н. э. На основе новых данных можно связать маоцингоу с культурой юйхуанмяо, продвинувшейся в VI в. до н. э. на 200–300 км с востока на запад к Ордосу. Генетическая связь культур подтверждается сходством погребального обряда и вещевого комплекса. Сравнительный анализ могильника Синьдяньцзы из ареала культуры маоцингоу с могильником Юйхуанмяо показал, что культура маоцингоу формировалась в районе озера Дайхай не только за счет мигрантов с востока и юга, но и на основе уже проживавшего там населения с культурой типа юйхуанмяо.

Ключевые слова: археология Северного Китая; хронология; скифоидные культуры юйхуанмяо; маоцингоу; янлан; шацзин.

VI в. до н. э. оказался переломным для кочевников Степного пояса Евразии от Причерноморья до Казахстана, Горного Алтая и Тувы включительно. Примерно в середине – второй половине VI в. до н. э. материальная и духовная культура кочевников на этой территории изменяется коренным образом. Скифоидные культуры VI–V вв. до н. э. появляются как бы ниоткуда, заменяя столь же загадочно ушедших предшественников. Переходных комплексов VI в. до н. э. крайне мало, а потому имеющиеся объяснения пока носят предположительный характер [1. С. 320]. Исследования последних десятилетий показывают, что эти процессы затронули также области Синьцзяна и Северного Китая. Однако, в силу относительной изолированности указанных областей, смена культур там происходила не столь радикально, и в некоторых случаях удается проследить истоки культур и особенности их формирования. Наиболее ярко эти процессы фиксируются у озера Дайхай, где располагается основная часть памятников культуры маоцингоу VI–III вв. до н. э. Особый интерес представляет могильник Синьдяньцзы, где хорошо вычленились материалы культур юйхуанмяо, шацзин и янлан [2]. Первоначально, авторы полагали, что погребения и инвентарь типа юйхуанмяо были привнесены во второй половине VI в. до н. э. на могильник Синьдяньцзы мигрантами из ареала культуры юйхуанмяо [3]. Однако сравнительный анализ материалов могильников Синьдяньцзы и Юйхуанмяо позволил существенно скорректировать и дополнить это положение.

Могильник Синьдяньцзы расположен на территории Внутренней Монголии КНР в 25 км к юго-востоку от уездного города Хорингер и примерно в 60 км к югу от г. Хух-Хото. В 1999 г. на могильнике было исследовано 56 захоронений, датированных китайскими исследователями в рамках VI–V вв. до н. э. [3]. Могильник состоял из трех групп грунтовых захоронений, отстоящих друг от друга на 50–100 м. Очевидно, что их строители имели определенные основания для обособления своих кладбищ, но материалы опубликованы лишь частично, и нет возможности установить специфику указанных групп погребений. Возможно, причиной тому было проживание

населения трех культур (юйхуанмяо. Янлан и шацзин). Из сохранившейся 51 могилы выделено три типа: с отвесными стенками (20 могил), с глубокими нишами (20) и с продольным уступом (11) (рис. 1, А1). Погребения одиночные. Умершие захоранивались на спине головой на восток-северо-восток. В могилах типов 1 и 2 в верхней части заполнения в восточном секторе находились черепа коров и мелкого рогатого скота (преимущественно коз). В могилах типа 3 с уступами черепа животных укладывались продольно человеку с юга (рис. 1, А1). Второй тип могил характерен для культуры янлан VI–IV вв. до н. э., существовавшей примерно в 600 км к юго-западу от Ордоса. Первый и третий типы характерны для культуры юйхуанмяо VII–VI вв. до н. э., могильники которой предполагаются в 300 км к востоку.

Помимо этого, на могильнике Синьдяньцзы обнаружено и большое количество инвентаря, идентичного или близкого по оформлению: поясные пряжки (рис. 1, А2,3; Б2,3), сбруйные распределители (рис. 1, А4; Б4), поясные пронизки (рис. 1, А5,6; Б5,6), пуговицевидные бляшки и кольца с одежды умерших (рис. 1, А7–11; Б7–11), серьги (рис. 1, А12; Б12), пекторали (рис. 1, А13; Б13), ложечковидные нагрудные подвески (рис. 1, А14; Б14), трубчатые игольники (рис. 1, А15; Б15), ножи с кольчатым навершием (рис. 1, А16,17; Б16,17), орнамент на кинжалах (рис. 1, А18; Б18), клевцы (рис. 1, А19; Б19), втульчатые трехлопастные наконечники стрел (рис. 1, А20,21; Б20,21), шилья (рис. 1, А22; Б22), оселки (рис. 1, А23; Б23) и некоторые другие изделия.

Благодаря достоверно установленной эволюции погребального обряда и инвентаря на могильнике Юйхуанмяо в середине VII – конце VI в. до н. э. [4], имеется возможность определить и хронологию захоронений в Синьдяньцзы. Погребения, подобные типу 1, встречаются на всех этапах Юйхуанмяо, тогда как погребения типа 3 в Синьдяньцзы с черепами животных, уложенных продольно умершему с юга, известны в Юйхуанмяо на позднем участке № 6а («Запад»), датированном второй половиной VI в. до н. э. (рис. 1, Б1) [4. Рис. 57; 58. С. 112–114].

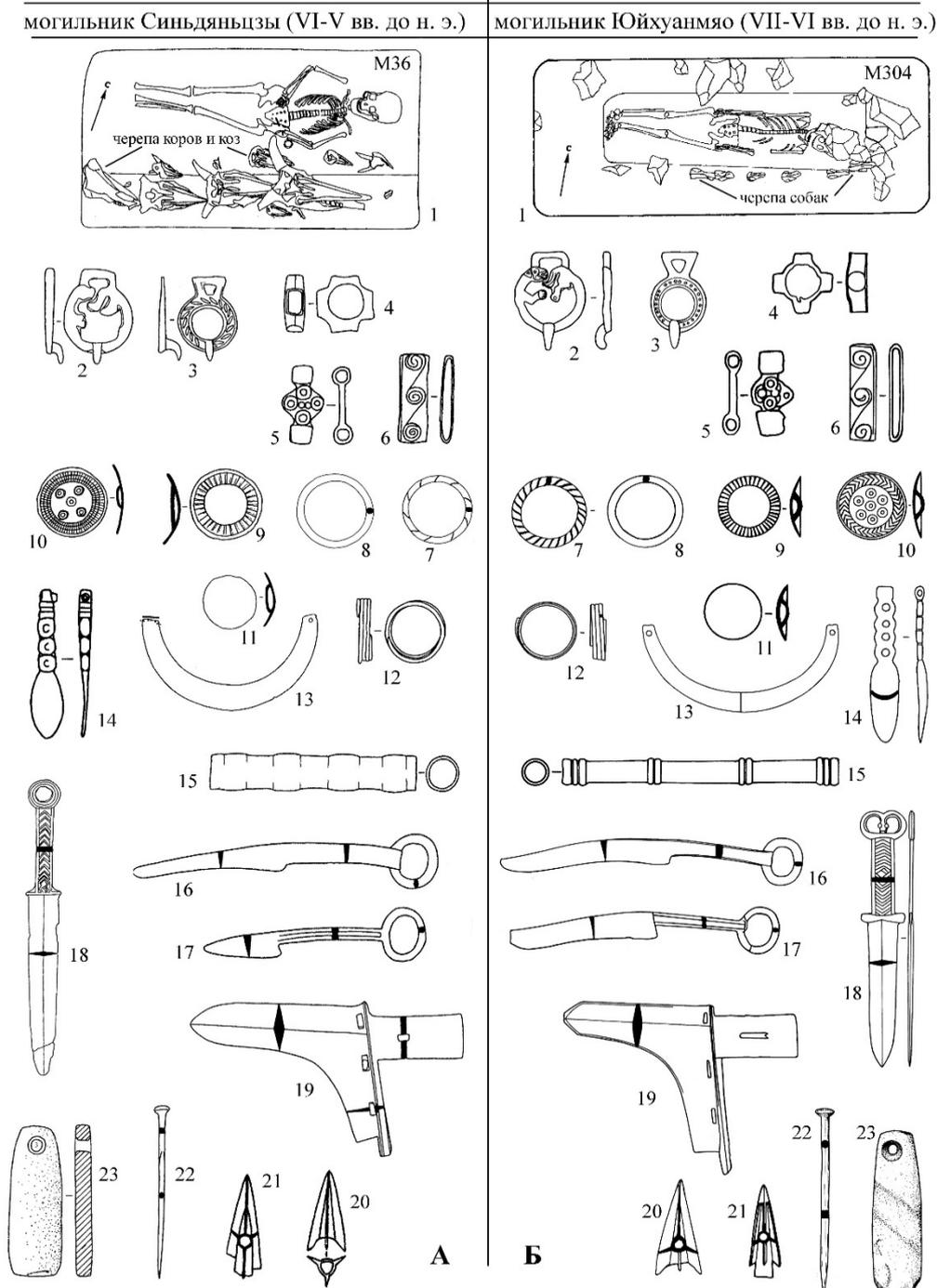

Рис. 1. Сравнительная таблица погребений и инвентаря могильников Синьдяньцзы (А) и Юйхуанмяо (Б). Золото – А, 13, Б13; бронза – А2-12, 14-22, Б2-12, 14-22; камень – А, 23, Б23 (по: [1, 2]).

Инвентарь дает более точную картину. Значительная его часть из Синьдяньцзы имеет аналогии в ранних этапах Юйхуанмяо. Так, поясные пряжки, поясные пронизки и сбруйные распределители (рис. 1, А2-6; Б2-6), относящиеся к комплексу «северных» кочевников, встречаются в Юйхуанмяо на ранних этапах № 1, 2 и полностью исчезают на этапе № 3. Этапы № 1-3 в Юйхуанмяо датируются примерно второй половиной VII – первой половиной VI в. до н. э. К этому же времени относятся и аналогичные изделия из Синьдяньцзы. Важно отметить наличие в Синьдяньцзы поясных обойм раннескифского облика и полное отсутствие

более поздних бабочковидных бляшек, характерных для культуры маоцингоу. К этапам № 1, 2 в Юйхуанмяо принадлежат и относящиеся к китайскому оружию клевцы, типа найденных в Синьдяньцзы (рис. 1, А19; Б19). На этапе № 3 в Юйхуанмяо встречается и нагрудная ложечковидная подвеска (рис. 1, А14; Б14). Шилья со шляпками и пекторали встречались в Юйхуанмяо до средних этапов. Вместе с тем кинжалы с елочным орнаментом и кольчатые ножи, представленные в Синьдяньцзы (рис. 1, А16-18; Б16-18), имеют аналогии на поздних этапах Юйхуанмяо [4. Рис. 69; 91]. Пуговицевидные бляшки, кольца, серьги в 3,5 обо-

рота, а также втульчатые трехлопастные наконечники стрел бытовали в Юйхуанмяо до этапа № 6 включительно.

Итак, в Синдяньцзы в представлены изделия, синхронные первым шести этапам могильника Юйхуанмяо, которые датируются серединой VII–VI вв. до н. э., при этом значительная часть их относится к этапам № 1–3. Очевидно, что население с культурой типа юйхуанмяо обитало в Синдяньцзы уже на раннем этапе этой культуры. Именно они могли составлять часть загадочных «северных» кочевников, с которыми до конца этапа № 3 поддерживали связи жители в Юйхуанмяо. Судя по имеющимся материалам, культура

маоцингоу формировалась в районе озера Дайхай не только за счет мигрантов с востока и юга, а на основе уже проживавшего там населения с культурой типа юйхуанмяо. Более определенные выводы можно будет сделать после полной публикации материалов из Синдяньцзы. Помимо этого, важные данные были получены китайскими исследователями в ходе анализа костей животных и людей из Синдяньцзы. В 57 раскопанных могилах есть жертвы животных в сорока трех случаях, что составляет 75,44%. Очевидно, что забой скота при тризне являлся основой погребального обряда. Это же очень четко отражает хозяйственный тип оставшегося могильника населения, роль скотоводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шульга П.И. Особенности угасания и трансформации раннескифских культур в VI в. до н. э. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 319–323.
2. Институт археологии и культурного наследия Внутренней Монголии. Нэймэнгу Хэлингээр синдяньцзы муди фацзюэ цзяньбао [内蒙古文物考古研究所. 内蒙古和林格尔新店子墓地发掘简报]: Отчет о раскопках могильника Синдяньцзы в уезде Хорингер Внутренней Монголии // Каогу. 2009. Вып. 3. С. 3–14.
3. Шульга П.И., Шульга Д.П., Гирченко Е.А. Происхождение скифоидной культуры маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 321–324.
4. Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры) / Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

Shulga Daniil P., Siberian Institute of Management -the branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russia).

Shulga Petr I., Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia).

MAOQINGGOU CULTURE FORMATION DATA (NORTH CHINA)

Key words: Northern China archaeology, Scythian-like cultures, yuhuangmiao, maoqinggou, yanglang, shajing, chronology.

There is a major problem in modern archeology of Siberia and adjacent territories of early Iron Age. As a rule, the origins of scythoid cultures of the VI-V centuries BC formation were not fixed. A rare exception is the Maoqinggou culture in North China which materials are the base of the present study.

The three burial grounds materials excavated in the Daihai Lake area - Xiaoshuang burial ground (excavations of 1996, 15 graves), Xindianzi burial ground (excavations of 1999, 56 graves), Xinzhouyaozi burial ground (excavations of 2003, 69 graves), were published recently. The burial grounds analysis from this place became the starting point of the study. The authors found out that all these burial grounds like Maoqinggou are located on gentle slopes, the graves are latitudinal, the burials are singulative, the dead lay on their backs, head eastward with a deviation to the north, and in the heads or on the side there are altars with skulls of animals. On this basis they can be attributed to the Maotunguo culture. However, some burials have well-marked Shajing culture features (lateral “cave”, northeast orientation) and yanglan cultures (niches in the heads). The specific features of Yuhuangmiao culture (oriental oration, animal skulls position in the line of the side of deceased, etc.) are arise. A similar pattern can be seen for inventory. In general, it is characteristic of Mao's culture. However, on these burial grounds there were found much more products typical for Shajing and Yuhuangmiao than on Maoqinggou burial ground. These features are of particular interest for Northern China ethnocultural interactions and their chronology understanding.

During the work it has been established that in the Daihai Lake area groups of Yuhuangmiao culture people lived in the 7th century BC. Consequently, the Maoqinggou culture was not formed simultaneous as a result of Yuhuangmiao culture-bearers' one-time migration from the East. One can draw a conclusion that the Yuhuangmiao type culture population inhabited in Daihai Lake area at an early stage of this culture. It was they who could form the part of the mysterious “northern” nomads with whom the Yuhuangmiao residents maintained contacts until the end of stage № 3.

According to the available materials, the Maoqinggou culture was formed in Daihai Lake area not only due to migrants from the East and South but on the basis of the already existing Yuhuangmiao type culture population. The reason is the favorable and relatively stable natural and climatic conditions and the relative isolation of the region. In comparison with them, the cultures of South Siberia located on the passages and in a more severe natural environment with the exception of the Tagarskaya in the Minusinsk Basin look like mosaic, rather heterogeneous and relatively unstable formations that existed for a short time (1-3 centuries).

REFERENCES

1. Shulga, P.I. (2013) Special features of decline and transformation of the early Scythian cultures in the sixth century B.C. in the East of Eurasia (defining the problem). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk state University Journal of History*. 3(23). pp. 319–323. (In Russian).
2. Institute of Archeology and Cultural Heritage of Inner Mongolia. (2009) Report on the excavation of the Xindianzi burial ground in Horinger county of Inner Mongolia. *Kaogu*. 3. pp. 3–14. (In Chinese).
3. Shulga, P.I., Shulga, D.P. & Girchenko, Ye.A. (2014) Proiskhozhdeniye skifoidnoy kul'tury maotungou (Severnnyy Kitay) [Origin of the Scythoid Maoqinggou Culture (Northern China)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighbouring Territories]. Vol. 20. Novosibirsk: SB RAS. pp. 321–324.
4. Shulga, P.I. (2015) *Mogil'nik Yuykhuanyao v Severnom Kitaye (VII–VI veka do nashey ery)* [Cemetery Yuhuangmiao in Northern China (VII–VI centuries BC)]. Novosibirsk: SB RAS.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 001.895(091)
DOI: 10.17223/19988613/54/28

Л.В. Белгородская

РЕЦЕНЗИЯ: ЛОРЕН ГРЭХЭМ «СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ КОНКУРИРОВАТЬ? ИСТОРИЯ ИННОВАЦИЙ В ЦАРСКОЙ, СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ». М. : МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР, 2014. – 272 с.

Анализируется монография американского историка Л. Грэхэма «Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России». Изучен вопрос об авторском видении причин неудач россиян коммерциализировать научные идеи, исследовано видение отношений власти и ученых, раскрыто авторское понимание концепта «российский ученый».

Ключевые слова: Л. Грэхэм; ученые России; А.С. Попов; инновации в России.

Среди исторических специальностей есть одна не очень распространенная и «малозащищаемая» – 07.00. 10 – история науки и техники. Историки России не так часто знакомятся с трудами коллег и редко используют информацию об естественнонаучных открытиях в исследовательской и преподавательской деятельности. Тем интереснее стало (пусть с некоторым опозданием) знакомство с работой американского исследователя. Книгу уже оценили экономисты [1]. Любопытно осмыслить ее и историку.

Лорен Грэхэм (родился в 1933 г.) – профессор Гарвардского университета и Массачусетского технологического института, специалист по истории российской науки. В нашей стране оказался впервые в 1960-е гг., много раз бывал в крупнейших научных центрах России – от Томского университета до обеих столиц. Принимает активное участие в международном сотрудничестве, подарил Европейскому университету в Санкт-Петербурге несколько тысяч книг из личной библиотеки. Автор десятка монографий. Впервые рецензируемая книга вышла с свет в 2013 г. под оригинальным названием «Lonely Ideas: Can Russia Compete?» (Одинокие идеи: может ли Россия завершить?).

Автор начинает книгу с оптимистических оценок, что русские действительно построили первый в континентальной Европе паровоз и первый в мире тепловоз, действительно первыми стали передавать радиоволны, построили первый многомоторный пассажирский самолет и были пионерами в разработке транзисторов и диодов. И уже на второй странице исследования автор формулирует главный вопрос книги: почему же современная Россия при всех достижениях фундаментальной науки остается слабым игроком на мировом рынке технологий? Почему русские Томас Эдисон, Билл Гейтс, Сив Джобс потерпели крах в России?

Ответ автор дает в трех главах: «Почему после трех столетий попыток Россия так и не смогла модернизироваться? «В чем источники проблемы?», «Может ли Россия преодолеть свою проблему? Уникальная возможность для России».

Для историка наиболее интересны выводы и исторические факты, содержащиеся в первых главах. Судьба А.С. Попова предстает в американском издании в качестве антитезы судьбе итальянца Г. Маркони. А.С. Попов в 1894 г. собрал радиоприемник, а 7 мая 1895 г. продемонстрировал прием и передачу радиоволн. Хотя Маркони запатентовал открытие радио через год после испытания Попова, представители западного мира именно его имя ассоциируют с открытием радио. Он оказался расторопнее и практичнее русского изобретателя. Похвала западной деловитости и расчетливости звучит в описании жизненного пути замечательного россиянина. Авторы зарубежных изданий часто советуют интересующимся читателям обратиться к публикациям на тему «Попов: русский Маркони?» Примечательно, что опросы общественного мнения в США показывают, что граждане этой страны относят изобретение радио к числу важнейших научных событий последнего тысячелетия [2. С. 178, 212, 217].

Л. Грэхэм смягчил оценки и пишет о том, что спор о первенстве может продолжаться бесконечно, поскольку он вращается вокруг семантического вопроса: что есть «изобретение» и кого считать «изобретателем». Если для россиян – это, в первую очередь, тот, кому пришла в голову идея, кто первым продемонстрировал открытие в лаборатории или сделал доклад на научном конгрессе. Американцам же важнее сделать акцент на привлечении общественного внимания к открытию, юридическом оформлении прав на интеллектуальную собственность, и, важнее всего, на способность автора идеи материализовать ее в коммерческом проекте. «На

самом деле факт изобретения – это, вероятно, самая легкая составляющая в коммерческом успехе технологии. Самая же сложная составляющая заключается в знании рынка и способности встроить инновации в экономические реалии». «Самая большая слабость России состоит в ее неспособности коммерциализировать идеи своих блестящих умов» (С. 53, 59).

Автор книги полагает, что слава «изобретателей радио» принадлежит на самом деле четырем ученым. Это – Никола Тесла (1893 г.), Оливер Лодж (1894 г.), Александр Попов (1895 г.), Гульельмо Маркони (1895 г.). Поскольку последнему удалось сделать исследовательский проект коммерчески успешным, он и считается настоящим изобретателем радио. Подчеркивается нравственная нечистоплотность итальянца: он заимствовал чужие научные идеи, участвовал в разработке идей итальянского фашизма, имел дружеские отношения с Муссолини (С. 63–64).

Автор называет семь причин неудач инновационных проектов в царской и советской России.

1. Общество негативно относилось к коммерциализации научных идей.

2. Политический режим направлял развитие страны, игнорируя законы рынка и мировые технологии. Первую железную дорогу россияне построили до царской резиденции и позднее продлили до концертного зала, а не до крупного добывающего центра. Советские космонавты совершали полеты, приурочивая их к политическим датам. В 1938 г. Сталин заявил о 62 рекордах советских летчиков, но все самолеты «не были заточены» на экономическую эффективность. Неудачи изобретателя лампочки П. Яблочкова крылись, по мнению американцев, во многом в его симпатиях к народникам и марксистам, и проявлялись в излишней политической доверчивости и наивности. Расположение к Г. Лопатину, переводчику трудов К. Маркса на русский язык, послужило основанием для полиции заподозрить физика в симпатиях к революционному движению и ограничить его исследовательскую деятельность (С. 57). Советская индустриализация не была модернизацией, поскольку «российские заводы часто строились в неправильных местах, неправильным образом» (С. 74).

3. Социальная и географическая мобильность были слабы в России. Сословная структура и паспортный режим тормозили развитие страны.

4. Слабое развитие патентного права в России. Царское правительство выдавало «привилегии на изобретения», что было формой милости, а не реализацией права собственности.

5. Незрелость такого экономического фактора, как интерес и поддержка ученых инвесторами.

6. Коррупция и преступность.

7. Ошибки в организации образовательного процесса. Только исследовательские университеты являются настоящими двигателями мысли.

Современные российские университеты живут по правилам западных научных центров. Но во что в ре-

альности, как думает рецензент, превратилась борьба за мировой уровень научных исследований? В погону за публикациями в журналах уже не в «ваковских», а в индексируемых базах SCOPUS и Web of Science. Мантрой стали призывы администрации: «печатайтесь только в журналах из первого квартиля». Создаются своеобразные преподавательские сообщества, подобные советскому колхозу «Наш ответ Чемберлену». Фиктивное участие в «коллективных» публикациях стало своеобразной формой интеллектуальной взятки.

Урок, который преподала история России, заключается в том, что успешная технологическая модернизация зависит от характеристик общества, в котором она предпринимается, в гораздо большей степени, чем от отдельных технологий, какими бы современными они ни являлись на момент внедрения. Без глубоких социальных реформ, которые сделают российское общество более открытым, восприимчивым, свободным и стимулирующим поиск и коммерческий успех, невозможна успешная технологическая модернизация.

Книга заставляет задуматься о судьбах науки, ученых, приоритетах развития, предлагает поучительный исторический материал. Сочинение написано хорошим языком, энергично, образно. Читатели открывают для себя новые имена. Речь идет о Джордже Уистлере, американском железнодорожном инженере, который с 1842 по 1849 г. участвовал в строительстве железной дороги Санкт-Петербург – Москва. Генетик Г. Карпеченко впервые селекционировал новые виды растений методом полипоидизации. Расстрелян в июле 1941 г. Других врагов народа в этот момент у страны не было.

Источниковая база исследования широкая – 250 работ. Ценными стали материалы личных бесед историка с российскими деятелями науки, многочисленные зарубежные монографии по истории науки. К сожалению, не использованы такие ценные группы источников, как архивные материалы, документы личного происхождения. Книга содержит иллюстративный материал, но он хорошо знаком историкам России. Исключение составляет фотография 1913 г., на которой Николай II ловко поднимается по приставной лестнице в четырехмоторный самолет конструкции Игоря Сикорского (С. 68).

Вызывает сомнения приведенный в конце книги перечень из 49 имен выдающихся ученых и деятелей науки нашей страны. Здесь опять возможны семантические споры по поводу понятий «ученый» и «деятель науки». И если имена Ж.И. Алферова, Е.В. Касперского не вызывают сомнений, то Т.Д. Лысенко, М.Б. Ходорковский вряд ли могут быть вписаны в этот ряд. В тексте есть незначительные фактические ошибки. С. Ковалевская училась в Германии, а не в Швейцарии. П. Яблочков скорее увлекался не социалистическими идеями, а активно участвовал в масонском движении.

С книгой полезно познакомиться не только тем, кто изучает историю, но и будущим инженерам, предпринимателям и государственным деятелям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фетисов Ю.В. Рецензия на книгу Лорен Грэхэм «Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России» // Наука. Инновации. Образование 2016. № 4 (42). С. 165–170.
2. Савельева И.М., Полетаев И.М. Социальные представления о прошлом. Или знают ли американцы историю. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 456 с.

Belgorodskaya Liudmila V. Siberian federal university (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: blv.kr@yandex.ru

REVIEW: LAUREN GRAHAM "WILL RUSSIA BE ABLE TO COMPETE? THE HISTORY OF INNOVATIONS IN TSARIST, SOVIET AND MODERN RUSSIA". M. : MANN, IVANOV AND FERBER, 2014. 272 P.

Key words: L. Graham, Russian scientists, A.S. Popov, innovations in Russia

The monograph of American historian L. Graham is analyzed. "Will Russia be able to compete? The history of innovations in tsarist, Soviet and modern Russia". The author's vision of the reasons for the failure of Russians to commercialize scientific ideas was studied, the vision of relations between authorities and scientists was explored, the author's understanding of the concept "Russian scientist" was discovered.

REFERENCES

1. Fetisov, Yu.V. (2016) Book review: Graham L. Can Russia compete? The Innovation History of Czar, Soviet and Modern Russia. *Nauka. Innovatsii. Obrazovaniye – Science. Innovation. Education*. 4(42). pp. 165–170. (In Russian).
2. Savelyeva, I.M. & Poletayev, I.M. (2008) *Sotsial'nyye predstavleniya o proshlom, ili znayut li amerikantsy istoriyu* [Social ideas about the past, or do Americans know the history]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

С.М. Рязанов

**РЕЦЕНЗИЯ: Д.М. СОФЬИН. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ:
ПУТЬ РУССКОГО КОНСЕРВАТОРА. М. : ЕЛИСАВЕТИНСКО-СЕРГИЕВСКОЕ ПРОСВЕТИТ.
ОБЩ-ВО, 2016. 240 с.**

История – одна из немногих научных дисциплин, делающая своим предметом единичное и неповторимое. Новая монография кандидата исторических наук Дмитрия Михайловича Софьина, изданная Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом, является обобщением многолетних исследований жизни и деятельности одного из ярчайших и не имеющих аналогов в российской истории конца XIX – начала XX в. феноменов – «удельного московского князя» Сергея Александровича Романова. Рассуждая о важности изучения биографических сведений, Ю.Л. Бессмертный писал: «Мы исследуем эти сюжеты отнюдь не только потому, что хотим знать, насколько типичны (или нетипичны) поступки этого человека, но ради понимания его как такового, ибо он интересует нас сам по себе... Ведь самая его уникальность раскроет нечто от уникальности его времени» [1. С. 23].

Разумеется, столь значительная фигура, как августейший генерал-губернатор, не могла не привлекать историков и публицистов раньше, и в этом отношении Д.М. Софьин ни в коем случае не является первопроходцем. В новейшей российской историографии одним из первых, еще в 1994 г., к судьбе великого князя обратился А.Н. Боханов на страницах научно-популярного журнала «Родина» [2]. Более развернутый вариант биографии Сергея Александровича вышел из-под пера историка в 1997 г. в сборнике «Российские консерваторы» [3].

В 2006 г., на следующий год после 100-летия со дня трагической гибели великого князя и накануне 150-летия со дня его рождения, вышло целых две научно-популярных книги о московском генерал-губернаторе: «Трагическая судьба Великого князя» Б.Д. Гришина [4] и «Первый мученик царственного Дома: Великий князь Сергей Александрович Романов» В.И. Мельника [5]. Несмотря на то что первая из упомянутых книг была основана не только на литературе, но и на архивных материалах, а вторая снабжена системой сносок, ни та ни другая на звание научного труда не претендовали. Таким образом, работа Д.М. Софьина – это первая «полноценная» монография о великом князе. Во всех вышеперечисленных работах дана более чем положительная оценка великого князя как личности и как государственного деятеля. «Удерживая руку разрушительной веры и государства, – пишет В.И. Мельник, – князь

Сергий на посту генерал-губернатора Москвы неустанно созидал» [5. С. 88]. Не стала исключением и книга Д.М. Софьина.

Понятно, что высокая оценка деятельности великого князя во многом связана с консервативными убеждениями самих его биографов. В то же время многие акции Сергея Александровича, направленные на сохранение и преумножение русского исторического наследия, вряд ли можно оценить негативно, какой бы идеологической платформы не придерживался историк. Например, спасение великим князем на собственные средства ценных исторических источников, хранящихся в ужасных условиях в стенах Китай-Города (С. 86).

Особо хочется отметить добросовестный научно-справочный аппарат. Он наглядно демонстрирует, что несмотря на сравнительно большое число книг и статей, затрагивающих различные аспекты деятельности великого князя, основой монографии выступают опубликованные и неопубликованные источники личного происхождения. При этом в книге нет ни одной «слепой» ссылки. Помимо архивного шифра Д.М. Софьин всегда указывает вид источника (письмо, дневник, воспоминания), автора и время создания. Таким образом, читатель сразу же может убедиться, насколько велика степень достоверности тех или иных сведений. Подобный подход позволяет автору с большой убедительностью развенчать многие популярные мифы о великом князе, которые, по мнению историка, представляют собой целостную негативную «мифологему».

В заключении автор утверждает, что за его героем в «массовом сознании» прочно закрепились такие неприглядные прозвища, как «Князь Ходынский», «анти-семит», «гомосексуалист», «неприятный человек, нелюбимый даже родственниками» и т.д. (С. 164). Однако проблема, на наш взгляд, как раз в том, что в отличие от негативных образов таких персон, как Николай II или Григорий Распутин, герой исследования Д.М. Софьина вряд ли известен широким «массам». Его отталкивающий портрет существует именно в сознании ученых-историков, нередко специалистов по изучаемому периоду. Попытки развеять эти убеждения делаются как минимум с начала 1990-х гг. В новом тысячелетии научные статьи о Сергее Александровиче были подкреплены немалым числом опубликованных исторических источников. Проходят ежегодные «Ели-

саветинско-Сергиевские чтения», посвященные великому князю и его супруге Елизавете Федоровне. Тем не менее взгляды научного сообщества на фигуру великого князя не сильно переменялись.

Монография Д.М. Софьиной интересна и раскрытием механизма формирования «десакрализаторского мифа» о великом князе. Автор подробно рассматривает развитие «мифологемы»: от невинных слухов до безапелляционных утверждений, от великосветских салонов до советской публицистики 20-х гг. прошлого века. Особенно мастерски «препарирован» разделяемый многими историками миф о гомосексуализме великого князя. Оказывается, его «неопровержимыми доказательствами» служили лишь бездетность семьи Сергея Александровича, отсутствие любовных связей вне брака, а также домыслы недоброжелателей московского генерал-губернатора (С. 73–76). Впрочем, автор на этом не останавливается и приводит доказательства традиционной ориентации Сергея Александровича. Так в Государственном архиве Республики Крым Д.М. Софьин отыскал воспоминания ялтинского городского головы В.А. Рыбицкого о романе великого князя и «очень красивой молодой дамы» во время посещения Сергеем Александровичем Ялты осенью 1873 г. (С. 29). Аналогичным образом демонтируются Д.М. Софьиным мифы об антисемитизме или мнимой антипатии к великому князю со стороны членов его семьи.

Наиболее явственная генетическая связь прослеживается у монографии Д.М. Софьиной с трудом А.Н. Боханова 1997 г. И дело, разумеется, не только в строгом академизме обеих работ. Если Б.Д. Гришин и В.И. Мельник позиционируют великого князя как мученика, то для А.Н. Боханова и Д.М. Софьиной он является, прежде всего, «русским консерватором». К сожалению, Д.М. Софьин не уточняет, какой именно смысл он вкладывает в данное понятие. В современной русской историографии прочно закрепилось два концепта «консерватизма» [6. С. 28–31]. Хантингтновский консерватизм, который также называют «ситуационным» или «охранительным», по большому счету, не является политической идеологией, а лишь выступает за сохранение status quo. С этих позиций консерватором можно назвать хоть В.К. Плеве, хоть Л.И. Брежнева. В то же время таким столпом русской консервативной мысли как К.Н. Леонтьев или Л.А. Тихомиров в звании консерваторов будет отказано, потому как предложенные ими реформы были гораздо радикальнее даже либерального плана переустройства России. Второй, мангеймовский, вариант понимает консерватизм как самостоятельную идеологию, противоположную идеалу Просвещения.

Однако по некоторым сюжетам можно сделать вывод о том, что великий князь был все-таки «идейным консерватором». Прежде всего, Д.М. Софьин делает акцент на том, что на формирование его личности сильно повлияла его воспитательница, фрейлина А.Ф. Тютчева, придерживавшаяся славянофильских

убеждений. Благодаря ее влиянию великий князь стал не просто консерватором, а «с сильным московско-славянофильским уклоном» (С. 34–35). Более красноречиво о желании Сергея Александровича не только сохранять, но и идти на значительные преобразования во имя консервативных идей говорит его поддержка «зубатовщины». Хотя он и не был архитектором «полицейского социализма», очевидно, что без личной поддержки великого князя такая смелая мысль, как создание рабочих организаций, не могла быть реализована в Москве и распространиться на другие города империи (С. 140–141). Реформы великого князя принесли свои плоды. «Рабочие и фабричные в Москве представляют элемент менее податливый революционной пропаганде, ибо я старался для них сделать все, что мог в эти 4 года, – подводил итоги своей деятельности в январе 1905 г. бывший московский генерал-губернатор, – устраивал кассы самопомощи, разрешая собрания в народных домах общ[ества] трезвости и целый ряд лекций в разных аудиториях, куда часто и сам ездил» (С. 156). Интересно, что не меньшее внимание рабочему вопросу уделял автор одного из самых радикальных проектов консервативной реформы – Л.Н. Тихомиров. «А ведь рабочие – это мой самый близкий (по духу) класс. Я крестьян мало знаю, и не сумел бы с ними сойтись. А рабочие мне свои люди», – утверждал публицист [7. С. 80].

Монография Д.М. Софьиной разделена на 12 глав, которые в хронологической последовательности (с незначительными отступлениями) излагают события жизни и деятельности великого князя. Безусловно, иной принцип подачи материала вряд ли может быть применим в биографическом исследовании. В то же время это усложняет понимание отдельных проблем: процесс формирования «мифологемы великого князя» или его роль в культурной жизни России оказались «разбросанными» по разным местам монографии. Первая глава «В кругу семьи» посвящена, как явствует из заглавия, обстоятельствам рождения великого князя и его отношениям с родственниками. С одной стороны, ее значение в том, чтобы показать влияние на его личность родственников. С другой – уже эта глава на широком источниковой базе опровергает утверждение о плохих отношениях Сергея Александровича с членами царской семьи. Со многими великий князь сохранил теплые отношения до последнего дня.

Вторая глава, несколько накладываясь на предыдущую хронологически, рассматривает начало жизненного пути великого князя с другой позиции: какое влияние на формирование его личности оказали образование и воспитание. Вообще, благодаря обилию сохранившихся писем, дневников и воспоминаний, в случае с великим князем исследователь явно не сталкивается с проблемой недостаточной источниковой базы о детстве исторической личности, от которой страдают многие биографические исследования [8].

Третья глава освещает события Русско-турецкой войны и последовавшие за ней трагические эпизоды,

связанным со смертью матери Сергея Александровича императрицы Марии Александровны и гибелью его отца от рук террористов. Прибытие Сергея Александровича на фронт оказалось не просто «типичным» событием, благодаря широкому участию в войне членов Императорского дома она даже получила название «война великих князей» (С. 48). Это период наложил сильный отпечаток на личность Сергея Александровича, сделав его гораздо более замкнутым и серьезным человеком (С. 52).

Смерть родителей значительно усилила религиозность великого князя, в результате чего он возглавил учрежденное в 1882 г. Императорское православное палестинское общество (С. 61–62), игравшее и продолжающее играть значительную роль в научной и политической жизни нашей страны. Об огромном вкладе Сергея Александровича в укрепление позиций России на Святой Земле рассказывает четвертая глава.

Пятая глава посвящена полковой и семейной жизни. Д.М. Софьин убедительно доказывает, что вопреки утверждениям С.Ю. Витте и других представителей высшего света общество супруги нравилось Сергею Александровичу все-таки больше, чем молодых офицеров. «Здесь так хорошо, что трудно и описать, – писал он о своей жизни в Ильинском Константину Константиновичу, – а главное быть с дорогой женой далеко от всех отвратительных дряг придворной жизни» (С. 72).

Шесть последующих глав преимущественно повествуют о деятельности великого князя на посту московского генерал-губернатора, из которых первостепенный интерес представляют три. В главе «Еврейский вопрос» развенчивается утверждение об антисемитизме великого князя. По мнению Д.М. Софьина, высылка евреев 1891–1892 гг. планировалась задолго до прибытия великого князя в Первопрестольную и помимо него отражала скорее настроения определенных слоев московского общества. Самого Сергея Александровича «еврейский вопрос» занимал мало, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что он совсем не упоминает его в своей переписке с Константином Константиновичем. Антисемитизм московского генерал-губернатора опровергается также его хорошими отношениями с лидером московской иудейской общины Л.С. Поляковым, помощью художнику И.И. Левитану, а также благотворительной деятельностью великого князя, направленной на помощь не только русским, но и иудеям (С. 100–101).

Глава «Последняя коронация» рассказывает не столько о событиях на Ходынском поле и выявлении виновных, сколько о том, как удачно использовали эту трагедию оппозиционеры и личные недоброжелатели Сергея Александровича во главе с великим князем Александром Михайловичем. Что касается самого печального эпизода, то Д.М. Софьин, приводя различные точки зрения историков и современников на этот счет, уверенно говорит лишь о непричастности к катастрофе великого князя.

Безусловно, кульминацией книги является глава «Великий князь московский». Она примечательна тем, что здесь автор позволяет себе выйти за рамки биографического исследования и перейти к более глобальным обобщениям. Действительно, сам по себе прецедент соединения в руках великого князя гражданского и военного управления на огромной территории Европейской России не имел аналогов в истории нового и новейшего времени. В то же время ведомственная «вотчинность» великих князей была достаточно распространенным явлением. При этом августейшие министры на практике имели гораздо больше полномочий, чем иные подданные на аналогичных постах (С. 126). Данные факты позволяют историку иначе взглянуть не только на положение Сергея Александровича, но и на сам институт Императорского дома, и на его роль в механизме государственного управления дореволюционной России.

По мнению Д.М. Софьина, как и авторов предшествующих книг о великом князе [4. С. 236–237; 5. С. 100–101], Сергей Александрович оставил «великое княжение», потому что был глубоко не согласен с решением Николая II пойти на уступки «общественному мнению» и ввести в России народное представительство (С. 151). Впрочем, в новейшей историографии есть и другие точки зрения на этот счет: «Сергей Александрович обратился к своему племяннику и свояку, императору Николаю, с просьбой освободить его от занимаемой должности максимально почетным образом, – писал исследователь московской полиции В.И. Гурьев. – Подобное оставление поста в тяжелое для империи время во многом напоминало дезертирство, но великого князя больше интересовала собственная безопасность» [9. С. 41]. Данная точка зрения опровергается тем, что Сергей Александрович в 1905 г. продолжал сохранять пост командующего Московским военным округом, «поскольку не мог в столь тяжелое время совсем уйти на покой и бросить венценосного племянника и страну на произвол судьбы» (С. 152). Оригинальную точку зрения высказывает биограф убийцы Сергея Александровича Р.С. Закиров: «Есть основания считать, что отставка великого князя от должности московского генерал-губернатора в ноябре 1904 года была фиктивной: он регулярно продолжал посещать нового московского градоначальника Е.Н. Волкова, а Московское охранное отделение направляло ему донесения о выступлениях рабочих и студентов вплоть до дня его гибели» [10. С. 74–75]. Аргументы, мягко говоря, выглядят не особенно убедительно. Было бы весьма странно, если бы командующий военным округом не посещал градоначальника или не получал сообщений о волнениях, с которыми был призван бороться.

В последней главе Д.М. Софьин достаточно подробно рассматривает деятельность великого князя по подавлению протестного движения в Первопрестольной в январе 1905 г. По мнению историка, Сергею Александровичу это удалось сделать достаточно быстро и без малейшего кровопролития (С. 158). Что каса-

ется реакции общественности на гибель бывшего московского генерал-губернатора 4 февраля 1905 г., то Д.М. Софьин описывает ее как, в целом, сочувственную по отношению к жертве (С. 161).

В монографии имеется ряд ценных приложений. Во-первых, Краткий биографический справочник членов Российского императорского дома, позволяющий разобраться в сложной перипетии родственных связей историкам, не являющимся специалистами по романовской проблематике. Во-вторых, письма великого князя разным лицам, снабженные по-

дробнейшими комментариями. В-третьих, дневник Сергея Александровича за 1905 г. Опубликованные источники способствуют лучшему пониманию личности великого князя, служат весомым подтверждением позиции автора.

Таким образом, данное исследование является существенным шагом вперед к незамутненному пониманию жизни и деятельности великого князя Сергея Александровича, а вместе с ней и сложных процессов, происходящих в Российском государстве в конце XIX – начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессмертный Ю.Л. Метод // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М. : РГГУ, 2000. С. 16–28.
2. Боханов А.Н. Обреченный // Родина. 1994. № 5. С. 42–47.
3. Боханов А.Н. Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М. : Рус. мир, 1997. С. 323–371.
4. Гришин Б.Д. Трагическая судьба Великого князя. М. : Вече, 2006. 294 с.
5. Мельник В.И. Первый мученик царственного Дома: Великий князь Сергей Александрович Романов. Сергиев Посад : Ковчег, 2006. 109 с.
6. Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива : материалы науч. семинара. М. : Науч. эксперт, 2010. Вып. 3. 104 с.
7. Репников А.В. Русские консерваторы конца XIX – начала XX вв. о социальной структуре общества // Трибуна русской мысли. 2008. № 9. С. 76–92.
8. Жуйков Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25. С. 133–136.
9. Гурьев В.И. Московская полиция. 1881–1917 гг. М. : Спутник+, 2013. 203 с.
10. Закиров Р.С. Эссер-террорист И.П. Каляев (1877–1905): основные этапы жизни и деятельности : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 245 с.

Ryazanov Sergey M. Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm, Russia). E-mail: s_ryazanov@mail.ru

REVIEW: D.M. SOFYIN. GRAND DUKE SERGEI ALEXANDROVICH: THE PATH OF THE RUSSIAN CONSERVATIVE. MOSCOW: ELISAVETINSKY-SERGIEVSKOE ENLIGHTENMENT SOCIETY, 2016. 240 P.

REFERENCES

1. Bessmertnyy, Yu.L. (2000) Metod [Method]. In: Bessmertnyy, Yu.L. (ed.) *Chelovek v mire chuvstv: Ocherki po istorii chastnoy zhizni v Yevrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala novogo vremeni* [Man in the world of feelings: Essays on the history of private life in Europe and some countries in Asia before the beginning of modern times]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 16–28.
2. Bokhanov, A.N. (1994) Obrechenny [Doomed]. *Rodina*. 5. pp. 42–47.
3. Bokhanov, A.N. (1997) Velikiy knyaz' Sergey Aleksandrovich [Grand Duke Sergey Aleksandrovich]. In: Bokhanov, A.N. et al. *Rossiyskiye konservatory* [Russian Conservatives]. Moscow: Russkiy mir. pp. 323–371.
4. Grishin, B.D. (2006) *Tragicheskaya sud'ba Velikogo knyazya* [The Tragic Fate of the Grand Duke]. Moscow: Veche.
5. Melnik, V.I. (2006) *Pervyy muchenik tsarstvennogo Doma: Velikiy knyaz' Sergey Aleksandrovich Romanov* [The first martyr of the royal House: Grand Duke Sergey Aleksandrovich Romanov]. Sergiyev Posad: Kovcheg.
6. Neklessa, A.S. et al. (2010) *Konservatizm / traditsionalizm: teoriya, formy realizatsii, perspektiva* [Conservatism / traditionalism: theory, forms of realization, perspective]. Issue 3. Moscow: Nauch. Ekspert.
7. Repnikov, A.V. (2008) *Russkiye konservatory kontsa XIX – nachala XX vv. o sotsial'noy strukture obshchestva* [Russian conservatives of the late 19th – early 20th centuries on the social structure of society]. *Tribuna russkoy mysli*. 9. pp. 76–92.
8. Zhuykov, D.A. (2012) *Osnovnyye metodologicheskiye problemy biograficheskogo issledovaniya v sovremennoy istoriografii* [The main methodological problems of biographical research in modern historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. universiteta*. 25. pp. 133–136.
9. Guryev, V.I. (2013) *Moskovskaya politiya. 1881–1917 gg.* [The Moscow police. 1881–1917]. Moscow: Sputnik+.
10. Zakirov, R.S. (2013) *Esser-terrorist I.P. Kalyayev (1877–1905): osnovnyye etapy zhizni i deyatelnosti* [SR terrorist I.P. Kaliayev (1877–1905): the main stages of life and activity]. History Cand. Diss. Moscow.

УДК 327.7

DOI: 10.17223/19988613/54/30

Е.Ф. Троицкий, С.С. Сетхи

РЕЦЕНЗИЯ: ХАРШ В. ПАНТ, ЙОГЕШ ДЖОШИ. АМЕРИКАНСКИЙ ПОВОРОТ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ: МЕНЯЮЩИЙСЯ БАЛАНС СИЛ В АЗИИ. НЬЮ-ЙОРК : ПАЛГРЕЙВ МАКМИЛЛАН, 2016. 154 с.

Работа индийских политологов-международников (Харш В. Пант является профессором британского Кингз-колледжа, а Йогеш Джоши – делийского Университета им. Джавахарлала Неру) посвящена анализу геостратегических сдвигов, происходящих в Азии в 2000–2010-е гг. Резкое усиление экономической и военной мощи Китая и относительное ослабление возможностей Соединенных Штатов поддерживать сложившийся после конца «холодной войны» международный порядок, благоприятный для Вашингтона и его ближайших союзников, поставило многие государства Азии перед необходимостью адаптации своей внешней политики к новым условиям. Для Индии, крупнейшего азиатского соседа Китая, догоняющего его по численности населения, но существенно уступающего по экономическому и военному потенциалу, сложившаяся ситуация создает новые угрозы, но и открывает новые возможности. Авторы подробно рассматривают существенные изменения, произошедшие во внешнеполитическом курсе Дели за последние годы, дают им оценку и предлагают свои рекомендации индийским политикам.

Исследование написано в традиционном реалистическом ключе: авторы оперируют понятиями «национальный интерес», «конфликт», «баланс сил», «статус-кво», «ревизионистские державы», проводят параллели между современной стратегической ситуацией в Азии и противостоянием европейских держав в конце XIX – начале XX в. Признавая высокую степень экономической взаимозависимости между США и Китаем и Китаем и Японией, индийские исследователи склонны рассматривать взаимозависимость как фактор, который скорее усугубляет стратегическую неопределенность, чем снижает вероятность конфликта. Строгое следование реалистической парадигме задает исследованию концептуальную ясность, аналитическую строгость и прозрачность, позволяет увидеть четкую авторскую позицию.

В первой главе работы авторы анализируют дискуссии, развернувшиеся в западном политико-академическом сообществе вокруг проблемы «упадка США» и «подъема Китая». Особый акцент сделан на объявленном в ноябре 2011 г. администрацией Б. Обамы «повороте к Азии». Нацеленность новой стратегии на сдерживание Китая означает, в частности, укрепле-

ние военно-политических и экономических связей между США и соседями Китая, прежде всего Индией. В следующей главе анализируется ответ Индии на политику Вашингтона: показано, как осторожную, полускептическую реакцию правительства М. Сингха (Индийский национальный конгресс) заменила активная, отличающаяся уверенностью в необходимости для Индии прочного партнерства с США политика правительства Н. Моды (Бхаратия Джаната парти). Затем авторы переходят к подробному анализу развития индийско-китайских отношений в начале XXI в., делая акцент на заложенном во взаимодействии Пекина и Дели конфликтном потенциале и попытках Индии «нормализовать» отношения с соседом-гигантом (попытках, оказавшихся – как полагают авторы, по вине Пекина, – в целом малоудачными). В следующих главах внимание исследователей переключается на развитие индийско-японского стратегического партнерства и сплетенную Индией сеть «неформальных» стратегических партнерств с Вьетнамом, Австралией, Индонезией, Южной Кореей и Сингапуром, призванных хотя бы отчасти уравновесить растущую мощь Китая и крепнущий китайско-пакистанский альянс. В заключении авторы приходят к недвусмысленным выводам: для Индии критически важным является развитие стратегического партнерства с США, ее уязвимость по отношению к Китаю является «хронической», не исцелимой «экономической взаимозависимостью, цивилизационным единством и взаимными уступками» (с. 127), а развитие «балансирующих» Китай альянсов со странами Юго-Восточной Азии и Австралией должно быть продолжено и «институционализировано».

Исследование Х. Панта и Й. Джоши представляет несомненный интерес, особенно в части, касающейся анализа индийской внешней политики, индийско-китайских и индийско-японских отношений. Со многими выводами авторов можно согласиться, но с некоторыми хочется по дискутировать. Безусловно, отношения с США важны для Индии и способствуют укреплению ее международных и региональных позиций, однако авторы склонны не замечать, что возрастающая непредсказуемость и конфронтационность глобальной политики Вашингтона делает выстраивание альянсов с США более рискованным и затратным занятием, чем

это было, например, в 1990-е гг. Авторы сами пишут о ставшей для американских партнеров в Азии крайне неприятной неожиданностью попытке администрации Обамы создать «Большую Двойку», своего рода глобальный американо-китайский «кондоминиум». Вариант раздела сфер влияния в Азии между США и Китаем нельзя сбрасывать со счетов – и каким тогда окажется положение Индии?

Авторы пишут об «Азии» в широком смысле слова, но совершенно игнорируют российский фактор и индийско-российские, равно как и российско-китайские, отношения. Россия упоминается в тексте работы всего шесть раз, почти столько же, сколько распавшийся за четверть века до написания работы Советский Союз. Это, на наш взгляд, несомненное упущение, и остается только гадать, почему отношения с Россией сочтены столь несущественными для Индии. Авторы ни словом не упоминают о Шанхайской организации сотрудниче-

ства, куда вступила Индия, и о формате БРИКС; конечно, российским и китайским исследователям иногда свойственно преувеличивать роль этих структур в международных отношениях, но Пант и Джоши явно впадают в другую крайность. Не рассматривают авторы и индо-китайское взаимодействие в поясе приграничных стран (Непале, Бутане, Бангладеш, Мьянме), фактически игнорируя политику Индии в ее ближайшем окружении и не делая никаких связанных с этим рекомендаций и прогнозов.

Впрочем, сами авторские упущения вполне показательны. Проведенный ими анализ заслуживает внимания специалистов по американской внешней политике, индологов и китаеведов, а более глубокое и тщательное прочтение заставляет задуматься и о достоинствах и недостатках реалистического подхода к описанию и объяснению международных отношений на глобальном, межрегиональном и региональном уровнях.

Troizkiy Evgeniy F. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: eft@rambler.ru

Sethi Supreet S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: sunsethiz@gmail.com

REVIEW: HARSH V PANT, YOGESH JOSHI. THE US PIVOT AND INDIAN FOREIGN POLICY: ASIA'S EVOLVING BALANCE OF POWER. HOUNDMILLS, BASINGSTOKE, HAMPSHIRE, N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2016. 154 p.

УДК 908

DOI: 10.17223/19988613/54/31

В.В. Шевцов

РЕЦЕНЗИЯ: АГАПОВ В.Л., ПРУДКОГЛЯД Т.В. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЖУРНАЛИСТЫ: НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ ГАЗЕТНЫХ ВОЙН НАЧАЛА XX ВЕКА [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] / ВЛАДИВОСТОК : ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2017. ISBN 978-5-7444-3842-5

Подготовленная известным историком дальневосточной печати и книжного дела Татьяной Владимировной Прудкогляд в соавторстве со своим коллегой и учеником Вадимом Львовичем Агаповым монография «Дальневосточные журналисты: невыдуманные истории газетных войн начала XX века» посвящена газетам «второго» и даже «третьего» плана, однако образующим информационное пространство региона, также как хорошо известные и исследованные «канонические» издания – «Восточное Поморье», «Владивосток», «Приамурские ведомости». Это газета «Текущий день», выходившая во Владивостоке в 1910–1915 гг. (в 1915–1916 – «Вечерняя газета»), и газета «Уссурийская окраина», выходившая в г. Никольск-Уссурийске в 1908–1913 гг. (в 1914–1917 гг. – «Уссурийский край»). Их редакторы-издатели Ф.В. Мисюрин и К.И. Лепин – малоизвестные в истории дальневосточной печати газетные работники «малой» провинциальной прессы, далекой от идейности, просветительства и партийности, ориентированной на массового читателя из городских низов.

В небольшом по объему Введении кратко охарактеризованы основные этапы развития историографии дальневосточной печати, представлены цели работы и ее источники – архивные дела Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и, собственно, полные комплекты изучаемых газет.

Первая глава посвящена основным чертам развития системы дальневосточной периодики в конце 1907 – феврале 1917 г. (в контексте историко-культурных изменений, происходивших в Российской империи), ее типологическим характеристикам и политической принадлежности. Отмечая упрощенность и ограниченность разделения периодических изданий как исходящих от трех общественно-политических «лагерей» – проправительственного, либерально-буржуазного и революционно-демократического, авторы предлагают классификацию основных политических сил России и, соответственно, их изданий на противостоящие между собой охранительные и реформистки-разрушительные. Хотя отметим, что выбранные авторами для исследования издания, по их же собственным выводам, относились к образчикам «желтой», «бульварной» прессы, не имевшим как собственно-общественно-политического лица, так и не бывшим «подголосками» столичных партийных изданий.

Выдвигаемое в начале положение о том, что политические условия (военно-полицейский режим самодержавия, цензура) тормозили процесс развития журналистики в начале XX в., делая ее более отсталой в сравнении с журналистикой европейских стран и США, применимо не только к началу XX в., но и ко всей истории развития частной журналистики в России от Екатерины II и до современности. Исторический путь нашей страны устойчиво воспроизводит некоторые особенности отношений власть – пресса, что, однако, не мешает ее развитию в рамках личных отношений между издателем и властями, меняющейся в стране внутривластной обстановкой, использованием правительством газетного слова против газетного же. В условиях роста общественно-политической активности населения России и ее интеллигенции, прежние методы цензурного и административного контроля со стороны государства в начале XX в. уже не приносили тех результатов, на которые власть могла рассчитывать еще в конце века XIX.

В монографии убедительно показано, что пресловутый «самодержавный гнет» особого сдерживающего влияния на развитие провинциальной печати не оказывал и не мешал как количественному, так и качественному содержательному и типологическому росту дальневосточной прессы, которая не только не отставала от среднероссийского уровня провинциальной печати, но и быстро стала обгонять многие изначально более развитые регионы.

При характеристике «идейных исканий дальневосточной печати в период между двумя революциями (конец 1907 – февраль 1917 г.)» обращает на себя внимание частое использование экспрессивных выражений, более свойственных художественно-публицистическому, чем формализованному научному тексту – «роковой 1917 год», «падение в бездну», «осколки культурных сил народа» и т.д. При этом авторские симпатии явно не на стороне революционной «разрушительной» печати. Например: «Постоянно, изо дня в день в течение десяти лет информируя читателей о всех перипетиях работы Государственной Думы, о недостатках законодательства, административных репрессиях против печати, печать объективно, нередко вопреки собственному желанию, того не осознавая,

способствовала широкому распространению среди населения недоверия к правительству и его реформам, его политике, возбуждала желание каким-то образом изменить существующее положение. Таким образом, печать приближала новую революцию». Стоит ли в этом случае сожалеть о том, на Дальнем Востоке в 1906–1909 гг. прекратили выход около 90 газет и журналов?

Вторая глава посвящена «хулигану печатного слова» Ф.В. Мисюрину и его работе в газетах «Никольск-Уссурийский листок», «Текущий день», «Новости дня» и «Вечерняя газета». Представлены подробная (насколько позволяют имеющиеся источники) биография приморского журналиста, его предпочтения в выборе публикуемого материала, стилистические приемы, непростые и драматические отношения с цензурным ведомством. Основной «конек» деятельности Ф.В. Мисюрина – пикировка с местной администрацией и подконтрольными ей газетами с целью повышения тиражей и популярности собственного издания. Цитаты из газетных публикаций и архивных документов позволяют лучше проникнуться атмосферой эпохи и оценить непосредственное содержание анализируемых текстов. Критика вопиющих злоупотреблений приморского вице-губернатора В.И. Лодыженского (почему-то в названии главы он выведен как и в тексте Ф.В. Мисюрина иносказательно – как Макс Линдер) представляет собой захватывающий сюжет для сериала – кто кого одолеет в финале – безрассудный в своем критическом запале журналист или зарвавшийся чиновник, пользующийся собственными связями в столице? Как это часто было (и бывает до сих пор) – верховная власть «своих не сдавала» – В.И. Лодыженский с восточной окраины был переброшен на западную на должность вице-губернатора Эстляндской губернии, и отнюдь не по причине «дерзких» и «клеветнических» нападок «Текущего дня» (имеющих целью возбудить население против администрации), а в результате Высочайшего решения и подковерной борьбы между петербургскими сановниками по поводу собственной креатуры.

Третья глава своим названием ««Уссурийская окраина» и ее враги» оправдывает ожидание читателя на аналогичные второй главе сюжеты, с тем лишь дополнением, что редактор-издатель К.И. Лепин больше внимания уделял критике социальному и экономическому строю Российской империи, что придавало его изданию либеральный оттенок. Архивный материал позволил подробно охарактеризовать не только «газетные войны», в которых принимал участие К.И. Лепин, но и состав его «команды» – типографских и редакторских рабочих и служащих.

В Заключении с наводящим на содержащиеся в нем выводы подзаголовком «У истоков желтой прессы», авторы, вслед за полицейским докладом 1913 г., определяют место «Текущего дня» Ф.В. Мисюрина и «Уссурийской окраины» К.И. Лепина среди группы тех изданий, во главе которых находились лица «с неопределенным социальным положением и весьма темными взглядами... безграмотные недоучки, потому попавшие в газеты, что ни к какой другой деятельности не способны...». В арсенале их деятельности полицейский чиновник бесстрастно называл: «1) крайнюю невежественность, 2) полную беспринципность, доходящую до хулиганских выпадов против отдельных лиц, и 3) откровенный шантаж». Выведенные во всей своей неприглядности, разнузданности и неразборчивости в темах и средствах заполучить умы и кошельки читателей, два приморских редактора являют собой живой и нелакированный образчик провинциального работника пера, однако, всеми силами души любившими свое дело.

Итак, еще одна страница истории газетной периодики печати Азиатской России заполнена! Желаем нашим дальневосточным коллегам радовать профессиональную и непрофессиональную читательскую аудиторию новыми работами. Надеемся также, что такой крупнейший и ведущий образовательный и научный центр на Дальнем Востоке России, как Дальневосточный федеральный университет, окажет авторам содействие в издании этой монографии в печатном виде.

Shevtsov Viacheslav V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: totleben@yandex.ru

REVIEW: AGAPOV V.L., PRUDKOGLYAD T.V. JOURNALISTS OF THE RUSSIAN FAR EAST: NONFICTIONAL STORIES OF NEWSPAPER WARS OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY [ELECTRONIC RESOURCE] / VLADIVOSTOK: FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY, 2017. ISBN 978-5-7444-3842-5.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/54/32

В.И. Баяндин, А.В. Запорожченко

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

17–18 мая с.г. в Новосибирске прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: человек, общество, война XIX–XX вв.», посвященная 100-летию окончания Первой мировой войны и 100-летию начала Гражданской войны в России. Эта была уже третья подобная конференция, организаторами которой являлись: Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный педагогический университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет и Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. Первая конференция по военной истории России прошла в июне 2014 г., вторая – в мае 2016 г.

По традиции пленарное заседание конференции по военной истории открыло выступление академика РАО, доктора педагогических наук, профессора, ректора Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования Василия Яковлевича Синенко по теме: «*Военная история России как средство формирования гражданской и региональной идентичности*». В докладе было подчеркнута значение изучения военной истории Отечества и роль учителей и педагогов в формировании высочайшей гражданской позиции учащихся.

Также на пленарном заседании были заслушаны доклады известных сибирских ученых, затронувших в своих выступлениях разные аспекты военной истории России XIX–XX вв. Так, доктор исторических наук, профессор М.В. Шиловский, заведующий сектором Института истории СО РАН, представил доклад «*Факторы интервенции в Гражданской войне 1918–1920 гг. (к 100-летию со срока начала)*». Докладчик подчеркнул значимость изучения иностранной военной интервенции, сыгравшей значимую роль в масштабах Гражданской войны, и остановился на дискуссионных вопросах этого явления в свете событий современной геополитики. Забегая вперед, следует отметить, что проблема иностранной военной интервенции в России рассматривалась и на секционных заседаниях конференции.

Главный научный сотрудник того же института, доктор исторических наук, профессор Н. П. Матханова, представила интересный доклад «*Воспоминания генерал-майора А.В. Глинского о сибирской службе (к характеристике источника)*», в котором она познакоми-

ла слушателей с результатами новых архивных изысканий. Внимание исследователя привлекли такие аспекты, как взаимоотношения между военными и чиновниками гражданского ведомства, характеристика деятельности командного состава военного округа, особенности сибирской военной службы.

Тема доклада доктора исторических наук, профессора Новосибирского высшего военного командного училища В.Г. Кокоулина «*Первая мировая война на страницах учебников постсоветской России*» вызвала немалый интерес у участников конференции, среди которых были: школьники, студенты, магистранты, курсанты. Докладчик дал сравнительный анализ учебной литературы советского периода и учебной литературы, пришедшей ей на смену в 90-х гг. прошлого века. Автор охарактеризовал достоинства и недостатки учебников советского и постсоветского периодов.

Завершал пленарную часть доклад доктора психологических наук, профессора, директора Института детства НГПУ Р.О. Агавеляна «*Психологические средства и инклюзивные индикаторы гибридных войн*». В наши дни, когда о гибридных войнах постоянно говорят и государственные деятели, и политики, и военные, а также пишут журналисты, названная тема оказалась чрезвычайно актуальной. Доклад позволил молодым исследователям понять характерные особенности гибридных военных конфликтов и их отличия от обычных «традиционных» военных столкновений.

Работа секций проходила по следующему регламенту: три секции провели свои заседания в тот же день после обеда, а четвертая секция («Военная история глазами молодых исследователей») работала 18 мая в Новосибирском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования. Подобный график работы секции был впервые применен на конференции, проходившей весной 2016 г., и оргкомитет признал его удачным. Во-первых, это позволяет молодым исследователям побывать на секциях и послушать доклады и выступления специалистов, а во-вторых, позволяет собрать в рамках единой секции заинтересованных молодых исследователей и дать им возможность заслушать и обсудить выступления своих сверстников из разных образовательных учреждений. Следует отметить, что магистранты и аспиранты свои докла-

ды представили на секциях в первый день работы конференции.

Работой первой секции «Новые подходы и новые источники в изучении военной истории» руководил доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, гуманитарного и социального образования О.Н. Катионов. Свои доклады представили профессора: Л.А. Кожевникова (ГПНТБ СО РАН), О.Н. Катионов (НГПУ), Л.К. Островский (НГАСУ), К.Б. Умбрашко (НИПКиПРО), кандидаты исторических наук: М.В. Балахнина (СГУПС), Э.А. Воробьева (НГТУ), адъюнкт А.В. Черноиванов (НВИВНГ РФ), магистрант О.Н. Попова (НГПУ). Тематика докладов была весьма обширна: полиция, периодическая печать, военнопленные в годы Первой мировой войны, структура и состав управлений уездных воинских начальников Азиатской России, история войск специального назначения национальной гвардии России.

Секцией «Историографические сюжеты российской военной истории» руководил профессор М.В. Шиловский, было заслушано 8 докладов. О роли интервенции в Гражданской войне говорилось в выступлениях кандидатов исторических наук, доцентов В.И. Баяндина (НГПУ) и Е.А. Полиновской (НГПУ), доцент К.В. Ломакин (СибГУТИ) представил анализ современной немецкой историографии в обосновании фашистской агрессии против СССР. Совместный доклад о воинской культуре древних индоевропейцев представили кандидаты исторических наук, доценты НГПУ А.В. Запорожченко и К.В. Луговой.

Руководство третьей секции «Мировые войны и военные конфликты в судьбах народов России» осуществлял доктор исторических наук, профессор А.В. Добровольский (СГУПС). Доктор исторических наук, профессор А.С. Акопянц (СГУПС) представила доклад о значении Берлинского трактата 1878 г., кандидат исторических наук С.К. Канн (ГПНТБ СО РАН) о геополитическом аспекте Транссибирской магистрали, к.и.н. И.В. Олейников (НГПУ) дал обзор военных инцидентов в Китае в 30-е гг. XX в. В докладе профессора А.В. Добровольского был проанализирован вклад Новосибирского института военных инженеров транспорта в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, были заслушаны выступления аспирантов, адъюнктов разных сибирских вузов.

Как обычно, молодежная секция «Военная история глазами молодых исследователей», оказалась самой многочисленной: свои заявки для участия в работе конференции прислали 29 человек, с докладами выступили 22 участника. В секции приняли участия бакалавры, студенты нескольких вузов Новосибирска, педагогического и авиационного колледжей, курсанты военных образовательных учреждений, учащиеся старших классов образовательных школ города Новосибирска.

В отличие от двух предшествующих конференций 2014 и 2016 гг., практически не было представителей образовательных учреждений Новосибирской области. Но следует отметить, что сложилось ядро вузов, представители которых регулярно принимают участие в работе конференции по военной истории. В первую очередь это относится к студентам Новосибирского государственного педагогического университета, курсантам Новосибирского военного института им. генерала армии И.К. Яковлева войск Национальной гвардии, курсантам Новосибирского высшего военного командного училища. Предварительный отбор заявок, который проводит оргкомитет, несомненно, дает результаты, однако уровень выступлений участников молодежной секции заметно отличается, при этом далеко не всегда в пользу обучающихся в высших учебных заведениях. Нередко отдельные доклады, подготовленные учащимися школ, лицеев, колледжей, демонстрируют весьма высокий уровень подготовки как выступлений, так и самих выступающих и нынешняя конференция не была в этом смысле исключением. Весьма интересным и содержательным был доклад ученицы школы № 115 г. Новосибирска Ширин Рахматовой «Роль женского батальона смерти в Первой мировой войне» (научный руководитель – учитель истории А.В. Буньков), доклад студентки педагогического колледжа № 1 Яны Гикст «Депортация немцев Поволжья в Сибирь во время Великой Отечественной войны в истории моей семьи» (научный руководитель – к.и.н. Н.Г. Федина), студента авиационного технического колледжа Ильи Соснина «Первая мировая война: становление боевой авиации» (научный руководитель – преподаватель истории О. В. Фомичева). Среди студенческих выступлений можно отметить доклады: А.В. Азаровой, А.М. Амбарцумяна, В.Е. Крохты, Т.В. Лукиной, Г.С. Хорохордина, Е.Ю. Абрамовских, Е.Р. Комаровой (все НГПУ), Ю.А. Филина (СГУПС).

Среди работ курсантов военных училищ следует выделить доклады, подготовленные В. О. Несмеяновым (НВИВНГ РФ), В.Е. Кортаевым (НВИВНГ РФ), М.В. Карелиным (НВВКУ). Все выступления сопровождались презентацией, которая существенно дополняла текст. Также хочется отметить высокую активность участников, в результате которой обсуждение многих докладов перерастало в настоящую научную дискуссию.

Подводя итоги работы конференции, участники подчеркивали необходимость сохранить как тематику конференции, так и периодичность ее проведения. Среди высказанных мнений прозвучало предложение в будущем заранее определять сквозные темы и рассматривать их как в более длительной исторической перспективе, так и сопоставлении с событиями, происходившими в других странах.

Как обычно, по итогам работы конференции, планируется издание сборника выступлений ее участников.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКМАТОВ Кунболот Токтосунович, кандидат исторических наук, инженер лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета. E-mail: kunbolot@mail.ru

БАБУТА Марина Николаевна, доцент кафедры истории и философии науки и техники Томского политехнического университета. E-mail: babuta@tpu.ru

БЕРЕЗОВСКАЯ Наталья Владимировна, аспирантка кафедры археологии и этнографии Томского государственного педагогического университета. E-mail: bnv141624@gmail.com

БАТОЕВ Сергей Дашидондович, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры философии и истории медицины Первого московского медицинского университета имени И.М. Сеченова (Сеченовского университета). E-mail: sbatoev@list.ru

БАЯНДИН Владимир Ильич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: ilan-sib@rambler.ru

БЕЛГОРОДСКАЯ Людмила Вениаминовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Сибирского федерального университета (Красноярск). E-mail: blv.kr@yandex.ru

БОБРОВА Лариса Юрьевна, руководитель отдела археологии музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. E-mail: chaika.laraa@mail.ru

БОДРОВА Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Института управления и стратегического развития организаций Московского технологического университета. E-mail: evbodrova@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, первый проректор Российской академии предпринимательства (Москва). E-mail: dvvasiliev@mail.ru

ВОЛКОВ Владимир Геннадиевич, историк. E-mail: vladimirgenvolkov@yandex.ru

ГАЛИУЛЛИНА Светлана Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и политологии Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: galiullina.s@ugues.ru

ГЕРАСИМОВА Дарья Игоревна, кандидат исторических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры истории и политологии Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа). E-mail: gerasimova_89@mail.ru

ГЕРМАН Павел Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН» (ФИЦ УУХ СО РАН) (Кемерово). E-mail: lithos@mail.ru

ГОЛОВНЕВ Иван Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург). E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: golovneva.elena@gmail.com

ДВОРЦОВА Ольга Викторовна, организатор экскурсий Музея истории Томска. E-mail: dvortsovaolga@gmail.com

ДОЛГИХ Сергей Олегович, аспирант кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета. E-mail: d.sergei@hotmail.com

ДУНБИНСКИЙ Илья Александрович, аспирант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: dunbunskiy@mail.ru

ЕПИМАХОВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург), Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет). E-mail: epimakhovav@susu.ru

ЗАПОРОЖЧЕНКО Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и музеелогии Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: nspu@nspu.net

КЕРИМОВ Александр Алиевич, доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, департамент политологии и социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: kerimov68@mail.ru

КОБЯКОВА Татьяна Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: galiullina.s@ugues.ru

КОРОСТЕЛЁВА Ирина Николаевна, магистрант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: bellagitana@yandex.ru

КРУЧИНИНА Наталья Александровна, доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: kruchini-na1832@mail.ru

ЛУКИНСКИЙ Николай Александрович, студент 4-го курса исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: nikolai.lukinsky2015@yandex.ru

ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета E-mail: svlubich@yandex.ru

МИРКИН Владимир Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: vvmvcv@gmail.com

НЕКРЫЛОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: medicinahistory@yandex.ru

ПЕРШИКОВ Анатолий Николаевич, доцент кафедры истории и философии науки и техники Томского политехнического университета. E-mail: pershikov@tpu.ru

РЯЗАНОВ Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Пермского института ФСИН России. E-mail: s_gyazanov@mail.ru.

СЕТХИ Суприт Сингх, магистрант кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: sunsethiz@gmail.com

СИНЕЛЬНИКОВА Елена Федоровна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

СКОБЕЛЕВ Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского национального исследовательского государственного университета, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: sgskobelev@yandex.ru

СОБОЛЕВ Владимир Семенович, доктор исторических наук, заведующий Сектором истории Академии наук и научных учреждений Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. E-mail: vlad_history@mail.ru

СТОЛЕТОВА Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета. E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru

СУНЦОВА Нина Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: galiullina.s@ugues.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ТРУБНИКОВА Наталья Валерьевна, доктор исторических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: troub@mail.ru

ТУЧКОВА Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии Томского государственного педагогического университета. E-mail: nata2017juli@gmail.com

ХАКИМОВ Азизджон Шухратович, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: Akhiles-92@bk.ru

ЧЕЧУШКОВ Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, Университет Питтсбурга, США. chivpost@gmail.com

ЧУРКИНА Наталья Ивановна, доцент, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Омского государственного педагогического университета. E-mail: n_churkina@mail.ru

ШЕВЦОВ Вячеслав Вениаминович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: totleben@yandex.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sherstova58@mail.ru

ШУЛЬГА Даниил Петрович, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы Сибирского института правления филиала РАНХиГС при президенте РФ (Новосибирск). E-mail: alkaddafa@gmail.com.

ШУЛЬГА Пётр Иванович, старший научный сотрудник Отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). E-mail: shulgapi55@yandex.ru

ЮН Сергей Миронович, кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета. E-mail: yun@dir.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2018 № 54

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – В.С. Воробьева

Подписано к печати 22.08.2018 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 25,5. Тираж 50 экз. Заказ № 3326. Цена свободная.

Дата выхода в свет 31.08.2018 г.

Редактор Ю.П. Готфрид
Корректор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь В.С. Воробьева
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Veronica Vorobyeva
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru